

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

В.Е. ВОЗГРИН

**РОССИЯ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ
СТРАНЫ
В ГОДЫ
СЕВЕРНОЙ
ВОЙНЫ**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И С С С Р
Л е н и н г р а д с к о е о т д е л е н и е

В. Е. ВОЗГРИН

РОССИЯ
И ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
В ГОДЫ
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

И С Т О Р И Я
Д И П Л О М А Т И Ч Е С К И Х О Т Н О Ш Е Н И Й
в 1697—1710 гг.

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р
Е. В. АНИСИМОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

В книге исследуется дипломатическая история подготовки и первой половины Северной войны 1700—1721 гг. — крупнейшего события в международной жизни Европы XVIII в. На основе впервые вводимых в научный оборот материалов советских и зарубежных архивов и литературы освещаются проблемы дипломатии, внешней и внутренней политики петровской России и ряда европейских стран, втянутых в орбиту войны, которая подвела итог многолетней истории решения балтийского вопроса.

Книга рассчитана на историков — специалистов по истории России, всеобщей истории, истории дипломатии XVIII в.

Рецензенты:

В. В. РОГИНСКИЙ, Л. С. СЕМЕНОВ, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

Валерий Евгеньевич Возгрин
РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ
(история дипломатических отношений
в 1697—1710 гг.)

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Н. Богданова*. Художник *О. М. Разумевич*
Технический редактор *Е. М. Черножукова*
Корректоры *М. А. Едемская*, *А. Х. Салтанова* и *Е. В. Шестакова*
ИБ № 21585

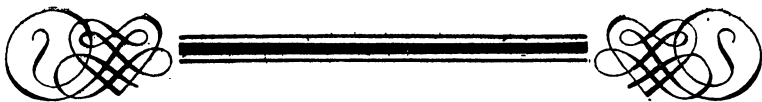
Сдано в набор 15.01.86. Подписано к печати 30.09.86. М-22743. Формат 84×108^{1/2}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15.54. Усл. кр.-от. 15.69. Уч.-изд. л. 17.80. Тираж 6700. Тип. зак. № 58. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение. 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

В $\frac{0504030000-711}{042(02)-86}$ 26-86-IV

© Издательство «Наука», 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

В монографиях, посвященных отдельным аспектам политической истории Северной войны 1700—1721 гг.¹ (в первую очередь участию в ней России), значение этой войны оценивается лишь по отношению к России. То же самое можно сказать соответственно и о национальной историографии стран, в этой войне участвовавших. Между тем изменения, произошедшие в результате Северной войны в международном положении, экономике, внешней и внутренней политике ряда стран, указывают на ее значение как одного из поворотных моментов не только в истории отдельных держав-участниц, но и большей части Европы. Этим объясняется значительное число зарубежных исследований и источников, которые автор счел необходимым привлечь при работе над монографией столь широкого предметного плана. Но все же работа главным образом основана на источниках советских архивохранилищ и трудах русских и советских историков.

Первые исследования истории внешнеполитических связей России в эпоху Петра были созданы еще при его жизни;² они ценны прежде всего как источники и при невысокой научной объективности авторской оценки несут исключительно мощный политический, пропагандистский заряд. До сих пор сохранили свое значение и труды таких авторов XVIII—начала XIX в., как И. И. Го-

¹ В историографии международных отношений XVIII в. войну 1700—1721 гг. принято называть Великой Северной войной в отличие от Северной войны 1655—1660 гг.

² *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие... законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны про-

ликов и Н. Г. Устрялов,³ содержащие тексты множества внешнеполитических документов, хотя сами книги весьма устарели (особенно первый труд, выдержанный к тому же в крайне панегирическом тоне).

Следующей работой, подробно рассматривающей историю петровской внешней политики, стала многотомная «История России» С. М. Соловьева.⁴ В ней подробно изложена и обоснована оценка дипломатического фона Северной войны. Но если политика Петра I, исследование которой базируется на богатейших отечественных источниках, очерчена в целом точно, то в описании политики зарубежных стран, составленном по нескольким иностранным монографиям, иногда встречаются недочеты фактологического плана. Тем не менее крупной заслугой Соловьева в истории отечественной науки была попытка вскрыть причины исторических явлений в их взаимодействии. Этот выдающийся представитель российской буржуазной исторической науки пытался объяснять все политические события внутренними или внешними причинами. Естественно, историк-марксист не может принять научную концепцию Соловьева, трактовавшего, к примеру, крестьянские войны и казацкие восстания как бунты анархистствующей, праздной толпы, единственной целью которой было разрушение любой государственности. Классовая ограниченность историка сказалась и в сугубо положительной оценке всех без исключения ре-

тив... Карола 12 имел. СПб., 1717. IV+128 с.; *Гюйссен Г.* История Великой России. — ЛО Архива АН СССР, разд. 1, оп. 79, № 13.

³ *Голиков И. И.* 1) Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1837, т. 1. VIII+IX+640 с.; 1837, т. 2. XV+540 с.; 1837, т. 3. 434 с.; 1837, т. 4. 561+XIX с.; 1838, т. 5. XVI+602 с.; 1838, т. 6. XVI+661 с.; 1838, т. 7. XI+538 с.; 1838, т. 8. X+501 с.; 1838, т. 9. VIII+548 с.; 2) Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1790, т. 1. 8+XXVII+443 с.; 1790, т. 2. XXIV+487 с.; 1790, т. 3. 519+XXX с.; 1790, т. 4. 430+XX с.; 1791, т. 5. 519+XXX с.; 1791, т. 6. 347+XX+IV с.; 1791, т. 7. IX+XX+455 с.; 1792, т. 8. 472+XIX с.; 1792, т. 9. 400+XX с.; 1792, т. 10. XX+483 с.; 1794, т. 11. XXIV+509 с.; 1794, т. 12. XX+374 с.; 1794, т. 13. VIII+408 с.; 1794, т. 14. VIII+405 с.; 1795, т. 15. XIX+401 с.; 1795, т. 16. VII+464 с.; 1796, т. 17. XIII+467 с.; 1797, т. 18. XXII+582 с.; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 1. LXXXVIII+399 с.; 1858, т. 2. 582 с.; 1858, т. 3. 652 с.; 1863, т. 4, ч. 1. 611+VIII с.; ч. 2. 672+XXVIII с.; 1859, т. 6. VII+628+XII с.

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7. 726 с.; 1962, кн. 8. 674 с.; 1963, кн. 9. 701 с.

форм и внешнеполитических акций Петра (в том числе и самых реакционных). Некоторые тезисы его не получили окончательной оценки марксистской историографии до настоящего времени. Так, например, рассмотрение им войны в качестве «средства для успешнейшего проведения внутренних преобразований»⁵ спорно; наряду с ним существует мнение, что, напротив, внутренние социальные и экономические реформы проводились царем для повышения эффективности военных действий, т. е. ради успешности внешней политики страны.

Последнюю точку зрения разделял другой русский историк, В. О. Ключевский, полагавший, что «война указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы. Преобразовательные меры следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной».⁶ В. О. Ключевский подошел гораздо ближе С. М. Соловьева к пониманию классового характера главных событий петровской эпохи, указал, что царь, даже заботясь о будущем своей страны, своего народа, «до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости».⁷ Гораздо более критично оценивает историк и внешнеполитическую деятельность Петра, отмечая многие его промахи, особенно в первую половину Северной войны. Впрочем, невозможность работы с дипломатическими источниками зарубежного происхождения стала причиной нередко весьма поверхностных суждений Ключевского о движущих мотивах внешней политики ряда стран, с которыми входила в непосредственный контакт Россия Петра I.

Первая из значительных дореволюционных монографий, целиком посвященная внешней политике эпохи — работа М. П. Полиевктова,⁸ компилятивна, хотя и дает широкую, в целом точную картину международных отношений (для нас особенно интересной оказалась вводная часть труда, охватывающая 1709—1721 гг.). Верно

⁵ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. — В кн.: Избр. труды. Записки. М., 1983, с. 111.

⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.; Пг., 1923, ч. 4, с. 77.

⁷ Там же, с. 59.

⁸ Полиевктов М. П. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира. СПб., 1907. XI+301+48+16 с.

указаны и основные линии российской политики, весьма ценны замечания о англо-ганноверской международной активности в 1709—1710 гг.

Одной из первых работ о внутренней и внешней политике Петра I, вышедших в советский период, стала книга М. М. Богословского,⁹ где, несмотря на ее научно-популярный характер, акценты в сложных взаимоотношениях России и Запада после Полтавы расставлены вполне верно. Но значительно большую ценность представляет собой неоконченная биография Петра I,¹⁰ где собран богатейший материал и по внешней политике царя (особенно в 5-м томе), причем сведения, почерпнутые не только из отечественных архивов, но и из обширной зарубежной литературы вопроса, отличаются высокой точностью.

В отличие от упомянутого труда книги Б. Б. Кафенгауза, написанные на материале более ранних отечественных работ,¹¹ не свободны от значительных ошибок; так, в последней из них неверно названы участники важных международных договоров, крепости гольштейн-готторпских герцогов именуются шведскими, столь же неточно говорится о стратегических планах Карла XII.¹²

Серия статей Т. К. Крыловой¹³ (позднее вошедших в текст докторской диссертации) отличается вдумчивым использованием богатого архивного материала, что стало предпосылкой к получению новых, чрезвычайно интересных результатов исследования. История отношений Рос-

⁹ *Богословский М. М.* Петр Великий и его реформа. М., 1920. II+117 с.

¹⁰ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940, т. 1. 436 с.; 1941, т. 2. 624 с.; 1946, т. 3. 502 с.; 1948, т. 4. 514 с.; 1948, т. 5. 313 с.

¹¹ *Кафенгауз Б. Б.* 1) Внешняя политика России при Петре I. М., 1942. 88 с.; 2) Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М.; Л., 1944. 80 с.

¹² *Кафенгауз Б. Б.* Северная война и Ништадтский мир, с. 19, 23.

¹³ *Крылова Т. К.* 1) Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. — ИЗ, 1940, № 7, с. 115—148; 2) Русско-турецкие отношения во время Северной войны. — ИЗ, 1941, № 10, с. 250—279; 3) Россия и «Великий союз». — ИЗ, 1942, № 13, с. 84—129; 4) Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 году. — ИЗ, 1946, № 19, с. 17—62; 5) Полтавская победа и русская дипломатия. — В кн.: Петр Великий. М.; Л., 1947, с. 104—166.

сии с Испанией, Францией, Турцией, Австрией, имперскими и другими государствами в начале XVIII в. показана в динамике, в убедительно доказанной взаимосвязи дипломатических акций крупных и малых европейских стран.

Работа Е. В. Тарле о политике России в предполтавский период¹⁴ ценна прежде всего методологически — внешняя и внутренняя политика Петра рассматривается в органичном единстве и взаимообусловленности. Автором критически использована зарубежная литература и отечественные источники, что придает труду исследовательский характер. Книгам Тарле были свойственны высокая патриотичность и эмоциональный подъем, что особенно сильно ощущается в монографии о Петре I, где роль русского народа в борьбе с вражеским нашествием показана ярко и наглядно. Единственное, что иногда снижает убедительность тезисов историка, — это нередкое отсутствие материала, их подтверждающего. Так, например, большинство действий противника объясняется «авантюризмом», «биологической ненавистью» ко всему русскому и другими личными качествами Карла XII (многие из них весьма спорны),¹⁵ а не военными и экономическими нуждами, не менявшимися отношениями между Швецией и великими державами и т. д.

Более строгим научным подходом к многим проблемам двусторонних отношений России и зарубежных стран отличаются монографии и статьи ряда авторов.¹⁶ Повы-

¹⁴ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. 480 с.

¹⁵ «Карл и его окружение... даже ни разу и не попробовали хорошенько поразмыслить над стратегией и тактикой врага» (Тарле Е. В. Северная война..., с. 166).

¹⁶ Корольюк В. Д. 1) Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. — ВИ, 1948, № 4, с. 43—67; 2) Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия. — УЗИС, 1951, т. 3, с. 176—219; 3) Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны. — УЗИС, 1952, т. 6, с. 208—283; 4) Вступление Речи Посполитой в Северную войну. — УЗИС, 1954, т. 10, с. 239—347; Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. 277 с.; Глаголева А. П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 137—147; Штериберг Я. И. Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 71—102; Шугой В. Е. Позиция Турции в годы Северной войны 1700—1709 гг. — Там же, с. 103—162; Ореши-

шение исследовательского уровня указанных и иных работ советских историков второй половины 1950-х—1970-х гг. объясняется прежде всего широким привлечением ими материалов зарубежных архивов, что стало возможным как благодаря расширению интернациональных научных связей (в том числе практике обмена копиями архивных материалов), так и многочисленным публикациям источников в послевоенный период.

Труды советских ученых, опубликованные в последние годы, — это в основном статьи, посвященные отдельным, более или менее узким сюжетам; их отличие от предшествовавшей литературы — углубленный научный поиск, а это, как известно, готовит почву для новых работ, обобщающих разрозненные результаты исследований на высоком научном уровне.¹⁷

Весьма разнообразна и пестра по жанрам зарубежная литература вопроса. Одно из первых мест издавна занимает шведская историография. В XVIII—первой половине XIX в. на нее накладывали заметный отпечаток великодержавные традиции правящих (отчасти и интеллектуальных) кругов страны, мечтавших о реванше на Востоке, в Прибалтике. Вначале эти тенденции были характерны для ученых-рационалистов, в XIX в. их место заняли историки-романтики, идеализировавшие «каролинский период». Однако уже Э. Гейер, утверждавший в начале своего творческого пути, что история шведского народа есть история его королей, в 1830-х гг. приходит к осуждению завоевательской политики Карла XII, становится на позиции либеральной буржуазной историографии. После Гейера не меньшее влияние на развитие исторической науки Швеции стал оказывать консерватор

нова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. 204 с.; Флоровский А. В. От Полтавы до Прута: Из истории русско-австрийских отношений 1709—1711 гг. Прага, 1971. 136 с.; Аргамонов В. А. Русско-польский союз в кампании 1708—1709 гг. — СС, 1972, № 4, с. 42—55.

¹⁷ См., например: Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 9—39. Но единственная пока монография такого рода (Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. 437 с.) выдержана скорее в популярном, чем строго научном жанре; этим, очевидно, объясняется и некоторое несоответствие названия рассмотренным сюжетам: большая часть труда посвящена не узкой теме дипломатии, по военной, экономической, социальной, культурной истории России,

Х. Йерне, пытавшийся возродить реваншистски-империалистические традиции в изучении истории Северной войны.¹⁸

Возглавленная Йерне «Новая школа» историков выдвигала в качестве причин поражения шведов в Северной войне неблагоприятное стечение обстоятельств, роковых случайностей, крайне невыгодную международную обстановку и т. п. Апологетические теории Йерне развивали его ученики, самыми известными из которых были А. Стилле, К. Халлендорф и Н. Херлиц.¹⁹ Питательной средой для «Новой школы» в течение длительного времени служили консервативные идеи, весьма развитые в буржуазных и правящих кругах страны в конце XIX—начале XX в., общее поправение шведской буржуазии в эпоху империализма. Лишь в 1910—1920-х гг., годах выхода на политическую арену социал-демократии, все большую популярность завоевывают труды радикально настроенных историков, более объективно оценивающих события последней большой войны Швеции.²⁰

Крупнейшие ученые, разрабатывавшие тему Северной войны, сгруппировались вокруг «Ежегодника Каролинского общества». Это не значит, что издание содействовало образованию какой-то научной школы (или что последняя избрала его своим рупором), как это имело место, например, с французским журналом «Анналы». Принципы отбора и публикаций материалов «Ежегодника» были несколько иными. В его выпусках печатались работы, посвященные истории дипломатии, стратегии, экономики стран, втянутых в Северную войну, причем научная позиция и национальная принадлежность авторов

¹⁸ *Hjärne H.* Karl XII, omstörtningen i Östeuropa, 1697—1703. Stockholm, 1902. VIII+219 s.

¹⁹ *Hallendorff C.* 1) Bidrag till det stora nordiska krigets förhistoria. Uppsala, 1897. X+175 s.; 2) August den Starke och Karl XII under nordiska krigets första skede. — HTs, 1905, årg. 25, s. 51—76; *Stille A.* 1) Danmarks politik gent emot Sverige, 1707—1709. Lund, 1898. II+85 s. (LUÅ; Bd 34, N 3); 2) Studier öfver Danmarks politik under Karl XII's polska krig (1700—1707). Malmö, 1889. 96 s.; *Herlitz N.* 1) Från Thorn till Altranstädt. Stockholm, 1916, bd 1. XXV+338 s.; 2) Patkul mot Karl XII. — KFA, 1915, s. 178—197.

²⁰ *Bonnesen S.* 1) Studier öfver August II's utrikespolitik, 1712—1715. Lund, 1918. XXIV+306 s.; 2) Peter den Store. Stockholm, 1925. 410 s.; 3) England och Sverige. — KFA, 1937, s. 11—44; *Grauers S.* Arvid Bernhard Horn, 1664—1713. Göteborg, 1920. XXVIII+291 s.

играли крайне малую роль. Поэтому если научная позиция ежегодника за 70 лет его существования и изменилась, то лишь благодаря соответствующим переменам в среде шведских ученых, а не какому-либо влиянию на нее этого ведущего в национальной (и не только национальной) историографии Северной войны издания. Упомянутые сдвиги сильнее всего заметны в большей критичности авторов по отношению к Карлу XII и другим деятелям эпохи, в стремлении найти социальные, экономические и т. д. основы политики, т. е. явном сближении с материалистическим пониманием исторического процесса, полном отказе от культа «великих личностей».²¹

В послевоенные годы в Швеции издан ряд монографий, посвященных политике Швеции по отношению к России и другим европейским странам, а также Турции. Написанные с различных позиций, они весьма полезны историку дипломатии прежде всего собранным в них фактологическим материалом,²² а некоторые и общетеоретическими разработками.²³

Датская историография отличалась в XIX в. от шведской более ранним и широким распространением радикально-позитивистских идей. Ряд ученых, находившихся под влиянием школы датского критика и публициста Г. Брандеса, стал на сторону буржуазно-демократической левой оппозиции консервативному правительству еще в 1860—1870-е гг. Но ведущее в исторической науке место эти ученые смогли занять лишь в 1900-х гг., когда

²¹ *Grauers S.* 1) *De politiska relationerna mellan A. B. Horn och G. H. von Görzt åren 1707—1719.* — KFA, 1963, s. 159—208; 2) *Med Karl XII i Polen och Sachsen åren 1706.* — KFA, 1967, s. 59—84; 3) *Karl XII's personlighet.* — KFA, 1969, s. 7—34; 4) *Den svenska fälthärens underhåll 1704—1707.* — KFA, 1969, s. 109—148; *Isberg A.* *Livland i J. R. Patkuls politiska handlande.* — KFA, 1967, s. 33—58; *Plejel H.* *Ett engelsk ögonvittne om Karl XII.* — KFA, 1972, s. 91—100; *Stenius S.* *Peter den Store och den tyska neutraliteten åren 1709—1710.* — KFA, 1972, s. 101—132.

²² *Villius H.* *Karl XII's ryska fälttåg.* Lund, 1951. XV+262 s.; *Rosen J.* 1) *Den svenska utrikespolitikens historia.* Bd 2, d. 1. 1697—1721. Stockholm, 1952. 207 s.; 2) *Från Sveriges stormaktstid.* Lund, 1965. 184 s.; 3) *Sveriges historia.* Bd 1. Tiden före 1718. Stockholm, 1969. 735 s.; *Tengberg E.* *Från Poltava till Bender.* Lund, 1953. XX+308 s.; *Åberg A.* *I karolinernas spår.* Stockholm, 1959. 115 s.; *Ahlström W.* *Arvid Horn och Karl XII, 1710—1713.* Lund, 1959. 220 s.

²³ *Artéus G.* *Krigsteori och historisk förklaring: Kring Karl XII's ryska fälttåg.* Göteborg, 1970. XVIII+153 s.

к власти пришла партия венстре (буржуазно-демократическая).

На духовной жизни общества первой половины XX в. Дании, страны, более других Скандинавских стран пострадавшей от бесконечных войн на всем протяжении ее истории, отразилось стремление широчайших масс решать международные конфликты мирным путем. Пацифистские настроения своеобразно сказались прежде всего на искусстве, из которого были изгнаны военно-исторические сюжеты; схожий процесс наблюдался и в историографии. Историки уделяют, за небольшим исключением,²⁴ внимание лишь экономике, социальным процессам, истории эмиграции, науки, культуры. Показательно, что крупнейший военно-дипломатический труд по истории Северной войны был создан в стенах датского Генерального штаба военными историками.²⁵

Значителен вклад, сделанный в разработку политической истории Северной войны немецкими историками — двоим из них принадлежат самые известные на Западе монографии о Петре I²⁶ и Карле XII.²⁷ Эти работы по научной фундаментальности, богатству и разнообразию привлеченных источников пока не имеют в литературе вопроса себе равных. Несмотря на то что авторы стоят на позициях буржуазной историографии и их общие выводы отличаются от результатов марксистских исследований (в большей мере это относится к книге О. Хайнца), советские историки широко используют материалы их монографий, особенно ценные в отношении проблем истории дипломатии петровской эпохи.

Весьма значительны в научном отношении монографии В. Медигера о дипломатии России, Мекленбурга, Англии, Ганновера и Нидерландов.²⁸ Автор довольно глу-

²⁴ *Jensen B. Dansk-russiske relationer, 1697—1709.* — HJS. N. R., 1970. bd 8, s. 397—465.

²⁵ *Bidrag til den Store nordiske krigs historie / Utg. af Generalstaben. København, 1899, bd 1. XIV+526 s.; 1903, bd 2. 503 s.; 1906, bd 3. XI+511 s.; 1910, bd 4. XII+400 s.; 1915, bd 5. X+372 s.; 1920, bd 6. VII+335 s.; 1921, bd 7. VIII+335 s.; 1922, bd 8. VIII+349 s.*

²⁶ *Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1. 420 S.; Bd 2. 646 S.*

²⁷ *Haintz O. König Karl XII von Schweden. Berlin, 1958, Bd 1. 307 S.; Bd 2. 314 S.; Bd 3. 370 S.*

²⁸ *Mediger W. 1) Moskaus Weg nach Europa. Braunschweig, 1952. XV+774 S.; 2) Mecklenburg, Russland und England—Hannover,*

боко рассмотрел экономические и социальные предпосылки скандинавской и германской политики Петра I. Работы выгодно отличаются объективностью выводов о политике России от книги другого западногерманского историка Е. Хассингера,²⁹ подтверждающего якобы «мирные» устремления Пруссии в начале XVIII в. в противовес сугубо «экспансионистским» притязаниям России.

Менее заметен вклад в монографическую разработку истории допотопических международных отношений, сделанный английскими учеными, — три значительных труда,³⁰ из которых второй посвящен в основном проблемам войны за Испанское наследство. Однако многочисленные статьи историков Великобритании позволяют составить достаточно полное впечатление о Северной войне с позиции Соединенного королевства — только у Дж. Ф. Ченса их более 20; изданные журналом «Английское историческое обозрение», они охватывают дипломатическую историю войны на всем ее протяжении. Не менее ценен в этом смысле и т. 6 «Кембриджской современной истории нового времени»,³¹ созданный интернациональным коллективом авторов из Англии, США, Франции, Нидерландов, Турции, ПНР.

Историки таких стран, как ПНР, ГДР, Турция, Франция, Норвегия, Нидерланды, также исследовали историю Северной войны, но в сравнительно узком тематическом диапазоне; поэтому труды их использованы в данной монографии в качестве дополнительного, уточняющего материала.

Основной же источниковой базой при ее подготовке служили советские и зарубежные архивы. Наиболее ценными для исследования ряда дипломатических акций и более крупных политических событий, участниками которых были Россия и иные страны, оказались фонды Мос-

1706—1721. Hildesheim, 1967, Bd 1. 480 S.; Bd 2. 224 S. (QDGN; Bd. 70).

²⁹ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713. München, 1953. 320 S.

³⁰ *Chance J. F.* Georg I and Northern war: A study of British-Hannoverian policy in the north of Europe in the years 1709—1721. London, 1909. XIII+516 p.; *Churchill W. S.* Marlborough, his life and times. London, 1937, vol. 1—2. 1011 p.; *Hatton R.* Charles XII of Sweden. London, 1968. XVII+656 p.

³¹ The new Cambridge modern history. Vol. 6. The rise of Great Britain and Russia. 1688—1715/25. Cambridge, 1970. XXIV+947 p.

ковского главного архива Министерства иностранных дел (хранящиеся в ЦГАДА): ф. 32 («Сношения России с Австрией»), ф. 47 («Сношения России с Ганновером»), ф. 50 («Сношения России с Нидерландами»), ф. 53 («Сношения России с Данией»), ф. 74 («Сношения России с Пруссией»), ф. 89 («Сношения России с Турцией»), ф. 96 («Сношения России с Швецией»). Дополнительный источниковый материал был обнаружен в ф. 83 («Походная канцелярия А. Д. Меншикова») архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Из зарубежных архивов были привлечены материалы Иностранного отдела Немецкой канцелярии датского Государственного архива (фонды «Rusland» и «Nederlande»). Поскольку в начале XVIII в. Немецкая канцелярия исполняла функции и ведомства иностранных дел, в ее архиве отложились дипломатические документы, причем в весьма полном составе; архив совершенно не пострадал от пожаров и войн (как шведский). Он разделен на две части: общую («Almindelig Del») и особую («Special Del»). В первой хранятся книги копий («Geheime Register»), которые снимались со всех документов, имевших политическое значение. Для данной работы были особенно полезны т. 73—101, охватывающие период Северной войны. Особая часть более значительна по объему; в нее входят только подлинные документы (а также экскерпты из них), что придает ей особую ценность, хотя иногда и затрудняет использование материала (некоторые документы приходится расшифровывать). Раздел А особой части включает в себя подлинники писем Петра I датским королям и отпуски ответов на них, материалы переговоров с русскими представителями, проекты и оригиналы трактатов, верительные грамоты, досье по различным политическим проблемам (связки 9—11, 22—23). Раздел В содержит реляции и депеши датских послов в России Х. Горна (т. 41), П. Гейнса (т. 42—45), Г. Грунда (т. 45, 46), Ю. Юля (т. 46, 47). В разделе С хранятся посольские архивы — оригиналы инструкций и рескриптов Тайного совета, письма датских представителей в других странах, черновики и отпуски реляций и т. д.

Документы фондов шведского Государственного архива (фонды «Moscovitica», «Borussica», «Hollandica», «Turcica» и «Tatarica») представляют ценность прежде

всего благодаря сохранившимся фрагментам собраний писем крупнейших дипломатов Швеции и зарубежных стран к королю, его советникам, в Сенат, а также грамот монархов других держав (в подлинниках и копиях).³²

Из публикаций источников наиболее важными для разработки темы монографии явились «Письма и бумаги императора Петра Великого»,³³ в которых большую ценность для исследователя представляют не только тексты документов, но и обширный комментарий, содержащий помимо справочного материала многочисленные письма русских и зарубежных дипломатов, государственных деятелей, военачальников и т. д. Весьма обширный материал по истории западноевропейских представительств России имеется в «Архиве князя Ф. А. Куракина». ³⁴ Тексты официальных дипломатических актов России опубликованы в «Собрании трактатов» Ф. Р. Мартенса и «Полном собрании законов Российской империи». ³⁵

Наибольшее число зарубежных источников, освещающих тему, опубликовано в Швеции, причем это не только переписка правителей,³⁶ но и весьма богатые информационно материалы, касающиеся военной, экономической,

³² Более подробно о структуре скандинавских архивов и их содержании см.: *Возгрин В. Е.* 1) Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны. — СА, 1973, № 5, с. 102—105; 2) Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI—XVIII вв. в архиве ЛОИИ. — ВИД, 1978, т. 9, с. 348—334; 3) Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII вв. — В кн.: *Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.* Л., 1982, с. 124—157; 4) Сведения о России XVI—XVIII вв. в переписке датских послов. — АЕ, 1981 (1982), с. 148—151.

³³ ПБП. СПб., 1887, т. 1. XXIII+XXXII+888 с.; СПб., 1889, т. 2. XXIII+721+LXII с.; СПб., 1893, т. 3. XXXI+1065+LXIV с.; СПб., 1900, т. 4. XXXIV+519 с.; СПб., 1907, т. 5. XXVI+764+LXXXII с.; СПб., 1912, т. 6. XXVII+634+LXXXII с.; Пр., 1918, т. 7, вып. 1. 640 с.; М.; Л., 1946, т. 7, вып. 2. 933 с.; М.; Л., 1948, т. 8, вып. 1. 406 с.; М., 1951, т. 8, вып. 2, с. 407—1178; М.; Л., 1950, т. 9, вып. 1. 527 с.; М., 1952, т. 9, вып. 2, с. 528—1620; М., 1956, т. 10. 871 с.

³⁴ Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1881, кн. 2. XXVIII+451 с.

³⁵ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами / Сост. Ф. Р. Мартенс. СПб., 1874, т. 1. XXII+XXIII+324 с.; 1880, т. 5. XV+XIX+408 с.; 1892, т. 9. IV+V+CVII+441 с.; ПСЗ. СПб., 1830, т. 4. 881+3 с.

³⁶ *Konung Karl XII's egenhändiga bref / Utg. af E. Carlson.* Stockholm, 1893. XLVI+476 s.

дипломатической истории страны и ее отношений с другими державами.³⁷

Преимущественно политическим проблемам посвящена опубликованная в Англии переписка Дж. Ч. Мальборо и в Нидерландах А. Гейнсиуса³⁸ — источники, до сих пор отечественной наукой почти не использованные (как и изданные в XVIII в. в Германии письма И. Р. Паткуля³⁹).

В настоящем кратком обзоре затронуты лишь самые основные из использованных при подготовке монографии книг, статей, публикаций; сведения о многих из них, здесь не упомянутых, легко извлечь из нескольких библиографических обзорных работ, посвященных литературе о внешней политике России и других государств петровской эпохи.⁴⁰

Основной вывод, который можно сделать в результате проведенного нами (или авторами упомянутых библиографий) обзоров, — в настоящее время в советской и зарубежной литературе по истории международных отношений в течение первой половины Северной войны нет ни одного обобщающего труда, освещающего дипломатические отношения между странами, непосредственно или косвенно участвовавшими в политических событиях, связанных с войной, исследующего историю этих отношений в целом. Имеющиеся статьи или монографии о дву-

³⁷ Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark, 1702—1709. Stockholm, 1913. VII+180 s.; Bref från Samuel Bark till Olof Hermelin, 1702—1708. Stockholm, 1914, bd 1. VII+230 s.; 1915, bd 2. 259+3 s.; Historiska handlingar till trycket befordrade af kungl. samfundet för utgivande af håndskrifter rörande Skandinaviens historia. Stockholm, 1866, d. 5. 466 s.; 1870, d. 7. 314+82 s.; 1874, d. 9. 383 s.

³⁸ The Malborough—Godolphin Correspondence. Oxford, 1975, vol. 1—3. XXXIX+1794 p.; De Briefwisseling van Antonie Heinsius, 1702—1720. s'Gravenhage, 1976, d. 1. XXXIV+666 bl.; 1978, d. 2. VIII+667 bl.; 1980, d. 3. VIII+537 bl.; 1984, d. 6. VIII+796 bl.

³⁹ *Patkul J. R.* Berichte an das Zaarische Cabinet in Moskau von seinem Gesandtschaftsposten bei August II, Könige von Polen. Berlin, 1792, Bd 1. XXXVIII+424 S.; 1795, Bd 2. VIII+389 S.; 1797, Bd 3. 343 S.

⁴⁰ *Фейгина С. А.* Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века. — В кн.: Петр I. М., 1947, т. 1, с. 390—423; *Павлова-Сильванская М. П.* Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 362—382; *Возгрин В. Е.* Скандинавская историография 1970—1980 гг. о петровском периоде. — ИС, 1981, № 3, с. 206—209; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985. 199 с.

сторонних связях (или враждебных отношениях) между некоторыми из держав Центральной, Восточной или Северной Европы такого труда заменить не могут.

В данной монографии политическая история этих стран за период 1700—1710 гг. исследована в плане многосторонних дипломатических контактов; при этом международное положение на значительной части континента анализируется комплексно. На преимущества такого метода указывал В. И. Ленин; касаясь исследования сущности первой мировой войны, он писал: «... надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война».⁴¹ Естественно, подобный подход не менее плодотворен при изучении не только начальной стадии войны, а и остальных ее этапов — исключение из сферы исследования стран, в войне не участвовавших, но оказывавших политическое влияние на воюющие стороны, может привести к крупным ошибкам (что неоднократно и случалось).⁴²

Что же касается анализа предвоенного положения, то целесообразно рассмотрение несколько большего, чем принято, периода — лишь таким образом можно достаточно полно «изучить политику перед войной, политику ведущую и приведшую к войне».⁴³

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 80.

⁴² Критику отдельных неточных выводов см. ниже.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82.

Глава первая

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОПЫ XVII в.

Политическая доктрина Швеции до 60-х гг. XVII в.

До XV—XVI вв. вооруженные столкновения стран, расположенных вблизи Балтики, вызывались самыми различными причинами, велись они за утверждение конфессиональных или династических интересов. Но в течение этих двух веков в результате распада Тевтонского ордена для ряда соседних с ним стран появляется возможность сделать территориальные приобретения настолько крупного масштаба, дававшие такие богатые политические и экономические возможности, что речь могла уже идти о росте их военно-политического потенциала до размеров, позволявших оказывать более или менее перманентное давление на все остальные балтийские страны.

Распад Ордена, казалось, пошел более всего на пользу Польше. Но эта страна с ее односторонней аграрной экономикой, господствующим сословием, состоявшим по большей части из мелкопоместной шляхты, не смогла создать на новоприобретенных берегах морского флота, осталась сугубо сухопутной страной, а безнадежная слабость ее управления не позволяла использовать территориальный выигрыш и в других отношениях. Борьба за старые орденские земли продолжалась через голову Польши, часто на ее территории, между ее союзниками и врагами.

Теперь это была война не столько за приращение земель и подданных, городов и таможенных пунктов, сколько за береговую полосу, устья рек, гавани, проливы,

это была осознанная борьба за господство на Балтике. Море было для государств, находившихся в процессе становления, не установивших еще своих границ, направлений экономики и внешней политики, в высшей степени заманчивым, казалось (и действительно было) важнейшим из условий безопасности и всестороннего и быстрого развития в будущем.

Балтийское море являлось со времен викингов важнейшим морским путем для всей Северной и Восточной Европы. Значение его как торгового пути, сырьевого рынка и рынка сбыта готовых изделий начало расти в XVI в., когда центр тяжести мировой торговли переместился от портов Средиземноморья на Север, когда заметно увеличилось значение балтийской сырьевой базы для всей Западной Европы. Швеция продавала лес, железо, медь; Московское государство было главным на мировом рынке поставщиком пеньки, льна, леса, воска, сала, дегтя; хлеб шел из Германии и Польши.

Потребность в этих товарах становилась на Западе огромной. В XVI—XVII вв. западноевропейские страны бурно развивались. Развивалась экономика, коммерция, мореходство, военное дело. В войнах возросло значение военно-морского флота — это показала уже англо-голландская война 1652—1654 гг. Великие морские державы Англия и Нидерланды (позже и Франция) создают флоты невиданной мощи; в стремлении достичь превосходства друг над другом на море они далеко обгоняют страны балтийского региона. Но, поскольку строительство флота невозможно без постоянных и неограниченных поставок материалов, морские державы борются за привилегии на сырьевом рынке, балтийские же страны втягиваются, часто помимо своей воли, в военно-стратегическую конкуренцию.

Балтийские страны были и крупнейшим рынком сбыта для молодой, остро нуждающейся в капиталах индустрии Запада. Продукция английских и фламандских текстильных фабрик, южногерманские, французские и испанские вина, сельскохозяйственные орудия британского производства, тысячи видов колониальных товаров из Нового Света и с Востока — все поглощалось северными странами, и емкость этого рынка росла.

Стремление к мирной торговле на Балтике между Западом и Востоком было обоюдным. Однако уже в XVI в. одна из сильнейших балтийских стран — Швеция, не

удовлетворенная своими монопольно высокими прибылями на рынке меди и железа, начинает расширять эту монополию на ряд других важнейших видов сырья, захватывая порты их вывоза и районы производства в прибрежных и внутренних областях. Стремление западных и восточных стран торговать кратчайшим путем и без посредников приходит в противоречие с интересами Швеции еще и потому, что она, располагая морским флотом, давними морскими традициями и опытом, чего не было у ряда соседних стран,¹ имела значительный доход от посреднической торговли, а также таможенных пошлин на торговых путях. Именно поэтому Густав-Адольф окончательно отрезал в 1617 г. Московское государство от Балтики и положил начало обширной программе полной изоляции восточно- и южнобалтийских государств от главных морских путей (включая и Белое море).

Целиком ее выполнить не удалось ни ему, ни его преемникам, хотя сама идея сохранила жизнеспособность еще в течение века. Шведская экспансия лишь вначале была направлена на восток, потом она развернулась на южном и западном направлениях — против имперских княжеств, Польши и Дании. Она имела определенную цель — господство на Балтийском море.

Что означало такое господство? Владение всеми портами Балтики и превращение ее в *mare claustrum*, закрытое море, находящееся в безраздельном и полном распоряжении шведского флота и наглухо запертое от военных флотов других держав. Такое господство означало монополизацию балтийской торговли, которую тогда называли «матерью всех коммерций», прекращение конкуренции не только стран — потребителей сырья, но и стран-поставщиков, самостоятельной торговлей сбывавших цены на мировом рынке. При этом ожидался, и вполне обоснованно, резкий взлет прибылей.

Уже было сказано, что цели своей Швеция не добилась, но она продвинулась к ней в XVII в. так далеко, как этого не удавалось ни одной нации Балтики. Она превратилась постепенно в типичную береговую империю, собранную из нешироких береговых участков в боль-

¹ До Столбовского мира русские по Балтике также не плавали, ограничиваясь «пределами Финского залива» (*Шаскольский И. П. Русское мореходство на Балтийском море в XVII веке. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. М., 1971, с. 149).*

шинстве своем малоплодородных территорий. Но по понятной причине плодородие земель шведов интересовало не в первую очередь, важнее были гавани и связанные с ними пошлины, а таких портов попало в их руки немало: современники утверждали, что Швеция может полностью обеспечить себя только новыми пошлинами. Держалось это «таможенное королевство» на военной силе; укрепление армии и флота было в стране первоочередной задачей, развитие внутренней экономики (в том числе научный и технический прогресс) не могли не тормозиться. Постепенно создавался сильный перекос в государственной структуре — гипертрофированная военно-бюрократическая надстройка покоилась на недоразвитом национальном экономическом базисе. Рост населения и потребностей бюджета влек рост государственных расходов, что покрывалось новыми захватами. В этом смысле правы те исследователи, которые говорят, что Швеция жила войнами.² Страна была втянута в порочный круг — расширение территории требовало усиления армии для ее охраны, расходы на армию покрывались приращением территорий, новыми пошлинами, налогами с новых подданных. Путь этот вел в тупик, он был ограничен уже численностью шведского населения, однако пока, до начала XVIII в. система провинций существовала, даже процветала.

Что касается доходов от торговли Южной и Западной Европы со странами Балтики, то они имели тенденцию к росту не только благодаря увеличению потребности в сырье или его уникальности. Восточнобалтийский рынок был и самым, пожалуй, стабильным. Начавшийся в XVI в. приток американского серебра вызвал так называемую «революцию цен», которые скачкообразно поднялись во всей Европе, кроме Восточной, где влияние этой «революции» было ослабленным и косвенным, так как прямых связей с западным потребителем данный рынок почти не имел. В этом объяснение не только устойчивости предложения рынка, но и стабильной умеренности цен по сравнению с западноевропейскими.³

Притягательная сила балтийской торговли для запад-

² *Zernack K.* Schweden als europäische Grossmacht der frühen Neuzeit. — *NZ*, 1981, Bd 232, H. 2, S. 344.

³ *Поршнев В. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 156.

ных держав объясняет почти постоянную военную или дипломатическую поддержку ими стран, боровшихся со шведской экспансией. В начале XVII в., когда Швеция установила жесткий контроль не только над Балтикой, но и над частью Северной Европы, такая поддержка, со стороны далеко не всегда заметная, была весьма ощутимой. В середине XVII в. Швеция, убедившись в перманентности этого направления политики великих торгующих наций, пыталась бороться с ним путем укрепления своего господства на Балтике и контроля над соседями до такой степени, чтобы его признало как можно больше государств и великие державы очутились перед свершившимся фактом. Задача эта решена не была, и в конце XVII в. Швеция столкнулась с мощным противодействием не только оттесненных частично от торговых путей старых противников — России, Дании, Польши и Бранденбурга, но и морских держав. Для того чтобы противостоять южным и западным соседям, сильным не только армиями, но и дипломатическими и иными связями с великими державами, шведы издавна практиковали широкую систему альянсов. В отношении восточного соседа, таких связей не имевшего, подобные меры считались излишними.

Шведская экспансия противоречила интересам великих держав еще и потому, что была прямо связана с войнами в районе Балтики, которые в большинстве своем делали торговлю вообще невозможной. Наконец, не менее важной в этом смысле была и угроза нарушения в результате экспансии военно-политического баланса на Севере, что, во-первых, усилило бы военную опасность, а во-вторых, могло привести морские державы к утрате всех с трудом достигнутых ими прав на торгово-мореходные привилегии (в частности, у Дании).

Таким образом, стремление поддержать равновесие на Балтике было обусловлено чисто экономическими причинами — созданием максимально благоприятных условий для торговли, одним из которых был прочный мир. Инспирированные или поддержанные великими державами войны должны были идти где-либо в ином месте, не на Балтике. Все остальные задачи отступали на задний план, когда появлялась угроза нарушения мира или баланса на Балтике, — великие державы не могли уже обойтись без балтийских товаров, торговля с Севером становилась для них вопросом существования.

Вмешательство морских держав, Франции и Австрии в балтийскую политику, сильно влиявшее на ход Северной войны, давно привлекает внимание историков данного периода международных отношений. К сожалению, о предвоенном этапе развития балтийской проблемы этого сказать нельзя. За редчайшими исключениями, в книгах о политической истории отдельных стран в годы Северной войны предвоенному периоду уделяется минимальное внимание. Такое пренебрежение к обстоятельствам, в которых сложились истоки одного из крупнейших политических конфликтов XVIII в., послужило причиной ряда значительных ошибок в исследованиях, в особенности посвященных первой половине войны.⁴ С целью избежать по возможности таких ошибок, обратимся к годам, значительно отстоящим от Северной войны.

В первой половине XVII в. в Европе было несколько международных проблем настолько всеобщего характера, что не оставалось ни одной державы, в той или иной мере ими не затронутых. Главными из них были турецкий вопрос, противоречия между Англией, Нидерландами и Австрией, с одной стороны, и Францией — с другой (внешне они выражались в габсбургско-бурбонской династической борьбе), наконец, ширившееся англо-нидерландское торговое соперничество.

Связь турецкого и балтийского вопросов при всей своей опосредованности была неразрывной и постоянной. Успехи Османской империи и ее вассала Крыма в борьбе с Московским государством, Австрией, Венгрией, Речью Посполитой и другими прямо отражались на возможности стран, заинтересованных в расширении своего влияния на Севере, уделять постоянное внимание балтийскому вопросу.

Перманентный военно-политический конфликт Франции с Австрией, морскими державами и Испанией оказывал на балтийскую ситуацию еще более заметное влияние. Франция могла не только серьезно ослаблять своих

⁴ Пример одной из ошибок: подавляющее большинство историков Северной войны считали Травентальский мир 1700 г. плодом шведской политики, подкрепленной десантом Карла XII в Зеландию. Критику этого и ряда других заблуждений, коренящихся в слабом знакомстве с предвоенной политикой скандинавских и морских держав, см. в нашей статье «Травентальский договор и его значение в истории Северной войны» (Скандинавский сборник. Таллин, 1977, кн. 20, с. 81—92).

противников и отвлекать их от вмешательства в северные дела, но и сама в моменты перевеса над ними (а таких моментов в XVII в. было немало) активно вторгаться в конфликты стран балтийского региона. И наоборот, как только она утрачивала какую-либо позицию и обращала основное внимание на собственную безопасность, Австрия тут же возобновляла борьбу за утраченное влияние на Балтике, за морские гавани, не останавливаясь для этого и перед вооруженным нападением на обладателей портов (например, на Данию, имевшую ряд гаваней в Нижней Саксонии). В такие моменты домогалась портов и Испания (главным образом Любека), а морские державы могли активизироваться в балтийской политике своими излюбленными методами — субсидиями нужным державам и лицам, в случае необходимости и помощью военно-морским флотом.

Деятельность Англии и Нидерландов в этом направлении подрывалась не только противодействием Франции, но и отсутствием между ними внутреннего единства (хотя у них и были многие общие интересы). Постепенно усиливаясь на протяжении всего XVII в., Англия пыталась взять на себя часть балтийских торговых перевозок Нидерландов. Такая конкурентная борьба выливалась почти постоянно (кроме 1630-х и конца 1690-х гг.) в политические столкновения в этой области.

Еще более непосредственное отношение к истории балтийского вопроса в XVII в. имели взаимоотношения стран Скандинавии, Северной Германии, Речи Посполитой и Московского государства.

Как уже было сказано, инициатива в подавляющем большинстве международных инцидентов и внешнеполитических сдвигов на Балтике XVII в. принадлежала безусловно Швеции. Начатые в качестве превентивных⁵ удачные войны в начале века принесли стране немалые территориальные и торгово-политические выигрыши за счет Дании и России (Кнерредский и Столбовский договоры). В ходе 30-летней войны Густав-Адольф продол-

⁵ Шведские политики не без оснований опасались дальнейшей экспансии Дании (присоединением к себе Норвегии, уже лишившей Швецию выхода в Мировой океан, минуя датский Зунд) и империи, стремившейся в ходе контрреформации посадить на шведский трон католика (*Форстен Г.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. СПб., 1894, т. 2, с. 304; *Zernack K.* Schweden als europäische Grossmacht..., S. 334).

жил свою борьбу на польских берегах (1626 г.) и уже через три года добился права на сбор таможенных пошлин в Восточной Пруссии, Курляндии, Данциге (лишь эти пошлины составили треть всего дохода королевства).

В дальнейшем борьба за господство на Балтике становится, учитывая позицию Датско-Норвежского королевства, равнозначной борьбе за господство в Скандинавии. В 1640-х гг. Швеция снова нападает на Данию и вскоре завоевывает не только ряд исконно датских провинций на юге Скандинавского полуострова и островов (Готланд, Эзель, Емтланд, Херьедален, Халланд), но и право свободы от уплаты зундской пошлины для себя и всех присоединенных балтийских областей. Был сделан ряд территориальных приобретений и в Северной Германии; шведы овладели среди прочего устьями рек Везера, Эльбы и Одера.

Изменения в положении Швеции к концу первой половины XVII в., закрепленные мирными договорами в Бремсбру и Мюнстере (Вестфальский), означали изменение равновесия сил на Балтике. Две державы, которые с XV в. боролись за главенствующую позицию в регионе, поменялись местами. С момента распада Кальмарской унии Дания была угрозой независимости Швеции. Теперь же, когда шведы сбросили датчан со Скандинавского полуострова, обезопасив себя этим с запада, и ликвидировали датские базы на востоке, они почувствовали себя гораздо увереннее. Более того, изгнание датчан из Нижней Саксонии, рост шведского влияния в Северной Германии, все более прошведская ориентация южного соседа Дании герцогства Гольштейн-Готторпского и возможность для Швеции получать любую помощь через раскрытый теперь Зунд делали вполне возможным окружение Дании врагами в годы войны и изоляцию ее в мирное время. Надуманной эта опасность не была — шведские короли планировали политическое уничтожение своего наследственного врага. Дания должна была стать бесправным членом возрожденной Скандинавской унии — теперь под верховенством Швеции.⁶ Отныне борьба со Швецией означала для Дании не стремление реставрировать былое лидерство в Скандинавии, а насущнейшую

⁶ *Rosen J. Sveriges historia. Bd 1. Tiden före 1718. Stockholm, 1969, s. 418.*

задачу выживания как политического организма, борьбу за существование.

Меньшую помеху для шведской политики представляли во второй половине XVII в. остальные государства балтийского региона. Польша была слишком занята центральноевропейской политикой и распрями с восточными соседями; имперские княжества как цельный механизм не функционировали фактически с 1648 г.⁷ и серьезного сопротивления шведам в большинстве своем оказать уже не могли. Что же касается Московского государства, то степень целенаправленности и стабильности ее балтийской, т. е. антишведской, политики весьма проблематична. Прежде всего, фактор постоянной угрозы шведского вторжения действовал здесь несравненно слабее, чем для других, прибрежных государств. С одной стороны, судя по всему, шведы не включали завоевание глубинных русских областей в число насущных задач, переходивших от короля к королю. С другой стороны, незаинтересованность московского купечества в переносе торгового пути с московско-архангельского на псковско-новгородское направление, а правящей верхушки и церкви — в установлении широкого культурного, идеологического и экономического обмена с Западом имели свои веские причины. Приведем простое сравнение антишведской военной активности двух стран — жертв экспансии Швеции. Москва вступала в вооруженные конфликты с ней в XVII в. два раза, в общей сложности на протяжении шести лет; Дания — шесть раз на протяжении пятнадцати лет, что в общем неудивительно для страны, для которой антишведская борьба была основной задачей внешней политики. В России в силу ее социально-экономической отсталости если эта задача и входила в число нерешенных политических проблем, то стояла она, очевидно, на одном из последних мест.

Шведские короли были в середине XVII в. близки к достижению своей цели — господства на море. Оно было неполным лишь потому, что вне досягаемости пока были курляндские гавани да утраченные в 1635 г. прусские. Далее, оставалось овладеть последним свободным торговым путем Восточной Европы — нижним течением Вислы;

⁷ В 1648 г. появился прецедент их официального выступления как суверенных государств — в качестве таковых они подписывали Вестфальский договор.

кроме того, если Швеция уже могла рассчитывать на свободный проход эскадры любой дружественной ей державы через Зунд, то она еще была не в состоянии замкнуть его с целью помешать входу в Балтику враждебного флота; овладение и зеландским берегом пролива оставалось в планах шведов, этот шаг был бы последним в превращении Балтики в «шведское озеро».

Пришедший в 1654 г. к власти король Карл X Густав, будучи профессиональным военным с немалым опытом войн в Европе, отдавал себе отчет в невыполнимости такой задачи без коренных экономических реформ в самой Швеции — для усиления армии и флота, возможной вербовки вспомогательных войск в Европе, укрепления общей материальной базы необходимо было резко увеличить доходы короны. Король, поддержанный податными сословиями, начал политику редуций (возврат казне земель дворян), которая с перерывами длилась вплоть до начала Северной войны. Эта и иные меры привели к росту шведской военной мощи, позволили правительству реализовать свои экспансионистские стремления среди прочего и тем, что принесли в казну необходимые средства, и летом 1655 г. в результате нападения на Польшу 72-тысячной шведской армии началась первая Северная война (1655—1660 гг.).

Война эта была типично экспансионистской. В решении риксрода о начале военных действий их единственной целью ставилась «добыча морского побережья» — даже без уточнения, на каком именно протяжении.⁸

Столь же экспансионистские задачи ставились и на других направлениях — в инструкции посольству в Москве предполагалось дальнейшее наступление на торговые права русских купцов, содержались далеко идущие требования уступок шведской стороне.⁹ Но, учитывая международную обстановку, Швеция была временно заинтересована в мирном развитии отношений с Москвой. Несмотря на это, подобный нажим не мог остаться без последствий, и он, очевидно, сыграл свою роль в том, что на исходе первого года войны, когда шведы встретили серьезное сопротивление поляков, Русское государство,

⁸ *Rosen J. Sveriges historia*, bd 1, s. 468—469.

⁹ Речь шла о полном переносе архангелогородской торговли на прибалтийский транзит.

само имевшее определенные планы на устья Немана и Западной Двины, выступило против Швеции.

Вскоре в полной мере проявилось недовольство и других балтийских стран нарушителями мира, балтийской коммерции, сложившегося соотношения сил. На стороне Польши выступили Бранденбург, Австрия и Нидерланды. В Балтику вошел голландский флот, а осенью 1656 г. в Эльбинге был заключен датско-нидерландский союзный договор, так подействовавший на Карла X, что он отказался от всех притязаний на Данциг. Последний не замедлил присоединиться к Эльбингскому договору и тем обеспечить себе полную безопасность. Таким образом, Нидерланды в очередной раз продемонстрировали решимость всей своей мощью поддерживать интересы западноевропейской торговли, а Дания — оказывать любую помощь любому противнику Швеции при малейшем ослаблении своего врага.

Карл X Густав ушел из Польши, но лишь для того, чтобы обрушиться на Данию. Зимой 1657/58 г. Малый и Большой Бельты замерзли, тем самым голландский флот был блокирован, а пропущенные Гольштейн-Готторпом в Ютландию шведские войска смогли по льду проливов пройти на Зеландию и занять ее. В начавшихся после этого переговорах датчанам пришлось идти на уступки, и они признали переход к Швеции старых и новых ее завоеваний — Сконе, Халланда, Блекинге, Борнхольма, Бохуслена и Тронхейма (Роскильдский мир, 1658 г.). Утрата последних исконно датских территорий на Скандинавском полуострове означала не только прекращение контроля над входом в Балтику, но и расчленение королевства на две половины — датскую и норвежскую, между которыми теперь лежало море. Овладение же Тронхеймом давало Швеции доступ к океану минуя Зунд.

Однако главной целью Карла X Густава было не открыть Швеции выход в Атлантику, а закрыть вход в Балтику,¹⁰ поэтому он добивался на переговорах в Роскильде ряда островов, расположенных с западной стороны пролива. Датчане избрали тактику затягивания переговоров в расчете на вмешательство морских держав. Она себя оправдала — с началом таяния льдов шведы, опасавшиеся разрыва коммуникаций, сняли оккупацию, не добившись главной своей цели.

¹⁰ Wittrock G. Karl X Gustaf i Polen. — KFA, 1920, s. 15.

Таким образом, и на этот раз угроза мощи морских держав сыграла основную роль в том, что Балтика осталась открытой, а Дания не лишилась еще части своей территории. Шведы же, очевидно, возлагали всю вину за неполное решение задач войны на переменчивость военного счастья, рок. Во всяком случае они не могли постичь всей нереальности своих планов, ибо осенью того же года они вновь попытались осуществить их — высадились на Зеландии и блокировали Копенгаген. И снова Нидерланды послали эскадру, которая разбила в Эресундской битве шведский флот и обеспечила бесперебойное снабжение осажденной датской столицы всем необходимым.

Начавшиеся мирные переговоры показали с еще большей ясностью, что попытка оккупации части Дании — не изолированная схватка двух балтийских стран, но конфликт европейского масштаба. Голландские военно-морские силы заперли шведов на Зеландии и держали их там, пока в Гааге шел диалог великих держав — Франции, с одной стороны, и Англии с Нидерландами — с другой, о том, на каких условиях может быть заключен новый датско-шведский мир. В Гааге было решено оставить в силе Роскильдский трактат, с той, правда, разницей, что для восстановления слишком уж явно нарушенного балтийского баланса Дании возвратили Тронхейм и Борнхольм. На шедших одновременно датско-шведских переговорах в Копенгагене (при посредничестве тех же великих держав) стороны заняли весьма жесткие позиции, речь шла о жизненных интересах обеих стран, и уступать никто не собирался. В течение года, пока шли переговоры на Балтике, произошло множество событий,¹¹ оказавших непосредственное влияние на позицию участников диалога в Копенгагене, но не они определяли решения нового мира, а посредники — трактат был заключен в полном соответствии с решениями «гаагских концертов».

¹¹ Шведы заключили в Оливе мир с Польшей, перечеркнув все их усилия, Дания лишилась в лице Польши союзника, вспыхнула русско-польская война, в 1660 г. умер воинственный Карл X Густав и т. д.

Скандинавия и политика великих держав во второй половине XVII в.

Система договоров 1660—1661 гг. (Копенгагенского, Кардисского, в меньшей степени Оливского) определила максимум того, что шведское великодержавие вообще когда-либо было в состоянии добиться в области Балтийского моря. Мы не будем выяснять источники заблуждений Карла XI и Карла XII, полагавших, что их государство в силах играть гораздо более важную политическую роль, — это не столь важно. В дальнейшем все больший вес приобретает вопрос: а допустят ли это усиление западноевропейские государства, в первую очередь великие морские державы? Мы видели, как они в конце 1650-х гг. восстановили нарушенный было Швецией баланс сил. В дальнейшем мы увидим, как они будут продолжать его поддерживать.

Поддержка предполагает некоторую искусственность, неестественность равновесия, но так оно и было — нужно было постоянно напоминать мощной, агрессивной Швеции (хотя и реже теперь действовавшей наступательно, чаще воевавшей за удержание всего добытого ранее), что решает дело не только разница военно-экономических потенциалов во внешнеполитическом развитии отношений на Балтике: любая новая попытка шведов насильственно нарушить баланс неминуемо натолкнется на решительное сопротивление третьей силы — западноевропейских великих торгующих наций. И шведские короли были вынуждены сдерживаться. Точно так же Запад сдерживал и остальных скандинавских суверенов — королей Дании (от попыток реванша) и герцогов Гольштейн-Готторпа (от экспансии на датской территории) — здесь царило полное беспристрастие, любой нарушитель мира или баланса неизбежно встречался с дипломатическим, а часто и военно-экономическим нажимом великих держав.

Равновесие, которое мы охарактеризовали как искусственное, было, несмотря на явное превосходство сил, заинтересованных в мире на Балтике, все же непрочным, и именно в силу своей искусственности. Стоило обостриться одной из перманентно конфликтных ситуаций (между морскими державами и Францией или между Англией и Нидерландами), как почти неизбежно для балтийских держав возникал соблазн воспользоваться временной занятостью западных «миротворцев» и решить

свои конечные задачи, перекроив для этого политическую карту региона.

Такое положение сохранялось в общих чертах всю вторую половину XVII в., и лишь в конце 1690-х гг. этот искусственный, регулируемый извне баланс начинает превращаться в свою противоположность — естественное равновесие, ставшее возможным лишь благодаря появлению на востоке Балтики усиливавшейся державы — России.

Путь к нему был нелегок, но при всей его сложности и извилистости на всем протяжении его заметны определенные тенденции, общие, объективные закономерности, двигавшие многовековую историю балтийского вопроса на ее заключительной стадии именно в этом, а не каком-либо ином направлении, именно к такой развязке, оказавшейся оптимальной в отношении развития международной торговли, мореплавания, экономики в целом, прогресса вообще. Попытаемся эти закономерности определить.

Нарушить создавшуюся расстановку сил на Балтике грозила после 1661 г. не одна только Дания (как и сохранить ее старались не одни только великие державы). После долгих лет пассивной политики на северо-западном направлении впервые со времен Ивана IV в середине века к береговым территориям Балтики проявляет интерес Москва — это показали события, предшествовавшие Кардисскому миру. Исход шведско-бранденбургского столкновения и Оливский мир, где Швеция впервые признала права курфюрста на Пруссию, означали появление на балтийских горизонтах нового сильного potentata. Тонко рассчитанная, единственно способная принести успех в годы войны для сравнительно слабого и разбросанного курфюршества политика «маятника», отлаженность и эффективность всего административного и военного аппарата Бранденбурга показали со всей очевидностью, что падение господства в этом районе Балтики обширной и многолюдной, но внутренне прогнившей Речи Посполитой — вопрос лишь времени. Опосредованное, но, быть может, еще более мощное влияние на изменение всей сложившейся в середине века ситуации продолжают в возрастающей степени оказывать небалтийские державы: Австрия,¹² Турция, Франция. Появление любой

¹² Впрочем, Австрия имела и прямой выход на балтийский политический театр — император всемерно рассчитывал на польский

новой морской державы было нежелательно не только для Швеции.¹³ Его могли бы приветствовать английские и нидерландские купцы, немало терявшие от шведского посредничества, а не парламент и не штаты — выгода обоим государствам от нового морского собрата (или конкурента?) была проблематичной, но что рождение его сопровождалось бы большой кровью и более или менее длительным прекращением торгов на Балтике — это наверняка.

Международное положение на севере Европы в начале 1660-х гг. меняется следующим образом. Все сильнее начинает сказываться один из упомянутых нами факторов общеевропейской политики — достигший совершеннолетия Людовик XIV и его кабинет высказывают совершенно определенные гегемонистские намерения, направленные, в частности, против Габсбургов, нацеленные на территориальное расширение, в первую очередь за счет германских земель, а также Испании — уже тогда, за 40 лет до начала войны за Испанское наследство было ясно, что род испанских Габсбургов обречен на вымирание.

Таким образом, Франция готовилась к войне на трех по крайней мере направлениях. Людовик мог полагать, что его королевство (в те годы бесспорно самое сильное в Европе) справится не только с непосредственным противником — цесарем — но и с проимперской коалицией, если она возникнет. Создание ее можно было с легкостью предугадать уже по той причине, что Версаль не делал из своих гегемонистских устремлений тайны. Франция готовилась к войне, которая сулила легкие победы в борьбе с ослабевшим в тот период противником. Все спорные проблемы должны были решаться мечом.

Складывавшийся перед лицом опасных планов Версаля лагерь противников Франции отличался пестротой политических концепций и даже известными противоречиями. Объединявшая их страшная угроза превращения Франции в «мировую», или «универсальную», державу не оставляла равнодушными не только ее соседей, но и тех, кто подвергся бы поглощению вслед за ними. В Нидер-

трон и на овладение, таким образом, нужным ему устьем Вислы (*Fahlborg B. Sveriges yttre politik 1660—1664. Stockholm, 1932, s. 32, 33*).

¹³ Для нее это означало бы неизбежно разрыв еще одного звена в и без того несомкнутой цепи ее приморских владений.

ландах угроза эта ощущалась едва ли не сильнее всего, тем не менее вплоть до начала войны здесь царило купечески-мирное благодушие: популярные в народе воинственные Оранские были пока фактически не у власти, ибо глава дома Вильгельм (будущий Вильгельм III Английский) был еще ребенком. В Англии раскол между королем Карлом II Стюартом и парламентом был заметнее; дело доходило до того, что король становился на сторону Франции, прося у нее поддержки. Что же касается Австрии, то страна эта уже вступила в затяжную полосу внутреннего кризиса, который грозил погубить ее, как это произошло со старейшим и сильнейшим союзником цесарей — Испанией.

Таким было положение в начале 1660-х гг. Но с приближением неизбежной войны постепенно, по мере того как превосходство Франции становилось слишком уж очевидным, а ужас перед угрозой политического универсализма непереносимым, партикулярные интересы и заботы европейских стран все более отходят на задний план; антифранцузское сопротивление, противодействие обретает силу и стабильность ведущего принципа внешней политики, общего для ряда держав.

Балтийские страны, несмотря на удаленность от очага будущей войны, к политике Версаля были далеко не равнодушны. Бранденбург, ободренный успехами 1650-х гг., ждал любого случая, чтобы увеличить или хотя бы объединить свои владения. Правительству «великого курфюрста» было при этом глубоко безразлично, воевать с Францией или против нее: важно было участие (на стороне сильнейшего) или — еще лучше — почетная и, главное, выгодная роль посредника на мирных переговорах.

Воинственная политика Швеции сменилась к тому времени на свою противоположность — стремление удержать в близившейся военной буре периферийные территории и избежать по возможности военных конфликтов. Дело здесь было, конечно, не в том, что короля-воина Карла X Густава сменил осторожный совет опекунов несовершеннолетнего Карла XI; настоящих причин было две. Одна из них — заинтересованность (в связи с возросшими расходами на содержание оккупационных войск) в экономическом сотрудничестве с Европой. Другая — возможность участия в европейских конфликтах и войнах; так армия могла бы в значительной мере кормиться за счет местного населения на театре военных действий.

Оба пути имели группы приверженцев при стокгольмском дворе; в 1660-х гг. побеждала то одна, то другая точка зрения, хотя задача у обеих групп была одна — сохранить, как было сказано, при помощи балансирования между европейскими державами свои владения. Поэтому начавшееся после смерти Карла X Густава осторожное сближение Швеции с Францией сопровождалось столь же продуманными авансами другой стране, стремившейся сохранить в грядущей войне хорошие отношения со Скандинавскими странами, — Англии.¹⁴

Успехам Швеции на этом поприще пыталась противодействовать Дания. После того как в 1661 г. был заключен союз между Швецией и Гольштейн-Готторпом, продемонстрировавший решимость союзников отстаивать выгодный им обоим Копенгагенский мир и по мере возможности подавлять активность Дании, внимание нового датского внешнеполитического лидера Г. Сехестеда было обращено почти исключительно на эту новую опасность. Его дипломатам удалось в 1663—1664 гг. нанести серьезное поражение шведским представителям в Версале. В Англии также готовилась почва для выступления этой могучей державы на стороне Дании в гольштейн-готторпском вопросе. Однако в 1664 г. в империи произошло событие, окончательно определившее позицию Швеции в предстоящей войне (по крайней мере так казалось противникам Франции), — она получила от цесаря долгожданную инвестицию (подтверждение прав собственности) ее германских владений.

В стремлении сблизиться с Данией и Швецией в этот период не были исключением и Нидерланды. Опасность французской агрессии грозила им куда больше, чем островной Англии, и, чтобы добыть себе сторонника, Нидерланды были готовы жертвовать самым дорогим — они пошли на уступки шведам в переговорах о привилегиях в балтийской торговле, заключив с ними выгодный Швеции торговый договор (1666 г.). Сближались Нидерланды и с Англией (по той же причине); между морскими державами не только прекратились войны, но и был заключен союз, превратившийся с присоединением к нему Швеции (1668 г.) в тройственный. Логическим завершением этого хода событий было подписание Гаагского трактата 1669 г., имевшего целью гарантировать цело-

¹⁴ *Rosen J. Sveriges historia*, bd 1, s. 499—503.

стность и неприкосновенность всех владений Испании. Понятно, что он был направлен против французского претендента.

Людовик XIV начал свою первую европейскую «разбойничью» войну (1667 г., в Бельгии) против этого тройственного союза, не обеспечив достаточной дипломатической подготовки. Завершивший войну мир (Аахенский, 1668 г.) был Франции выгоден, но желанной цели она не достигла, и это послужило королю хорошим уроком. Подготовка его следующей войны была осуществлена тщательнее. Тайной дипломатии Версаля, чьим наиболее естественным противником в бельгийских войнах были, конечно, Нидерланды, удалось, используя слабое внутриполитическое положение Карла II, расколоть Тройственный союз. В 1670 г. король Англии обещал на секретной встрече в Дувре свою помощь Франции против союзных Нидерландов в обмен на поддержку его пошатнувшегося трона. Столь же успешной была политика Парижа на Балтике. Вначале французы заручились поддержкой Дании, а затем купили за весьма большую сумму¹⁵ сотрудничество Швеции — в 1672 г. уже был заключен формальный трактат.¹⁶ Еще заметнее были успехи дипломатии Людовика в Германии: к нему присоединились не только Кельн и Бавария, но и Курпфальц и Мюнстер, а Трир, Люнебург и Пфальц-Нойбург обещали не поддерживать своего императора. Во всех новых договорах Швеция фигурировала как гарант Вестфалья, опиравшийся на это свое значение; она даже полагала, что и Дания в качестве союзницы Франции не пошевелит пальцем без ее согласия и будет в дальнейшем сражаться на ее стороне.

Швеция предполагала и в дальнейшем ограничиваться ролью гаранта и посредника в мирных переговорах. Однако, после того как многие союзники Англии отошли от Франции и даже перешли в лагерь Нидерландов и Испании, она была вынуждена принять участие в этой войне, тем более что Людовик XIV угрожал ей лишением

¹⁵ 400 тыс. рейхсталеров в год в мирное и 600 тыс. — в военное время.

¹⁶ Швеция обязалась поддерживать своими войсками в Германии нейтралитет императора и курфюрстов (главным образом, Бранденбургского) в случае, если Людовик пойдет войной на Испанские Нидерланды, что отвечало в общем-то условиям Вестфальского мира (*Landberg G. Den svenska utrikespolitikens historia (1648—1697)*. Stockholm, 1952, s. 195—203).

финансовой и любой иной поддержки. В конце 1674 г. шведы вторглись в Бранденбург, крепко там увязли, а через полгода им объявили войну голландцы и датчане — так Швеция лишилась того обеспеченного тыла, который, казалось, был гарантирован ей всей ее французской политикой.

Ненамного лучше была позиция Швеции и на другом, восточном фланге ее балтийских владений. Молодой датский король Кристиан V видел залог успеха своей антишведской политики, среди прочего, в поддержке Москвы. Он давно уже добивался права постоянного представительства в столице Русского государства и вел успешные переговоры о координировании внешней политики, избрав в качестве основы такому сближению старинное недоверие Москвы к Польше и Швеции. Поэтому шведское посольство 1674 г., целью которого был союз или хотя бы нейтралитет Москвы в войне, успеха в России не добились, чего нельзя сказать о датчанах, пользовавшихся у царя ббльшим кредитом.

Датчане показали в этот период свое превосходство не только за столом переговоров. Двумя крупными морскими победами (при Еланде и бухте Кеге), достигнутыми ими с помощью нидерландской эскадры, из строя был выведен шведский флот. В Северной Германии датские войска соединились с бранденбургскими. Высадившийся в Сконе в 1676 г. датский десант начал успешное отвоевание старых датских земель. С севера, от норвежско-шведской границы на соединение с десантом двинулась армия норвежского наместника. Войска неопытного в войне Карла XI терпели поражение за поражением. Участь отвоеванного было Сконе решила зима. Датские войска, оторванные от баз снабжения, были вынуждены оттянуться в прибрежные и северо-западные области на зимние квартиры. Не испытывавшие никакой нужды шведы смогли в начале зимы нанести им ряд тяжелых поражений. Тем не менее лишь в 1678 г. пал последний датский город в Сконе — Кристианстад.

Утрата Данией Сконе была частью серии неудач и началом распада всей антифранцузской коалиции; причиной их были не только поражения на поле битвы, но и внутренние разногласия. Нимвегенский мир 1679 г. заложил основы давно планировавшейся Версалем Рейнской линии, защитного антигерманского пояса, годного и для использования в качестве трамплина в наступатель-

ной стратегии. На сторону Франции к тому времени перешли Испанские Нидерланды, Бургундия, Фрайбург. Добившаяся определенных успехов в своих попытках раздвинуть шведско-готторпские клещи, Дания также была принуждена (шведско-французским сближением и угрозой ввода в герцогство французских войск) подписать Нимвегенский трактат и уступить все достигнутое в войне.¹⁷

События 1660—1670 гг. показали со всей очевидностью, что международное положение балтийских держав отнюдь не изменилось со времен «гаагских концертов». Швеция, не говоря уже о Дании, Бранденбурге или Польше, оставалась державой второго ранга, несмотря на претензии самостоятельно решать балтийские дела. Временная занятость части великих держав, контролировавших положение на Севере, неминуемо влекла за собой нарушение здесь баланса (агрессия Швеции в Бремене 1669 г., в Бранденбурге 1674 г., вторжение Дании в Сконе и Гольштейн-Готторп 1676—1679 гг. и т. д.); возможность снова вернуться к контролю — замирение и восстановление status quo. Наиболее наглядно это подтверждается на примере провала датской попытки реванша в Сконе: настоящей причиной его было ослабление антифранцузской коалиции. Второй пример — полная реституция Швеции, абсолютно невероятная в условиях невмешательства великих держав. Огромная важность балтийского вопроса для большой европейской политики неминуемо вела к положению, когда северные государства не были хозяевами в своем доме. Унизительность этой позиции была очевидна не только для побежденных в последней войне, но и для победителей — Швеция пыталась освободиться от навязанных ей ценой сохранения Померании пут французского опекуства (даже мир 1679 г. подписали не шведы, а французы от их имени!).¹⁸

Тогда в Швеции было принято решение, обычно связываемое с именем руководителя внешней политики страны Ю. Гюлленшерны. Придя к выводу о полной невозможности бороться с засильем великих держав на Балтике в одиночку, он смело обратился с призывом о сотрудничестве к недавнему врагу — датчанам.

¹⁷ *Fahlborg B.* Sverige på fredskongressen i Nijmegen 1676—1678. — HTs, 1944, årg. 7, s. 205—233.

¹⁸ *Landberg G.* Den svenska utrikespolitikens historia, s. 211—212.

Сама мысль эта не была его изобретением — она носилась в воздухе со времен Кальмарской унии, принимая попеременно характер идеи то мирного разделения или совместного господства на море, то насильственного объединения под единым руководством. При всей ее заманчивости она не находила благоприятной почвы в правящих кругах обеих стран уже потому, что и внутри них не было единства. Но на сей раз речь шла не о соперничестве в борьбе за Балтику, а об избавлении от одинаково ненавистных обоим державам пут, которые наложили на их политику третьи силы. Именно поэтому впервые идея поднялась до стадии практического осуществления — предложение Гюлленшерны немедленно и активно поддержало датское правительство. Был подписан датско-шведский мирный трактат (Лундский, 1679 г.), затем оборонительный договор, скрепленный браком сестры Кристиана V Ульрики Элеоноры и Карла XI. Сближение венчали торговый договор, обращенный против гегемонии голландских купцов, и соглашение о совместном наступательном выступлении в угрожаемом положении, дополненное обязательством заключения союзных договоров с третьими державами лишь с обоюдного согласия.¹⁹ И, что было весьма знаменательным, Швеция обещала не вмешиваться в датско-готторпские конфликты.

Новая политика означала разрыв не только с засильем в ней великих держав, но и переход от узкорегionalной (скандинавской) к масштабной, европейской политической концепции. Выбор между западной и восточной ориентациями стоял и перед Карлом XI, и перед Карлом XII. Канцлер предпочитал европейскую концепцию как более универсальную, короли — традиционную скандинавскую.

Первому соглашению о межскандинавском сотрудничестве была суждена недолгая жизнь — оно было вынужденным, не имело прочной и органичной основы, не было подготовлено ни внешнеполитическим положением, ни внутренним развитием стран-участниц. Сами инициаторы

¹⁹ Союз этот был менее всего нацелен на мирное развитие событий. По высказываниям Ю. Гюлленшерны и статьям трактата можно сделать вывод о планах совместного выступления на германском или русском направлениях. Интересны мысли о консолидации территории партнеров путем обмена: Дании — Бремен—Верден, Швеции — Норвегию (*Landberg G. Den svenska utrikespolitikens historia*, s. 205—206).

вряд ли могли представить себе столь тесное сотрудничество без лидерства одной из двух сторон, интересы которых были совершенно противоположны.

Объективные условия укрепления позиции Швеции требовали в этот период продолжения редукиций, а также союза с сильной морской державой — предпочтительно Нидерландами. При этом исчезала надежда на улучшение торговых возможностей страны, но облегчалось давление сопротивления дворянства редукициям; при сохранении нидерландских привилегий Швеция могла рассчитывать на помощь голландцев, если возникнет необходимость применить широкие репрессии против недовольных. Поэтому, когда в 1680 г. умер Ю. Гюлленшерна, место его занял Б. Уксеншерна, ярый враг Дании и сторонник сближения с морскими державами. Его политика вынудила Данию начать союзные переговоры с Францией и Бранденбургом.²⁰

Итак, в 1680-х гг. на Европейском Севере снова произошла перегруппировка сил. Швеция вошла в союзные отношения с морскими державами (в 1689 г. к союзу Швеция—Нидерланды присоединилась Англия), и это означало прекращение прежней игры на торговом соперничестве Великобритании и Голландии и восстановление статуса Нидерландов как наиболее благоприятствуемой державы в балтийских водах.

Была мысль привлечь к новому союзу, стоявшему во главе европейского сопротивления Франции, и Данию, но та питала опасения по отношению к недавно нарушившей безо всякого повода Лундский договор Швеции; не видела она смысла и в гарантии Вестфальского и Нимвегенского договоров, что автоматически предполагалось при вступлении в союз. Отказался поддерживать Швецию и Бранденбург, не оставивший мысли о присоединении шведской Померании; зато в союз вошла Австрия. Дания, также надеявшаяся присоединить к себе северогерманские берега (и даже ведшая в 1684 г. переговоры в Берлине о разделе их в случае совместной с Бранденбургом победоносной войны со Швецией), не могла не опасаться явной подготовки к нападению с юга. Герцог Гольштейн-Готторпа, чьи позиции с присоединением его патрона

²⁰ *Stille A. Studier över Bengt Oxenstjernas utrikespolitiska system och Sveriges förbindelser med Danmark och Holstein-Gottorp, 1689—1692. Uppsala, 1947. 286 s.*

Карла XI к морским державам окрепли, провел мобилизацию и сконцентрировал армию на северной границе. Подготовка к новому вторжению в Данию была настолько очевидной, что тогдашний покровитель ее Людовик дал понять Кристиану V, что предоставляет ему свободу рук в герцогствах. Тот ввел в 1684 г. войска в готторпскую часть Шлезвига, декларировав (правда, с опозданием на 2 года) ее инкорпорацию в территорию королевства. Время для подобных превентивных акций было избрано удачно: Швеция не могла вступить за союзника — этого не позволяло состояние ее армии и флота, да и продолжавшаяся в полном объеме перестройка внутренней экономической структуры страны настоятельно требовала мирных периодов. Поэтому Карл XI и его союзник император ограничились протестами — они ничем не могли помочь сбежавшему в Гамбург герцогу.

Дания пыталась настоять на своих старинных правах и на Гамбург, но, поскольку суверенитет над ним означал овладение устьем и пошлинами Эльбы, этого не могли допустить германские князья. Копенгагенское правительство оказалось не в состоянии постичь ту истину, что попытка переноса политики реюньонов на новую почву обречена на провал — Людовик проводил ее, опираясь на реальную мощь, которой у Дании не было. Поэтому, когда датчане числом 14 тыс. человек осадили Гамбург, на его защиту поднялись не только северогерманские князья, о решимости применить санкции заявил цесарь, а союзный Бранденбург порвал с Данией и даже перешел из французского лагеря в нидерландский. Лишенная поддержки Дания была вынуждена осаду Гамбурга снять, но из герцогства не ушла.²¹

Между тем для истории балтийского вопроса данного и последующего периодов большее значение имело событие, казалось бы, прямо к Балтике не относившееся. В 1688 г. нападением Франции на Пфальц начинается очередная европейская война. В ноябре этого года статсхолдер Нидерландов Вильгельм Оранский неожиданно

²¹ Люнебург в датско-гамбургском конфликте от пассивной политики переходит к сближению со Швецией из-за спасения датских планов «округления» территорий на юге; он был согласен даже на реституцию Гольштейн-Готторпа. Начинаются переговоры о создании люнебургско-шведского антидатского наступательного союза (*Landberg G. Den svenska utrikespolitikens historia, s. 235*).

высадился в Англии и, одержав победу над партией католического короля Иакова II, короновался под именем Вильгельма III.

Ранее англо-датские и англо-шведские торговые договоры свидетельствовали лишь о изрядной активности английской политики в этом направлении (общих со Скандинавскими странами интересов, которые могли бы стимулировать более тесное, более последовательное сотрудничество, здесь не было, как не имелось, впрочем, и антагонистических различий, могших привести к перманентной враждебности). После вступления Вильгельма Оранского на престол положение коренным образом меняется. С этих пор Англия, как никогда раньше, втягивается в политические конфликты континента, что не замедлило сказаться уже в первое десятилетие нового правления как на позиции самой Англии, так и на положении Европы вообще и стран Балтики в частности.²²

Секрет имевших до сих пор место успехов Людовика XIV был не в превосходстве вооруженных сил Франции — они были равны или даже уступали силам коалиции, а в том, что французская армия направлялась единой волей, армии же союзников не действовали и не могли действовать согласно, так как интересы стран, посылавших их против Франции, были слишком различны. Вошедшие в личную унию Нидерланды и Англия отныне, несмотря на остатки былых несогласий и конкуренции, представляли собой в большинстве аспектов единый политический организм. Более того, объединявшая их политика популярного в обеих странах Вильгельма III отвечала объективным интересам Англии и Нидерландов в той же мере, как имевшие место ранее двурушнически-трусливые интриги католических королей первой и близорукая, плоско-прагматическая политика купеческого правительства второй были этим интересам противны.

Изменила свою позицию и Австрия. Политика этой страны, в значительной степени формировавшаяся удивительно пестрой (даже для Европы XVII в.) космополитичной камарильей при дворе безвольного и бездарного императора Леопольда I, была пассивной, выжидатель-

²² Прежде всего это выразилось в обострении соперничества между сравнявшимися в мощи Францией и морскими державами. Впрочем, в начальный период унии возможность играть на соперничестве на скандинавский баланс сил не влияла.

ной, плелась, если можно так выразиться, в хвосте политики антагонистичной ей Франции. Однако ввиду поражений французской армии от усилившихся в результате унии морских держав и близившегося конца Пфальцской войны Леопольд принял одно из немногих в его жизни больших решений: боясь опоздать к послевоенному пирогу, он поспешил присоединиться к антифранцузской борьбе, и в 1689 г. возникла Великая коалиция (позже в нее вошли Швеция, Пруссия, Савойя и др.).

Так началась эпоха европейских коалиционных войн. Собственно, военные союзы практиковались и раньше, но они, во-первых, никогда еще не включали в себя такого большого числа членов, а во-вторых, именно коалиционный тип ведения военных действий отныне становится в европейских войнах преобладающим. Вообще эта четверть века (1689—1714 гг.) в европейской политике характерна явным функциональным единством. Войны, их направления и задачи подчинены кардинальным политическим решениям, нацеленным на достижение комплекса преимуществ (во внутренней и внешней политике, экономике, торговле и пр.) как для отдельных государств, так и для более или менее цельных и жизнеспособных коалиций, на решение проблем, накопившихся часто за длительный период. Война за Пфальцское наследство 1688—1697 гг., первая из таких войн, была увертюрой к Северной войне и войне за Испанское наследство, ведшихся с целью решения крупнейших из европейских проблем того времени, накопившихся с 1660 г., и эти проблемы решивших.

Первым результатом новой войны для Балтики был Альтонский договор 1689 г. Нажим Кристиана V на Гольштейн-Готторп в конце 1680-х гг. вызвал противодействие не только Швеции, но и германских князей, опасавшихся датской экспансии. Для того чтобы избежать военных действий в империи, цесарь созвал в Альтоне посреднический конгресс. Несмотря на внешне миролюбивые цели, державы, участвовавшие в нем, проводили весьма жесткую, граничившую с «узаконенной» агрессией политику. Так, Швеция и Люнебург выступили с совместной декларацией, заявив, что нападут на Данию, если та не предоставит герцогу к определенному сроку (20 мая 1689 г.) полной реституции. Не надеясь на помощь занятых войной великих держав, Кристиан V усту-

пил. Был заключен мир, полностью восстановивший традиционное шведско-готторпское окружение Дании — герцог вернул утраченные было позиции, его суверенитет (хотя и неполный) был подтвержден и гарантирован среди прочих морскими державами. Неполнота суверенитета герцога заключалась в подтверждении и так называемых унионов — ряда законов, подписанных датскими королями и герцогами в XV—XVII вв., лимитировавших количество солдат и мощь крепостей в каждом герцогском анклав. Унионы предполагали, кроме того, в спорных ситуациях арбитражное решение конфликтов, взаимный запрет поддержки врагов: короли и герцоги должны были даже помогать друг другу в случае нападения на одну из сторон. Кроме того, герцог не мог нанимать за рубежом войска, самостоятельно заключать военные союзы и усиливать пограничные с Данией укрепления.²³

Однако владения короля и герцога глубоко проникли друг в друга, границы были запутаны и трудноустановимы (не менее, чем границы герцогской самостоятельности). Поэтому, с одной стороны, король мог практически игнорировать суверенитет многих герцогских анклавов, с другой стороны, герцог в любой момент мог ввести враждебные Дании силы в любую из своих территорий, лежащих в глубине королевства, — и это еще до начала военных действий. Даже утрата Сконских провинций в середине XVII в., как бы горька она ни была, казалась менее мучительной, чем постоянное вмешательство шведских королей во внутренние датско-готторпские конфликты. Объявленный же суверенитет герцога и содержание унионов были в таком противоречии, что датско-готторпские столкновения были в принципе неизбежны. В осуществлении суверенитета герцог не мог не нарушать унионов, Дания же не могла и мечтать о решении основной внешнеполитической задачи века — возвращении захваченных Швецией провинций — без введения герцогов в рамки унионов. Поэтому гольштейн-готторпская проблема справедливо возводилась королями в ранг важнейших, с ее решением были связаны процветание и безопасность страны в будущем. Вряд ли они питали иллюзии на мирное достижение желанной цели: история последних двух веков недвусмысленно указывала

²³ DNT, s. 297—298, 330.

на единственный метод решения проблемы — с позиции силы, причем чем дальше, тем очевиднее это становилось.

В ожидании очередного конфликта Дания могла надеяться на поддержку гарантов Альтоны; герцог — только на Швецию. Но Швеция была настолько заинтересована в усилении своего союзника, что не остановилась бы и перед новой войной, и перед полным подавлением политической независимости Дании; морские же державы, во-первых, не были настолько преданы дружбе с Данией, а во-вторых, не скрывали, что в дальнейшей перспективе датско-готторпских отношений их вполне устраивает *status quo*.

Подобная ситуация, сложившаяся в результате перестановки сил в конце XVII в., давала в руки Вильгельму III драгоценную возможность самому определять и вмешательством или невмешательством (в случае любого нарушения Альтонского договора или гарантированных им унионов) регулировать уровень и направление датско-готторпских отношений, а также во многом и вообще политику на Балтике, резко ограничив отныне такую возможность для Франции. Не исключено, что игравшая первую скрипку на Альтонском конгрессе англо-голландская дипломатия допустила подобную противоречивость договора, исходя из собственных целей. Во всяком случае в сложившейся внешнеполитической ситуации основной проблемой для Дании становился выбор не важнейшего из двух направлений активности (готторпское или шведское), а ориентация в союзнической политике — будет ли она обращена к Людовику XIV или Вильгельму III.

Из трех внешнеполитических проблем Московского государства во второй половине XVII в. — крымско-турецкой, польской и балтийской — к рассматриваемому периоду наибольшее значение получила первая. Угроза нападения соединенной крымско-турецкой армии, в несколько раз превосходившей русскую, была настолько велика, что накладывала отпечаток на всю внешнюю политику Москвы. Русское правительство, принужденное к тому же с начала 1680-х гг. тратить много сил и средств на регулирование внутренних дел (с подавлением мятежа 1682 г. угроза его рецидива далеко не исчезла), справедливо видело единственную возможность успешной борьбы с южной угрозой при поддержке (прямой, союзнической или опосредованной, без единого военного

плана) западных христианских держав. Необходимым условием такой поддержки был, естественно, мир на Западе, которому Москва в этот период по мере сил пыталась содействовать. Поскольку же южная проблема была для нее первоочередной, то для решения ее приходилось жертвовать государственными интересами на двух других направлениях. При этом малейшая угроза ухудшения перспектив в этом плане неминуемо влекла за собой жертвы, в обычной ситуации несоизмеримые. Так, к примеру, упомянутое выступление в 1686 г. Дании против Гамбурга, явно не входившего в сферу непосредственных московских интересов, вызвало охлаждение в русско-датских отношениях лишь потому, что могло усилить напряженность на Западе и тем уменьшить вероятность возможного выступления ряда держав против Турции. Тот факт, что Дания была ценнейшим из эвентуальных союзников Москвы на Балтике против Швеции или Польши, был при этом, судя по всему, игнорирован.

Некоторые исследователи²⁴ убедительно доказывают, что Кардисский мир, заключенный с другой балтийской державой, Швецией, и столько же малообъяснимый в отношении дальнейших перспектив балтийской политики Москвы, был также заключен под влиянием большей весомости южной проблемы: он, как и Московский договор,²⁵ служил необходимости консолидации всех сил против крымских татар и турок.

К моменту военных действий 1680-х гг. дипломатическая подготовка выступления России против татар и турок была далеко не совершенной. Походы на Крым провалились, так как московские дипломаты не обеспечили себе поддержку Польши и Австрии (ведшей в эти годы сепаратные переговоры с Турцией). Таким образом, жертвы, понесенные Московским государством на северо-

²⁴ *Бабушкина Г. К.* Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг. — *ИЗ*, 1950, т. 33, с. 158—172; *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. T. 1. Die diplomatische Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1698. Giessen, 1968, S. 168.

²⁵ В период польско-русского сближения (Московский договор 1686 г. предполагал превращение Андрусовского мира в вечный; играло свою роль и присоединение Москвы к Священной лиге) положение резко меняется. Напуганный явным сближением России с Речью Посполитой и Австрией, Селим-Гирей тайно предложил царю антипольский союз (такое же предложение, но направленное против Москвы, он сделал и Собескому).

западе, оказались напрасными. Положительных результатов удалось добиться в 1680-х гг. не на Балтике, а на двух других направлениях; крупнейшим успехом было вступление в Священную лигу, но свои плоды данный акт принес не ранее середины 1690-х гг., когда во главе русской политики стал Петр I.

Вступление России в Священную лигу усилило этот альянс: в том же 1689 г. турки ушли от Вены. Улучшилось положение цесаря и на западном политическом фронте — антифранцузская коалиция успешно вела войну с Францией, с ней сближается Бранденбург, ибо в последние годы жизни великий курфюрст порвал с Бурбоном. Казалось, пришел конец и политическим разногласиям внутри альянса — профранцузская партия в Англии утратила все влияние, в Нидерландах Вильгельм III и его alter ego великий пенсионарий А. Гейнсиус согласно проводили последовательную антибурбонскую политику.

Видя, что международные отношения как на Западе, так и на Востоке меняются далеко не в его пользу, Версаль принял решение добиться значительного перевеса на одном из фронтов с тем, очевидно, чтобы затем обрушить все свои силы на второй. К тому времени идеи Кольбера, видевшего залог прогресса государства во внутриэкономическом развитии, а также в поддержке колониальных интересов (что было немыслимо без внешнеполитического сотрудничества с морскими державами), были двором прочно забыты. Людовик XIV вел страну в соответствии со своей политикой, имевшей целью округление территорий, выигранных войнами и реюньоном, а также удержание их в будущем. Гармоничному промышленно-экономическому развитию страны уделялось куда меньше внимания. На первом плане оставался старый франко-австрийский антагонизм, лишь этим можно объяснить то, что Людовик в конце 1680-х гг. повернул государственную политику на Рейн — так началась Пфальцская война, оставив почти без прикрытия куда более угрожаемый тыл, где поднималась и уже поднялась великая морская держава Англия.

Основой морского могущества Великобритании, как, впрочем, и Нидерландов, в конце XVII в. были не какие-то особые природные условия (из собственных материалов тогда флот строили лишь Дания, Швеция и Турция) или уникально благополучное состояние государственных финансов. Корабли и доки обходились дороже

крепостей и осадного артиллерийского парка, ибо требовали больше людей, а при постройке — более высоких ступеней мастерства, что тоже стоило дорого. Флот всегда требовал штата усердных администраторов, снабженцев и подрядчиков, долгого опыта в целом. Всем этим обладала и Франция (бывшая к тому же гораздо богаче Англии и легче могшая позволить себе огромные затраты на флот). Отличалась Англия от континентальных соседей другим: парламент, во многом отражавший интересы купцов-мореплавателей, всей нации, был готов и в тяжчайших положениях жертвовать всем, кроме морского флота. Значительными морскими флотами обладали и некоторые другие западные державы. Но, как правило, в годы тяжелых войн денег на ежегодное перевооружение флота у них не хватало, корабли стояли у стенки, конфликт решался более дешевыми сухопутными силами. Лишь Англия была в состоянии поднять чудовищную стоимость одновременной войны на суше и на море, в частности морских блокад, и это благодаря тому, что парламент шел на любые жертвы (в безвыходных случаях вплоть до массового обмана частных кредиторов, неплаты жалованья морякам, практики сменных кораблей при меньшем числе экипажей и т. д.) — лишь бы в море ходил британский флот. В период Пфальцской войны парламентарии подвергались нападкам памфлетистов, ставивших им в пример кольберовскую систему флотского рекрутирования и оплаты как более гуманную и демократичную, но на протяжении войны Англия блокировала Францию, а не наоборот. Забегая несколько вперед, скажем, что подобная политика окупилась в будущем сторицею. На этом понимании задач дальнего прицела, часто противоречивших интересам отдельных могущественных экономически или политически групп Великобритании,²⁶ и основывал свою политику Вильгельм III, ее успех был

²⁶ Участие Англии в Пфальцской войне не сулило немедленных выгод, напротив, эмбарго на торговлю с Францией разорило многих купцов и судовладельцев. Как таковая, война встретила сопротивление английских и еще более ожесточенное — нидерландских купцов. Кроме Вильгельма и Гейнсиуса лишь члены кабинета и лорды адмиралтейства понимали, что эта война имеет своей целью не поощрение отечественного, а подавление французского мореплавания, конечное утверждение господства Англии на море (*Lossky A. International relations in Europe.* — NCMH, p. 187).

обеспечён, как правило, поддержкой довольно широких кругов экономически активного населения. Несколько менее органичной была политика короля в Нидерландах, что и сказалось позже — после его смерти военно-морской флот здесь пришел едва ли не в такой же глубокий упадок, как российский после смерти Петра I.

Вильгельму III, главному организатору как Аугсбургской лиги (1687 г.), так и новой антифранцузской коалиции 1689 г., удалось включить в нее почти все европейские государства, нейтральными остались лишь Португалия, Польша, да обе Скандинавские страны. Привлечь Данию и Швецию на свою сторону стало, по понятным причинам, одной из главных задач обеих враждующих сторон.

Находившаяся перед войной в союзе с Францией и ведшая настоящую торговую войну с Нидерландами Дания, почувствовав угрозу изоляции, поменяла курс на противоположный, предоставив в 1689 г. Вильгельму 7000 наемных солдат. Швеция, находившаяся перед войной в тесных союзнических отношениях с морскими державами и даже помогавшая Вильгельму Оранскому в его высадке в Англии, на сей раз от участия в войне уклонилась. Ведущие политики Скандинавии канцлер-президент Швеции Б. Уксеншерна и исполнявший обязанности канцлера Дании К. Ревентлов избрали политику балансирования, неприятия активной позиции в борьбе двух сторон. Война показала, что нейтралы могут рассчитывать в условиях торговых вето и морских блокад, неизбежно сопровождающих коалиционные войны, на солидный политический, финансовый и коммерческий капитал.

Трудно сказать, кто первым начал морскую торговую войну. Французские каперы вынудили морские державы прибегнуть к практике конвоев, формально о запрете торговли с Францией объявили своим подданным Нидерланды и Англия. Ситуация сложилась таким образом, что Скандинавские страны должны были в условиях увеличения с началом войны емкости европейского рынка впервые в истории взять на себя в полном объеме морские перевозки, которые ранее выполняли тысячи нидерландских и английских судов со всеми вытекающими отсюда возможностями доходов и развития мореплавания.²⁷

²⁷ Подробнее см.: *Jørgensen D. Danmark—Norge mellom stormaktene 1688—1697. Oslo ; Bergen ; Tromsø, 1976, s. 10—13.*

Положение это сохранялось, однако, недолго. Уже через полгода англо-нидерландский союзный договор распространил запрет торговли с Францией и на нейтралов, которые восприняли, естественно, данный пункт как нарушение международного права («free ship — free goods»). Противоречило это и букве англо-датского договора 1670 г., в котором признавалось право одной страны торговать с врагами другой любыми товарами, кроме контрабандных, и в любых портах, кроме формально блокированных или осажденных. Такой же трактат был заключен между Англией и Швецией в 1661 г., а также между Швецией и Нидерландами в 1679 г. Поэтому нейтралы решительно отказывались теперь признавать новые ограничения свободной торговли.

Начавшиеся еще до подписания трактата аресты судов и конфискации товаров были, таким образом, незаконными, это понимали и морские державы. Вильгельм III объявил подобную практику военной необходимостью, не пытаясь найти ей хоть какое-то оправдание в международном праве. Иными словами, военная необходимость была поставлена превыше политической; до этого надежда привлечь Скандинавские страны к сотрудничеству или союзу была далеко не исчерпана, теперь она рухнула, и это было первым серьезным поражением морских держав в Пфальцской войне. Остановить нейтральную торговлю оказалось невозможным, дело здесь было не только в уникальных прибылях, но и в том, что, подчинившись требованиям Англии и Голландии, т. е. по сути, прекратив торговать, владельцы судов должны были разориться, семьи моряков и грузчиков были обречены на голод, отдельные области Швеции и особенно Норвегии вообще не могли существовать без обмена товарами с заграницей. Масса людей в столицах и провинции жила добычей сырья и изготовлением товаров на вывоз. Очевидно, Версаль в отличие от морских держав понял не только невыгодность, но и невозможность жесткой политики по отношению к нейтральной торговле и признал ее неприкосновенность весной 1694 г.²⁸ Примечательно, что почти

²⁸ Кроме того, французы, взвесив все за и против нейтральной торговли, решились первыми протянуть руку враждебным им партиям при скандинавских дворах. Это не могло не повлиять на вспыхнувшую здесь с началом каперской войны с новой силой борьбу между сторонниками формирования меркантилистской политики при противостоянии морским державам и при-

одновременно Дания заключила со Швецией трактат о вооруженном нейтралитете, направленный на охрану свободной торговли, т. е. практически против Англии и Нидерландов.

Казалось, давняя мечта Версаля — привлечь к себе обе Скандинавские страны — была близка к исполнению. Скандинавские страны могли оказать неоценимую помощь в борьбе с Нидерландами и германскими князьями, а балтийский флот — решить к обоюдной пользе проблему вывоза из Франции продуктов сельского хозяйства и ввоза товаров военно-стратегического значения. Норвежский же берег годился как атлантическая база для французского военно-морского флота и каперов. Наконец, появлялась реальная возможность привлечь Скандинавию в могучую «третью партию», способную повлиять на ход войны в пользу Франции.

Осознала эти возможности и противная сторона. Сразу после подписания первого в истории трактата о вооруженном нейтралитете Вильгельм III признался: «Третья сила теперь будет делать, что захочет, привлечь ее на нашу сторону отныне абсолютно невозможно, разве что произойдет чудо. Я не вижу, как можно исправить это тяжелое положение... Они будут теперь диктовать нам свои условия».²⁹ Тем не менее в 1693 г. на соединенный морской конвой нейтралов нападают каперы Англии.

Убедившись, что нападение это не случайность, Кристиан V предложил Карлу XI немедленно закрыть все скандинавские гавани для английских и нидерландских судов (а пришедшие задержать), совместно запереть Эльбу, Везер и вход в Балтику, отозвать свои войска со службы у морских держав. И тут же Франции была предложена любая военная помощь против коалиции.³⁰

Этот комбинированный удар был рассчитан точно — он поразил одновременно все слабые места политики и экономики Англии и Нидерландов. Они были вынуждены

верженцами традиционной политики баланса и сотрудничества с Англией и Нидерландами. И в Дании, и в Швеции первые победили вторых (*Landberg G. Den svenska utrikespolitikens historia*, s. 291).

²⁹ Цит. по: *Grovestins S. de. Histoire des luttes et rivalités politiques entre les puissances maritimes et la France durant la seconde moitié du XVIIe siècle*. Paris, 1853, vol. 6, p. 253.

³⁰ *Jørgensen D. Danmark—Norge mellom stormaktene...*, s. 79—82.

не только немедленно прекратить нападения на караваны, но и просить Скандинавию принять возмещение за весь причиненный ими ущерб.

Датско-шведский союз был весьма многообещающ; во всяком случае он приносил прекрасные плоды для Скандинавии и мог существовать (как почти любой союз) до тех пор, пока не изменятся вызвавшие его к жизни внешне- или внутривосточные условия. Однако раскол его произошел задолго до конца Пфальцской войны, когда необходимость в нем оставалась прежней и существованию его, казалось, ничего не угрожало.

В 1694 г. умер герцог Кристиан-Альбрехт Гольштейн-Готторпский, политик, всегда стремившийся, несмотря на оппозицию в отношении Дании, к компромиссам между своим датским сувереном и шведским покровителем, более всего опасавшийся попадать между двух огней, понимавший, что маленькое герцогство в любом случае — лишь пешка в датско-шведской игре. Его преемник, Фредерик IV, был настроен более решительно: едва взойдя на престол, он заменил всех министров покойного отца своими экстремистски настроенными ставленниками. Вскоре в результате ряда провокаций возникло новое датско-готторпское столкновение, в которое вмешалась и Швеция. Если сложность датско-шведских разногласий и ранее лимитировала проведение совместной конструктивной политики, то теперь из-за них союз этот распался.

Конфликт в Ютландии разрастался; в 1696 г. он влиял уже на главные политические линии Дании и Швеции — после раскола союза эти страны не могли, естественно, оставаться в политической изоляции. Это понимали как в Париже, так и в Лондоне. В Данию и Швецию выехали лучшие дипломаты и военные специалисты Европы. В ожесточенной дипломатической борьбе 1696—1697 гг. морским державам удалось заручиться поддержкой Дании. Определяющую роль здесь сыграла, очевидно, экономическая конъюнктура — торговля с Англией и Нидерландами была для Дании более перспективной, тогда как от ослабевшей в войне Франции в дальнейшем вряд ли можно было ожидать каких-либо выгод. Англия горячо поддерживала сближавшуюся с ней Данию среди прочего и ради экономических выгод (флот ее был занят в войне с Францией, так что начавшаяся оживленная датско-английская торговля велась в основном на датских

судах — за пять последних лет войны их пришло в Англию 1050, тогда как английских в Данию — лишь 39).³¹

Мирные переговоры начались в Рисвике; единственный раз в истории Европы главным посредником в примирении самых сильных держав была Швеция. В качестве посредника она устраивала добившуюся на последней стадии войны преимущества на суше Францию тем, что должна была согласиться (если не хотела очутиться в изоляции) с предложенным ей решением участников войны. Решение же это было выработано еще в 1694—1696 гг. на секретных переговорах представителей Людовика XIV, Вильгельма III и Гейнсиуса. В результате Рисвикского мира 1697 г. Нидерланды добились выгодного торгового договора с Францией, Вильгельм — признания Людовиком его королевского достоинства, Франция уступила империи ряд городов и крепостей, но было признано ее право на Страсбург.³²

Удивительно, что Дания и Швеция принципиального улучшения своей позиции не достигли, тем более учитывая тот факт, что в годы войны они решительно и удачно выступили в защиту своих прав и торговых выгод. Политические причины этого были схожими для обеих стран. И в Стокгольме, и в Копенгагене по-прежнему яростно боролись за влияние партии, две из которых стремились склонить своих королей в сторону морских держав (Б. Уксеншерна, К. С. Плессен), две других, наоборот, — к Франции (Ю. Гюлленшерна, Ф. Вреде и Т. Б. Йессен). Короли являлись в некотором роде центром, им и их ближайшим советникам приходилось выбирать из нескольких альтернативных политических моделей. В последний, решающий период войны и мирных переговоров при обоих дворах, судя по всему, побеждали партии, стоявшие за поддержку морских держав, за активное участие в большой европейской политике. О сближении Дании с Англией и Нидерландами мы уже говорили. Швеция также оказывает последним важную услугу: в момент, когда из-за так называемого страсбургского конфликта в августе—сентябре 1697 г.³³ вновь была готова вспыхнуть война и морские державы потребовали, чтобы Швеция

³¹ *Ibid.*, s. 242.

³² *Clark G.* From the Nine Years War to the War of the Spanish Succession. — *NCMH*, p. 381—385.

³³ *Landberg G.* Den svenska utrikespolitikens historia, s. 259.

подтвердила свою готовность гарантировать ненарушимость условий Вестфальского и Нимвегенского договоров (в их части, ограничивающей притязания Франции), Карл XI пошел навстречу именно Англии и Нидерландам, не опасаясь санкций Людовика. Однако ни Дания, ни Швеция не выдержали до конца роли самостоятельно выбирающих пути в политике, независимых держав. Сказалась многолетняя привычка, превратившаяся в традицию, отличительный признак скандинавской политики последнего полувека — принцип балансирования, перестраховки, боязнь активности, риска открытых столкновений. И Дания начинает параллельные переговоры с Францией о субсидиях, а Швеция заблаговременно сообщает в Версаль о своей готовности гарантировать старые договоры, чем сильно снижает ценность уже сделанной было морским державам услуги.

Имелся и третий путь выхода из мешавших растущим странам рамок ограниченной, балтийской политики — Париж предложил реставрировать старый франко-датско-шведский союз. Выгоды такого усиления позиции были очевидны, но Швеция чувствовала себя ослабленной в германских своих провинциях, Дания ссылалась на нерешенность гольштейн-готторпского вопроса (заметим, все более мелкие, местные причины), и этот очередной план выхода на широкую арену европейской политики не удался.

Такая общеполитическая концепция свидетельствовала прежде всего об упадке политической мысли в балтийских странах в указанный период. Возможно, времена великих воинов и политиков Густава-Адольфа и Кристиана IV, вся тогдашняя обстановка требовали и иной, более крупномасштабной и конструктивной политики?

И все же причины здесь были более субъективного характера; искать их надо не только во внутренней политике этих стран и в их экономическом положении, а, может быть, даже в личной одаренности и патриотизме исторических лиц, стоявших в эти годы у государственного руля. Ведь тот же Гольштейн-Готторп мог занимать в течение ряда лет одно из центральных мест в дипломатических отношениях крупнейших держав лишь благодаря кучке своих способных и энергичных политиков, самый известный из которых — гениальный авантюрист Г. Х. Герц — смог занять место руководителя внешней политики не только герцогства, но и великой державы Швеции. Что же касается Дании или Швеции, то в конце

XVII—начале XVIII в. мы не можем назвать ни одного политика масштаба Герца, не говоря уже о великих деятелях Скандинавии первой половины XVII в.

Итак, проблема господства на Балтике оставалась актуальной на протяжении всего XVII в., причем балтийский вопрос во второй половине века был так же далек от разрешения, как и в первой. Благодаря ряду упомянутых выше благоприятных внешних и внутренних факторов ближе всех к заманчивой цели продвинулась Швеция, но лишь до определенных пределов, далее которых ее не пускали иные, большие и малые, державы, не желавшие поступаться своими экономическими и политическими выгодами. Швеция сталкивалась, таким образом, не только с отдельными противниками (или их коалициями), но с противодействием стран, не связанных между собой никакими договорами, но образующими неформальные антишведские группы в моменты активизации экспансии Стокгольма, равно опасной им всем.

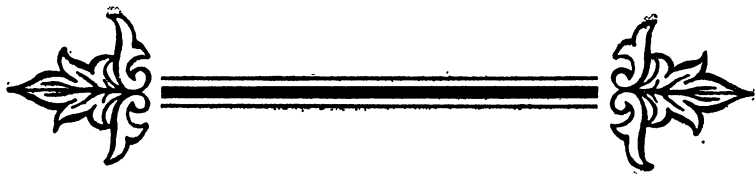
Во второй половине XVII в., когда по ряду причин внешняя политика Швеции утрачивает свои агрессивные черты, необходимый абсолютно большинству европейских стран мир на Балтике более прочным не становится. Во-первых, будущие участники войны за Испанское наследство стремились заручиться военно-политической поддержкой балтийских стран в назревавшем конфликте, нередко пытаясь расколоть для этого оборонительные и иные союзы северных держав. Во-вторых, равновесие сил на Балтике было далеко не идеальным. Невозможность разрешения старых споров в этом регионе до тех пор, пока в них активно вмешивались великие державы, была причиной искусственности поддерживаемого ими таким образом извне баланса, крайней зыбкости мира в Северной Европе.

Усиление к концу XVII в. России означало, как было сказано, упрочение равновесия на Балтике, придание ему более естественных, имманентных черт. Судя по всему, необходимость взаимного уважения суверенитета была очевидной для обоих мощных соседей — ведь в 1699 г. в Москве был подписан русско-шведский договор, согласно которому стороны обязались соблюдать все прежние мирные, торговые и прочие договоры «крепко, верно и ненарушимо».³⁴ Однако в мире были заинтересованы

³⁴ ПБП. СПб., 1887, т. 1, с. 315.

лишь шведы — судя по политике Петра I в предвоенные годы (см. ниже), он и мысли не допускал о возможности добиться возврата утраченных Россией в XVII в. территорий мирным, дипломатическим путем.

Таким образом, в предвоенное десятилетие наметилась возможность решения балтийского вопроса путем упрочения позиций России за счет Швеции. Подобное решение было бы оптимальным в отношении будущей стабильности равновесия сил, достигнутого благодаря ослаблению самой сильной северной державы. Но, прежде чем приступить к решению подобной задачи, царю было необходимо преодолеть ряд значительных трудностей внутри- и внешнеполитического характера, объективно замедлявших подобный вариант решения основной политической проблемы стран прибалтийского региона.

Глава вторая

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Датско-шведские отношения в конце XVII в.

С 1697 г. история «балтийского вопроса» вступает в свою заключительную фазу. В этом году произошло два внешне малопримечательных события, имевших самые глубокие последствия. Во-первых, со вступлением на престол 15-летнего Карла XII шведское правительство начинает возвращаться к старой активной политике нажима на Данию, к экспансии. Во-вторых, весной этого года Петр I решает выступить против Швеции в союзе с другими балтийскими государствами. Два этих фактора обусловили резкое возрастание политической напряженности на Балтике в 1697—1700 гг. и в конечном счете привели к войне.

Естественно, были и другие, дополнительные причины, содействовавшие развязке войны и расширению ее театра, такие как традиционное стремление польско-литовского дворянства к расширению границ за счет Лифляндии, необходимость для Саксонии в целях усиления своих позиций в Польше принять в этой войне участие, нерешенность датско-готторпских и датско-шведских противоречий и т. д. Однако события развивались так, что все указанные стремления получили активное выражение не ранее, чем столкновение двух основных противоборствовавших сил высекло искру большой войны, в пламени которой одни государства видели гибель своих врагов, другие — возможность погреть руки.

Необходимым дополнительным фактором войны было общеевропейское международное положение, складывавшееся благоприятно для стран, желавших разрешить назревшие вопросы насильственным путем, — близившаяся война за Испанское наследство отвлекала силы великих держав от вмешательства в северные дела. Конкретно это выражалось в большей привязанности основных контингентов их вооруженных сил к позициям, стратегически обусловленным надвигавшейся войной. Примером могут служить военно-морские силы Англии и Нидерландов. Эта «пожарная команда» эпохи была с 1694 г. связана осуществлением стратегической изоляции Франции — отныне эскадры их зимуют в Кадисе, затем их присутствие в Средиземном море становится постоянным.

Конечно, не следует делать вывод, что такое благоприятное положение сохранялось в течение всего периода 1697—1701 гг. — в моменты ослабления напряженности на юге и западе Европы Англия снова могла использовать свой флот на севере. Так, кстати, и случилось летом 1700 г., когда Карл XII штурмовал Зеландию. Поэтому слова Ф. Энгельса об исключительно благоприятном для России положении в Европе,¹ сложившемся накануне войны, можно воспринимать в качестве генеральной оценки положения более или менее значительного периода перед войной, на протяжении которого строились предположения о неизбежности войны за Испанское наследство. Только с этой точки зрения можно оценить, в частности, политическое искусство и решительность Петра I, сумевшего создать антишведский союз и подготовиться к войне в один из самых неблагоприятных для союзников моментов, когда морские державы и Франция сблизились настолько, что Англия провела демобилизацию большей части сухопутной армии и максимально заострила свое внимание на Балтике. Лишь одно обстоятельство облегчало на первых порах задачу Петра — морские державы в их собственных запутавшихся и затянувшихся войнах 1688—1697 гг. искали дружбы Дании и Швеции, не обращая почти никакого внимания на внешнюю политику далекой Москвы. Поэтому на этапе подготовки войны русские политики не ощущали какого бы то ни было давления, были свободны в своих действиях.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 20.

Из двух названных нами основных причин войны (стремления России открыть выход в Балтийское море, а Швеции — окончательно подавить Данию) хронологически раньше оказала свое влияние на ход событий вторая.

К моменту развязывания последнего для великодержавной Швеции конфликта с Данией благодаря развитой системе союзных и мирных договоров и их гарантий на Балтике шведский король не мог открыто применить политику силы. То, что он угрожал Дании не с востока, а с юга (через Шлезвиг-Гольштейн), действительности нажима не уменьшало, но снимало с него всю ответственность за попытки нарушения баланса, устраивавшего великие державы.

О тесном личном контакте молодого короля Швеции и герцога Гольштейн-Готторпа Фредерика IV говорилось немало.² Для нас важнее доказательства не продолжения герцогом старой политики безынициативного, пассивного стремления к сохранению status quo, а заметного оживления, активизации, наступательности в отношении сюзерена. Начало этой новой политики совпало с зарождением личной дружбы правителей герцогства и Швеции. Такое сближение предоставляло неоспоримые выгоды обоим агрессорам: карликовому герцогству — всю мощь шведской армии, а Швеции — возможность эту мощь применить в любых масштабах, оказывая помощь герцогу, но не объявляя войны Дании. Так отпадала опасность санкций великих держав; возможные попытки разобраться в запутанной юрисдикции территорий герцогов и королей Дании были неизбежно обречены на провал, это хорошо понимали оба врага Дании.³

В последние мирные годы официальные отношения между Гольштейн-Готторпом, Данией и Швецией строились на Альтонском мирном договоре, согласно которому, напомним, герцог обязался не возводить укрепле-

² См., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 617.

³ Совершенно неверно, на наш взгляд, определение роли герцогства в планах Карла XII как «буферного государства» между шведскими провинциями в Германии и Данией (*Hill Ch. E.* The danish Sound dues and the command of the Baltic. Durchem, 1926, p. 199; *Olmer E.* Konflikten mellan Danmark och Holstein-Gottorp. Göteborg, 1898, bd 1, s. 8). Как справедливо указывают шведские историки, современники считали герцогство «частью территории Швеции» со всеми вытекавшими из этого выводами.

ний вблизи от границы с коронными землями и не вводить на свою территорию иностранные войска; гарантами Альтоны были Швеция, Англия и Нидерланды.

С этими последними у Швеции осенью 1697 г. ухудшились отношения. Ослабление позиции неприятеля показалось датским политикам благоприятным знаком для реставрации добрых отношений между Скандинавскими странами, оказавшихся столь благотворными в годы 9-летней войны. С этой целью в Стокгольм был отправлен опытный дипломат Й. Юль. Посол не только должен был восстановить контакты, но и закрепить их, предложив брак датского принца и сестры Карла XII, а возможно, и самого Карла XII с датской принцессой. Кроме того, Юль должен был склонять шведов к вступлению в датско-шведско-французский союз и к переговорам о мирном решении готторпского вопроса.⁴ Посол нашел понимание у политиков, заинтересованных в дружбе с Францией и мирной торговле, но победила партия сторонников конфронтации с Данией. Этой «победе», ставшей первым шагом в близившемся политическом поражении Швеции, во многом содействовала царившая в Стокгольме уверенность в больших и важных переменах в пользу шведов в ближайшем будущем, уверенность в собственных силах, в том, что добиться прочного и независимого положения на Балтике возможно не с помощью соседней нации, а лишь за ее счет.

Мы не можем утверждать, что подобная национально-эгоистическая концепция была в то время всецело «шведским достоянием» — она была естественной для большинства государств, в том числе и Дании. Однако посольство Юля показывает, что в отличие от шведов датские политики в преддверии войны снова и снова обращались к идее скандинавского сотрудничества. И если мы не можем делать сравнений степени узконациональной ограниченности и прагматизма обеих стран, то настойчивые и, очевидно, неслучайные призывы Копенгагена к сближению все же характеризуют его политику как более дальновидную, цельную и имевшую в перспективе оптимальную альтернативу для достижения политической независимости Скандинавии от великих держав. Не удалось же ее провести в жизнь, очевидно, не только по ука-

⁴ Bidrag til den Store nordiske krigs historie. København, 1899, bd 1, s. 24.

занным субъективным, но и по вполне объективным причинам — в ту эпоху в Скандинавии еще не созрели ни внешние, ни внутренние предпосылки для ее осуществления.

Разочарование копенгагенских сторонников сближения со Швецией было велико, но ему было суждено стать еще большим через год, когда исчезли последние надежды на мирное окончание датско-шведского диалога. Вначале Карл XII отдал за герцога свою любимую сестру, а вслед за этим назначил его командующим группой войск в Северной Германии. Если установление родственных связей должно было продемонстрировать континуитет и активизацию шведско-готторпских связей, то передачей шведских войск под командование герцога было сделано прямое предупреждение Дании: в случае военного конфликта с готторпскими сепаратистами на нее обрушится вся мощь шведской военной машины.

В настоящее время не существует двух мнений насчет агрессивности Швеции и Гольштейн-Готторпа относительно Дании в последние 2 года XVII в. Один из самых глубоких исследователей внешней политики Швеции биограф Карла XII О. Хайнтц пишет, что упомянутые меры короля были «исключительно враждебны Дании, призваны обострить датско-шведские отношения».⁵

Подобные акции демонстративными, чисто провокационными отнюдь не были. Когда осенью 1698 г. герцог возвращался со свадебных торжеств из Швеции, его сопровождал К. Стюарт, генерал-квартирмейстер шведской армии, бывший наставник Карла XII в военном искусстве, влиятельнейший советник короля. В Гольштейн-Готторпе Стюарт должен был обследовать состояние вооруженных сил герцога с точки зрения их боеготовности.

В июле 1699 г. герцог начал восстановление линии укреплений на границе с Данией, а Карл XII ввел на территорию Гольштейн-Готторпа 1,2 тыс. шведских солдат.⁶ Подобные акты явно противоречили Альтонскому трактату, однако ни один из гарантов договора не сделал никакого представления по этому поводу. Вопреки ожиданиям не последовало ответной акции и со стороны Да-

⁵ Haintz O. König Karl XII von Schweden. Berlin, 1958, Bd 1, S. 20.

⁶ Herlitz N. Det stora nordiska krigets förhistoria och första år. — In: Karl XII: Till 200-årsdagen av hans död. Stockholm, 1918, s. 104—106.

нии. Вряд ли такую безответность можно объяснить какими-либо глубокими переменами в политическом курсе Дании; причина была проще — король и верховный главнокомандующий Кристиан V был тяжело болен. Перчатку, брошенную врагом, поднял его сын, Фредерик IV, но случилось это уже после смерти старого короля (август 1699 г.). Пока же страна лихорадочно готовилась к войне — действия противника сделали любой компромисс невозможным. Велась подготовка и на дипломатическом фронте, причем сразу на трех направлениях: польско-саксонском, англо-нидерландском и русском.

У истоков нового политического курса России (руско-датское сближение и цели Великого посольства 1697—1698 гг.)

Не вдаваясь в подробности переговоров на первых двух направлениях, скажем лишь, что от Августа II Копенгаген добивался согласия на союзный трактат, направленный против шведской агрессии. Переговоры в Дрездене завершились успехом, так как саксонец в таком союзе нуждался не меньше Фредерика IV. Менее успешными были действия датских дипломатов в Гааге и Лондоне по обеспечению нейтралитета морских держав: убедившись в отсутствии малейших предпосылок к успеху их миссии, они даже не изложили ее на официальных встречах, ограничившись частными беседами с английскими и голландскими дипломатами.⁷

По отношению к России политика Дании была гораздо более сложной. Еще весной 1697 г. в Москву был отправлен посол П. Гейнс с заданием «прощупать почву» для создания датско-русского оборонительного союза, необходимого Дании в целях обеспечения поддержки в случае продолжения агрессивных действий «соседей» («den Venachbahrten»),⁸ т. е. Швеции и Гольштейн-Готторпа.

Одновременно с инструкцией Гейнсу было передано секретное «Заключение»,⁹ в котором подчеркивалась необходимость связать Россию обязательствами в такой сте-

⁷ Plessen og Lente — kongen, 7 sept. 1697. — RATKUA, Nederlandene, bd 117.

⁸ Instruks af 10 april til Poul Heins. — RATKUA, Rusland, A-II.

⁹ Betaenkning. — Ibid.

пени жесткими, чтобы Дании была гарантирована помощь России на всем протяжении возможной войны. В случае же, если Россия не захочет выступить против шведов в нужный для Дании момент, копенгагенские политики предполагали заключить союз с Карлом XII, направленный против России. За эту помощь ожидалось согласие Швеции добровольно возвратить захваченные ею у Дании в XVII в. провинции.

Двойственность датской политики по отношению к России еще отчетливее проявилась в «Приложении» к инструкции Гейнсу.¹⁰ В нем говорилось, что хотя Дания и имеет основания не желать усиления Швеции, но не все шведские завоевания ей могут повредить. Если архангелогородская хлеботорговля получит дальнейшее развитие, то король потерпит убытки вследствие уменьшения зундской пошлины, пострадает датское земледелие и мореходство. Но все эти угрозы будут ликвидированы, если шведам удастся привести Архангельск под свою власть (или контроль — «*Botmässigkeit*»).

Бряд ли такую неопределенность политики Копенгагена можно объяснить лишь неуверенностью датчан в благосклонности к их планам русского царя (как делает датский ученый Б. Йенсен¹¹). Политика эта не прибавила ни в стабильности, ни в цельности и после того, как датское правительство убедилось в доброжелательности не только Петра I, но и третьего союзника — Августа II, а именно через два с лишним года, когда уже были обменены первые ратифицированные союзные акты и была ясна полная неизбежность войны — до ее начала оставались считанные месяцы. Составленные Тайным советом и направленные в Москву Гейнсу «Планы к союзному трактату»¹² были призваны определить позицию посла на трех стадиях развития русско-датских отношений: 1) в период подготовки союза, 2) в период между ратификацией договора и объявлением войны и 3) во время войны.

Если в первой части «Планов» мы не находим ничего нового, кроме предписания выяснить, не удастся ли при

¹⁰ *Secreta Argumenta. Tillaeg.* — Ibid.

¹¹ *Jensen B. Dansk-russiske relationer, 1697—1709.* — HJS, N. R., 1970, bd 8, s. 440.

¹² *Konzepter til Alliancetraktat mellem kong Christian V af Danmark-Norge og zar Peter af Rusland, aug. 1699.* — RATKUA, Rusland, A-II.

любом исходе переговоров присоединить к королевству «достаточный» («zulängliche») кусок русской территории, то во второй части рассматривается возможность оккупации России турками и вероятного в такой ситуации захвата шведами побережья с суши (включая Карелию). При этом предполагалось помочь шведам в их походе на Россию; взамен Стокгольм, очевидно, сделает для Дании скидку с пошлин, а может быть, добровольно предоставит те самые «сатисфакции», из-за которых Дания враждовала со Швецией последние полвека.

Б. Йенсен утверждает, что Дания, разрабатывая возможность создания антишведского союза, имела в виду гораздо более широкие перспективы, чем, скажем, возвращение захваченных Швецией провинций. Далеко идущие планы датского правительства были нацелены на кардинальное изменение всего соотношения сил в области Балтийского моря в пользу Дании. Такая цель могла быть достигнута с помощью союза России с Саксонией—Польшей, государствами, опираясь на военную мощь которых, Дания могла занять ключевую позицию (если не лидирующее положение) в более широком регионе северо- и восточноевропейских государств, вернуть себе статус великой державы.¹³

Нам остается добавить к выводам Йенсена, что для осуществления этих замыслов датский король был готов прийти на русскую землю с мечом в руке, был готов помочь шведам осуществить мечту Густава-Адольфа: отрезать Россию от выхода и в Белое море. Дело до этого не дошло из-за улучшения русско-турецких отношений и энергичного завершения Петром I союзных переговоров.

Нам представляется, исходя из вышеизложенного, что распространенное утверждение о том, что план создания Северного союза — детище датской политической мысли, преувеличено: Неопределенность, зыбкость курса политики Дании в этот период объяснялась, заметим, не переменами в отношении к ней России — оно было неизменно дружественным и равным, а иными факторами, имевшими для датчан большое значение. Главным из них был уровень датско-шведских отношений. Когда шанс на союз со Швецией исчез (но не ранее!), Дания решается на союз с Россией.

¹³ *Jensen B. Dansk-russiske relationer. . .*, s. 402.

Совершенно иной была политика России. Уже в первых своих реляциях П. Гейнс сообщает об антишведской настроенности высших кругов московского дворянства, вызванной среди прочего «оскорбительным приемом», оказанным Великому посольству (отправившемуся в Европу незадолго до прибытия Гейнса) генерал-губернатором Лифляндии Э. Дальбергом. Здесь же посол пишет о намерении Петра навестить датского короля с какими-то целями.¹⁴

В дальнейшем выводы Гейнса о наличии у русского правительства враждебных Швеции планов могли только подтвердиться. В воскресенье 11 августа 1697 г. посла пригласил в свое подмосковное имение Кунцево Л. К. Нарышкин. По существу это была первая деловая встреча одного из весьма доверенных приближенных Петра с послом, прибывшим с неизвестной пока миссией. О чем же мог говорить Лев Кириллович с представителем сильной морской державы? Естественно предположить, что беседа могла ограничиться кругом важнейших вопросов, затронутых Петром в период его пребывания в других морских державах, где он, как известно, вел переговоры о помощи в кораблестроении (Голландия) или о торговле (Англия), может быть, о помощи в борьбе с турками. Все эти вопросы были для России, что называется, горящими и несомненно затрагивались в беседах дяди с племянником зимой—весной 1697 г. перед тем, как царь должен был надолго оставить родину.

И вот начальник Посольского приказа из массы важнейших вопросов избирает стоявший на повестке дня, очевидно, под первым номером. По неопровержимому свидетельству Гейнса, он открывает переговоры о создании антишведского наступательного союза!¹⁵

¹⁴ Heins — Reventlov, 30 juli 1697. — *RATKUA*, Rusland, B, bd 42.

¹⁵ После торжественного обеда, поразительно напомнившего послу аудиенции у монархов, Л. К. Нарышкин удалился с П. Гейнсом и датским комиссаром Б. Розенбушем в отдельные покои. Переводчики Посольского приказа к дальнейшему участию в переговорах допущены не были (с целью сохранения государственной тайны). Посол и боярин выразили в беседе взаимное намерение не только возобновить близкие сношения, но и «упрочить и развить их совместными действиями, благоприятными для обеих сторон». Род подобных действий пока не уточнялся, фразы были достаточно общими. «И вдруг, — пишет Гейнс, — ни с того ни с сего (*bientost apres de but en blanc*) он спросил, доста-

Поскольку переговоры были неофициальными и секретными, устная договоренность, ставшая результатом встречи, нигде, кроме донесения Гейнса, зафиксирована не была и заметной роли в дальнейшем не сыграла. Для историка значение кунцевской встречи в ином: поскольку ведение Нарышкиным переговоров такой важности по собственной инициативе исключено, очевидно, что план коалиционной войны (пусть в самых общих чертах) был обсужден Петром и Нарышкиным перед отъездом Великого посольства, т. е. до 9 марта 1697 г.

В редкой книге о Петре I не приводится, хотя бы вкратце, история Великого посольства. Некоторые авторы посвятили ему целые монографии.¹⁶ Те же из историков, кто осмыслил все значение данной миссии, утверждают, что «посольство это составило эпоху в истории не только страны, но и мира».¹⁷ Такое утверждение может показаться преувеличением, но лишь до ознакомления с ускользнувшими от внимания исследователей фактами.

Задачи посольства были изложены в инструкции, составленной Петром для великих послов Ф. Лефорта, Ф. А. Головина и П. Б. Возницына. Документ выдержан в традиционных тонах, он трактует необходимость привлечения новых союзников к борьбе против «неверных». Однако эти цели, фиксированные в официальном документе, столь же мало, на наш взгляд, отражали действительную задачу заграничной поездки царя, сколь официальный глава посольства, Лефорт, в действительности руководил дипломатической деятельностью «урядника Петра Михайлова». Такая практика в дипломатии XVII в. была скорее правилом, чем исключением: послам обычно вручалась официальная инструкция, которую они могли предъявить по требованию принимающей стороны.

точно ли дружески настроено ваше в-во к царю, чтобы помочь ему делом, если тот начнет войну?». Ошеломленный поначалу посол горячо заверил своего высокого собеседника, что король «всегда подавал руку тому, кто просил ее в справедливом деле, не изменит он своему обычаю и теперь... когда нужно защитить права обоих государств!». Очевидно, это заявление полномочного посла оказалось именно тем, чего ожидал на данном этапе Нарышкин, так как исходом встречи он был весьма доволен (Heins — kongen, 13 aug. 1697. — RATKUA, Rusland, B, bd 42).

¹⁶ *Bergengrün A.* Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland. Riga, 1892. 2+98 S.

¹⁷ *Lisk J.* The struggle for supremacy in the Baltic 1600—1725. London, 1967, p. 156.

Иногда составлялась и вторая инструкция, в которой завеса над истинной целью миссии приоткрывалась, — ее также можно было предъявить в случае необходимости. И совершенно не подлежала оглашению секретная инструкция, согласно которой посол, собственно, и действовал. Такие инструкции в целях сохранения государственной тайны могли быть и устными; тайна их часто умирала вместе с послами. Так, очевидно, обстоит дело и с истинной целью поездки Петра — мы можем судить о ней лишь по действиям царя за рубежом, оставившим след в заметках современников и резко отличавшимся от запланированных в официальной инструкции «великим послам». Несомненное знакомство авторов весьма солидных работ с системой инструкций в дипломатической практике эпохи «кабинетной политики» не мешает им в анализе задач Великого посольства опираться лишь на упомянутый нами документ. Они считают поэтому основной целью посольства сколачивание нового крестового похода, цитируя такие, например, указания послам, как «подтверждение прежней дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов Креста Господня... к вящему приращению государей христианских».¹⁸

Официальной целью посольства действительно было расширение антитурецкого союза России, Австрии и Венеции (он был заключен в январе 1697 г.). Но это было пока невозможно — Англия и Голландия готовились к своей войне, Франция издавна являлась другом Турции, а в Польше еще не был избран король, отчего, кстати, посещение этой страны вообще поначалу не планировалось. Т. е. утверждение о совпадении официальной инструкции с фактической полностью отпадает.

Поэтому, учитывая отсутствие иных документальных источников о политических задачах посольства, следует исходить из реальных действий членов русской миссии в период ее пребывания за рубежом. И здесь вырисовывается совершенно иная картина.

С самого начала посольство проявляет обостренный интерес к вопросам обороноспособности шведских крепостей. Рижский эпизод достаточно хорошо известен, чтобы его пересказывать; укажем лишь на некоторые особенности ситуации, в которой произошел конфликт между

¹⁸ Цит. по: Истории дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 336.

Петром и губернатором Э. Дальбергом. Осмотр Петром и его окружением (в числе которого были и военные специалисты) укреплений Риги вряд ли был обусловлен лишь характерной для царя любознательностью,¹⁹ здесь отчетливо заметны чисто военные цели подготовки к будущей борьбе. Ведь Петр приказал сделать точные замеры глубин рвов, снять план и вычертить профили бастионов и иных сооружений,²⁰ что вызвало протест коменданта. Затем в Москву было отправлено сообщение, где среди прочего были указаны численность гарнизона, состав и расположение его частей в крепости, размер кормового и денежного довольствия в гарнизоне и т. п. — неудивительно, что донесение было написано симпатическими чернилами.²¹

Дальберг обоснованно счел инцидент в крепости настолько важным, что немедленно сообщил о нем в Стокгольм, будучи уверенным, что Петр готовит войну, намереваясь стать «твердой ногой» на берегах Балтики.²² Направил он в столицу и сообщение, поступившее к нему из России, подтверждавшее его подозрения, — позднее оно попало в руки интернированного в Швеции русского посла А. Я. Хилкова: «Прежде зачатия войны природной русской (т. е. русский подданный, — В. В.) писал к губернатору Далбергу в Ригу, что государь войной на Свею пойдет; которое письмо ныне сами видели».²³

Сообщения Дальберга — первые звенья в цепи подобных сигналов, возникновение которых легко проследить на всем пути следования посольства. Менялись страны, но не смысл просочившейся вовне информации о планах царя. Постоянно речь идет об одном и том же: Петр намерен рано или поздно «получить гавань» (вариант: «стать твердой ногой») на балтийском побережье.

¹⁹ Соловьев С. М. История России..., кн. 7, с. 549; Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1941, т. 2, с. 29—30.

²⁰ Соловьев С. М. История России..., кн. 7, с. 549; Bergengrün A. Die grosse moskowitische Ambassade..., S. 41; Isberg A. Erik Dahlberg och tsar Peters vesteuropeiska resa. — Svio-Estonika, 1962, bd 16, hf. 7, s. 64—65.

²¹ ПВП. СПб., 1887, т. 1, с. 146; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 3, с. 420; Богословский М. М. Петр I, т. 2, с. 26.

²² Olmer E. Om ryssfruktan i Sverige för 200 år sedan. — HTS, 1903, årg. 22, s. 299.

²³ А. Хилков — Г. Головкину, 29 янв. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 96, оп. 1709, ед. хр. 1, л. 2 об.

Второй источник подобной информации — Курляндия. Оказывается, и здесь царь обнаружил серьезное намерение добыть порт с тем, чтобы использовать его для торговли российскими и восточными товарами.²⁴ Французский посол Даво опасался даже, не заключил ли Петр в Курляндии антишведского союза.²⁵ В июне Даво пишет, что шведы имеют данные об участии в посольстве И. Р. Паткуля, пытающегося склонить Петра к овладению Лифляндией.²⁶ Этот слух был ложным, но весьма характерным — в Швеции уже летом 1697 г. связывали имя Петра с Паткулем, самым в то время активным противником шведского владычества в Прибалтике.

В Бранденбурге в период подготовки трактата (22 июня 1697 г.) о дружбе и союзе между Петром и Фридрихом III было заключено устное соглашение, имевшее силу не меньшую, чем остальные, вошедшие в письменный текст договора²⁷ о боевом взаимодействии, в основном «против шведа». Тот факт, что Петр не захотел внести его в текст, объясняется понятным нежеланием связывать себе руки до окончания войны с Турцией. И об этом соглашении стало известно шведам, которые уже были вполне уверены, что «москвиты еще этим летом овладеют Стокгольмом как Азовом».²⁸

Не покидая Бранденбурга, Петр добился избрания польским королем Августа Саксонского,²⁹ тем самым выступив против интересов Швеции,³⁰ причем открыто. Здесь же он решает изменить маршрут посольства и вместо юга отправиться далее в путь на запад, в Голландию и Англию, где, судя по событиям, ведущим к Рисвикскому

²⁴ *Svensson S.* Czar Peters motiv för kriget mot Sverige. — HTs. 1932, årg 52, s. 455.

²⁵ *Wahrenberg C. F.* Bidrag till historien om Sveriges yttre politiska förhållanden från konung Carl XI's död till freden i Travental. Stockholm, 1855, s. 33.

²⁶ *Negotiations de M. le Comte d'Avaux.* — Werken van het Historisch Genootschap Utrecht. N. S., 1882, bd 34, p. 172—173.

²⁷ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами / Сост. Ф. Р. Мартенс. СПб., 1880, т. 5, с. 45; *Пуляга А.* Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой северной войны. — Рус. вестн., 1879, т. 127, с. 650.

²⁸ Цит. по: *Feuereisen A.* Russenfurcht in Livland und Schweden vor Ausbruch des Grossen Nordischen Krieges. — S.-Ber. Ges. für Geschichte u. Altertumskunde, Riga, 1909, S. 11—13.

²⁹ *Богословский М. М.* Петр I, т. 2, с. 99.

³⁰ *Wittram R.* Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1, S. 149.

миру, его планы могли встретить большее понимание,³¹ и в этом не ошибся.

В Голландии Петр пытается установить политическое сотрудничество, напоминая, что совместные действия, имевшие антишведскую направленность, уже приносили добрые плоды обеим странам в 1670-х гг.³² Основным смысл этих переговоров стал через посла Н. Лилиенрота известен в Стокгольме.³³ Встречаясь в Нидерландах с датскими дипломатами, Петр говорил с ними о миссии П. Гейнса, обещая, что посол будет «удовольствован по настоящему».³⁴ Более того, царь заявил, что готов вести аналогичные переговоры с датчанами и «всякую услугу чинить» прямо здесь, в Голландии, однако те инициативу Петра отклонили, не зная результатов шведско-датских союзных переговоров. Поэтому и в реляциях датских дипломатов, дающих немало подробной информации о пребывании Великого посольства в Голландии,³⁵ о встрече Петра с королем Англии в Утрехте (содержание которой осталось тайной как для датчан,³⁶ так и для их голландских осведомителей³⁷), мы не встречаем и следа той лихорадочной активности, что отличала Й. Юля в Стокгольме. Впрочем, послы действовали согласно последней инструкции короля, где ни слова не говорилось о задачах, подобных поставленным перед Юлем; здесь содержалось лишь приглашение царю посетить Данию³⁸ — жест вежливый, но ни к чему не обязывающий. Что же касается столь нужной Копенгагену информации о новом курсе русской политики, то она поступила не из Утрехта, а снова из далекой России. Реляция Гейнса от 29 июля 1698 г. близка к данным Лилиенрота, хотя основана на московских источниках («царь хочет добыть порт на закрытой шведами Балтике»).

Едва Великое посольство ступило на почву Англии, как

³¹ *Zernack K. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. — Handb. Geschichte Russlands, Stuttgart, 1983, Bd 2, Lfg 4, S. 242.*

³² Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. СПб., 1856, т. 8, стб. 995—996.

³³ *Olmer E. On ryssfruktan i Sverige. ., s. 330.*

³⁴ Памятники дипломатических отношений. ., стб. 1047.

³⁵ *Plessen og Lente — kongen, 7 sept. 1697. — RATKUA, Nederlandene, bd 117.*

³⁶ *Plessen og Lente — kongen, 19 okt. 1697. — Ibid.; Sehested — Reventlov, 2 okt. 1697. — Ibid.*

³⁷ *Bilag til Plessens indberetning, 19 okt. 1697. — Ibid.*

³⁸ *Kongen — Plessen 10 aug. 1697. — RATKUA, Geheime Register, bd 74, s. 72—73.*

слухи о готовящейся Россией войне со шведами разгораются вновь: Даво пишет лично королю Франции, что «некие персоны» слышали об этих планах от самого царя.³⁹ Шведский посол сообщает из Лондона, что для разрыва со Швецией Петру будет достаточно продолжения его политики в Польше.⁴⁰ Начинается второй тур секретных русско-английских переговоров. Завеса тайны была и здесь столь плотной, что, насколько известно, ни в Англии, ни в России письменных источников о них не осталось. Эта секретность представляется нам косвенным доказательством того, что речь на переговорах шла в любом случае не о походе на Турцию и не о торговле (такие темы Петром не засекречивались).

Однако источники о переговорах, устные или письменные, существовали; след их использования обнаружен в неопубликованном варианте труда известного петровского политика и дипломата Г. Гюйссена «История Великой России», хранящемся ныне в архиве Академии наук СССР. Гюйссен сообщает, что на встрече царя с Вильгельмом 18 августа 1698 г. король советовал Петру как можно быстрее развязаться с турками (предложив для этого даже свое посредничество) и «заявил снова (т. е. вторично после Утрехта, — В. В.), что был бы весьма рад, если бы смог добиться от Швеции удовлетворения его (т. е. Петра, — В. В.) претензий, добыв ему порт на Балтийском море».⁴¹ Это свидетельство раскрывает содержание утрехтско-лондонских переговоров — Петр неоднократно склонял короля Англии к сотрудничеству (или, возможно, благожелательному нейтралитету) в намеченной им войне со Швецией.

На обратном пути Петр встречается с новым королем Польши Августом II. На сей раз не осведомители шведов в Англии, не раскрывавшие, естественно, свои источники информации, а конкретные политические деятели свидетельствуют, что именно русская сторона предложила свой план союзной борьбы со Швецией.⁴²

³⁹ D'Avauz — Louis XIV, 9 juin 1698. — NCA, p. 338.

⁴⁰ *Wittram R. Peter I*, Bd 1, S. 198.

⁴¹ «Le Roi regala d'un Yacht (Fregatte), en l'assura de nouveau, au'il seroit ravi de pouvoir lay procurer pour satisfaction de les griefs contre la Suede, un port sur la Mer Baltique» (Архив АН СССР, разд. 1, оп. 79, № 13, л. 5).

⁴² *Patkul J. R. Berichte an das Zaarische Cabinet in Moskau von seinem Gesandtschaftsposten bei August II, Könige von Polen.* Berlin, 1795, Bd 2, S. 242.

Подводя итоги анализу действий Великого посольства, можно с достаточной степенью уверенности сделать вывод, что наряду с официальной целью — заключением антитурецкого союза — оно имело иную, реальную и более важную для Петра задачу, а именно дипломатическую подготовку войны со Швецией за выход к Балтике, в свете чего выглядят вполне целесообразными и неожиданными на первый взгляд переговоры с П. Гейнсом в Кунцеве.

Можно утверждать, что Петр в ходе посольства стремился к заключению антишведского пакта (переговоры в Бранденбурге и с Августом II). Совершенно очевидно он провел политический зондаж, который позволил ему, во-первых, найти точки соприкосновения с будущими союзниками, а во-вторых, убедиться, что морские державы если не поддержат будущий союз, то не будут препятствовать в его борьбе. Это и было основным итогом Великого посольства.

Заключение Северного союза.

Накануне Северной войны

В одной из первых своих встреч с П. Гейнсом по возвращению в Россию Петр I предложил датчанину подготовить проект договора о наступательном антишведском союзе. Реляция посла об этом свидании (в ночь с 21 на 22 октября 1698 г.),⁴³ в котором Гейнс убедительно обрисовал готовность царя вступить в союз, произвела, очевидно, нужное впечатление на копенгагенских политиков, срочно составивших проект трактата.

От проекта 10 апреля 1697 г. он отличался более ясной постановкой готторпского вопроса: Россия должна была в случае вмешательства Швеции в датско-готторпский конфликт (или любого иного датско-шведского столкновения) немедленно выступить против последней (статья 3). Из новых статей важнейшей была 8-я, предусматривавшая вовлечение в союз Августа II.

Проект был далек от окончательной своей формы, в нем не указывался даже срок вступления союза в силу, но когда он был в апреле 1699 г. обсужден в Москве, то постановили считать этим моментом день заключения

⁴³ Heins — Christian V, 28 okt. 1698. — RATKUA, Rusland, B.

близившегося русско-турецкого двухлетнего перемирия (стороны полагали, очевидно, что двух лет для того, чтобы покончить со Швецией, будет достаточно).

Параллельно Петр вел переговоры об аналогичном союзе с Саксонией через посланца курфюрста Г. К. Карловича,⁴⁴ а в Копенгагене сколачивал датско-саксонский союз лифляндец И. Р. Паткуль — весьма редкий случай удачной «личной дипломатии»,⁴⁵ так как уже 25 сентября 1699 г. в Дрездене наступательный антишведский договор был подписан. Лишь 11 ноября в Преображенском был оформлен и русско-саксонский договор, согласно которому Август II должен был первым выступить против шведов в Лифляндии, а 23 ноября Петр подписал договор с Данией. Однако Гейнс ратифицированный документ на руки не получил, как ему объявили — до принятия дополнительного пункта, определяющего срок окончания военных действий союзников заключением «полезного обеим сторонам мира».⁴⁶ Как разъяснил царь, это было вызвано изменившимся в связи с фактическим разрывом саксонско-шведских отношений положением.⁴⁷ Очевидно, Петр опасался, что Дания и Саксония, после того как они успешными акциями принудят Карла к переговорам, смогут уклониться от ранее принятых обязательств в тот момент, когда Россия — после мира с турками — также пожелает добиться своих целей. После принятия этого и некоторых иных дополнений королем Дании Петр 30 апреля 1700 г. подписал последний из предложенных датчанами (также дополнительно) пунктов, чем и было завершено оформление датско-русско-саксонского Северного союза.

Как было упомянуто, члены этой коалиции имели весьма различные цели, достичь которых они надеялись совместными усилиями. Однако своеобразие «взаимопомощи» северных союзников (чаще напоминавших партнеров по игре в карты, чем единомышленников в борьбе с общим врагом), причины крайне осторожного, даже недоверчивого отношения их друг к другу трудно оценить, не постигнув особенности войн конца XVII—начала

⁴⁴ *Wittram R. Peter I, Bd 1, S. 206—207, 214.*

⁴⁵ В своей внешнеполитической деятельности Паткуль не пользовался поддержкой даже своих земляков, чьим глашатаем он был в борьбе против редуционной политики шведской короны.

⁴⁶ DNT, s. 93—95.

⁴⁷ Heins — Frederik IV, 27 nov. 1699, — *РАТКУА, Rusland, B.*

XVIII в. по сравнению с предшествовавшими и последующими эпохами.

Взросший масштаб военных действий требует в эти десятилетия все больших трат национальных ресурсов, но ни тяжелая война Франции после 1708 г., ни неисчислимые жертвы шведов в русском походе 1708—1709 гг. не были вызваны патриотическим подъемом. Крестьяне становились солдатами, принуждаемые бедностью (наем) или законом (воинская повинность); офицеры же не выделяли свою профессию из ряда других, достойных дворянина и обеспеченных твердой оплатой.

Более сложны мотивы участия в войнах, рассмотренные не на социальном, а на политическом, межгосударственном уровне. Безусловно, основной движущей силой в военной политике были экономические мотивы. Причем не только нужда, острая необходимость в улучшении своей экономической позиции могла толкнуть ту или иную страну на путь войны. По словам Адама Смита, «интерес наций заключается в обнищании всех их соседей. Каждая держава смотрит с завистью на процветание всех стран, с которыми она торгует, полагая, что их прибыль — ее убыток».⁴⁸ Поэтому войны затевались нередко с единственной целью — ослабить экономический потенциал соседей, если даже при этом не было шансов на улучшение собственного. Нагляднее всего такая политика выступает в достигшем в эту пору своего апогея поощрении деятельности каперов,⁴⁹ от которой короне доставалась лишь часть добычи, но которые вредили не только флоту страны-соперницы, а и путем разрушения портов — коммерции и экономике последней. Именно здесь экономические мотивы войн смыкаются с политическими.

Неэкономические мотивы войн были сложнее, более того, их не всегда удается отделить от экономических. Сложность заключается и в том, что истинные интересы

⁴⁸ Цит. по: *Viner J. Power versus plenty as objectives of foreign policy in the 17 and 18 Centuries. — World politics, 1948, vol. 1, N 1, p. 9—10.*

⁴⁹ В войне за Испанское наследство Франция употребляла большую часть своих военно-морских средств для борьбы не с военными флотами, а с каперами противников. Общая стоимость всех захваченных судов, приведенных только в Дюнкерк, равнялась 6 млн. фунтов стерлингов; в море постоянно находилось не менее 100 дюнкеркских каперских кораблей (*Clark G. N. War trade and trade war, 1701—1713. — ENR, 1928, vol. 1, N 2, p. 263.*)

правлящих групп, целых господствующих классов были замаскированы внешней формой поводов и причин войн (скажем, династических или религиозных), хотя мы не решились бы следовать примеру историков, отрицающих вообще возможность чисто династических войн в этот период.⁵⁰ Из роста международной экономической активности не следует, на наш взгляд, делать вывод, что крупные политические комбинации создавались, а войны велись исключительно по экономическим мотивам (например, участие Саксонии в Северной войне было обусловлено прежде всего политической задачей укрепления внутренней и внешней позиции Августа II, который совместно с космополитической кликой своих министров и генералов втянул страну в одну из самых тяжелых в ее истории войн). И все же войны развязывались чаще всего в интересах экономически господствовавших слоев населения. В войнах конца XVII—начала XVIII в. вновь поднялись европейские банкирские дома Германии и Австрии, расцвел Banque Protestante, совершавший сделки между Руаном и Амстердамом, Лионом и Женевой, в Лондоне всеобщим стал «money interest» и т. п. На войне наживались не только такие лица, как Дж. Ч. Мальборо, С. Г. Годолфин или Евгений Савойский,⁵¹ но и масса внешне самостоятельных, а в конечном счете делившихся с ними доходами мелких спекулянтов — поставщиков, интендантов и пр., задававших тон эпохе, которую Дефо назвал «веком прожектов».

Наконец, война широко использовалась с целью внутренней консолидации государств, укрепления существующей социальной системы путем подавления оппозиции.

Успех или неудача политики зависели, очевидно, прежде всего от соотношения военных сил даже в мирное время. Мирные периоды были обязаны своему появлению

⁵⁰ Нельзя забывать, что за спиной любой династии стоят социальные группы или классы, которые могут рассчитывать на максимальные экономические или политические выгоды лишь при победе данной династии. Эта победа чаще всего не предполагает для них сиюминутной выгоды, это программа-минимум (они бывали после нее и обмануты), но она становится в годы борьбы их жизненной целью.

⁵¹ Доходы их измерялись миллионами талеров, но они не брезговали и сравнительно мелкими взятками вроде русских соборей, вручавшихся им в Гааге послом Петра I А. А. Матвеевым, см.: Список по раздаче соборей за различные услуги. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 5, л. 11 и след.

также балансу военного могущества стран или политических систем, взаимному учету вооруженных сил, весо-мости взаимной угрозы. Можно согласиться, далее, с Б. Ф. Поршневым, утверждавшим, что любое государство XVII в. являлось «в своей внешней политике потенциальным экспансионистом», и экспансия часто не проводилась в жизнь лишь потому, что была «либо парализована встречной агрессивностью, либо даже превращена в чисто оборонительную внешнюю политику».⁵²

Поэтому естественна всегдашняя забота правительств о мощи и боеспособности вооруженных сил. Известны примеры великих полководцев, обязанных своими победами прежде всего внимательному отношению не только к материальному снабжению и вооружению, но и к нуждам офицерского и рядового состава.⁵³ Другой вопрос, насколько правители, двор могли содействовать или мешать усилению армии. Здесь первостепенную важность приобретают, с одной стороны, эффективность административного и фискального аппарата, с другой — степень развитости производственных отношений и экономики страны в целом. Но и уже собранные средства могли использоваться по причине невольных ошибок или же прямой коррупции и расхитительства правящих групп или лиц далеко не оптимальным образом. Нельзя сбрасывать со счетов и такие факторы, как быстроту и полноту мобилизации экономических и людских ресурсов, а также степень соответствия политики правительства и понимаемого им долга по отношению к интересам собственной нации.⁵⁴ Именно они представляются нам основополагающими в возможности достижения победы, а не иные, внешне, возможно, более заметные, но на деле довольно поверхностные факторы.⁵⁵ Важность подчеркнутых нами факто-

⁵² Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 11.

⁵³ Вряд ли обоснованно называть такие качества вождей второстепенными, «маргинальными» (*Bromley J. S. Introduction.* — NCMH, p. 21).

⁵⁴ Особенно ярко презрение к народу страны, ее интересам проявлялось в случаях торговли «пущечным мясом», не вызванной политической или экономической необходимостью. Назовем лишь самых известных из таких «торговцев» — это герцог Карл-Евгений Вюртембургский (заклейменный Ф. Шиллером в «Коварстве и любви») ландграф Фридрих II Гессен-Кассельский — поразившие полным отсутствием патриотизма даже современников.

⁵⁵ Вопрос об основных условиях побед в войнах рассматриваемого периода окончательно не решен, есть многие спорные

ров проявилась в полной мере уже в годы создания и начального периода существования Северного союза.

Глубокая необходимость для молодой, развивающейся России пробиться к морю, к международным торговым путям хорошо исследована и доказана. Показана и неизбежность ее столкновения со Швецией, одним из основных внешнеполитических принципов которой было недопущение России к Балтике. Именно этими исходными условиями можно объяснить те настойчивость и целеустремленность, с которыми Петр I стремился заручиться поддержкой других стран в неизбежной для него войне — качества, которые в полной мере проявились уже в период создания антишведского Северного союза.

Гораздо менее определенной к моменту возникновения первых планов коалиционной войны со Швецией (начало 1697 г.) была позиция возможных союзников России. Курфюрст Саксонии и польский король Август II не имел твердой опоры ни в Саксонии, ни в Польше. Готовый на любые авантюры ради титулов, личной славы и обогащения, он с легкостью принял католичество, как только смена исповедания стала условием получения польской короны. Это лишило его поддержки части саксонцев, оскорбленных таким шагом правителя страны — традиционной предводительницы германского протестантизма. В Польше также образовалась влиятельная группа его противников — магнатов, согласных воевать за интересы Речи Посполитой, но всячески тормозивших проведение в жизнь просаксонских планов нового короля.⁵⁶ Данные факторы, дополненные такими качествами Августа, как крайнее легкомыслие, мотовство и авантюризм, засилием

теоретические выводы и дефиниции. К примеру, Б. Ф. Поршнев, бывший крупным специалистом в исследовании вопроса, видел основу победы среди прочего в политической устойчивости блока и сбалансированности социальных антагонизмов внутри каждого государства — члена блока (*Поршнев Б. Ф. 1*) Франция, Английская революция и европейская политика..., с. 365, 376—377; 2) Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, с. 424). Но Россия победила в Северной войне, несмотря на то что Северный союз был на редкость разболтанным политическим механизмом (большую часть войны он не только бездействовал, но и не существовал де-юре и де-факто), а внутренние социальные антагонизмы петровской России в силу своей общезвестности вообще в характеристике не пуждаются.

⁵⁶ *Королюк В. Д.* Речь Посполитая и подготовка Северной войны. — УЗИС, 1951, т. 4, с. 195, 235—236.

при дворе фаворитов и фавориток (принадлежавших зачастую к соперничавшим политическим группировкам) придавали его политике неустойчивость, подчиненность даже незначительным и кратковременным внешним влияниям.

Не менее сложной была ситуация в Дании. Экономика страны находилась в конце 1690-х гг. в угнетенном состоянии. Задавленная непосильными налогами датская деревня полностью прекратила производство товарного хлеба. Премьер-министр К. С. Плессен вводил обязательные внутренние займы, рос и внешний долг. Король сдавал внаем большую часть войск различным группировкам в войнах конца XVII в. Тем самым страна лишалась наиболее производительной части населения, что еще больше подавляло ее экономику. Денег не хватало, нечем было платить жалованье чиновникам и армии даже в мирные годы.

Датский абсолютизм был ограничен коллегиями (совещательный орган, своего рода кабинет министров), король сильно зависел от их руководителей, часть которых придерживалась проанглийской, другая — профранцузской ориентации; одни настаивали на войне со Швецией, другие — на союзе с ней и войне с ее противниками, в том числе и Россией.

Для датского, саксонского, как и для бранденбургского (также имевшего виды на союз с Россией) правителей была характерна «узко скроенная, безынициативная, до трусости осторожная»⁵⁷ внешняя политика. Сам образ мышления этих абсолютных монархов, постоянно находившихся под влиянием космополитической камарильи, не имел «ничего общего с развитым чувством долга и национальной принадлежности. За благо для народа ими выдавалась забота о собственной персоне, эгоизм».⁵⁸ Не следует забывать, что в XVII—XVIII вв. союзные трактаты заключались не правительствами, а монархами, несшими друг перед другом личную ответственность за их исполнение. Поэтому сильная ущемленность свободы действий абсолютных монархов Дании, Саксонии и Бранденбурга, как и некоторые их личные свойства, часто нахо-

⁵⁷ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Leipzig, 1867, T. 4, Abt. 1, S. 170.*

⁵⁸ *Holm E. Danmarks Riges Historie. København, 1903, bd 4, s. 634.*

дили себе выражение в виде общей нестабильности позиции, практики проволочек, нарушений слова, необоснованных или взаимоисключающих требований.⁵⁹ Собственной завершенной или хотя бы четкой политической концепции у них не было. Засилье временщиков, сильная экономическая и политическая зависимость от других держав, эгоизм, бездарность монархов и «незавершенность абсолютизма»⁶⁰ в этих странах вели к тем самым прагматизму и близорукости в политике, которые для петровской России были пройденным этапом, вчерашним днем. Россия отставала пока во многих отношениях от Дании, даже от Польши. Но лично Петр I, как патриот, государственный мыслитель и талантливый политик, далеко обогнал правителей этих стран, не оставивших заметного следа в истории. В этом был залог грядущего прогресса России, русского народа, ярчайшим представителем которого был Петр I.

Рассмотрим конкретные события, приведшие будущих союзников России к войне. Активность датского и в меньшей мере саксонского монархов вызывалась в данный период прежде всего внешнеполитическими переменами или же инициативами великих держав. Так, осенью 1697 г. по инициативе англо-голландской дипломатии в Гааге начались переговоры о передаче Данией войск для участия в войне с Францией. Цель премьерера К. С. Плессена и посла Й. Х. Ленте, ведших переговоры с ратспенсионарием А. Гейнсиусом, заключалась в сближении с морскими державами, чего пока достичь не удалось — слишком явным было намерение Кристиана V использовать любой удачный момент для разжигания реваншистской войны со Швецией. Англия имела более сложные мотивы участия в переговорах. После того как стали известны планы Кристиана породниться со шведским королем, а дипломатия Версаля продолжала работу уже над тройственным франко-датско-шведским союзом, Вильгельм III пытался нейтрализовать вторжение французской дипломатии в Скандинавию сближением с Данией.⁶¹

⁵⁹ *Konopszynski W. Polska a Turcja, 1683—1792. Warszawa, 1936, s. 31.*

⁶⁰ *Титов Ю. П. Абсолютизм в России. — Соц. государство и право, 1973, № 1, с. 110.*

⁶¹ *Letters of William III and Louis XIV and of their ministers. London, 1848, p. 140.*

Переговоры продвигались вперед вполне успешно, но вскоре зашли в тупик, ибо представителю профранцузской партии при датском дворе канцлеру Т. Б. Йессену удалось внести в них ноту недоверия. Задержкой воспользовались шведы, тут же предложившие прекратить переговоры с Версалем ради союза с морскими державами.⁶² Разочаровавшись в нестабильной политике датского двора, Вильгельм принял шведское предложение, так как давно мечтал о поддержке сильной шведской армии.

Удивительнее было, что с такой же легкостью от переговоров отказался и Кристиан V. Причина этого была в его новых планах по отношению к Августу II и Петру I, но какими бы радужными эти планы ни были, он поступил довольно легкомысленно, отказавшись от возможности войти в союз с державами, конечно, гораздо более способными принести Дании пользу (или навредить ей), чем далекие Польша или Россия.

Дания вступила даже в переговоры с Францией, о чем, конечно, узнал Вильгельм III. Поэтому, когда зимой 1698/99 г. в Лондон отправляется с просьбой о субсидиях посол Штеккен, ему в этом наотрез отказали,⁶³ дав понять, кроме того, что в случае вооруженного конфликта с Гольштейн-Готторпом Англия выступит против нарушителя мира. Очевидно, именно этот аспект политики Скандинавских стран — ненарушение Альтонского договора — был для морских держав основным, ибо поздним летом 1699 г. Вильгельм III занял по отношению к Швеции столь же непримиримую позицию и по той же причине — Карл XII намеревался нарушить мир, покоившийся на постановлениях Альтоны, введя в герцогство свои войска.

До конца своей жизни Кристиан V более не смог сблизиться с морскими державами, возможно, он это и не считал по-настоящему необходимым. Есть основания полагать, что свои основные надежды он связывал в это время с тремя странами — Швецией, Россией и Саксонией—Польшей. После того как провалилась попытка войти в тесную родственную связь со шведским домом, датским королем все более овладевает идея создания совместной с восточнобалтийскими державами антишведской оси.

⁶² ACI, vol. 2, p. 35.

⁶³ Stecken — kongen, 28 apr. 1699. — RATKUA, Spec. d., England, bd 80.

Тем не менее, когда Петр I начал активно готовить подобный союз, король проявил пассивность, нежелание рисковать ради общей пользы наравне с Россией и даже стремление нажать за счет последней, уже готовившейся к схватке с врагом,⁶⁴ политический капитал, не останавливаясь для этого, как мы видели, и перед прямым стоговором с противником.

Для России такого рода политика была совершенно нехарактерна. Важнейшей частью внешнеполитической программы Петра было упрочение международного положения державы. Им было вполне осознано изолированное положение России, пытавшейся бороться за место под солнцем, имея в противниках не отдельные страны или простую сумму их, как полагали допетровские политики, а сложившуюся систему государств. Он первым понял, осознал со всей очевидностью, что пока Россия не войдет в «концерт» европейских стран, не установит союзнических и иных связей с ними, равноправия не будет. Государство останется «вне закона», т. е. не сможет апеллировать к нормам международного права, но будет вынуждено по-прежнему отстаивать свои интересы в одиночку.

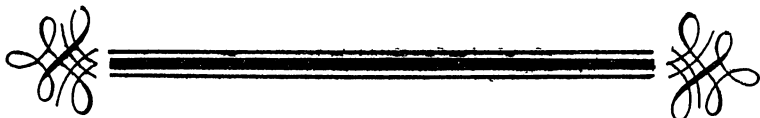
Именно в этой преданности идее проведения коалиционной, совместной линии внешней политики нам и видится исток неуклонного бескомпромиссного стремления Петра создать и любой ценой сохранить союзную межгосударственную систему.

Такой программы он придерживался на протяжении всей жизни, строя свою систему международных связей на чрезвычайно широкой базе. Для этого он вступал в дипломатические и иные контакты с многими странами — от Китая до Англии, от Дании до Эфиопии. Поэтому с 1700 г. вообще ни одно из важнейших для стран Европы событий, кроме, пожалуй, войны за Испанское наследство и раздела Африки, не обходится без прямого или косвенного участия России. Начало такой дальновидной политики, политики нового времени можно также с полным правом отнести к последним трем годам XVII в., годам подготовки и создания Северного союза.

⁶⁴ В 1699 г. проводились широкие мобилизационные мероприятия, улучшалась техническая оснащенность армии, войска передислоцировались к шведской границе; в Орешек и Нарву, к Неве были заброшены с целью разведки «верные люди» и т. д. (ПВП. СПб., 1887, т. 1, с. 338; *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1948, т. 4, с. 393—394).

Другое дело, что с момента образования союз имел слабые стороны: у России руки были связаны турецкими делами; без помощи Петра Август II не мог быть уверен в успехе в Лифляндии; Дания была так далеко от союзников, что не могла ни оказать им, ни получить от них действенной и оперативной помощи. Другими словами, ни один из формировавших союз трех договоров, имевших целью координацию действий союзников, не определял и не мог определить сроки, виды и размеры боевой взаимопомощи в войне.

Еще меньше годились они на то, чтобы воспрепятствовать развитию крайне неблагоприятного положения, в котором северные союзники очутились с началом войны.

Глава третья

НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ (1700—1702 гг.)

Травентальский мир

Северная война началась не так и не тогда, когда и как ее планировали северные союзники; этот срыв планов произошел не по их вине. Как упоминалось, летом 1699 г. армия герцога гольштейн-готторпского была усилена шведским корпусом, начался ремонт старых и возведение новых укреплений на границе с королевством.

В сентябре умер Кристиан V, на престол взошел его сын Фредерик IV. Одновременно усилилось влияние группы К. С. Плессена — сторонников сближения с морскими державами. Начались переговоры в Гааге, на которых датчане пытались добиться поддержки в требовании скрыть укрепления в соответствии с Альтонским договором.¹ Вильгельму III удалось добиться от герцога лишь прекращения строительства и отказа от шведских войск. Недовольный такими полумерами новый король занял жесткую позицию на переговорах, чем вызвал ответную реакцию — морские державы, полагая, что Дания в любом случае стремится к войне, решили временно отказаться от политики балансирования и поддержать Швецию.²

Влияние Плессена на внешнюю политику Дании было недолгим, уже в декабре во главе ее фактически стано-

¹ АСІ, vol. 2, p. 476.

² Ibid., p. 534.

вится профранцузски настроенный Т. Б. Йессен. Начавшиеся переговоры с Версалем о торговом договоре и военной поддержке положили конец последним колебаниям Вильгельма III — 23 января 1700 г. он заключает с Карлом XII союзный договор, основанный на гарантии Рисвикского и Альтонского трактатов; в секретном же параграфе была гарантирована военная помощь герцогу в случае вторжения в Гольштейн-Готторп Дании.³ И хотя Вильгельм и отказался от заключения наступательного союза, на предупреждение Дании о ее планах восстановить *status quo* согласно Альтонскому договору (т. е. вновь разрушить укрепления) он ответил решительной рекомендацией воздержаться от таких шагов, заявляя о готовности поддержать герцога.⁴

В Дании полным ходом развернулась подготовка к войне. Причем, судя по ее масштабу, страна готовилась к более серьезным действиям, чем экспедиция в герцогство. Проницательные гаагские политики, хотя и не располагавшие точными сведениями о почти готовом Северном союзе, сделали вывод о существовании каких-то мощных сил, на которые рассчитывает Фредерик IV, и правильно угадали в них Саксонию и Россию — уже в марте недавно прибывший в Нидерланды посол Петра А. А. Матвеев сообщает о настоятельной просьбе Нидерландов не помогать Дании в ее конфликте с герцогом и Карлом XII, «понеже он, швед, с ними союзник».⁵ Почти одновременно в Зунд была послана англо-голландская эскадра с целью предотвратить (или хотя бы локализовать) войну.

Однако вооруженный конфликт начался не на западе, а на востоке Балтики. Август II, не дожидаясь заключения русско-турецкого мира, вторгся 12 февраля 1700 г. без объявления войны в Лифляндию. Этим ударом он рассчитывал достичь нескольких целей: во-первых, захватом Риги занять ключевую позицию по отношению как к противнику, так и — политически — к союзникам; во-вторых, владение богатой Ригой и прилегающими областями означало важные экономические преимущества,

³ *Jonasson G. Karl XII och hans rådgivare: Den utrikespolitiska maktkampen, 1697—1702. — Studia Historica Uppsalsensia, 1960, bd 1, s. 155—161.*

⁴ АСІ, vol. 3, p. 30.

⁵ А. Матвеев — Ф. Головину, 11 марта 1700 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 10.

которые Август также хотел перехватить у Петра.⁶ Наконец, как уверил Августа И. Р. Паткуль, сама попытка вернуть старую польскую провинцию обеспечит столь необходимую королю поддержку его польских подданных.⁷

Как только пришли ведомости о вступлении Августа II с саксонскими войсками в Лифляндию, в марте 1700 г. Дания также вторглась на территорию герцогства. На помощь герцогу выступили шведы и люнебургцы, началась Северная война.

Морские державы не были заинтересованы в разрыве отношений ни с Данией, ни со Швецией. Однако пустить дело на самотек, когда события явно предвещали новую войну на Севере, они также не могли. Позицию их весной 1700 г. можно охарактеризовать как медиаторскую и, не боясь этого слова, беспристрастную (если не считать пристрастием стремление к миру в Скандинавии любой ценой). Доказательством может служить такой их неожиданный шаг, как попытки привлечь к участию в переговорах, а затем и превентивных антивоенных акциях Францию.⁸ Любые, даже самые разумные и вызванные необходимостью, но предпринятые в одиночку акции могли служить поводом для обвинений в субъективности и разрыва с той или иной стороной. Людовик XIV дал в июне согласие посредничать на условиях, выдвинутых датчанами (*status quo* по Альтонскому договору и уход шведско-люнебургских войск от датских границ до начала мирных переговоров).⁹

Планы датчан добиться успеха сохранением подобной жесткой, неуступчивой политики становились нереальными. Положение менялось не в их пользу — на восточном фронте попытка Августа II с ходу взять Ригу сорвалась, началась безуспешная осада; третий союзник, Петр I, также был скован медленно продвигавшимися переговорами с Турцией, у датских границ накопились

⁶ *Zernack K. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. — Handb. Geschichte Russlands. Stuttgart, 1983, Bd 2, Lfg 4, S. 260; Forberger R. Zur Wirtschaftspolitische Neuersetzung der sächsischpolnischen Union. — UdPK, S. 208—253.*

⁷ *Patkul J. R. Berichte an das Zaarische Cabinet in Moskau von seinem Gesandtschaftsposten bei August II, Könige von Polen. Berlin, 1795, Bd 2, S. 264—265.*

⁸ АСІ, vol. 3, p. 87, 96.

⁹ А. Матвеев — Петру I, 11 июня 1700 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 65—66 об.

крупные силы противника. Война, начатая наступлением, превращалась в оборонительную.

Именно в этот момент в политике морских держав происходит любопытная метаморфоза. Если ранее они настойчиво приглашали Францию к медиаторству, то теперь они с тем же упорством от него отказываются. Причина здесь была в способе, каким Версаль намеревался сотрудничать с Гаагой — не участием в переговорах, а введением в состав англо-голландской эскадры, стоявшей в Зунде, французских кораблей. Причем это не было дипломатическим маневром — корабли уже готовились к выходу из Тулона и других портов Франции. Между тем морские державы отдавали себе отчет в том, что противоположные позиции, занятые ими и Францией в датско-готторпском конфликте,¹⁰ перенесенные в плоскость возможных военных операций (в условиях действий двух эскадр с двумя адмиралами во главе) приведут, скорее всего, не к локализации этого местного конфликта, а к перерастанию его в скандинавскую или даже европейскую войну. Поэтому Вильгельм III и А. Гейнсиус решились уладить конфликт на свой страх и риск.

Эскадрам адмиралов Рока и фан Аллемонде был дан приказ, соединившись со шведским флотом, поддерживать мир в этом районе. Однако, поскольку датская эскадра пыталась помешать такому соединению, эскадры морских держав не воспрепятствовали шведам подвергнуть бомбардировке датский флот и столицу, хотя сами и не приняли в этом участия.

События осложнили ведение возобновившихся мирных переговоров, но вновь вернувшийся к власти К. С. Плессен, правильно оценив обстановку, стремился к миру любой ценой, считая основой его дальнейшее сближение с морскими державами. Эта политика принесла плоды: Вильгельм III послал адмиралам новую инструкцию — не допускать в будущем обстрелов датского флота и городов, равно как и любых акций, содействующих высадке шведских войск в Дании.¹¹ Французы, также пытавшиеся вести посреднические переговоры с обеими сторонами, направили адмиралам сообщение, что Дания склоняется к предложенным ими мирным условиям.¹² Однако оно

¹⁰ *Brulin H. Sverige och Frankrike under Nordiska kriget och Spanska successionskrigen åren 1700—1701. Uppsala, 1905, s. 57—66.*

¹¹ *ACI, vol. 3, p. 200.*

¹² *Brulin H. Sverige och Frankrike... , s. 62—63.*

было игнорировано, как исходящее не от командования, а инструкция Вильгельма III опоздала — основываясь на букве старых приказов, составленных еще в период, когда «нарушителем мира» считалась Дания, адмиралы содействовали переброске шведских войск на Зеландию (25 июля 1700 г.). Поскольку датская армия была сосредоточена в основном на южной границе, шведы прошли, почти не встретив сопротивления, до Копенгагена и осадили столицу.¹³

Теперь Фредерик IV был вынужден содействовать скорейшему завершению переговоров любой ценой, пока страна не подверглась разграблению и оккупации.¹⁴ Вскоре переговоры были перенесены в Травенталь, замок близ Любека. Подготовленный здесь мирный договор был составлен на довольно благоприятных для Дании условиях, учитывая, что на нее, как на «агрессора» ополчилось полдюжины стран. Целью договора являлся всеобщий мир на Севере, поэтому основное значение имела 13-я статья, запрещающая датскому королю открывать военные действия против стран — гарантов Альтоны (вынужденных во время недавнего конфликта обнажить против Дании оружие). Остальные статьи во многом повторяют Альтонский договор: мы встречаем здесь и запрет герцогу возводить пограничные укрепления, и распоряжение разрушить некоторые из вновь возведенных крепостей (статья 12). Собственно, статья 2 прямо гласит, что трактат составлен в подтверждение старых договоров, в том числе и Альтонского, поэтому можно говорить о полной его приемлемости (во всяком случае временной) для Дании. Новым в договоре было то, что в число его гарантов не была включена Швеция; это выводило Карла XII из числа монархов, имевших право на законных основаниях начать военные действия против Дании в случае ее конфликта с Гольштейн-Готторпом (который мог быть легко спровоцирован в будущем). Это

¹³ Подробнее о военных действиях датчан против гольштейн-готторпцев и шведов см.: *Возгрин В. Е.* Травентальский договор и его значение в истории Северной войны. — В кн.: *Скандинавский сборник*, Таллин, 1975, № 20, с. 85—88.

¹⁴ Письмо Гейнса (Heins — Frederik IV, 5 aug. 1700. — *RATKUA, Rusland, B*), передававшего рекомендацию Петра всачески затягивать переговоры ввиду близившегося вступления в войну и России, опоздало. Впрочем, вряд ли Фредерик имел возможность последовать призыву царя.

было для Дании исключительно полезным результатом переговоров. Далее, Фредерик был принужден разорвать союзный договор с Августом, но не с Петром (сведения о вторжении русских в Лифляндию еще не дошли до Травенталя и противником Карла царь не считался).¹⁵

Абсолютное большинство историков полагает, что Травентальский мир был весьма благоприятен Швеции, как и безусловно вреден Дании. Это мнение во многом ошибочно. Во-первых, Карл XII не смог добиться своих основных целей — уничтожения датского флота, получения свободы оперативных действий на море, участия в контроле возможных датско-готторпских конфликтов (гарантия Травентальского мира); не добился он и передачи ему эльсинорской пошлины, на которую имел планы.¹⁶ Гораздо рельефнее в сравнении с результатами мира для Швеции выступают выгоды, которых добились при этом морские державы. Совершенно незначительной ценой они восстановили нужную им политическую ситуацию на Балтике — прекращена война, укреплены связи как со Швецией, так и с Данией, несмотря на победу готторпско-шведского оружия, соотношение сил на Севере в существенном не изменилось, т. е. в общем осталось благоприятным для них в условиях надвигавшейся войны с Францией. Для поддержания этого положения и был создан Травентальский трактат — весьма совершенное и гибкое орудие, отлично исполнившее возложенную на него функцию.

Как же это орудие использовалось, не было ли оно, в самом деле, предназначено исключительно для нанесения всяческого ущерба Северному союзу? Первый опыт его применения действительно говорит в пользу такого предположения. Один из союзников — Дания — выведен из строя, и Карлу XII остается «всего лишь» разбить Россию и Саксонию—Польшу. Мы позволим себе сделать предположение, что вряд ли морские державы желали таким образом содействовать поражению Северного союза. Конечно же, более всего им подошло бы равное

¹⁵ Текст договора см.: DNT, s. 378—401.

¹⁶ *Hill Ch. E.* The danish sound dues and the command of the Baltic. *Durchem*, 1926, p. 202. Показательно, что Карл XII положением договора не подчинился, и потребовалось вмешательство морских держав, чтобы он через несколько дней после его подписания отдал приказ о прекращении огня (*Jonasson G. Kriget mot Danmark år 1700.* — КРА, 1962, s. 151—152).

ослабление обеих сторон, раз уж речь шла о войне в районе Балтики, а может быть, и за господство над Балтикой. Считая, что Швеция не выдержит одновременного удара трех сильных государств, морские державы внесли свои коррективы, чтобы уравнять силы сторон, рассчитывая, что какой бы затяжной характер война ни приняла, все же этот шаг увеличит шансы увидеть по окончании ее положение, близкое к довоенному.

Однако успехи Карла XII в начальный период войны показали, что такая оценка Швеции оказалась заниженной. Отлично подготовленная шведская армия, направляемая юным королем, обладавшим, по мнению Энгельса, «огромным военным талантом»,¹⁷ явно теснила союзников. Тогда гаранты Травенталя, используя свою монополию на право контроля за исполнением договора, об этом контроле «забывают» и даже сообщают Дании, что не возражают против вступления ее в войну (см. ниже). И если Дания еще колеблется, то виной этому отнюдь не Травентальский договор, а страх перед шведами, от которого ее избавила только Полтава.

Заметим, кстати, что современники Северной войны не только понимали, кому служит трактат, но и умели задолго предугадывать действия сил, стоявших за спиной договаривавшихся сторон, — маленькой Дании и совсем уж крошечного герцогства. Так, Дания через год после того, как морские державы фактически силой принудили ее к миру, отдала им почти всю армию в пользование на 10 лет, будучи уверенной в том, что гаранты Травенталя не позволят напасть на нее ни Карлу XII, ни герцогу, пока она будет придерживаться трактата, этой программы морских держав, бороться с которыми — дело безнадежное, дружба же может оказаться плодотворной. Время показало, что в своих расчетах датчане не ошиблись. С другой стороны, Карл в расцвете своей славы и успехов настолько опасается «скованной» Травенталем и буквально разоруженной Дании, что постоянно держит на границе с ней войско, равное ушедшей к морским державам датской армии. Прав был и он — пришло время (1709 г.), и датский десант с молчаливого согласия гарантов Травенталя захватил южное побережье Швеции.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11, с. 501.

Итак, Травентальский договор имел своей целью восстановление на Севере мира. Он запрещал, угрожая санкциями гарантов, нападение как Дании на Швецию, так и Швеции на Данию. И в силу такой объективности он также не может считаться односторонне полезным Швеции, лишившейся, таким образом, возможности аннексировать (как она это сделала со Сконе) территории своего перманентного противника, оккупировать Данию, одновременно лишив Фредерика IV в дальнейшем любой возможности ударить в спину Карлу XII (как, например, была оккупирована Польша перед шведским походом на Россию) или хотя бы ослабить врага, нанеся ему поражение на суше или море (напомним, что датский флот сохранил боеготовность, был тем, что англичане называют *fleet in being*, на протяжении всей войны). Это, безусловно, содействовало поражению Швеции в войне — Карл был лишен возможности вывести на поле боя 17 тыс. солдат (в Полтавской битве участвовало немногим больше — 21 тыс.), стоявших вдоль границы с Данией.

Мы видели, что безвыходное положение, в которое шведский десант поставил Фредерика IV, было причиной принятия им требований партнеров по переговорам. Однако позднее, когда военно-стратегическое положение Дании улучшилось, она получила возможность вернуться к дотравентальской политике (не остановил же ее в подписании союза с Москвой почти аналогичный Травентальскому Альтонский договор!). Забегая вперед, скажем, что Дания предпочла фактический выход из войны, хотя и не стремилась к разрыву с Россией и Саксонией. Отказываясь поддерживать военные действия, Фредерик оправдывал свою пассивность существованием трактата, однако ее действительную причину следует искать не в вынужденной травентальской, а в имевшей собственные цели и направленность послетравентальской политике Дании.

Первым выражением этой новой политики было стремление войти в союз с морскими державами, ради этого Дания была готова расстаться с почти всей своей армией, сдав ее Англии и Нидерландам внаем. Но Вильгельм III, а точнее, парламент не желали жертвовать крупные суммы на датские войска, пока опасность войны с Францией не превратилась в неизбежность; датские предложения были отклонены.

Политическое усиление Франции зимой 1700/01 г. (вызванное возможностью передать испанский трон герцогу Анжуйскому и оккупацией Людовиком XIV Испанских Нидерландов и Милана) сделало вопрос о наемных войсках весьма актуальным, теперь сам Вильгельм указывает А. Гейнсиусу на необходимость переговоров с Данией;¹⁸ они были возобновлены в январе 1701 г.

Еще до начала их П. Гейнс сообщил Петру I о готовности Фредерика IV помочь России флотом, офицерами-инструкторами и артиллеристами, если Россия поддержит Данию дипломатически в условиях некоторой изоляции последней, вызванной готторпским конфликтом. Петр ответил согласием, и морским державам было сделано представление о неправомерности их вмешательства в датско-готторпские конфликты, как внутренние, а не внешнеполитические.¹⁹ Таким образом, Россия оказала Дании помощь и была вправе ожидать в нужную минуту подобного же расположения с датской стороны. Такая минута вскоре наступила.

Как известно, сразу после заключения долгожданного мира с Турцией Россия объявила войну Швеции. 22 августа 1700 г. Петр выступил из столицы со своими гвардейскими полками. Вскоре последовало тяжелое поражение под Нарвой, показавшее как сторонникам, так и противникам петровских реформ, что по крайней мере в военном деле России жизненно необходимо заимствовать западный опыт, и чем активнее — тем лучше. Поэтому Петр тут же обращается к датчанам (как к первым предложившим ему помощь в создании армии европейского типа) с предложением предоставить ему инструкторов и вспомогательные войска. П. Гейнс с Ф. А. Головиным сообща подготовили проект договора,²⁰ который был 12 ян-

¹⁸ ACI, vol. 3, p. 374.

¹⁹ Heins — Frederik IV, 22 mai. — RATKUA, Rusland, B; Heins — Frederik IV, 6 juni. — Ibid.; Bilag: «Extract. Ihr. Exc. Hr. Gollowins Schreibens an den Moskowitzischen Ambassadeur in Hollandt de dato Moscou d. 20 May 1700». — Ibid.

²⁰ В ряде исследований (*Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 4, ч. 1, с. 76; *Королюк В. Д.* Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. — ВИ, 1948, № 4, с. 47—48; *Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, с. 467 и др.*) этот проект («Статьи») именуется русско-датским трактатом. Это ошибка, «Статьи» — именно проект такого договора; на оригинале их, хранящемся в Государственном архиве Дании, нет подписи даже

варя отправлен на апробацию Фредерику IV.²¹ В проекте помимо конкретных предложений о войсках интересна основная, стержневая мысль его — Дания по-прежнему обязана выполнять положения русско-датского договора 1699—1700 гг., готторпский же конфликт ничего общего с кардинальной целью союза (победа над Швецией) не имел, поэтому исход его на взаимоотношения союзников повлиять не должен, тем более что заключен Травентальский мир был без согласия союзников, а это противоречило положениям более раннего Северного союза. Переговоры о передаче войск русский посол в Копенгагене А. П. Измайлов начал в феврале 1701 г.

Почти одновременно с представителями Петра и Вильгельма переговоры в Дании с той же целью начинает французский посол. Датчане оказались, таким образом, в весьма выигрышном положении — лишь они обладали теперь совершенно незанятой армией; кроме того, они могли выбирать, и они использовали эту возможность с полной для себя выгодой.

Не делая секрета для англичан о иных предложениях,²² показывая, что он готов на них согласиться, Фредерик IV вынудил Вильгельма III поднять предлагаемую за войска плату до баснословной суммы — морские державы и Австрия должны были заплатить Дании за 18 тыс. войска 4 млн. рейхсталеров! Договор 14 июня 1701 г. был действителен до тех пор, пока Дания сама не подвергнется вражескому нападению.

Датско-английские переговоры велись в секрете, когда же А. П. Измайлову стало известно о найме, никакой надежды помешать этому сговору, лишившему Северный союз части его военной мощи, не оставалось. Датчане обещали помочь Петру через год, по, как верно заметил Измайлов, это была попытка подсластить пилюлю, никакой надежды на датскую помощь иметь не следовало.²³

Гейнса, хотя и присутствует русская печать (Bilag til brevet fra Heins til Frederik IV, 13 jan. 1701. — RATKUA, Rusland, B).

²¹ ПБП. СПб., 1887, т. 1, с. 420—421.

²² АСИ, vol. 3, p. 449.

²³ Статейный список бытности в Дании посла стольника Андрея Измайлова. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1701, ед. хр. 7, л. 14 об. На попытки русского посла указать на неправомочность отступления датской стороны от «статей, учиненных на Москве с Павлом Гейнсом», он слышал единственный, но не лишенный логики

Действительно, в наем была отдана почти вся армия страны. Это мероприятие, к которому Фредерика никто не принуждал, принесло солидный куш, но бесповоротно лишило страну (по крайней мере на срок, пока не подрастут новые рекруты) возможности включиться в военные действия. Подобный шаг датского короля показал, что уже на ранней стадии его участия в Северном союзе политика Дании становится источником разногласий между союзниками. Потенциал союза резко снизился, не мог быть использован полностью. Более того, Фредерик оказался не в состоянии проводить и внутреннюю политику в соответствии с высшими для абсолютного монарха требованиями — соображениями «государственного резона». Для короля и его двора миллионы, полученные от «высоких союзников», заслонили интересы датского народа, экономики страны.

Таким образом, основные черты безусловно вредной для Северного союза послетравентальской политики Дании формировались не договором, а частными интересами Фредерика IV. Впрочем, не имей Дания стопроцентной гарантии ненападения Швеции — и ее армия осталась бы в королевстве. Поэтому если и допустимо говорить об отрицательной для Северного союза роли договора, то лишь о той его части, что слишком уж прочно оградила Данию от опасности шведского вторжения.

Перенос военных действий на территорию Польши и европейская дипломатия

После того как Швеция обезопасила себя с запада, перед ней встал вопрос, в каком направлении нанести следующий удар северным союзникам. Из вышесказанного ясно, почему решения этого ждала без преувеличения почти вся Европа.

С чисто военной точки зрения шведам предпочтительнее было перебросить морем войска в оставшуюся беззащитной (с уходом армии в Лифляндию) Саксонию, тем более что Польша, не объявившая пока Швеции войны, вполне могла сыграть при этом роль если не плацдарма, то тет-де-пона. Сторонниками такого решения были

вывод: «То было в разговорах, а постановления никакого совершенного не учинено» (там же, оп. 1700, ед. хр. 6, л. 375).

Карл XII и его соратники, считавшие, что прямой удар, направленный в жизненно важные центры противника, должен привести, как это было в Дании, к быстрой и верной победе.

Против выступали круги армии и правительства, близкие к Коллегии канцелярии.²⁴ Во-первых, утверждали они, для такой дорогостоящей экспедиции может не хватить средств. Во-вторых, вообще необходимо помириться с Августом II, который к этому склонен. Иначе Швеция, показав себя сторонницей войны, утратит политический кредит у союзников и гарантов ряда договоров. Кроме того, ослабнув в войне, она может стать соблазнительно легкой добычей для тех же России и Польши.²⁵

Что касается внешнеполитического влияния, то за прекращение войны по-прежнему стояли великие державы Европы. Активнее всех была Франция: осенью 1700 г. готовился очередной франко-англо-голландский трактат о разделе Испанского наследства, из участия в котором был исключен цесарь. Если бы к гарантии трактата удалось привлечь шведов, угроза со стороны Габсбургов потеряла бы для Людовика XIV всякое значение. Морские державы, имевшие схожие мотивы к миру на севере, питали, кроме того, опасения, что шведы, войдя в Саксонию, наберут там солдат, лишив в дальнейшем этой возможности Англию и Нидерланды. Поэтому Вильгельм III категорически протестовал (через шведского посла в Гааге) против ввода войск в Саксонию, угрожая разрывом союза со Швецией.²⁶

Относительно Лифляндии позиция морских держав была более сложной. С одной стороны, неизбежное зло — столкновение Карла XII с Августом II — лучше было по возможности отдалить; в этом отношении заморская провинция годилась как нельзя лучше. Поэтому англичане убеждали шведов готовиться к войне именно в Лифляндии. С другой стороны, устранение шведского посредничества обещало повышение доходов от русской торговли и голландские торговые дома становятся сторонниками перехода Ревеля к русским, партнерам, которые обещают там «лучшую во всех куплях свободу... нежели

²⁴ Одна из важнейших коллегий, ведавшая и иностранными делами.

²⁵ *Jonasson G. Karl XII och hans rådgivare, s. 174.*

²⁶ А. Матвеев — Петру I, 27 сент. 1700 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 138.

у шведа».²⁷ Впрочем, высказывались прорусские пожелания и менее меркантильного свойства — сам Вильгельм III «при всех чужестранных министрах всенародно» заявил, что лифляндские города «были отчиной» Петра I, сожалея, что поход русских начался «в осеннее, самое жестокое время»²⁸ и т. д.

Стало заметным отчуждение между Швецией и морскими державами и в экономических отношениях. Слабо подготовленная к войне, Швеция была вынуждена просить у Нидерландов займы даже на переброску части армии против Августа II. В этом ей было наотрез отказано, несмотря на то что в заклад предлагались доходы от крупнейших шведских таможен.²⁹ Между тем Карлу XII пора было на что-то решаться: летняя кампания подходила к концу, давно не ремонтировавшиеся (частично полуразрушенные) крепости Лифляндии, обороняемые необученным, плохо экипированным, буквально голодавшим финским ополчением,³⁰ зимней блокады не выдержали бы.

В подобной нелегкой для шведов ситуации новую актуальность получили идеи заключения мира — всеобщего или между Швецией и одним из северных союзников. Сторонником подобного исхода был, кроме великих держав и Август II.³¹ Для шведских политиков открывалась возможность исправить недавние, но уже ставшие явными ошибки — ведь сбылись опасения, о которых предупредила группировка Б. Уксеншерны, выступавшая против слепой, безоглядной поддержки Гольштейн-Готторпа во всех, часто авантюристических, акциях герцога. Теперь этот курс привел, по большому счету, к образованию сильной антишведской коалиции. Не только шведам, но и англичанам и голландцам было ясно, что если бы после Травенталя удалось хотя бы временно при-

²⁷ А. Матвеев — Петру I, 4 окт. 1700 г. — Там же, л. 147.

²⁸ А. Матвеев — Петру I, 18 окт. 1700 г. — Там же, л. 160.

²⁹ А. Матвеев — Петру I, 20 сент. 1700 г. — Там же, л. 129 об. См. также: *Cavallie J. Från fred till krig.* — Acta Univ. Upsalensis. Stud. Hist. Uppsalsensia, 1975, vol. 68, p. 264—267.

³⁰ *Беснятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны (1700—1721): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980, с. 55—56.

³¹ А. Матвеев — Петру I, 20 сент., 18 окт., 20 дек. 1700 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 129 об., 161, 179. Август предлагал мир на условиях Оливы, т. е. отказываясь от Лифляндии и Эстляндии.

мирить Карла и Августа, то Северный союз прекратил бы свое существование.³² Кроме морских держав³³ посредничество в мирных переговорах предлагали цесарь, Людовик XIV³⁴ и даже Петр I.³⁵ Наибольшего успеха добились французы — чудом прорвавшийся в лагерь под Нарвой (Карл запретил иностранным дипломатам появляться в его ставке) посланник Жискар передал королю проект саксонско-шведского мирного договора, согласно которому Швеция получала от французского посредника субсидии и долю при разделе Испанского наследства, апробированный Августом II.³⁶ Карлу XII, уже имевшему предварительную договоренность с морскими державами,³⁷ оставалось выбрать из двух вариантов посредничества наиболее для него выгодный.

Французское предложение было, очевидно, предпочтительнее, как обещавшее немедленную материальную помощь столь нуждавшейся в ней Швеции. Однако заманчивым был и союз с Англией и Нидерландами, странами, от которых Швеция в случае продолжения войны могла попасть лишь в большую зависимость. Как утверждал Б. Уксеншерна, такой союз был бы основой любой разумной политики, не говоря уже о плодах завершения роковой, по его мнению, войны с Саксонией, тем более что России еще долго можно было не опасаться.³⁸ Другими словами, мир при посредничестве морских держав снова принес бы Швеции полную политическую независимость.

Нарвская победа положила конец раздумьям Карла XII над проблемой мира. Так, по крайней мере внешне, выглядит ситуация, ибо нет никаких свидетельств о ходе размышлений короля шведов, редко доверявшего кому-либо свои мысли.

³² Попытки Паткуля поднять на Швецию лифляндское рыцарство осенью 1700 г. провалились — оно осталось верным Карлу (*Isberg A. Livland i J. R. Patkuls politiska handlande.* — KFA, 1967, s. 39).

³³ А. Матвеев — Петру I, 20 сент. 1700 г., л. 129 об.

³⁴ *Nordberg G. A. Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden mit Münzen und Küpfern.* Hamburg, 1745, T. 1, S. 27—28, 55—56, 84—85, 93—94, 125, 402.

³⁵ ПБЦ, т. 1, с. 402—403.

³⁶ *Haintz O. König Karl XII von Schweden.* Berlin, 1958, Bd 1, S. 43.

³⁷ Перевод письма Карла XII Генеральным штатам от 5 сент. 1700 г. см.: ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 141.

³⁸ *Haintz O. König Karl XII.* . ., Bd 1, S. 47.

Еще в донаварский период войны проявились отдельные черты, выделившие дипломатию Швеции из системы комбинаций большой европейской политики. Теперь эти черты выступили с предельной резкостью: Карл XII не воспользовался ни одним из нескольких предложений о мире, безусловно выгодном для него как в текущий момент, так и в будущем. Более того, он фактически отрезал себе возможность нормального реагирования на быстро меняющуюся ситуацию осенью—зимой 1700 г.: дипкорпусу при шведском дворе было предложено обращаться исключительно в Государственный совет, не имевший полномочий на принятие самостоятельных решений. Такая позиция шведского короля, занятая в разгар дипломатических битв, в момент, решающий не только для Швеции, но и Скандинавии и всей Европы,³⁹ до того поразила современников своей алогичностью, что некоторые (как Жискар) лично высказали Карлу свое крайнее недоумение. Попытки шведских историков объяснить подобное поведение короля его готовностью пожертвовать всеми делами ради подготовки армии к будущей кампании⁴⁰ ничего не объясняют — взяв на себя целиком управление внешней политикой страны, а потом пустив ее по воле волн, Карл объективно содействовал не только утрате Швецией ряда возможностей поправить свое положение, добиться большей независимости и даже поддержки великих держав, но и утрате ею политического потенциала, что сказалось в польских походах и в конечном счете в Полтаве.

Петр I и Август II развили осенью 1700—весной 1701 г. бурную политическую деятельность (см. ниже), не забывая, впрочем, и о повышении боеспособности армий. Что же касается Карла XII, то, нуждаясь столь же остро, как и его враги, в материальной, стратегической и политической помощи, он непостижимым образом полностью утрачивает контакты с иностранной дипломатией! Ибо отказавшись в весьма жесткой форме от предло-

³⁹ 1 ноября 1700 г. умер испанский король Карл II. Выяснившаяся двойная игра Людовика XIV отвратила от него морские державы, после чего сформировалась более органичная ось Лондон—Гаага—Вена. Швеция, согласившаяся было с Францией принять участие в деле о наследстве, «получила отставку» и на этом участке дипломатического фронта.

⁴⁰ *Herlitz N. Karl XII's polska politik 1700—1707. — In: Karl XII : Till 200-årsdagen av hans död. Stockholm, 1918, s. 141—142.*

женных рядом сильных держав услуг, он фактически в одностороннем порядке временно прервал с ними отношения,⁴¹ хотя нельзя сказать, чтобы он не отдавал себе отчета в пагубности подобной политики даже для будущих кампаний.⁴²

Историки Северной войны согласно указывают, что для России Нарва означала прежде всего политическое и лишь потом военное поражение. Реакция Запада на нее была мгновенной — едва, реляция об исходе битвы пришла в Гаагу, как голландцы резко сменили свое отношение к послу А. А. Матвееву, не находя даже нужным скрывать свою «многую радость»;⁴³ примерно так же изменилась ситуация и в других столицах.⁴⁴

После Нарвы Россия крайне нуждалась в передышке, необходимой для завершения военной реформы, обучения войск, укрепления материальной базы армии и т. д. Поэтому основной целью Петра в свидании с Августом, начавшемся в феврале 1701 г. в Биржах, было любой ценой помешать вторжению шведов в Россию (чего он не без оснований опасался⁴⁵), столкнуть со шведами сильную и многоопытную саксонскую армию. Не менее важным было и привлечение к союзу Польши — за это Петр

⁴¹ *Rosen C. Bidrag till kännedom om de händelser, som närmest föregingo svenska stormaktväldets fall. Stockholm, 1936, bd 1, s. 9.*

⁴² Кансли-коллегия, очевидно, в соответствии с истиной указывала ему, что победа над Нарвой — «чудо», свершенное шведским отрядом от отчаянья перед лицом втрое превосходящего противника, чудо, которое не повторится. Положение же страны крайне угрожаемое, победа над врагами без помощи союзников совершенно исключается (*Jonasson G. Karl XII och hans rådgivare, s. 205—206*).

⁴³ А. Матвеев — Петру I, 25 окт. 1700 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1700, ед. хр. 4, л. 164. Позже он писал: «Мое в них ныне житье будто о пришленца и перед прежним все переменялось, а Стеколку сугубое почтение приложили и любовь» (А. Матвеев — Петру I, 27 дек. 1700 г. — Там же, л. 184 об.).

⁴⁴ Масштабы поражения были сильно преувеличены шведской пропагандой; шведы распускали и различные нелепые, фальшивые слухи, еще более вредившие русскому престижу (*Feuergeisen A. Russenfurcht in Livland und Schweden vor Ausbruch des Grossen Nordischen Krieges. Riga, 1909, S. 368—371; Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia 1697—1721. Stockholm, 1951, s. 3—23*).

⁴⁵ Из Стокгольма сообщалось о планах шведов «идти на Новгород и Псков, они уже просили для этого корабли в Гааге» (А. Матвеев — Петру I, 17, 24 дек. 1701 г. ЦГАДА, ф. 50, оп. 1701, ед. хр. 3, л. 8, 13).

был готов уступить Речи Посполитой ряд городов по Днепру, в том числе Черкасы, Чигирин и даже псковские «пригородки».⁴⁶

Свидание в Биржах было не встречей монархов, как ее обычно характеризуют, а скорее многосторонней дипломатической конференцией, поскольку в ее работе кроме русских и саксонских представителей участвовали поляки, прусский (М. Л. Принцен) и французский (М. Иерон) послы, Фердинанд Курляндский и подканцлер Литвы С. Шука.

Французы, видевшие кратчайший путь к нужному им⁴⁷ замирению Саксонии и Швеции в мирном договоре без участия России⁴⁸ (которая, судя по всему, на мир без балтийского побережья не согласится), стремились в Биржах добиться шведско-саксонского соглашения.⁴⁹ При этом Иерон опирался на оппозицию Августу среди польских магнатов и шляхетства.

Договор удалось заключить лишь на условии значительных русских субсидий Саксонии (100 тыс. рублей в год и 100 тыс. фунтов пороху), а также передачи Августу II 15—25 тыс. пехоты.⁵⁰ Взамен саксонцы обещали полную координацию своих действий в рамках союза. В статье 7 договора Россия обязалась уступить Августу II Ливонию, Лифляндию и Эстляндию;⁵¹ в целом же на

⁴⁶ *Королюк В. Д.* Свидание в Биржах. . . , с. 43, 44—45.

⁴⁷ Миссия Иерона сводилась к созданию фактора постоянной угрозы для империи путем формирования дружественной Парижу системы Стокгольм—Варшава—Стамбул. Система эта во французских дипломатических документах получает наименование «Восточного барьера» (*Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis de traités de Westphalie jusqu'a la Revolution francaise*. Paris, 1888, vol. 4, p. 247—250).

⁴⁸ *Крылова Т. К.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. — ИЗ, 1940, № 7, с. 115—148.

⁴⁹ Петру удалось нейтрализовать активность Иерона, выразив ему при личном свидании недовольство голландцами и обещанием заключить торговый договор с Францией (*Memoires du Marquis de Bonac*. — *Revue d'histoire diplomatique*. Paris, 1889, p. 395). О том же шли переговоры между французским послом в Дании и Измайловым (А. Измайлов — Ф. Головину, 1 апр. 1701 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1701, ед. хр. 1, л. 52 об.). Кроме того, Петр предлагал Иерону свою помощь, чтобы польская оппозиция могла сбросить неудобного французам Августа II, если Людовик XIV согласится на союз с Россией (*Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968, с. 23).

⁵⁰ ПБП, т. 1, с. 435—438.

⁵¹ Там же, с. 437.

Биржанской конференции Петр еще раз подчеркнул свое твердое намерение оставить за Россией часть балтийского побережья.⁵²

Уступки были сделаны Россией более для поляков, чем для саксонцев (Прибалтика отходила к Польше), однако польские представители, опираясь на поддержку Франции (угрожавшей новой турецко-русской войной) и зная о нелегком положении северных союзников, требовали за свое участие в войне ряд правобережных украинских городов, включая Киев. Но, во многом благодаря твердой позиции участвовавшего в переговорах гетмана Мазепы, русская сторона проявила неуступчивость. В дальнейшем антисаксонская партия в Польше настолько усилилась, что планы как передачи Речи Посполитой украинских городов, так и объявления ею войны шведам стали нереальными.

То, что польский король не приложил достаточных усилий к решению этого вопроса в Биржах, показало собравшимся дипломатам, что он уже тогда уклонялся от выполнения нового договора, именно «Статьи тайной»,⁵³ а польские протестанты являлись упорными противниками войны со Швецией. И все же Петр мог надеяться на военную помощь Августа в летней кампании, поскольку, согласно решению союзного военного совета в марте, саксонцы обязались по взятии Риги помогать русской армии и в случае необходимости прикрыть Москву.⁵⁴

Биржанский договор стал одним из важнейших политических актов в дальнейшем ходе Северной войны.⁵⁵

⁵² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 4, ч. 2, с. 165; ПБП, т. 1, с. 437—438.

⁵³ ПБП, т. 1, с. 439.

⁵⁴ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. 4, ч. 2, с. 19.

⁵⁵ Следует отметить проявившееся на переговорах различие в профессиональном уровне российской и польско-саксонской дипломатии. Последняя проигрывала в этой встрече (хотя и была более опытной и умелой) не изощренности, а единству и целеустремленности русской дипломатии: потерпевший сокрушительное поражение Петр I сумел применением весьма широковещательных посулов (с различными сроками исполнения) привлечь еще не побежденного Августа II к союзу, в котором лишь саксонцы обязались вести активную борьбу с противниками! Кроме того, Петру удалось на время усыпить весьма обоснованные подозрения Августа относительно того, что нарвский поход имел целью овладение ключевой позицией для захвата Лифляндии,

Главное значение его заключалось в создании предпосылок к дальнейшему ведению войны, причем наступательному. В отличие от договора 1699 г. в новом трактате была дана объективная оценка общеполитической обстановки в Европе, реальной угрозы превращения двух больших войн в одну, общеевропейскую и необходимость для Саксонии поэтому поддерживать по возможности со всеми (кроме Швеции) державами добрые отношения и отнюдь не уклоняться от переговоров с ними. Само собой предполагалось, что эвентуальные эти переговоры будут не сепаратными или хотя бы не будут вестись в тайне от союзника.

Мы говорим, впрочем, о формальных переговорах между сторонами, официально на это уполномоченными. Что же касается рядовых приемов и встреч иностранных министров, информировавших коллег о тех или иных политических решениях своих принципалов, то в XVIII в. это была рутинная дипломатической практики; такие встречи сепаратными переговорами не считались, и претензий по подобному поводу у союзников, как правило, не возникало. Это не исключало, с другой стороны, попыток как друзей, так и противников проникнуть в тайну подобных встреч. Само собой разумеется, устраивались и так называемые демонстративные переговоры, сопровождаемые обильной «утечкой информации». Но гораздо чаще секретность и рутинных встреч была чисто формальной, «тайны» их исправно достигали ушей, для которых предназначались.

Обычно подобной практикой пользовались стороны, имеющие возможность выбора, заинтересованные в столкновении противников с целью извлечения от них поочередно (или одновременно) максимальной выгоды. В таком положении с самого начала войны был Август II. В сферу его интересов как курфюрста Саксонии входило затягивание войны за Испанское наследство, это могло принести выгоды ему или убытки другим втянутым в ее орбиту германским князьям. Как король Польши он был заинтересован в результатах разрешения балтийского вопроса и комплекса восточноевропейских проблем. Такая неустойчивая политическая позиция, усугубленная всей

предназначавшейся по договору Польше (*Wittram R. Peter der Grosse und Livland: Zur Kernfrage des Nordischen Krieges. — In: Deutschland und Europa. Düsseldorf, 1951, S. 233—269*).

двойственностью его положения как чуждого монарха (немца — в славянской Польше и католика — в протестантской Саксонии) имела и свои выгоды, хотя проявились они в полной мере лишь весной 1701 г.

Август II знал, что достижение важной политической цели — получения Силезии (годившейся как мост между Саксонией и его польскими землями) и других германских земель, а в перспективе имперской короны⁵⁶ возможно и без участия в не задавшейся с самого начала Северной войне. Он получил подобные предложения от М. Иерона, прибывшего к нему в 1700 г. с целью отвлечь курфюрста от войны в Ливонии, раскрыв ему гораздо более заманчивые перспективы союза с Францией.⁵⁷ Когда же после смерти испанского короля произошло окончательное разделение соперничавших сил, положение Августа только улучшилось. Теперь, делая свой выбор в пользу одной из сторон, он мог не опасаться дестабилизации ее позиции.

Недостатка в подобных предложениях у него не было — его геополитическая позиция не оставляла равнодушным никого. С Россией и Данией он был в союзе, морские державы не прекращали склонять его к тому же (как и Франция); с более широкой программой обращался цесарь, предлагавший за поддержку в войне с Францией организовать антирусский шведско-польский союз, от чего Август получил бы выгоды и как курфюрст Саксонии, и как король Польши.⁵⁸

Кабинет Августа II был достаточно расчетлив, чтобы не делать из этих предложений ни для кого секрета и, не жертвуя пока почти ничем, сталкивать интересы противоборствовавших партий уже самой своей индифферентностью.⁵⁹ Примером результата этой политики был и Биржанский договор, на заключении которого настаивал Петр I (опасавшийся потерять союзника, имевшего столь многие ценные предложения), обещавший дорого запла-

⁵⁶ *Isberg A.* Livland i J. R. Patkuls politiska handlande, s. 40.

⁵⁷ *Recueil des Instructions...*, vol. 4, p. 246—250.

⁵⁸ *Bruhin H.* 1) *Sverige och Frankrike...*, s. 160; 2) *Österrike och den Stora nordiska kriget före Karl XII infall i Sachsen 1700—1706.* — НТс, 1909, årg. 29, s. 153—154; *Staszewski J.* O miejsce w Europie: Stosunki Polski i Saksonii z Francją na przełomie XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1973, s. 181—183.

⁵⁹ Даже союз с Францией декабря 1700 г. не помешал Августу II вскоре заключить аналогичный договор с морскими державами.

тить менее пострадавшему от войны Августу за активное ее ведение.

Подобной политики Август мог придерживаться долго, но не бесконечно. После того как с цесарем заключили союз Бранденбург, Дания и Ганновер, после подписания датско-англо-нидерландского союза оставаться в позиции профранцузски настроенного одиночки (втянутые в войну Россия и разоруженная Дания как союзники против антифранцузской коалиции мало чего стоили) было просто опасно. Поэтому Август в конце концов отказался ратифицировать договор с Францией и пошел в январе 1701 г. на союз с цесарем, предоставив ему 8 тыс. саксонцев для войны с Людовиком XIV. Некоторые авторы полагают, что первым толчком к выбору данной позиции послужили Биржи.⁶⁰ С ними можно согласиться, так как союз с Францией предполагал выход Августа из Северной войны (борьба на два фронта была для него нереальна). Поддержка Петра много значила и для его положения в Польше, становившегося все более зыбким. Но наиболее актуальной она была в свете дальнейшего хода военных акций шведов.

После Нарвы Карл XII предполагал идти на Москву и, лишь обезопасив себя с востока, считал возможным поход на Саксонию, чья армия в отличие от русской пользовалась европейской репутацией. Однако детально разработанный Карлом и Стюартом план зимней русской кампании был отвергнут ввиду слабых возможностей пополнения войск в Лифляндии за счет рекрутирования местного населения или переброски солдат из Швеции,⁶¹ уже тогда сказывались перебои со снабжением, солдаты в Лифляндии болели и т. п.⁶²

Весной 1701 г. план вторжения в Россию⁶³ был перенесен на лето, так как было решено вначале собрать

⁶⁰ *Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia...*, s. 81.

⁶¹ Государственный совет воспротивился переброске двух кавалерийских полков из Сконе, опасаясь спровоцировать удар Дании; по той же причине Карл не мог снять свои войска, стоявшие в германских землях неподалеку от Саксонии (*Historiska handlingar. Stockholm, 1861, bd 1, s. 114*).

⁶² *Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924, d. 1, s. 61*.

⁶³ Армейский корпус А. Крунгйорта должен был идти к Ладогге, корпус Х. Горна — ударить из района Нарвы на Гдовском направлении, еще один корпус — идти через Нейгауз на Псков. Главная армия под командованием Карла должна была, разгро-

у Дерпта артиллерию и накопить людскую силу. Но выполнение и этого плана было по невыясненным пока⁶⁴ причинам отодвинуто к сентябрю. Осенью же у шведов стало заметным ослабление интереса к русскому походу вообще. Вначале для защиты земель прошведски настроенного великого гетмана Литвы И. Сапеги от разорения их сторонником Августа II Г. А. Огинским туда направляются два шведских полка; шведы продвинулись в ноябре до Ковно, а накануне нового 1702 г. все войска шведов в Лифляндии получили приказ передислоцироваться в Литву.

Попробуем разобраться в военно-политическом основании столь важного в истории войны решения, как перенос Карлом XII направления похода 1702 г. с восточного на южное.

Это было обусловлено рядом причин. В течение 1700—1701 гг. планомерные действия корпуса Б. П. Шереметева, цель которых «состояла в том, чтобы лишить шведов опорных пунктов и базы снабжения продовольствием»,⁶⁵ т. е. в полном уничтожении военных и гражданских построек и сооружений, средств коммуникаций и сельского хозяйства края, сделали Лифляндию непригодной в качестве опоры для наступления на восток.⁶⁶ Более того, в итоге рейдов Шереметева были подготовлены предпосылки для взятия лифляндских крепостей Швеции. Как утверждал П. А. Голицын, «царское войско... всю Ливонию разорило, так что все города... без всякой осады

мив крепости в устье Двины и Курляндии, соединиться с Горном в Пскове и идти оттуда на Москву.

⁶⁴ В шведской историографии в этом отношении имеются две основные гипотезы: 1) Ф. Ф. Карлссона, согласно которой причина отмены плана в изменении отношения шведов к Польше, проявившей в этот период некоторую к ним враждебность; 2) Х. Йерне: причина — стратегическая неудача (битва у Двины 9 июля; здесь Карл XII намеревался дать решающий бой Августу II и свергнуть его, что не удалось); для завершения этого плана шведы и пошли за курфюрстом. Однако обе эти гипотезы несостоятельны. Согласно им план восточного похода был отменен летом 1701 г., тогда как на деле энергичные приготовления к походу длились до начала сентября, когда и было намечено выступление на Москву (*Jonasson G. Karl XII's baltiska militärpolitik under år 1701. — Scandia, 1963, bd 29, h. 2, s. 287*).

⁶⁵ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984, с. 39.

⁶⁶ В ноябре 1701 г. Шереметев писал: «... тут стать никакими мерами нельзя для того... поселения никакого нет, все пожжено, дров нет, кормов конских нет» (цит. по: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. 4, ч. 2, с. 168).

могут сдать, ибо все те города хлеб и всякую живность проваживали морем и реками, а ныне все пресеклось».⁶⁷

Против широкого наступления шведов на Россию и неизбежного при этом захвата Архангельска выступали деловые и отчасти правительственные круги морских держав, заинтересованных в прямой торговле с Россией, — эта политическая помеха походу на Москву была не менее важной, чем военно-стратегическая.

И наконец, имелись чисто экономические доводы против такого похода — на него у пораженной рядом неурожаяев и военными расходами Швеции просто не было денег; ведь он обошелся бы в несколько раз дороже походов по густонаселенной Польше или Германии. Была отрезана и такая возможность добыть деньги для русского похода, как внешний заем. После заключения шведско-англо-голландского договора 1701 г. занять деньги у Франции стало невозможным, как и у морских держав после их союза с Саксонией в январе 1702 г. (а переговоры о нем шли весь 1701 г.). Таким образом, русский поход если и был возможен с финансовой точки зрения, то лишь после заключения мира с Саксонией — именно на этом настаивали морские державы.⁶⁸

Но и заключение мира с Августом II было для Карла XII по ряду причин невозможным. Прежде всего, разорванный Августом Оливский трактат (на котором строились до войны шведско-саксонские отношения) Карлом нарушен не был. Вступив же в переговоры с саксонцами без отхода последних на довоенные позиции (что неоднократно предлагалось шведами), Карл признал бы, что Саксония ведет законную войну; Август II, естественно, привлек бы к переговорам Речь Посполитую (которая первым делом выдвинула бы свои старые претензии на прибалтийские земли), и Швеция оказалась бы лицом к лицу с двумя врагами вместо одного.

Имелись и более субъективные, но не менее веские причины отказа Карла XII вступать в любые переговоры с Августом II. Мы уже упоминали о том, что в ту эпоху международные соглашения не всегда поддерживались воинской силой участников или гарантов их, но зачастую

⁶⁷ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. 4, ч. 2, с. 208.

⁶⁸ Jonasson G. Karl XII och hans rådgivare: Den utrikespolitiska maktkampen 1697—1702. — *Studia historica Uppsalensia*, 1960, bd 1, s. 218.

более словом монархов, залогом которого была их честь. Международное положение Швеции не позволяло надеяться на то, что какая-либо из великих держав возьмется следить за выполнением Августом II договора, заключенного со шведами. Т. е., должна была сложиться ситуация, в которой Швеция могла бы надеяться лишь на честь партнера. Но подобная гарантия была слабой именно в отношении Августа II, давно пользовавшегося в Европе репутацией человека легкомысленного, коварного и совершенно беспринципного.⁶⁹ Поэтому Карл и мог серьезно опасаться неожиданного удара в спину в случае, если Саксония не будет обезврежена перед московским походом. Единственным надежным путем к этому он полагал свержение Августа II и замену его на польском престоле своим ставленником.⁷⁰ При этом он рассчитывал на поддержку старой оппозиции Августу, явившись в Польшу в качестве избавителя страны от военной опасности, — договоренность Августа с Петром о вовлечении Польши в Северную войну была общеизвестной.⁷¹

Дипломатической подготовке польского похода Карла XII дать однозначную оценку нелегко. С одной стороны, шведские политики (Б. Уксеншерна) вели переговоры с кандидатом на польский престол Якубом Собеским еще с 1700 г. К Собескому примыкали магнаты, недовольные правлением Августа II, прежде всего обиженные им бывшие контисты Сапеги (питавшие, кроме того, надежды на отделение от короны Литвы под их правлением). Не менее важной была поддержка, которой удалось заручиться у командующего коронной армией С. Яблоновского, опытного полководца, имевшего неплохие контакты с такими крупными политиками, как Р. Ле-

⁶⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 631; *Jonasson G.* Karl XII och hans rådgivare, s. 220; *Rosen J.* Den svenska utrikespolitikens historia..., s. 75; *Wittram R.* Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1, S. 169, и др. Лично Карл XII заявлял: «Если бы я мог на него (Августа II, — В. В.) положиться, то охотно оставил бы его в покое» (цит. по: *Wittram R.* Peter I, Bd 1, S. 169). Он просто опасался за престиж Швеции в случае заключения ею любого соглашения с Августом — «någon, som sig så malhonnet prostituerat» (*Brulin H.* Sverige och Frankrike..., s. 170—171). Подобное отношение к польскому королю было за рубежом всеобщим, см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого, т. 4, ч. 2, с. 206.

⁷⁰ *Haintz O.* König Karl XII..., Bd 1, S. 53; *Munthe A.* Karl XII och den ryska sjömakten, d. 1, s. 82—83.

⁷¹ *Zernack K.* Vom Randstaat zur Hegemonialmacht, S. 265;

щинский, кардинал-примас М. Радзеевский, а также с Турцией.⁷²

С другой стороны, сам Карл XII, от которого зависело многое в направлении дальнейшей практической политики страны, никакого интереса к этим переговорам не проявлял; более того, в беседах с Собеским он не скрывал своего безразличия к вопросу, кто именно станет королем Польши. Не согласился Карл и гарантировать Речи Посполитой неприкосновенность ее границ, если она даже не будет поддерживать саксонца, а к этому важному дипломатическому демаршу его склоняли с 1700 г. В результате после входа шведов в Польшу значительная часть поляков заняла антишведскую позицию (см. ниже).

Вторжение началось зимой 1702 г. Бессистемные попытки поляков противиться ему дипломатическим путем⁷³ к успеху привести не могли. Почти не встречая сопротивления, тремя маршевыми группами армия Швеции двигалась на юг и в середине мая вошла в Варшаву. Одновременно с началом вторжения Карл XII декларировал цель его — свержение Августа II. Это заявление стало отправной точкой для разработки правительством Августа II новой политической линии.

Программа действий в изменившейся обстановке была готова той же весной; она была сформулирована ближайшим помощником и другом Августа II тайным советником Я. Г. Флемингом. В своем мемориале «Частные соображения о нынешних конъюнктурах»⁷⁴ он определил две цели саксонской политики: привлечь иностранные державы к поддержке Августа II и укрепить положение короля в Польше.

Ведущий политик Саксонии возлагал надежду на поддержку Пруссии и Дании, чьим интересам по-прежнему противоречили успехи шведского оружия. Не исключал он и вероятности привлечения на свою сторону терпящих убытки в результате похода Карла XII морских держав.

⁷² С поляками было достигнуто предварительное соглашение о наступательном антирусском союзе на условиях присоединения к Польше Киева и Смоленска (*Gierowski J., Kaminski A. The eclipse of Poland.* — NCMH, p. 657, 694).

⁷³ Так, на переговоры в Гродно (апрель 1702 г.) поляки вообще явились с устаревшими, негодными инструкциями! (*Haintz O. König Karl XII. . . , Bd 1, S. 57*).

⁷⁴ *Jonasson G. Karl XII's polska politik 1702—1703.* — *Studia historica Uppsalensia*, 1968, bd 27, s. 15—19.

Они вполне могли прибегнуть к сильному средству — некоему польскому варианту Травенталя, тем более что обошлось бы это недорого: здесь речь шла об оторванном от баз, сравнительно небольшом экспедиционном отряде шведов.

Трудно было рассчитывать на помощь воевавшей Австрии, но Вена должна была понимать, что, оказавшись в безвыходном положении, Август неминуемо обратится за поддержкой к Франции, предложив ей для этого свою помощь войсками. Да и безграничное усиление Швеции после возможного завоевания Польши, Саксонии и Силезии и соединения с профранцузски настроенными Баварией и Кельном (к чему имелись реальные опасения) Австрии выгодно не было.

Отсюда следовали практические рекомендации мемориала: втянуть в войну Пруссию, представив ей большие выгоды использования войск против Швеции, чем сдача их внаем высоким союзникам, и Данию, убедив ее в общности датских и русских интересов. По отношению к морским державам предполагалось проявлять предельную услужливость, неустанно подчеркивая при этом факт явной агрессивности Швеции, уже принесшей вред экономике Англии и Нидерландов.

Флеминг категорически не рекомендовал вступать в единоборство с сильным врагом. Любопытно, что открытую борьбу он полагал возможной лишь в том случае, если под жезлом саксонского командующего соберется не менее 67 тыс. войск⁷⁵ против 25 тыс. шведов. До того он предлагал, уклоняясь от битвы, изматывать Карла XII на чужой территории и тем рано или поздно привести к миру. Время должно было работать на саксонцев и в отношении длительного пребывания шведов в Польше: Флеминг считал, не без оснований, что они окажутся более неудобными «квартирантами», чем саксонцы, и на сторону Августа перейдут нынешние оппозиционеры.

Поскольку политика Саксонии в последующие годы в точности следовала основным тезисам мемориала, допустимо предположение, что он действительно являлся программным документом, подлежащим исполнению и

⁷⁵ Имелись в виду вспомогательные войска — 20 тыс. русских, 12 тыс. поляков, 15 тыс. пруссаков, 8 тыс. датчан в соединении с 12 тыс. литовцев.

в частных его положениях, нередко ускользавших от внимания историков. Основной вывод, сделанный обнаружившим документ шведским ученым, — о том, что почти непрерывно ведший сепаратные мирные переговоры Август II в действительности к миру, достигнутому таким образом, не стремился и вряд ли его допустил бы.⁷⁶ Целям Саксонии—Польши более соответствовало насильственное замирение шведов сильной третьей стороной (морскими державами, например), обуздание шведов, как это было в Травентале.

С таким выводом могут не согласиться лишь ученые, для которых личные качества Августа II (авантюризм и легкомыслие) заслоняли немалую политическую опытность и способность к анализу саксонского правительства. Так, к примеру, тезис Флеминга о разочаровании польской оппозиции в их шведском покровителе начал оправдываться даже раньше, чем «обещал» автор мемориала, — сразу же после вторжения.

Причин к этому было несколько. Прежде всего, на поляков были наложены высокие контрибуции, взимаемые под страхом карательных мер;⁷⁷ после года такого грабежа население стало бежать в неоккупированную часть страны, увозя с собой все пожитки.⁷⁸

Экономические трудности вскоре дополнились политическими. Август II был избран на трон большинством

⁷⁶ Jonasson G. Karl XII's polska politik. . . , s. 19.

⁷⁷ По мысли шведского командования, армия должна была полностью обеспечивать себя за счет местного населения. Есть даже мнение, что фактор самообеспечения сыграл решающую роль в планировании польского похода (*Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt i sina indördes relationer under det Stora nordiska kriget.* — КФА, 1976, s. 183). Созданный в 1702 г. орган, ответственный за взимание контрибуции (Кригс-комиссариат), в случае неуплат прибегал к массовым экзекуциям, удваиванию контрибуции, выводу заложников. Города облагались так называемым «брандскатом», т. е. «налогом под страхом сожжения», размер его варьировался от 24 тыс. (Варшава) до 60 тыс. (Краков) рейхсталеров. Когда комендантом Кракова стал глава Кригс-комиссариата М. Стенбок, брандскат возрос здесь до 130 тыс., а во Львове — до 300 тыс., не считая 30 тыс. от львовских купцов (*Floden A. Kontribution och revision under Stora nordiska kriget.* — КФА, 1962, s. 177—179). Крестьяне широко принуждались, в нарушение международного права, к участию в фортификационных работах, «к делу подкопов» (Ширендорф — А. Матвееву, 27 сент. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 778).

⁷⁸ *Floden A. Kontribution och revision. . . , s. 183.*

сейма, и, когда Карл XII заявил о плане свержения им выборного короля, подавляющее большинство шляхетства возмутилось: готовилось неслыханное покушение на их права, «золотую вольность», честь и т. д.⁷⁹ — ведь с тех пор, как Польша стала суверенным государством, ни один польский король не был свергнут.⁸⁰ Мы можем согласиться с тем, что «Август II не стоил лояльности поляков»,⁸¹ но в народе была еще свежа память о польской кампании Карла X Густава, и теперь, когда новая шведская оккупация жестоко ударила по экономике, национальному чувству и личной безопасности большинства поляков, имя Августа II превращалось в символ польской независимости. Идея эта наполнялась и вполне реальным содержанием: была надежда, что Август со своими саксонцами добьется изгнания шведов и вновь станет на защиту государственных границ. Поэтому уже в 1702 г. на его сторону переходят не только отдельные дворяне; в зоне оккупации разворачивается народное партизанское движение. Соответственные настроения характеризуют и решения сеймов и конфедераций, начиная с Варшавского сейма 1702 г., потребовавшего ухода шведов из Польши.⁸² Таким образом, дилемма, перед которой поляки были поставлены Карлом XII, — война в союзе с Россией или мир, но ценой свержения Августа, неожиданно стала решаться уставшей от войн Польшей не в пользу мира.

Были и более частные причины ослабления позиции шведов в Польше: смерть зимой 1702/03 г. основных сторонников Карла XII С. Яблоновского и Р. Лещинского, захват Августом II в плен претендента Я. Собесского и его брата. И если саксонская пропаганда активно использовала политические промахи шведов,⁸³ то Карл XII упу-

⁷⁹ Немалую роль в этом процессе сыграла и личная недипломатичность Карла XII, писавшего, например, примасу письма с выпадами против Августа, никак не соответствовавшими уровню подобной переписки. Они возмущали не только поляков, но и иностранных политиков. Так, нидерландский пенсионарий считал непристойным «по чину достоинства королевского такое барбарское дело являть» (А. Матвеев — Петру I, 3 окт. 1701 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1701, ед. хр. 3, л. 409).

⁸⁰ Исключение составляет прецедент с Болеславом Храбрым, но и он был свергнут не по указке со стороны.

⁸¹ *Konopczynski W.* Karl XII och Polen. — KFA, 1924, s. 71.

⁸² *Jonasson G.* Karl XII's polska politik. . . , s. 44.

⁸³ См.: *Hatton R.* Charles XII and the Great Northern War. — NCMH, p. 658.

стил возможность использовать в этом плане глубокие разногласия, имевшиеся между Саксонией, Россией и Польшей. Более того, своей польской политикой он содействовал их сглаживанию. Так, его декларация о лишении престола Августа парализовала как антисаксонскую оппозицию, так и силы, выступавшие против союза с Россией.⁸⁴

Политические промахи Карла XII не могли быть исправлены военными успехами шведов. В июне 1702 г. под Клиссовом ими была наголову разбита вдвое большая саксонско-польская армия, затем пал Краков, а Карл уже наметил поход на Силезию, т. е. на территорию империи. Этот план не мог не встревожить союзников царя;⁸⁵ не менее беспокоили их упорно продолжавшиеся шведско-французские переговоры,⁸⁶ шведов в империи с нетерпением ждал усиливавшийся с каждым месяцем вождь восставших венгров Ф. Ракоци,⁸⁷ шведы готовились пресечь англо-голландскую торговлю с Россией через Архангельск.⁸⁸ Наконец, поляки перехватили письмо Н. Лиленрота, шведского посла в Голландии (судя по всему, составленное с целью поссорить морские державы), в котором говорилось, что голландцы готовы за небольшую мзду оказать Карлу XII всемерную помощь в его польском походе.⁸⁹ До сих пор Швеция не осмеливалась открыто вредить Англии и Нидерландам; эта провокация окончательно определила их отношение к Карлу XII — они готовились просить у Дании «о прерыве Травентальского договора с ним, шведом, и объявлении ему войны;

⁸⁴ Haintz O. König Karl XII. . . , Bd 1, S. 60.

⁸⁵ Морские державы узнали о нем из перехваченного письма Пипера (А. Матвеев — Петру I, 14 авг. 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 3, л. 13).

⁸⁶ В мае в Гамбурге было перехвачено письмо М. Иерона, в котором тот сообщал о «многой ссуде денежной от француза» шведам (А. А. Матвеев — Петру I, 15 мая 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 2, л. 411).

⁸⁷ Об этом стало известно из перехваченных писем барона Г. Х. Герца (А. Матвеев — Петру I, 14 авг. 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 3, л. 12 об.).

⁸⁸ Морские державы опасались, что шведы направятся к Архангельску на французских судах: десант в 5—6 тыс. человек уже был готов (А. Матвеев — Петру I, 12, 15 мая 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 2, л. 402 об., 410 об.).

⁸⁹ Было постановлено послать «флот кораблей на него, шведа, как прежде учинено было Копенгагену» (А. Матвеев — Петру I, 14 авг. 1702 г., л. 10).

тогда вспоможение во всем ему, Денемарку, будет».⁹⁰ Для такого шага им не хватало лишь доказательства существования шведско-французского договора.

Вряд ли подобные планы морских держав можно рассматривать как появившиеся под влиянием раздражения, несерьезные. Дания (как и Август II), обязавшись помогать Высокому союзу, вступив с ним в тесные договорные отношения, не только ослабила этим свою боевую мощь. Она достигла того, к чему сознательно стремилась, а именно твердой уверенности в сильной и, главное, добровольной поддержке морских держав в ее балтийских конфликтах.

Входя в союз со Швецией, морские державы намеревались, во-первых, оттолкнуть ее от Франции, а во-вторых, содействовать миру на Севере, но не достигли ни первого, ни второго. Август II же и Фредерик IV действительно отошли от Франции и деятельно поддерживали политику Гааги и Лондона. Поэтому усиление датского и польского королей отвечало интересам морских держав, и, наоборот, они не были заинтересованы в поддержке их врага. Политика северных союзников, таким образом, расшатала альянсную систему Лондон—Гаага—Стокгольм; поэтому политическая изоляция Швеции на Востоке все заметнее дополнялась тенденциями к изоляции на Западе.

Однако пока это были именно тенденции, заметные лишь наиболее зорким из советников Карла XII. Реальному же давлению извне и брожению внутри страны Карл противопоставлял политику незначительных уступок морским державам и заигрывания с внутренней оппозицией Августу II — политику, имевшую весьма мало общего с реальностью, подготовленную, судя по всему, единолично Карлом (поскольку его советники были против войны в Польше⁹¹), характеризовавшуюся пренебрежением к анализу действительной расстановки сил и поэтому неглубокую и малодейственную. Более всего она напоминала узким своим прагматизмом накладывание заплата,⁹² как и любая политика, лишенная стержня, пер-

⁹⁰ А. Матвеев — Петру I, 14 ав. 1702 г., л. 10.

⁹¹ *Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia...*, s. 88.

⁹² Шведские отряды в Лифляндии терпели в 1701—1702 гг. тяжелые поражения от многократно численно превосходивших их русских. Карл XII довольно своеобразно пытался нейтрализовать победы врага — вместо того чтобы усилить полки, он платил бешеные деньги (до 1 тыс. гульденов человеку!) голландским га-

спективной цели. Мы не можем сказать, что инициативой в этот период Северной войны уже владели союзники. Петр I и Фредерик IV копили силы, довольные, что шведы оставили их в покое, Август II уклонялся с переменным успехом от ударов Карла XII. Уникальность ситуации была в том, что сохранение инициативы имело гораздо большее значение для Карла, чем для его врагов (время работало на них — шведская армия не могла до бесконечности стоять в Польше, этого не выдержала бы экономика страны). Карл же постоянно и добровольно упускал инициативу, сохраняя, впрочем, видимость ее. Такого рода «инициативой» владели некогда женихи в доме Пенелопы, фактически же инициатива принадлежала ей, распускавшей по ночам сотканное поневоле днем. Август II, даже терпя поражения (чаще незначительные) от шведов, мог бесконечно лавировать, уходить от решающей схватки (иногда и в соседние, имперские земли), возвращаться для отдыха в Саксонию, снова идти в Польшу, вербовать там новых сторонников и т. д., буквально издеваясь над многократно превосходившим его противником. Впрочем, шведы теряли не только драгоценное время: если северные союзники крепили, то армия Карла, экономика Швеции слабели. Некоторые авторы говорят даже о политической «ключевой позиции в Европе», которую занимал Август.⁹³ Это преувеличение, но оно симптоматично.

Усиление северных союзников происходило в двух планах — военно-стратегическом и политическом, причем в России оно шло в несравненно более широком масштабе и высоком темпе, чем в Дании. Петр I, зная самое чувствительное место психологии «великих торгующих наций», привлек уже в 1701 г. их симпатии политикой наибольшего благоприятствования для них в торговле. Англичанам и голландцам в Архангельске беспрепятственно отпускались любые товары и в большом количестве.⁹⁴ С возобновлением Нарвской навигации им были предостав-

зетчикам, чтобы те скрывали истинное положение дел на восточном фронте (А. А. Матвеев — Петру I, 20 февр. 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 2, л. 128).

⁹³ *Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia...*, s. 75.

⁹⁴ Через Архангельск шла основная масса русского экспортного хлеба. Лишь в январе 1702 г. через одного только резидента Г. ван дер Гульста было отпущено 5 тыс. четвертей ржи (ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 4, л. 4).

лены еще большие льготы, причем царь бдительно следил, чтобы купцы морских держав были «в безопасности» не только находясь в русском порту, но и по пути к нему и обратно.⁹⁵

В области внешней политики делались неустанные попытки максимально сблизиться с морскими державами, Высоким союзом в целом. Оптимальным вариантом было бы включение в него России; ради этой цели Петр был готов на многое.⁹⁶ И усилия царя впустую не пропадали.⁹⁷

Усиление России в первые годы войны в стратегическом и военно-экономическом отношении общеизвестны — эта тема хорошо разработана советской наукой. Оно шло по трем основным направлениям: реформировалась с целью извлечения больших доходов экономика страны; опустошалась захваченная у противника территория (для предотвращения его возможного возвращения); на стратегически важных позициях укреплялись старые (русские и шведские) и создавались новые опорные пункты и коммуникации. В стычках с оставленными в Прибалтике шведами многократно превосходившая их числом русская армия оттачивала свое мастерство, отрабатывались взаимодействие частей, функции служб, вопросы командования, координации, информации, снабжения, пополнения и т. д.

⁹⁵ Пример русских представлений по поводу пресечения шведского каперства — мемориал А. А. Матвеева (Мемориал А. Матвеева господам Высокомочным статам, поданный 24 нояб. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 898—899 об.).

⁹⁶ Так, непременным условием отпуска зерна за рубеж было «французу того хлеба отнюдь не продавать и в те земли не возить» (ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 4, л. 5). Кстати, морские державы Россию к этому условию не припуждали, это была добрая воля русских.

⁹⁷ В 1702 г. цесарь и Голландия уже были согласны и даже «имели великое желание» ввести Россию в Высокий союз (А. Матвеев — Петру I, 2 янв. 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 2, л. 5 об.—12). Впрочем, при внимательном анализе этих переговоров становится явной разница между постоянством русских предложений и четкой зависимостью ответов на них от степени возрастания турецкой угрозы для империи. Цесарь настаивал на включении России в Высокий союз с тем, чтобы в случае войны и Петр I «нарушил бы с Портою мир свой, и общим соединением с цесарем тогда на турка войну всчали» (там же, л. 5 об.). При ослаблении же турецко-австрийской напряженности менялась и степень «дружественности» морских держав к России, так и не вошедшей в Высокий союз, хотя она неоднократно была близка к этому.

Переданные Августу II в качестве вспомогательных, некоторые части действовали относительно автономно на незнакомой территории, приобретая ценный опыт; в дальнейшем он пригодился в различных кампаниях.

Двуединный — военный и политический — резонанс получили победы России над шведами в эти годы: под Эрестфером, Гуммельсгофом, взятие Орешка, овладение устьем Невы и др. Известие о каждой такой победе укрепляло позиции Москвы «на европейском театре».⁹⁸

В Дании же политика послетравентальских военных лет была определена иными целями. В памятной записке, составленной Тайным советом весной 1701 г., говорилось, что важнейшей задачей короля должна быть забота о безопасности страны, всемерном ослаблении Швеции и Гольштейн-Готторпа и об укреплении финансов королевства.⁹⁹ Приняв твердый курс на сближение с высокими союзниками, отменяя все предложения Франции, заключив ряд важных договоров (оборонительный с цесарем от 4 июня 1701 г. и морскими державами от 15 июня 1701 г.), Фредерик IV укрепил не только политическое и финансовое положение страны. Льготные условия мореходства способствовали возрождению оживленной торговли порвежским лесом; войска, переданные на кошт высоких союзников, копили военный опыт, весьма пригодившийся впоследствии.

Отказавшись от реализации планов больших перемен на Балтике, от выполнения обязательств по Северному союзу, Дания не только не порвала со своими союзниками, но и ориентировалась на сотрудничество (явное или тайное) с ними с целью, во-первых, иметь запасной выход в случае сближения ее врага с морскими державами, а во-вторых, чтобы не утратить возможность достижения всех выгод, которые, не исключено, принесет союз с Саксонией и Россией, — ведь война была далеко не окончена. На это, в частности, указывало сохранение посольства в Москве, несмотря на все перемены во внешнеполитической ситуации в Европе, которыми были так богаты первые годы войны. Другими словами, Россия стала постоянным фактором во внешней политике Дании.

⁹⁸ А. А. Матвеев — Петру I, 4 дек. 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 3, л. 258 об.

⁹⁹ Bidrag til den Store nordiske krigs historie. København, 1903, bd 2, s. 5.

Петр I также не оставлял надежды на возобновление в полном объеме сотрудничества с Данией. Свидетельством тому — учреждение в Копенгагене постоянного дипломатического представительства. Начало нового этапа в русско-датских отношениях характеризовалось известной односторонностью. В то время как Петр I продолжал исполнять договорные обязательства,¹⁰⁰ Дания не выделила даже чисто символического количества вспомогательных войск, что было крайне важно для России в ситуации начавшейся после Нарвы ее политической изоляции. Более того, Дания отвечала отказом на просьбу о ничем не стоившей ей (но способной сковать часть шведской армии) переброске войск из Зеландии к норвежско-шведской границе.¹⁰¹

Наконец, в ответ на подобные демонстративные отказы в сотрудничестве Петр отозвал А. П. Измайлова и прекратил переговоры с П. Гейнсом в Москве, что было воспринято как свидетельство сепаратных русско-шведских переговоров.¹⁰² Но охлаждение это носило временный характер, и, как только шведы углубились в Польшу, Дания по собственной инициативе начинает восстановление старых отношений с союзниками.¹⁰³ Петр I не замедлил сделать встречные шаги,¹⁰⁴ и сотрудничество возобновилось с тем, чтобы не прерываться долгие годы.

Однако предложенное датчанами в 1701—1702 гг. направление взаимной помощи не могло удовлетворить Россию, несмотря на крайнюю необходимость поддержки извне,¹⁰⁵ ряд диалогов был прерван именно по этой при-

¹⁰⁰ В частности, он был единственным, кто встал на защиту свободы внутренней политики Дании от посягательств морских держав во время готторпского конфликта — и Фредерик знал об этом (Heins — Frederik IV, 22 may, 6 juni 1700. — RATKUA, Rusland, B; Bilag: «Extract Jhr. Exc. Hr. Gollowins Schreibens an den Moskowitischen Ambassadeur in Hollandt de dato Moscou. d. 20 may 1700». — Ibid.).

¹⁰¹ Heins — Frederik IV, 5 aug. 1701. — RATKUA, Rusland, B.

¹⁰² Bachmeister A. Beyträge zur Geschichte Peter des Grossen. 1774, Bd 1, Riga, S. 433.

¹⁰³ Августу II предоставляется право закупки в Дании военных товаров, Петру I через П. Гейнса сообщается ценная информация военного характера.

¹⁰⁴ О новых русских предложениях сотрудничества, переданных в Копенгаген Гейнсом, см.: Jensen B. Dansk-russiske relationer. — HJS. N. R., 1970, bd 8, s. 435—436; ПБП. СПб., 1889, т. 2, с. 325.

¹⁰⁵ Обещание выступить против шведов, лишь только «начнется война у галанцов с французом» (А. Измайлов — Ф. Голо-

чине. Типичный пример — встреча Гейнса с Паткулем в 1701 г. Датчане проявили здесь неуступчивость в основном пункте переговоров,¹⁰⁶ хотя и были уверены в том, что если они возобновят войну со Швецией, то Петр предоставит им, как ранее Августу II, весьма крупные субсидии.¹⁰⁷

В целом же датская политика первой половины 1702 г. стала гораздо более враждебной Швеции, чем еще за год до этого. Представители Дании в Лондоне делают первые попытки вернуть на родину свои вспомогательные войска; летом 1702 г. перевооружается флот; армия в Норвегии непрерывно маневрирует вдоль шведской границы; накапливаются войска и в Южной Ютландии. Учитывая факт тесной координации действий датского и английского кабинетов,¹⁰⁸ естественно предположить, что такие инициативы были связаны с переменами в симпатиях Лондона.

Напротив, когда осенью 1702 г. датчане уяснили, что Гаага будет поддерживать союз со Швецией, то вновь запросили у России непомерные субсидии, а это было равносильно отказу от переговоров.¹⁰⁹ Они не возобновлялись до весны 1703 г., но и новый раунд их окончился по вине Дании безрезультатно — король отказался помочь России оружием, селитрой, предоставлением нейтральных пасов (судовых документов).¹¹⁰

При сравнении политики России и Дании 1701—1702 гг. обнаруживается любопытная закономерность — у обеих стран были по-прежнему почти одинаковые задачи. Обе стремились, во-первых, укрепить Северный

вину, 7 мая 1701 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1701, ед. хр. 1, л. 89), выполнено с началом войны за Испанское наследство не было.

¹⁰⁶ Центральным из восьми пунктов проекта договора, включенного в инструкцию П. Гейнсу (*Originalinstruks til Heins, 18 sept. 1701.* — *RATKUA, Rusland, C*; расшифрованный экскерпт: *ibid., A-II*), было требование от русских 1 млн. ригсдалеров. Согласиться на эту сумму Петр I не мог, и переговоры были прекращены.

¹⁰⁷ *Heins' relation, 15 nov. 1702.* — *RATKUA, Rusland, B.*

¹⁰⁸ Датский министр обычно консультировался в Лондоне относительно желательного англичанам уровня датско-русских отношений! (*Jensen B. Dansk-russiske relationer, s. 438*).

¹⁰⁹ ПБП, т. 2, с. 326.

¹¹⁰ *I. K. M. Allergnäd. Resolution auff... Proposition in Conceilen, 24 apr. 1703.* — *RATKUA, Rusland, A-II.*

союз, во-вторых, сблизиться с морскими державами, в-третьих, уйти от опасности военного столкновения со шведами. Разница заключалась в том, что по степени важности эти задачи располагались для датчан в обратном порядке. Для них важнее всего было избежать конфликта со шведами и лишь на третьем по важности месте стояла задача поддержания нормальных отношений со своими союзниками.

И все же при несходстве точек зрения на важность общих интересов, при некоординированности действий на политическом фронте в целом Северный союз в эти годы креп уже потому, что усиливались по отдельности его члены. Шедший одновременно процесс ослабления Швеции, о котором была речь выше, столь заметным не был — до разгрома Карла XII оставались многие годы, но четче всего он выразился на центральном театре Северной войны — в Польше.

В начале оккупации шведы могли опираться на два течения антисаксонской оппозиции — контистов, потерявших с приходом на трон Августа II должности или имения, и антирусски настроенных литовских магнатов, мечтавших вернуть перешедший к России по договору 1667 г. Смоленск и другие области.

Однако к 1703 г. движение контистов ослабло — выяснилось, что Карл XII собирается короновать не француза, но послушного Швеции поляка. Литовская группировка также утратила расположение к шведам, ибо возврат шведами имений опальным Сапегам носил характер грубого вмешательства во внутренние дела, неотвратимо ведшего к гражданской войне и уже потому не имевшего поддержки среди большинства влиятельных литовцев.

Итак, вторжение шведов в Польшу с первых лет повлекло важные последствия. То, что Северная война волей Карла XII переместилась именно сюда и велась против Августа II, было объективно полезно Франции (образовалась очередная модель «восточного барьера», препятствовавшего оказанию помощи врагам Франции) и невыгодно высоким союзникам, что усугубило политическую изоляцию Швеции. Для России польский поход шведов был выгоден не только в стратегическом, но и в политическом отношении — в глазах Высокого союза Россия стала приобретать ценность как объективный противник «польской» политики Карла XII.

Сама же Польша в эти годы вновь ярко продемонстрировала свои внутренние противоречия и внешнеполитическую слабость, что не могло не оживить борьбы за обладание ею. Но террористическая политика Карла XII, непонимание им традиций и особенностей дворянской республики оттолкнули от него многих сторонников. Поэтому в политической конкуренции, в борьбе за влияние на Речь Посполитую выигрывали Россия и Саксония — эта тенденция также наметилась в первые два года войны.

Глава четвертая

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В ГОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОХОДОВ КАРЛА XII (1703—1707 гг.)

Политические и экономические предпосылки польских походов Карла XII

Как отечественные, так и зарубежные историки Северной войны пытаются объяснить «непонятную» политику Швеции в 1703—1707 гг. исключительно влиянием на ее направление самого Карла XII,¹ его личной антипатией к Августу II.² При этом в качестве доказательства личного характера политики короля шведов приводятся действительно имевшие место критические высказывания (по поводу тех или иных решений Карла) шведских министров, советников, генералов, членов Сената и т. д.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 8, с. 15, 24—26, 53 и др.; Тельпуховский В. С. Северная война, 1700—1721. М., 1946, с. 43—44; Клокман Ю. Р. Северная война 1700—1721 гг. — В кн.: Страницы боевого прошлого. М., 1968, с. 80. Весьма типично в этом смысле мнение Е. В. Тарле, согласно которому политика Швеции в 1702 г. и последующие годы была основана на решении Карла XII «просто согнать польского короля с престола и посадить на его место кого-нибудь другого» (Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958, с. 67).

² Шлоссер Ф. Всемирная история. СПб., 1868, т. 16, с. 40; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 631; Fryxell A. Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden. Braunschweig, 1861, T. 1, S. 133; Hening-Thies B. Völkerringen im Ostseeraum. Leipzig, 1939, S. 90; Selnes K. Norge — Russland — Grannefolk gjennom tusen år. Oslo, 1972, s. 19; Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt i sina indördes relationer under det Stora nordiska kriget. — KFA, 1976, s. 19; Kopczynski W. Karl XII och Polen. — KFA, 1924, s. 65.

В различные периоды польских походов.³ Некоторые авторы утверждают, что Карл в начале польских походов вообще «не вдавался особенно в размышления относительно своей программы действий»,⁴ и это говорит о его «политической запальчивости»⁵ и иных личных качествах короля, якобы бывших основной причиной рокового для шведов вторжения в Польшу. О некоторых очевидных мотивах формирования Карлом именно такой политики мы уже говорили в третьей главе. Это не означает, однако, что личные расчеты и выводы Карла XII были единственным и еще менее — главным фактором такого рода: имелись и более объективные общеполитические, стратегические и экономические доводы в пользу именно такого, а не иного решения.

Нами уже упоминались попытки Швеции «закрыть» архангелогородскую торговлю — это делалось не столько из-за объема ее (чрезмерным он не был), сколько из-за самого существования неконтролируемого Швецией русского порта. В невысокий по объему вывоз из Архангельска включались такие «портативные», но важнейшие среди экспортных статей товары, как меха, причем статьи эти не облагались не только шведской транзитной, но и зундской пошлиной (от которой не была свободна ни одна балтийская держава, кроме самой Швеции). Невозможность «закрыть» Архангельск эхом отзывалась в том ревностном внимании, с каким шведы относились к интересам своей торговли с Россией в Прибалтике.

Важнейшим из портов здесь была несомненно Рига — пункт, через который проходил один из крупнейших в Европе товаропотоков и чья сфера интересов простира-

³ *Munthe A.* Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924, d. 1, s. 185—186; *Grauers S.* De militära transporterna över Östersjön under stora nordiska krigets första skede, 1700—1708. — In: *Historiska studier tillägnade Folke Lindberg.* Stockholm, 1963, s. 94; *Konopszynski W.* Karl XII och Polen, s. 69. Впрочем, Б. Б. Кафенгауз полагал (пичем, к сожалению, не подкрепив своего мнения), что на походе в глубь Польши настаивали именно «шведские генералы» (*Кафенгауз Б. Б.* Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М.: Л., 1944, с. 23). Между тем, как свидетельствовали современники Карла, после второй Нарвы не только правительственные круги, но и «весь народ свейский» был склонен к примирению (А. Матвеев — Петру I, 25 июня 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 499 об.).

⁴ *Konopszynski W.* Karl XII och Polen, s. 63.

⁵ *Hatton R.* Charles XII and the Great Northern War. — NCMH, p. 658.

лась не только на русские, но и на литовские и отчасти польские земли. И хотя рижской торговле в последние десятилетия XVII в. все заметнее мешала конкуренция Курляндии (вывоз зерна) и Кенигсберга (лен, пенька), масса товаров, проходившая рижскую таможню, стабильно росла. Конкуренция эта облегчалась в известной мере географическим расположением шведских и курляндских владений — шведы контролировали лишь небольшую часть Западной Двины. Своеобразное положение крупного города, почти целиком зависящего от торговли и поставок из собственно Швеции, стало с началом войны причиной ухудшения его снабжения и падения массы вывоза. Таким образом, проявилась стратегическая и экономическая слабость позиции Риги. Поэтому и смогли совпасть политические и коммерческие интересы шведской администрации и могущественных рижских купцов в стремлении укрепить в дальнейшем провинцию путем экспансии.

Ее направление определялось единственно возможным способом решения указанной старой проблемы, а именно захватом Курляндии. Тем самым владение устьем Западной Двины стало бы более уверенным и прочным, не говоря уже о том, что в руки шведов попала бы обширная сельскохозяйственная площадь, производящая зерно, а горожане Риги избавились от конкуренции в торговле. В пользу «присоединения» Курляндии говорила и возможность объединения в ближайшем будущем обоих потенциальных врагов Риги — Курляндии и Кенигсберга (после смерти бездетного герцога к наследованию его короны готовился бранденбургско-прусский дом), что было чрезвычайно опасно для рижан. Определенные высказывания шведского правительства относительно планов на Курляндию известны с начала войны,⁶ однако наиболее четко они обнаружались позднее, в Варшавском шведско-польском мирном договоре 1705 г. (см. ниже).

В этом документе по настоянию Швеции было не только обусловлено присоединение к ней Курляндии — здесь закладывалась основа широкой сферы торгового влияния Риги; она должна была охватить и такие области, как Смоленск и Могилев, — предусматривалось не только их присоединение к Польше, но, согласно дого-

⁶ *Hildebrand K. G. Ekonomiska syften i svensk expansionpolitik, 1700—1709.* — КФА, 1949, s. 24.

вору, в качестве «сатисфакции» за 1700 г. они должны были очутиться внутри границ послевоенной области шведских политических интересов.⁷ Чисто экономические выгоды Риге сулили и такие положения договора, как упразднение внешней торговли конкурента (через курляндский порт Поланген), перевод литовского вывоза к Риге и даже улучшение ведущих к ней дорог.⁸ Коронные территории должны были стать таким же источником товарного сырья для шведских купцов, каким давно уже была Литва. Для этого шведы добивались права на скупку его не только в Данциге (как до войны), но и в Варшаве, Торуне, Люблине и Львове. Трактат предусматривал организацию транзитной (через Польшу) торговли венгерскими кожами, вином, воском и салом.⁹

Указанные мероприятия имели своей целью (по крайней мере в данный период) исключительно укрепление экономического могущества и политической безопасности Риги. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что принят план был лишь тогда, когда предельно четкой стала вся шаткость положения ценнейшего из торговых портов Швеции. Именно теперь (а не ранее, до войны, когда Швеция находилась в гораздо более прочном экономическом и внешнеполитическом положении) план укрепления Риги начал осуществляться, несмотря на войну.

Подобные меры были призваны, таким образом, укрепить политическую безопасность провинции и расширить доходы от торговли в ней и через нее в Польше. Поэтому вряд ли вполне справедливо утверждение, что в 1702—1707 гг. Карл XII, «опьяненный успехом», слепой от «горы гордости», заставшей его глаза,¹⁰ или просто ради успеха С. Лещинского, «который ему больше других нравился»,¹¹ вел губительную для экономики Швеции войну.

Учитывая бесспорный факт стремления всех великих держав Европы установить прочный мир на Балтике, их

⁷ Ibid., s. 31.

⁸ *Hildebrand K. G. Polen 1704—1709.* — KFA, 1936, s. 183.

⁹ То, что доходы от транзита должны были доставаться шведам, а не союзникам-полякам, явствует из плана закрыть старую русскую торговлю с Германией через Польшу (с Бреслау и Лейпцигом), но всячески поощрять московский транзит через Ригу как «служащий всем на пользу» (*Hildebrand K. G. Polen 1704—1709*, s. 184).

¹⁰ *Тарле Е. В. Северная война...*, с. 89.

¹¹ *Соловьев С. М. История России...*, кн. 8, с. 25.

готовность поддержать любую мирную инициативу, Б. Уксеншерна разработал весьма перспективный план, способный резко изменить политическое положение Швеции к лучшему. Он считал дальнейшее углубление шведской политики в дебри польских распрей не только бесплодным, но и губительным для успешного ведения войны. Он предлагал принять одно из многих мирных предложений Петра I или Августа II, что освободило бы армию. После этого Швеция могла стовориться с Высоким союзом об альянсе (за что ей предлагали Бремен с его таможней), а затем уже, укрепив политические позиции новым союзом, продолжить борьбу за укрепление пошатнувшегося положения на Востоке.¹² Карл XII отверг этот план; убедившись в его решении ввести Польшу в сферу своего политического и экономического влияния, ведущие шведские политики сконцентрировали внимание на первоочередной проблеме этой цели: свержение петровского протеза на польском троне — Августа II.

Задача эта могла быть решена двумя способами — усилением оппозиции Августу¹³ до решающего ее перевеса и переизбрания короля или принуждением его к «добровольному» отказу от трона. Оба пути могли быть ис-

¹² Hatton R. Charles XII... p. 658.

¹³ Некоторые авторы необоснованно, с нашей точки зрения, оценивают силы этой оппозиции весьма низко. Будучи после возведения на престол Августа наиболее мощной в Литве, она распространяла в годы войны свое влияние на различные регионы страны; уже планы Августа о привлечении Речи Посполитой к Северной войне «вызвали сопротивление большинства шляхты» (*Герровский Ю. А. Польша и победа под Полтавой.* — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 15). В 1705 г. оппозиция имела сторонников среди магнатов и их шляхетской клиентуры на большей части территории Польши, а не была ограничена пунктами «размещения шведских гарнизонов» (*Каминский А.* Первые годы польско-русского союза 1704—1709 гг. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 214). Поэтому тезис польского историка Каминского о некоей единой Польше, ведшей борьбу с «новым шведским потоком» (там же, с. 214, 223) и искавшей в этой борьбе союзников сомнителен уже потому, что Карл вошел в польские пределы в условиях настоящей «гражданской войны», будучи приглашен одной из сторон (там же, с. 217). Доказательства к тезису Каминского спорны уже потому, что основаны не на анализе действительной политики оппозиции, а на неких высказываниях одного из ее лидеров, сделанных в год наибольшего влияния русских (1706 г.), а опубликованных в год Полтавы. Таким образом, эти заявления вполне могли быть плодом конъюнктурных соображений.

пользованы лишь при условии явного перевеса шведских вооруженных сил в Польше, а еще вернее — разгрома армии Августа и его польских приверженцев.

Военные и политические акции шведов в Польше в 1702—1704 гг.

Первые победы Карла XII в Литве и Польше, взятие ряда крупных городов общей ситуации не изменили. Коронная армия Польши, как войско хотя и малоценное (после битвы под Калишем в этом убедились и Карл и Август), в политическом отношении представляла важный козырь — в ее составе были представители шляхетских родов. Шведы не прилагали поначалу больших усилий к тому, чтобы привлечь эту дезорганизованную массу всадников под началом анархизирующих магнатов на свою сторону. Более того, разорением фольварков и замков противников Сапег в Литве Карл оттолкнул от себя политиков, имевших авторитет в среде поместного и служилого шляхетства, коронного гетмана Й. Любомирского например. В отличие от шведов Август II активно стремился привлечь к своему делу не только потенциальных сторонников, но и врагов: он вел переговоры с такими лидерами оппозиции, как Р. Лещинский и даже с Сапегами и Собескими.¹⁴ В результате собранный им в марте 1703 г. в Мариенбурге сенат был гораздо представительнее параллельной встречи, назначенной в Варшаве прошведски настроенным кардиналом-примасом М. Радзеевским. В Мариенбурге шляхетство дало клятву в верности Августу и объявило варшавское собрание незаконным.¹⁵ Затем делегаты обоих собраний обратились к Радзеевскому, бывшему формально первым после короля лицом в Речи Посполитой, с просьбой начать переговоры о мире с Карлом XII. Примас сделал такую попытку,¹⁶ но тщетно — Карл настаивал на свержении Августа, на что кардинал пойти не мог (против этого был и папа Кли-

¹⁴ Haintz O. König Karl XII von Schweden. Berlin, 1958, Bd 1, S. 70.

¹⁵ Nordberg G. A. Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden mit Münzen und Küpfern. Hamburg, 1745, T. 1, S. 332.

¹⁶ Примас предлагал прекратить осаду шведами Торуня и прислать комиссаров на сейм (Примас — Карлу XII, 2 июня 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 552—552 об.).

мент XI) и даже переметнулся в результате отказа на сторону Августа. Поэтому очередной сейм был созван им (по прямому указанию короля летом 1703 г. в Люблине) как «всепольский». Из-за явной несклонности шведов к миру (оппозиция оказалась на сейме в меньшинстве) политику Августа в Люблине одобрили депутаты Литвы, всей Малой и части Великой Польши.¹⁷ Здесь же было принято постановление о посполитом рушении на шведов (оставшемся, впрочем, на бумаге).

И снова в противовес Люблинскому сейму была созвана конфедерация в Познани, имевшая немалую привлекательность для поляков, уставших от войны и контрибуций. Она начала переговоры о мире, установив прямую связь с Карлом. К этому времени к оппозиционерам-конфедератам снова присоединился вместе с рядом магнатов и Радзеевский — человек, по словам Ф. Шлоссера, «самого двусмысленного характера, который только является в новой истории».¹⁸ Таким образом, сложилось положение, когда и познанцы, и люблинцы, и еще одна новообразовавшаяся конфедерация, Великопольская, — все обращались к Карлу с просьбой о мире на условиях сохранения довоенных владений, ухода Августа из Польши (Речь Посполитая соглашалась гарантировать его невозвращение). Эти предложения были апробированы Августом, а цесарь и морские державы готовы были посредничать и гарантировать соглашение.¹⁹ Карл, политическое положение которого летом 1703 г. было трудным,²⁰ принял польские предложения к рассмотрению.²¹

Но эта реальная²² возможность прекращения военных

¹⁷ *Konopszynski W.* Karl XII och Polen, s. 75.

¹⁸ *Шлоссер Ф.* История XVIII в. СПб., 1868, т. 1, с. 103.

¹⁹ Высокий союз был готов гарантировать ненападение на Швецию не только Августа II, но и его преемников, вывод саксонских войск из Польши, возмещение шведам всех военных убытков и т. д. (предложения высоких союзников см.: А. Матвеев — Ф. Головину, 1 окт. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 787—792 об.; предложения Речи Посполитой см.: там же, л. 793—795 об.).

²⁰ *Haintz O.* König Karl XII. . . , Bd 1, S. 74.

²¹ *Hjärne H.* Karl XII, omstörtningen i Östeuropa, 1697—1703. Stockholm, 1902, s. 142.

²² Варшава и Стокгольм согласно сообщали Европе о большой склонности Карла к миру в этот период (А. Матвеев — Петру I, 25 марта 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 235 об.). Летом конференция нидерландских провинций постановила «понудить» Карла к такому миру вооруженной силой,

действий в Польше не устраивала Россию. Войска Петра I уже взяли Нотебург, Ньюен, Ямбург, Копорье, был заложен Санкт-Петербург. Для обороны города и невско-ладожской линии становился необходимым захват Нарвы, Выборга, Кексгольма.²³ Новые же походы были возможны лишь при условии продолжения войны в Польше, приковывавшей к себе основные силы шведов. Одной из мер, предпринятых Петром с целью активизации и поддержки антишведской деятельности поляков, был манифест 12 апреля 1703 г. Царь заявлял, что Лифляндия не должна принадлежать никому иному, кроме Польши, а сам он торжественно отрекается от всех прав на эту шведскую провинцию. Манифест прибыл в Польшу в мае, но был обнародован русскими представителями лишь летом, т. е. когда успешно шли упомянутые переговоры о заключении польско-шведского мира.²⁴

Не менее действенной мерой для достижения указанной цели было обещание не только территорий соседней провинции, но и субсидий, необходимых для войны за Лифляндию. Прибывший в конце мая в Польшу И. Р. Паткуль имел полномочия поднять сумму их до 300 тыс. рублей.²⁵

Средство было сильным и не могло не содействовать возобновлению в Польше военных действий. С другой стороны, хотя они и были для шведов успешными,²⁶ уже в 1703 г. Карл должен был понять, что одни военные успехи в уникальных условиях польской войны недостаточны. Он не был в состоянии оккупировать всю страну (для этого не хватило бы войска), даже удерживать одновременно крупнейшие города, хотя и мог занять любой из них. Возможно, уже тогда для него было ясно, что

заяв при необходимости для этого «некоторое число кораблей с людьми у Данемарка» (А. Матвеев — Петру I, 11 июня 1703 г. — Там же, л. 394).

²³ *Sepp H. Zar Peters Kriegsplan gegen Est-, Liv-, und Finnland für das Jahr 1704.* — *Opetatud Eesti seltsi aastaraamat 1931.* Tartu, 1932, S. 49—51.

²⁴ ПБП. СПб., 1889, т. 2, с. 516.

²⁵ *Patkul J. R. Berichte an das Zaarische Cabinet in Moskau von seinem Gesandtschaftsposten bei August II, König von Polen.* Berlin, 1792, Bd 1, S. 36, 55—58.

²⁶ Блокада Торуня заперла в городе цвет армии Августа, победа шведов у Познани (7 сентября) и другие, менее значительные увеличили приток шляхты к сторонникам шведов (*Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 81).

самый радикальный для Швеции путь к миру лежит через оккупацию Саксонии и капитуляцию Августа. Но интервенция на территорию одного из княжеств империи повлекла бы за собой труднопредсказуемые санкции цесаря и его союзников. Во всяком случае в 1703 г. положение высоких союзников было слишком прочным, а Швеции — слишком неуверенным, чтобы решиться на такой шаг.²⁷ Поскольку же мир с Августом без полного разгрома его армии и капитуляции был для Карла немислим, он и начал готовиться к очередной кампании без особой надежды одержать победу над Августом, получавшим людей и снаряжение из Саксонии, а деньги на войну от Петра.

В этой обстановке шаткого равновесия большое значение могла получить любая сила, способная его нарушить. Ей могла стать держава, чье географическое положение как нельзя лучше соответствовало этой цели, — Пруссия. Несмотря на значительную утрату самостоятельности и независимости в своей восточной политике (благодаря союзу с антифранцузской коалицией),²⁸ Фридрих I располагал армией, качественно и количественно лишь ненамного уступавшей шведской. Благодаря этому универсальному козырю в дипломатии (а также ходкому товару в годы войны) он мог проводить активную политику не только на Западе. Его дипломаты отправлялись с весьма любопытными предложениями на юг (переговоры о кандидатуре Фридриха I на трон Польши в 1702 г.) и на восток (переговоры Г. И. Кайзерлинга в Москве в 1702 г.).²⁹ Впрочем, этим инициативам име-

²⁷ Королева Анна приказала своему послу настаивать «в жестоких терминах» на снятии шведской блокады Данцига, предупредив, что иначе она, «с иными державами случась, примет другое намерение» (А. Матвеев — Петру I, 17 сент. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 751). Гнев королевы был, очевидно, вполне искренним: из-за войны со шведами поток флотских материалов и продовольствия из Польши превратился в жиденькую струйку, грозившую полностью иссякнуть (*Groth A. Wybrane problemy handlu Elblaga w latach 1698—1711. — Rocznik Gdanski, t. 39, z. 1, 1979, s. 144.*

²⁸ По договорам декабря 1701 и января 1702 г. Фридрих I передал коалиции 5 тыс. солдат. Глубинная цель этих соглашений — наследование Оранскому дому — значительно расходилась с интересами его страны в годы крупных перемен на Востоке (*Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713. München, 1953, S. 43—46.*

²⁹ Пруссия предлагала России содействие в принятии последней в Высокий союз, прося взамен содействия в возвраще-

лись определенные границы — более всего прусский король боялся раздражать Карла XII, у которого пытался добиться тех же уступок, о которых его посол говорил в Москве. Поэтому король и дал в 1702 г. то самое соглашение на проход шведских войск через Переднюю Померанию в Саксонию, которое рьяно отрицал в России Кайзерлинг.³⁰ Мысль о более тесном сближении со Швецией Фридрих I высказал шведскому послу в Гааге Н. Лилиенроту еще летом 1702 г.³¹ Карл XII, увидавший в этом жесте возможность изолировать Пруссию от Августа II, выиграть время для овладения Торунью и осесть в низовьях Вислы и Эрмеланде, ответил Фридриху согласием. К июлю 1703 г. проект союзного договора был набросан, его заключение предполагалось скрепить браком сестры Карла XII и прусского кронпринца.³²

Таким образом, с середины лета 1702 г. в прусской политике наметилось новое направление. Отныне, не отказываясь сотрудничать с Речью Посполитой, Пруссия опирается на Швецию, пытается избавиться от остатков ленных обязательств перед Речью Посполитой (по прусской территории), а также расширяться за счет польского соседа. В реальности подобных планов короля убеждала не только Швеция, но и Россия, готовая ради прусской поддержки на многое: Петр обещал, например, «Польские Пруссы, елико оных ему потребно будет, доставить и короля польского ко уступлению оных склонить».³³

нии ей Эльбигга, оккупированного шведами (*Пуляга А.* Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой северной войны. — Рус. вестн., 1879, т. 127, с. 680—686).

³⁰ *Пуляга А.* Вопрос о прусском союзе..., с. 686.

³¹ *Rosen C.* Bidrag till kännedom om de händelser, som närmest föregingo svenska stormaktväldets fall. Stockholm, 1936, bd 1, s. 63.

³² Весть об этом союзе напугала Нидерланды не меньше, чем Саксонию. Она разрушила иллюзии Ганновера о союзе со Швецией (курфюрст ганноверский полагал себя вправе наследовать Оранским) и Вены о прусском альянсе. Поляки полагали, что Карл и Фридрих теперь поделят между собой Западную Пруссию — об этом писал в Москву Матвеев (А. Матвеев — Петру I, 16 июля 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 566, 577 об.). Уже велись шведско-пруссские переговоры о передаче Швеции Курляндии (А. Матвеев — Петру I, 23 июля 1703 г. — Там же, л. 614).

³³ Цит. по: *Пуляга А.* Вопрос о прусском союзе..., с. 691. См. также: *Королюк В. Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну. — УЗИС, 1954, т. 10, с. 277.

14 октября 1703 г. пала Торунь. В руки шведов попала саксонская артиллерия, лишь в плен было взято 5 тыс. лучшего войска Августа. Если учесть полки, переданные цесарю, то станет понятным, что Карлу удалось «уничтожить европейски организованную саксонскую военную мощь, являвшуюся ядром во враждебной Швеции коалиции», «что с самого начала могущественнейший враг Швеции был побежден».³⁴ Теперь в Польше у ее короля оставался лишь небольшой саксонский корпус. Ослаблением Августа воспользовался Фридрих. Начав переговоры с Карлом, он предложил ему расплатиться с Петром польской территорией (взамен Ингерманландии, на которую претендовала Россия), подчеркивая, что такому решению трех могучих государей на Севере никто противиться не сможет.³⁵ Шведы на предложение Пруссии не пошли и даже лишили ее права на совместную оккупацию Эрмеланда с Эльбингом.

Конец колебаниям политики Фридриха I между русским и шведским направлениями был положен не сравнением их ценности, а продвижением войск Карла XII к прусским границам; 30 июля 1704 г. в Гааге был подписан шведско-пруссский договор о взаимной помощи при нападении.³⁶ Деловому сотрудничеству этот договор содействовать не мог из-за дальнейшей политики аннексий Карла — уже взятие Торуня шведами явилось серьезной угрозой сохранению прусских прав на Эльбингский округ в дальнейшем и причиной новых осложнений в шведско-пруссских отношениях. Более того, накануне переговоров в Гааге И. Р. Паткуль буквально купил³⁷ гарантию прусского нейтралитета по отношению к России, что частично, если не полностью, лишало договор 30 июля 1704 г. его силы.

Так, активная «восточная политика» Пруссии в 1703 г. потерпела поражение — Фридриху I оставалось ждать и от Петра и от Карла лишь тех благ, что они сами захо-

³⁴ *Hjärne H.* Karl XII..., s. 111, 219.

³⁵ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen..., S. 107.

³⁶ *Loewe V.* Preussens Staatsverträge aus der Regierungs-Zeit Königs Friedrich-Wilhelms I. — Preussische Staats-Archiv, 1913, Bd 87, S. 40—41.

³⁷ Паткуль обязался платить ежегодно премьеру Вартенбергу 10 тыс., советнику Ильгену — 6 тыс., фельдмаршалу и канцелярии — 10 тыс. рейхсталеров (*Patkul J. R.* Berichte an das Zaarische Cabinet in Moskau.,., Bd 1, S. 150).

тят уделить от своих щедрот. Пруссия утратила, таким образом, и центральную позицию в польских делах, после союза со Швецией она представляла гораздо меньший интерес. Поэтому, к примеру, на созванный Августом II в конце 1703 г. в Явориве съезд (по сути являвшийся международной конференцией) были приглашены представители Саксонии, России, Австрии, но не Пруссии.

Усилиями антисаксонской оппозиции Яворивская рада была сорвана, но русские представители остались в Польше с целью обновления союза с Саксонией и заключения русско-польского альянса. Последняя задача была особенно сложной,³⁸ несмотря на готовность России послать в Польшу (кроме уже находившихся в Литве) 12 тыс. войска на собственном содержании и предоставить безвозвратную субсидию в 100 тыс. рублей. Взамен Речь Посполитая должна была выставить войско в 48 тыс. человек и отказаться от притязаний на Эстляндию. Однако в ходе переговоров пункт этот пришлось изменить — в окончательном варианте договора к Речи Посполитой должна была отойти и Лифляндия и Эстляндия.

В параллельных русско-саксонских переговорах 1703—первой половины 1704 г. было решено укрепить Северный союз путем привлечения Дании и Пруссии — если не формально, то фактически, ради обмена вспомогательными войсками. Поэтому русские и саксонские дипломаты выступали на переговорах в Копенгагене и Берлине совместно;³⁹ так же параллельно велись в Москве переговоры с датчанином Гейнсом и пруссаком Кайзерлингом.⁴⁰ Однако переговоры эти успехом не увенчались прежде всего по причине заключения Швецией в 1704 г. нового союза с морскими державами (см. ниже), первым результатом которого стал новый прусско-шведский договор (Потсдам, 16 апреля 1704 г.), определивший границы послевоенного раздела Эльбинга.⁴¹

С тем большей энергией вступила русская дипломатия в завершающую фазу переговоров о создании русско-польского союза. Не рассчитывая на польско-литовские

³⁸ Против заключения союза с Россией снова выступили магнаты, имевшие родовые поместья на Левобережной и Правобережной Украине. В число противников переговоров входили и оба коронных гетмана, командовавшие польской армией.

³⁹ ПВП. СПб., 1893, т. 3, с. 571—572.

⁴⁰ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen..., S. 119.

⁴¹ *Loewe V.* Preussens Staatsverträge..., S. 48—50.

войска ни в политическом, ни в военном отношении, Петр I был крайне заинтересован в этом союзе по ряду иных причин. Во-первых, это было средством укрепить в Польше позиции Августа II и удержать его в качестве союзника России. Во-вторых, союзный договор мог определить ориентацию многих шляхетских группировок, характеризовавшихся как политической активностью, так и крайне неустойчивыми позициями. Наконец, союз с Польшей предоставлял возможность «переложить материальные тяготы (войны на территории Польши, — В. В.) на плечи Речи Посполитой».⁴²

Перегруппировка политических сил в Польше в 1704 г.

Главная заслуга в доведении переговоров в Польше до желательного результата принадлежит бесспорно И. Р. Паткулю, выступавшему на них одновременно от имени и России и Саксонии. Задача его была чрезвычайно трудной — после русских побед в Прибалтике 1702—1704 гг. Петр I предложил более жесткие условия союза, например выдачу субсидий (300 тыс. рублей в год) только до вхождения русских войск на территорию Речи Посполитой. Однако Паткулю удалось добиться удовлетворения Речью Посполитой требований Петра о снабжении русских войск на ее территории «по прикладу швейскому».⁴³

Усложнила дипломатическую деятельность Паткуля и политическая раздробленность Польши, дошедшая в 1704 г., по-видимому, до своего апогея; в стране функционировало несколько крупных «партий» и множество мелких с различными программами.⁴⁴ Некоторые из них, объединившиеся в общей оппозиции к Августу II, собрались под руководством бывшего тогда на стороне Карла XII примаса в Варшаве. Участники Варшавской конфедерации не спешили с решением основного вопроса

⁴² *Королюк В. Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну, с. 298.

⁴³ Там же, с. 299.

⁴⁴ Если некоторые из них видели себе поддержку в шведской оккупации, то дополнить ее оккупацией русских не желали даже самые ярые сторонники Августа (*Haintz O. König Karl XII... Bd 1, S. 85*).

собрания — о предложенном шведами свержении Августа. Но когда уполномоченный Карла А. Горн предъявил конфедератам документы, неопровержимо свидетельствовавшие о готовности короля разделить территорию Польши со шведами и отнять у шляхты «золотую вольность», то собравшиеся сложили с себя присягу Августу. В апреле 1704 г. был опубликован соответствующий манифест, одновременно примас объявил о предстоящих выборах нового короля.

В противовес конфедерации Августом II был созван съезд в Кракове, здесь ее объявили незаконной, а участников — изменниками. В результате такого раскола Речь Посполитая разделилась в общих чертах надвое и территориально (однако это вовсе не означало, что оба лагеря наметили четко очерченные границы в своих сферах влияния и политических программах). Неожиданно подняла голову и завербовала многих сторонников анти-саксонская оппозиция в Литве; недовольство русско-саксонским союзом вылилось в оживление оппозиции и в самой Саксонии; оба коронных гетмана вплели в свои интриги тайные связи с Турцией и Крымом, могущие, по их расчетам, помочь им в борьбе с русским влиянием в Польше, и т. д. В такой ситуации коронация выдвинутого кандидатом на престол Якуба Собесского приобретала реальные возможности — ведь он обещал повести энергичную борьбу за утраченные территории на Востоке, не только некогда принадлежавшие магнатам (например, Белую Церковь), но и за Киев и Смоленск. Именно растущая популярность Собесского и принудила Августа арестовать обоих братьев в феврале 1704 г.

Но арест этот оказался средством недолговечным: уже в мае шведы выдвинули кандидатуру третьего брата — Александра; появились и такие претенденты, как Ф. Ракоци, вождь восставших против Габсбургов мадьяр, великий гетман Й. Любомирский, старый претендент Ф.-Л. Конти и др. Такая обстановка торопила Августа II с заключением русско-польского союза, а петровское правительство — с оказанием Августу военной помощи, дабы перевес русско-саксонско-польских сил стал решающим. Первым такую помощь получил Август: весной 1704 г. в Корону пошел корпус П. А. Голицина, а к концу года двинулась на запад и основная армия Петра I. Еще до ее выступления в юго-восточные палатинаты вторглись казаки Мазепы и калмыцкие полки.

С началом ввода русских войск совпал кризис в лагере противников Августа II, вызванный очередным политическим промахом Карла XII. Не желая усиления Речи Посполитой, он отказался смягчить контрибуционный грабеж и прекратить насилия шведских оккупантов (об этом просило посольство Станислава Лещинского). Отказ этот вызвал массовый переход разочарованной в шведах шляхты на сторону Августа. В мае же Александр Собеский отказался от трона, после чего поднявшаяся между претендентами грызня практически свела значение акта лишения короны к нулю.

Еще более значительным успехом для Августа стала собравшаяся в мае 1704 г. Сандомирская конференция, провозгласившая манифест с осуждением конфедератов-варшавян (как преступивших решения Люблинского сейма) и объявившая войну Швеции от имени Речи Посполитой. Конфедерация призвала к посполитому рушению на защиту прав Августа, взамен же король гарантировал Речи Посполитой соблюдение всех шляхетских прав.

После Сандомира Варшавская конфедерация утратила остатки популярности; таким образом, борьба за Речь Посполитую на данном этапе окончилась победой Августа II. Отныне Карл XII в стремлении посадить на трон своего протеже мог рассчитывать только на насилие. Несколько ограничивший абсолютистские планы Августа, этот акт был объективно полезен Польше, так как король был вынужден поклясться конфедерации в том, что никогда не отдаст Западную Пруссию ни Петру I, ни кому-либо иному. Слабым местом конфедерации была консолидация воинских сил ее сторонников — она замедлилась настолько, что ни конфедераты, ни Август не смогли помешать избранию летом 1704 г. на трон Лещинского.

Не говоря уже о политических осложнениях, к которым привел этот акт, сразу же после выборов возникли проблемы чисто военно-административного характера. Мы помним, что долгое время части коронной армии примыкали то к одному, то к другому лагерю. Лещинский должен был теперь привлечь ее к поддержке своей политики, в противном случае он неизбежно стал бы в глазах современников не более чем марионеткой Карла, а это отвратило бы от него и польских и зарубежных

сторонников. Привлечение же армии на свою сторону было для него весьма проблематичным по ряду причин.⁴⁵

Но и взятая в целом элекция Лещинского была бесспорной ошибкой шведской политики. Свершившаяся под нажимом интервентов⁴⁶ (о чем вскоре узнала вся Европа, как и о том, что он — послушное орудие Карла⁴⁷) коронация содействовала дальнейшему отходу от варшавской конфедерации оскорбленных таким насилием дворян, в том числе примаса и гетмана Й. Любомирского.⁴⁸ И если далеко не все из бывших оппозиционеров перешли на сторону Августа II, то коронное войско присоединилось к силам Северного союза почти в полном составе — оно было привлечено к нему точным ходом русских политиков, выплативших давно не выдававшееся Речью Посполитой жалованье оголодавшим польским солдатам и офицерам (всего около 40 тыс. талеров). Карл XII же не только упустил такую простую возможность привлечь к себе войско Речи Посполитой (хотя имел к этому всю возможность — армия была готова остаться с варшавянами), но даже оттолкнул его от себя подчеркнутым невниманием к нуждам солдат. Причиной этому были невысокие профессиональные достоинства коронной армии, политический же вес ее он просмотрел.

Элекция Станислава Лещинского содействовала дальнейшему разделению страны на два лагеря и затруднила переход в будущем из лагеря в лагерь. Приверженцы каждого из королей все яснее сознавали, что от победы одной из партий полностью зависит их карьера, богат-

⁴⁵ *Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt. . .*, s. 37.

⁴⁶ Из 200 тыс. дворян в выборах участвовало 800 человек, из 144 сенаторов — лишь четверо (*Haintz O. König Karl XII. . .*, Bd 1, S. 90).

⁴⁷ *Feldman J. Polska w dobie wielkiej wojny północnej (1704—1709)*. Kraków, 1925, s. 58, 60; *Королюк В. Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну, с. 328.

⁴⁸ Варшавская конфедерация в уплату за согласие на свержение Августа потребовала согласия Карла вести мирные переговоры, отменить контрибуции и выплатить долг армии. Шведы отвергли все требования. Это не только разобщило и ослабило силы конфедерации, но и оттолкнуло от нее колебавшиеся до того времени нейтральные палатинаты Литвы и южной Польши. Станислав утратил авторитет, многие члены варшавской конфедерации стали думать о собственной безопасности, тем более что отряды сандомирян начали со своей стороны планомерное разорение и грабеж имений варшавян, объявленных вне закона (*Haintz O. König Karl XII. . .*, Bd 1, S. 96).

ство, власть, возможно жизнь. Отсюда и обострение именно с 1704 г. гражданской войны. «Простое примирение между ними было невозможно».⁴⁹

Смена королей в Польше должна была, по мысли Карла XII, создать обеспеченный тыл в его походе на главного врага — Россию, опасность которого он отнюдь не недооценивал. Три года он жертвовал Прибалтикой, чтобы навести порядок в польском хаосе и расчистить путь в Москву. Достиг ли он этой цели теперь?

В отношении боеготовности и материального обеспечения армия шведов была в неплохом состоянии — этому содействовали ограбление Данцига и Эльбинга. Вопрос был в том, как их использовать. Между тем для принятия подобного решения нужно было уяснить, не обратилось ли решение «польской проблемы» (путем смены королей) в свою противоположность? Ведь Карл XII намеревался поставить в Польше короля, обладавшего реальной властью (хотя и послушного Швеции). Станислав никакой властью в стране не располагал, не будучи избранным большинством. Не имея собственной опоры на родине (кроме нескольких верных ему сподвижников), он должен был утверждать себя в борьбе с внешними и внутренними врагами в разоренной Польше, оккупированной шведами, и был поэтому зависим от них. Его ценность как союзника не повысилась — по-прежнему он не имел ни армии, ни денег для ее найма за рубежом. И изменить создавшееся положение была не в силах вся военная мощь Швеции. Август II же стоял в верных ему южных палатинатах, обладая большим авторитетом и реальной властью, чем новоиспеченный «король Польши», и, поддержанный всей мощью России, усиливался с каждым днем.⁵⁰ И для шведов становилось очевидным, что

⁴⁹ *Королюк В. Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну, с. 330.

⁵⁰ Август пользовался в отличие от Станислава широкой международной поддержкой, прежде всего морских держав, а что касается цесаря, то он отказывался признать титул Станислава даже под угрозой шведской помощи сторонникам Ракоци (по сведениям А. А. Матвеева, пропаганда Карла утверждала, что «тот Лещинский сродник принцу Рагоцкому» (А. Матвеев — Ф. Головину, 11 авг. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 411 об.)). Августа поддерживал и папа, оказывая давление на примаса через нунциев в Польше (*Nordberg G. A. Leben Karl des Zwölften...*, Т. 1, S. 525—526) и во Франции: как писал Матвеев из Парижа, он с папским нунцием «всякие препоны чинит

в случае их ухода из Польши король Станислав против саксонца не устоит. Т. е. перед походом на Восток совершенно необходимо разбить Августа и начать, наконец, использовать польскую территорию в той роли, которая ей была предназначена Карлом, — в качестве базы обеспечения похода деньгами, снаряжением, рекрутами, вместо того чтобы оставаться в Польше на неопределенное время, оберегая трон Станислава.

Элекцией Станислава Лещинского Карл XII перечеркнул, как было сказано, возможность достижения компромисса с Августом. Для шведов тяжесть положения состояла в том, что отныне основные политические и военные потенции их страны оказались прочно прикованными к задачам второстепенным. Ибо отступления, выхода из польского тупика не было: неизбежное в случае марша на Восток падение Станислава означало сильнейший конфуз Швеции, признание ошибочности польских походов, бессмысленность жертв — тысяч шведских солдат и десятков тысяч мирных жителей Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии, павших за три года войны. И дело было даже не в признании банкротства своей стратегии, а и в том, что Карл по-прежнему не мог идти на Россию, не поставив Августа на колени. Где это сделать, — очевидно, в 1704 г. перед ним такого вопроса не стояло. Опыт показывал, что лишить Августа возможности уклониться от разгрома можно лишь в Саксонии, а помешать быстрому восстановлению военной мощи — разорив эту страну до такой степени, чтоб она не скоро оправилась. Таким было стратегическое решение шведов,⁵¹ но его нельзя было провести в жизнь, не подготовив политической почвы. Первоочередной задачей в этом отношении было обеспечение тыла, необходимое для похода на Саксонию не менее, чем на Москву. Карл пытался привлечь к себе коронное войско, начав зимой 1704 г. выплачивать ему огромные суммы (до 500 тыс. золотых), подкупая сторонников Станислава и т. д. Однако нужный момент был им упущен. Такие меры подействовали бы еще полгода назад, когда коронное войско было на распутье.

признанию Лещинского» (А. Матвеев — А. Меншикову, 6 сент. 1706 г. — Архив ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 36 «а», л. 13—14).

⁵¹ «Швед в тайном своем совете конечно постановил всеми силами своими чинить нападение на Саксонию» (В. Долгорукий — Ф. Головину, 8 июля 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 376).

Теперь они оказались тщетными именно по указанной нами причине — возведение на престол Станислава усилило в политических рокировках польских партий элемент необратимости.

Северный и Высокий союзы в 1704—1705 гг.

Относительный успех Августа II во внутриваршавской политике сопровождался куда более скромным прогрессом в его внешнеполитических планах. Рассчитывать на поддержку в борьбе против шведской интервенции на бывшего союзника Данию было трудно. Весной 1704 г. морские державы заключили со Швецией договор о нейтралитете, согласно которому они должны были выступить против любого нового врага Швеции.⁵² Этим договором Англия и Нидерланды стали в ряд потенциальных противников Дании. Копенгагенские политики, уже ведущие переговоры с И. Р. Паткулем о возобновлении фактического союза с Москвой, тут же диалог прервали и возобновить его не соглашались.⁵³

Тот же Паткуль (выступавший в ролях российского посла и саксонского дипломатического агента) вел переговоры и с Пруссией. Фридрих I требовал в награду за вступление в войну со шведами Западную Пруссию с устьем Вислы. Но уступка эта была совершенно невозможной для дипломатии Августа, не мог же он собственноручно отрезать Польше выход к морю! Сложную подоплеку имели притязания Фридриха I на вольный город Данциг. Весной 1704 г. бюргеры этого ганзейского порта, обеспокоенные приближением армии Карла XII, обратились к своему естественному покровителю прусскому королю с просьбой гарантировать неприкосновенность их прав. Но уже летом шведы предложили городу заплатить 100-тысячную контрибуцию, полумифический долг 1457 г. (!) с процентами. Протесты Пруссии не подействовали, ничего не вышло и из попытки купцов города привлечь на свою сторону морские державы⁵⁴ — антифранцузская

⁵² *Stille A. Studier öfver Danmarks politik under Karl XII's polska krig (1700—1707).* — Malmö, 1889, s. 42—43.

⁵³ *Bidrag til den Store nordiske krigs historie.* København, 1899, bd 1, s. 192—194; ПБП, т. 3, с. 392.

⁵⁴ А. А. Матвеев писал в августе 1704 г. о договоре, согласно которому права Данцига охранялись войсками контингентами

коалиций, дела которой были тогда не в самом блестящем положении, не решалась рисковать нейтральной позицией Карла.

1 Пруссия могла в данцигском конфликте найти опору у Северного союза в обмен на согласие вступить в него или хотя бы на гарантию нейтралитета, что ей и предлагалось.⁵⁵ Но Берлин предпочел уступить, чтобы не утратить надежды на обещанную ему (правда, весьма туманно) Карлом передачу после войны Эльбинга, Эрмеланда и того же Данцига. Фридрих I не мог усвоить того очевидного факта, что именно в случае победы шведов ему и не видать Эльбинга, необходимого Карлу как ворота в Польшу. И он продолжал оказывать шведам различные услуги, надеясь «заработать» столь необходимый ему «коридор», а заодно и богатый порт Данциг. Так, он сообщал подробности своих переговоров с И. Р. Паткулем и некоторые другие дипломатические секреты⁵⁶ (за что, впрочем, благодарности не последовало).

Некоторые перемены в осторожной прусской политике наступили в августе 1704 г. в результате побед Высокого союза при Хёхштадте и Рамильи — возникли перспективы возвращения на родину участвовавших в битвах прусских гренадеров. Появились виды и на политическую помощь морских держав в замирении Севера.⁵⁷ Поэтому Пруссия предлагает Данцигу союз для защиты Западной Пруссии от любого чужестранного вторжения.

Благоприятствовали этим шагам и вести из Польши — Карл XII ушел далеко на юг (в Галицию), а войско Августа II (вместе с 10 тыс. вспомогательных русских войск), сконцентрировавшееся у Ярослава и Ярохова, количественно значительно превосходило шведское. Саксонцы предложили Фридриху I заключить договор, обещая удовлетворить его разумные требования. Но самостоятельно решать такой вопрос король не решался и по-

морских держав, Пруссии и Дании, и о котором забыли (А. Матвеев — Ф. Головину, 15 авг. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 422).

⁵⁵ ПБП, т. 3, с. 556—557; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863, т. 4, ч. 1, с. 391.

⁵⁶ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen..., S. 132.

⁵⁷ Англия с Нидерландами «нечаемо zelo объявили себя быть склонны к стороне» Данцига, Пруссии и Августа II (А. Матвеев — Ф. Головину, 25 авг. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 435 об.—436).

слал запрос в Гаагу. А. Гейнсиус отделался уклончивым ответом, очевидно, он не желал до окончательного решения данцигского вопроса поощрять пробудившуюся было активность Берлина, которая могла привести к усилению Пруссии за счет Польши. Вывод этот подтверждается резкой сменой позиции Гааги после того, как Август в сентябре 1704 г. начал осаду Варшавы, а в Померанию и Восточную Пруссию пошли войска из Берлина. Вряд ли, конечно, Фридрих собирался вступить в схватку с Карлом, но, укрепившись в Восточной Пруссии, он мог претендовать на помощь морских держав в случае вторжения туда шведов. Поэтому посол В. Шметтау и заявил в Гааге о проведении оборонительных мероприятий в Восточной Пруссии с целью сохранения нейтралитета. Если же морские державы согласятся провести в восточных районах Балтики демонстрацию своей военно-морской мощи, то Шметтау обещал им значительный контингент саксонских войск (договоренность с Августом у Фридриха имелась).

Но проект Берлина провалился. Голландцы, судя по всему, слишком опасались Карла XII, чтобы вести подобную, явно антишведскую политику. Однако торжествовать шведам было рано. В начале октября в Гаагу пришла весть о взятии русскими Нарвы и Дерпта, что означало серьезную угрозу морским коммуникациям Швеции, а также о русско-польском Нарвском договоре, значительно укрепившем силы Августа.

Русско-польские союзные переговоры начались в июле по инициативе Августа II (принужденного осложнившейся обстановкой искать у Петра I помощи), а уже через полтора месяца договор был подписан.⁵⁸ Согласно этому акту, в союз с Россией вступала Польша — теперь Август был союзником Петра не только как саксонский курфюрст, но и как польский король. Союз носил оборонительный и наступательный, направленный против Швеции характер. Петр обязался передать Польше 12 тыс. солдат «нового строя» с артиллерией и припасами, а также выплачивать субсидию в 200 тыс. рублей в год. Август должен был довести численность польско-литовского войска до 48 тыс., а войну со шведами вести до об-

⁵⁸ Подробнее см.: *Королюк В. Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну, с. 331—342.

щего мира (даже в том случае, если они удалятся за пределы Польши).⁵⁹

Анализ договора показывает, что он содержал крупные выгоды для русской стороны. Формально предусматривавший значительные субсидии сандомирцам, фактически трактат предполагал возможность их неуплаты, если поляки выставят в поле менее 48 тыс. солдат. Значение же сделанного в договоре обещания отдать полякам Лифляндию (статья 5) сводилось на нет фразой, что переданы будут области, «которые... и Речи Посполитой належали», а большая часть этой провинции Польше никогда не принадлежала.

Таким образом, и финансовые и территориальные уступки русской стороной могли быть в будущем не выполнены.

Однако главное значение Нарвского договора для русской стороны заключалось не в упомянутых частных выгодах, а в укреплении русско-польского военно-политического сотрудничества в самый тяжелый и ответственный предполтавский период войны. Немалую роль сыграла поддержка Речью Посполитой России и непосредственно перед Полтавой, что во многом определило исход главной битвы войны, а значит, и изгнание шведов из Польши — в этом было основное значение Нарвского договора, на данном этапе объективно полезного обеим сторонам.⁶⁰

Однако в полной мере значение его стало явным не скоро. Пока же, несмотря на численное равенство (а в отдельные периоды преимущество), русско-польско-саксонские вооруженные силы не могли соперничать в Польше со шведской армией. С другой стороны, их поражения не приносили крупных стратегических успехов шведам. Летом Карл XII пошел на юг Польши, но Август II с соединенной армией ускользнул от него, послав часть ее в Силезию, а часть в Ярослав и далее на север. После этого шведы направились на Львов — шаг совершенно бесцельный как в политическом, так и в стратегическом отношении, так как удар этот был нанесен в воздух. Мало того, захват Львова был неравноценным «разме-

⁵⁹ ПБП, т. 3, с. 128—135.

⁶⁰ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая в годы конфликта с Османской империей 1709/10—1714 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 40.

ном» с Августом, занявшим тем временем Варшаву⁶¹ и пленившим тысячный гарнизон Торуня.

На Севере шли польско-прусские и польско-датские переговоры, готовился и был заключен Нарвский договор, а Карл XII все стоял под стенами Львова — он по-прежнему ставил свои частные воинские успехи выше политических выигрышей противника. Наконец, в сентябре он снова погнался за Августом, который ушел через Краков в Саксонию. Таким образом, единственное, чего достиг Карл летней кампанией, это восстановления положения весны этого года.

Бесплодность похода чувствовал не только Карл, но и Станислав. Очевидно, по этой причине, а также стремясь поднять свой престиж, он предложил шведам в конце лета напасть на Саксонию, усилив свою армию 5 тыс. собранных польских войск. Но военное сотрудничество такого рода Карла не привлекало — слишком различными были у шведского и коронного командующих взгляды на принципы управления организации, тактику и стратегию; различными были боеспособность и профессионализм войск Швеции и Польши.⁶²

Войти в Саксонию в 1704 г. шведы не решались и по внешнеполитическим причинам. Если в 1703 г. входу в нее могли противиться морские державы, то теперь эта роль перешла к империи, окрепшей в результате побед как никогда с начала войны.⁶³ Поэтому интервенция в одной из имперских территорий, исправно поставлявшей Габсбургу солдат, была бы попросту опасной для Карла — с недавних пор цесарь «мало признавал его за прия-

⁶¹ Взятие Варшавы было незначительным эпизодом войны. Но то, что Август с легкостью разбил при этом шведско-польское войско и даже взял в плен А. Горна, а Станислава заставил бежать во Львов, под защиту Карла, окончательно похоронило надежду конфедератов-варшавян на возможность для их короля сохранить корону без помощи шведов.

⁶² *Herlitz N. Från Thorn till Altranstädt. Stockholm, 1916, bd 1, s. 242; Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt... , s. 37—38.*

⁶³ Осенью 1704 г. в Вене был даже составлен мемориал, в котором указывалось: Франция настолько ослабла, а Австрия усилилась, что восстановление гегемонии империи над континентальной Европой стало вполне реальным. Был разработан план создания «двойного рейха» Габсбургов: австрийских на Востоке и испанских на Западе (*Carlson F. F. Sveriges historia under konungarna av Pfalziska Huset. D. 6. Carl XII. Stockholm, 1881, s. 172—173.*)

теля». ⁶⁴ И его вполне могли поддержать морские державы, чья позиция по отношению к шведам была также полувраждебной. ⁶⁵ Швеция же чувствовала себя в полной изоляции. После падения Нарвы и Дерпта Стокгольм панически окружал себя дополнительными укреплениями, стягивал резервистов, опасаясь русского десанта, ⁶⁶ но не мог призвать на помощь себе ни одну из балтийских держав; не было надежды и на корпус Левенгаупта, квартировавшийся в Финляндии, который сам вел в эти месяцы тяжелые бои.

Когда осенние дожди прекратили операции 1704 г., перспективы шведов в Восточной Прибалтике были безнадежны. Лишь узкая полоска суши оставалась в их руках (не считая Финляндии и Курляндии). Карл не мог помочь Левенгаупту ни в этом году, ни впоследствии; время для защиты провинций было упущено. Зимние квартиры нужно было изыскивать в Польше — иного выхода не было, и шведы зазимовали на силезской границе, у Равича, наглухо закрыв саксонцам вход в Польшу.

Восемь месяцев, до середины 1705 г. неподвижно стоял Карл XII с основной своей армией на границе — внешне в полной бездеятельности. Но, изолировав короля Польши от его королевства, он препятствовал контактам Августа II с сандомирянами, вообще с поляками. В результате подобного ослабления политической, материаль-

⁶⁴ Г. Головкин — Петру I, 30 сент. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1704, ед. хр. 4, л. 264.

⁶⁵ В октябре на предложение включить в конференцию по данцигскому вопросу и Карла Голландия, ответив, что «волк пастухом, а козел огородником не бывает», отказалась и даже, по слухам, одобрила намерение Дании выступить в следующей кампании против Швеции (А. Матвеев — Ф. Головину, 20 окт. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 518, 527). Обычно хорошо информированный чиновник шведской Коллегии канцелярии С. Барк писал после Хехштедта и Рамилы: «Вне всякого сомнения тучи штормовые идут на нас со всех сторон» (Bref från Samuel Bark till Olof Hermelin, 1702—1708. Stockholm, 1914, bd 1, s. 196). Забегая вперед, скажем, что положение не изменилось и в начале следующей кампании, но уже по иной причине — в Верхний Пфальц вошел датский корпус в 7 тыс. человек, предназначенный высоким союзникам, но якобы «забытый» ими и готовый при интервенции в Саксонию влиться в армию Августа. В Швеции об этом знали (*Backman S. Från Rawicz till Fraustadt: Studier i den Stora nordiska krigets diplomati, 1704—1706. Lund, 1940, s. 105*).

⁶⁶ А. Хилков — Ф. Головину, 5 сент. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 96, оп. 1704, ед. хр. 1, л. 16.

ной и военной поддержки значительно усилились сторонники Станислава — отряды варшавян ходили с карательными целями по червонорусским и малопольским палатинатам, а Август не мог их защитить. В эти месяцы определилась истинная цена влиянию Августа на расстановку сил Польши и Литвы. Его временное отсутствие (которое не могло быть возмещено саксонскими полками в русской армии на Востоке) содействовало привлечению к партии Станислава новых сторонников. Шведское влияние распространялось на всю Польшу. Ввиду столь явного политического успеха Карл решил провести торжественную коронацию Станислава. Зная, что большинство шляхты уже стоит за Станислава, Карлу уступил и кардинал-примас. А поздней осенью 1705 г. Карл, наконец, подписал в Варшаве мир с Речью Посполитой. Варшавский трактат даровал сторонникам Станислава все права, отнятые у них Августом. Одновременно он являлся и союзным шведско-польским договором, направленным против Августа: с ним было решено бороться до тех пор, пока он не сложит с себя короны Польши. При этом Швеция брала на себя защиту Польши от русских притязаний и гарантировала ей неприкосновенность Западной Пруссии.

Почти одновременно, ранней осенью 1704 г. шведы начинают снова сближаться с Пруссией, судя по всему, с целью укрепить фланг и создать противовес русским успехам в Прибалтике. Необходимые предпосылки к сближению были: Карла XII поддерживали не только рядовые-магнаты — такой крупный политик, как гетман Любомирский, просил пруссаков войти в Польшу и помочь в ее замирении. Это предложение нашло отклик в Швеции — бывший посол в Нидерландах Н. Лилиенрот и С. Барк считали, что такая мера принесет только пользу, если с Пруссией удастся предварительно сговориться.⁶⁷ С ними был согласен и Карл, полагавший, что в условиях похода на Москву пруссаки вполне смогли бы сменить армию шведов на силезской границе, перенеяв ее функции «сторожа Августу». Добиться согласия Фридриха I он предполагал все той же старой посулой западнопрусского коридора.⁶⁸ Становлению союза, в котором были

⁶⁷ Bref från Samuel Bark. . ., bd 1, s. 206—207.

⁶⁸ *Backman* S. Karl XII's polska detronisationspolitik. — KFA, 1947, s. 125.

заинтересованы обе стороны, ничего не мешало, переговоры шли успешно. Но вот стало известно, что Фридрих, ведя параллельно переговоры со шведами и морскими державами о Данциге, тайно заключил с бюргерами города договор, взяв его под свой патронаж «из удовольствия себе денежного от них».⁶⁹ Поступок этот возмутил не только Карла, но и англичан и голландцев — все они отказались на некоторое время вообще от любых переговоров со столь двуличным монархом.

Этот инцидент не был единственной препоной в восточной политике Фридриха I. В 1705 г. между Нидерландами и Францией уже шли сепаратные мирные переговоры; по этой причине Людовик XIV, ранее поддерживавший Фридриха, в частности в притязаниях последнего на Оранское наследство (вопреки голландским интересам), теперь поддержку прекратил, а это не могло не сделать Берлин более осторожным в его отношениях с великими державами. С другой стороны, Пруссия вообще никогда не была особенно заинтересована в шведско-польских альянсах — и по такой, казалось бы, парадоксальной причине, как намерение Карла отдать Польше украинские земли.

С момента объявления этой цели войны пруссаки не могли с ней примириться. Ведь осуществление подобного плана значительно усилило бы Речь Посполитую по сравнению с Пруссией, если бы даже последняя и получила свой «коридор». В Пруссии была еще свежа память о польском великодержавии, весьма оцутимо дававшем о себе знать и соседнему курфюршеству Бранденбургскому до 1648 г. Лишь восстание Б. Хмельницкого помогло курфюрсту отстоять суверенитет; поэтому незаинтересованность пруссаков в восстановлении Польши в старых границах (чему мог содействовать польско-шведский союз) было вполне объяснимым.⁷⁰

Кроме этого, появились и иные факторы, говорящие против принятия Пруссией готовившейся ей Карлом роли, например раскол среди польских политиков, часть которых противилась дополнительному вводу в истерзанную войной и контрибуциями Польшу вообще иностран-

⁶⁹ А. Матвеев — Ф. Головину, 6 окт. 1704 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1704, ед. хр. 2, л. 500 об.

⁷⁰ *Backman S. Karl XII's polska detronisationspolitik*, s. 127—128.

ных войск — будь они шведскими, прусскими или русскими.⁷¹ К тому же уточнилась позиция морских держав — их стремление к миру на Севере тоже имело свои границы, а именно он не должен был устанавливаться за счет интересов Высокого союза. Активность же Пруссии неминуемо вела к отзыву ею своих полков из службы союзников (не говоря уже о том, что нужно было добиться у Фридриха I увеличения этого контингента). Последняя задача была настолько важна, что выполнение ее было поручено лучшему дипломату морских держав герцогу Дж. Ч. Мальборо. Прибыв в Берлин, герцог предложил Фридриху за 8 тыс. солдат не только субсидии, но и гарантию королевой неприкосновенности прусских земель, а также мира в империи (т. е. невхождения Карла XII в Саксонию). На такие условия Фридрих легко согласился, и в ноябре 1704 г. был подписан договор: Пруссия могла в случае нарушения ее границ отозвать все войско и с помощью английского корпуса восстановить их. Гарантами договора стали цесарь и Нидерланды, его действие распространялось на Данциг и Саксонию.⁷²

Последняя клаузула вызвала бешенство Карла XII: отныне если он не хотел ссоры с морскими державами и цесарем, то не должен был и помышлять об оккупации Саксонии. Кроме того, миссия Мальборо сделала невозможной военную помощь Пруссии шведам, т. е. означала провал шведско-пруссских переговоров.⁷³ Хотя, с другой стороны, он отрезал для Фридриха возможность помогать врагам Швеции.

А известный соблазн участия на стороне северных союзников к тому времени появился. Победоносная кампания Петра I в 1704 г. показала, что по крайней мере в Прибалтике русская армия превосходит шведский корпус. Мало того, открывалась эпоха превосходства и на море — в Финском заливе молодой русский флот успешно оборонялся от шведского, надежно прикрывая Санкт-Петербург. Осенью 1705 г. часть русских войск, освободившаяся для операций в Польше, уже маршировала по

⁷¹ *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen... S. 147.

⁷² *Loewe V.* Preussens Staatsverträge... S. 56.

⁷³ *Noorden J.* Europäische Geschichte. Düsseldorf, 1872, Bd 2. S. 41—43; *Herlitz N.* Karl XII polska politik, 1701—1707. — In: *Karl XII : Till 200-årsdagen av hans död.* Stockholm, 1918, s. 161—162.

Литве все дальше на юго-запад. Столь резкая перемена театра военных действий была вызвана прежде всего метаморфозой в политической позиции Августа II.

Гродно и Фрауштадт. Влияние военных событий на политику стран Северного союза

Еще в июне 1704 г. Август II в очередной раз сделал (через Францию) предложение Карлу XII о сепаратном мире.⁷⁴ Узнавший об этом, хотя и не сразу,⁷⁵ Петр I понимал, что запертый в Саксонии (в то время как его влияние в Польше таяло на глазах), Август готов на шаги, которые он предпринимал и в не столь стесненном положении. Именно для предотвращения отхода Саксонии от Северного союза и был предназначен новый поход русской армии. Осенью в Полоцк был направлен А. И. Репнин, а в январе 1705 г. Б. П. Шереметев с 5-тысячным корпусом. Всего в этом районе к весне сосредоточилось примерно 60-тысячное войско, не считая артиллерии. Место концентрации основных сил русской армии было выбрано удачно, отсюда можно было действовать на двух стратегических направлениях — польском и прибалтийском.

В дальнейшем русская армия заняла операционную линию Полоцк—Гродно, чем перерезала контакт Карла XII с Прибалтикой и получила возможность ведения военных действий со шведами и поляками на чужой территории.

Опираясь на свои военные победы, Петр стремился укрепить и политическое положение России. Он полагал, что берлинское правительство отдает себе отчет в значении приближения русской армии к Восточной Пруссии и в том, что время пустых отговорок от предложений вступить в Северный союз (согласно довоенной договорен-

⁷⁴ Предложения Августа не получили на сей раз отклика, так как пруссаками были перехвачены и обнародованы его письма, в которых раскрывались его тайные планы нападения совместно со шведами на Россию или Пруссию. Карл игнорировал и эту инициативу Августа II (подробнее см.: *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Leipzig, 1867, T. 4, Abt. 1, S. 180*).

⁷⁵ Подробности шведско-саксонских переговоров Петр обычно узнавал от И. Р. Паткуля (*Haintz O. König Karl XII... , Bd 1, S. 112*).

ности) прошло, как и период невозможности для царя оказать непосредственное давление. Поэтому Петр снова шлет в Берлин И. Р. Паткуля с предложением союза.

Второй член союза, Август II, был весной 1705 г. по-прежнему заперт в Силезии. Но даже собрав до 18 тыс. саксонцев и русских у Губена (город на силезской границе близ Одера), он не решался ни двинуть свое войско в Польшу (опасаясь встречи со стерегшим его Карлом), ни даже обойти шведов с юга или севера — тогда Саксония осталась бы беззащитной.

Ряд мало связанных между собой явлений в политической жизни Европы того периода (например, длительный паралич активности Августа, укрепление позиций Станислава в Польше, провал русско-датских переговоров)⁷⁶ имели общий источник в позиции Карла XII, который успешно дополнял свои военно-стратегические успехи и достижения дипломатическими, внося разлад в действия северных союзников самым фактом переговоров о союзе (хотя и демонстративных в большей их части) с Саксонией, Пруссией, морскими державами и т. д.⁷⁷ Таким образом, хотя войска Карла стояли неподвижно, он прочно удерживал инициативу в войне. Пример тому — не сдвинувшись с места, не имея точек соприкосновения с Россией, он вынудил Петра I уйти из Прибалтики, завоевание которой было далеко не завершено, притягивая его, как магнитом, к себе, в Польшу, к желанной битве, которая так была нужна ему и которой так избегал Петр. И можно согласиться с О. Хайнцем, что ситуация в Польше летом 1705 г. удивительно напоминала предполтавскую,⁷⁸ по, добавим мы, отражен-

⁷⁶ Русско-датские переговоры, начавшиеся в Москве в марте 1705 г., были со смертью П. Гейпса прерваны и не возобновлялись датчанами до поздней осени. Инструкция новому послу содержала в преобладающей своей части указания экономического характера, да способы оправдания политической пассивности Дании (Koncept til Instruction for Envoye Extr. i Moskva Georg Grund, 28 sept. 1705. — RATKUA, Rusland, A-II).

⁷⁷ Ситуация осложнялась для русской политики тем, что Карлу были известны как план кампании 1705 г., так и многие из дипломатических секретов России и Саксонии благодаря захваченным шведами (при разгроме группы войск генерал-поручика О. А. Пайкуля отрядом К. Нирота) письмам А. Д. Меншикова, Августа, Г. Б. Огильви и др. (*Uddgren H. E. Karl XII's fälttågsplaner för åren 1705—1706.* — KFA, 1945, s. 103).

⁷⁸ *Haintz O. König Karl XII... , Bd 1, S. 124.*

ную в зеркале и не пришедшую в конечном счете к развязке во многом потому, что Петр был многократно более осторожным и расчетливым политиком, чем его антипод Карл. Впрочем, была и еще одна причина, возможно, более важная. Оба основных действующих лица этой войны — Петр и Карл — были пока в оковах старых, нерешенных задач, не позволявших им встретиться в решающей битве. Действительно, анализируя действия Петра и его противника в этот период, мы видим, что царь снова и снова уклонялся от непосредственной помощи союзнику ради более близких, привычных ему целей,⁷⁹ а Карл не выдержал «равичского стояния» дольше лета 1705 г.; в июле он срывается с места, не дождавшись Петра, выпустив тем самым Августа на польские просторы, и снова мчится «наводить порядок в польском хаосе», как он однажды выразился.

Впрочем, в походе 1705 г. на Блоне и Варшаву далее планировался поворот на северо-восток именно для встречи с армией Петра.⁸⁰ Проблема была лишь в достижимости этой цели, ибо к тому времени Петр также переменил свою тактику и ушел назад, к Риге. Выбор между далекой Курляндией и перепешными политическими задачами в польском центре, да еще в ситуации, когда они могли неизмеримо усложниться вероятным вмешательством морских держав,⁸¹ был решен Карлом в пользу

⁷⁹ Из крупных прибалтийских городов царю оставалось занять Ригу, Ревель и Пернау; падение их было предрешено — подвоз был почти отрезан, и гарнизоны неспособны к полевому бою, связанному с рейдами в поисках снабжения, т. е. русских они беспокоить не могли. Тем не менее Петр отказался от похода в глубь Польши не из-за, скажем, поражения при Гемауэртхофе, к которому он «спокойно отнесся... так как считал его мало-важным» (*Тельпуховский Б. С. Северная война...*, с. 55), а, скорее, ради завоевания части Курляндии с Митау и Бауском. Иных причин нарушать свой план, публично заявленный им в манифесте 8—11 июня к полякам и Литве («огнем и мечем гнати» шведов и варшавян, для чего вступить в Польшу «с главными своими войски» (ПБП, т. 3, с. 354—359)), мы не видим.

⁸⁰ *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 129; *Uddgren H. E. Karl XII's fälttågsplaner...*, s. 101—102.

⁸¹ В мае 1705 г. С. Барк писал: «Боюсь, что союзники заключат мир (с Францией, — В. В.) прежде, чем мы доведем нашу войну до половины, это нужно иметь в виду» (*Bref från Samuel Bark till Olof Hermelin, 1702—1708. Stockholm, 1915, bd 2, s. 49*). В связи с ожидавшимся «миром на Западе» прусский министр в Москве Г. И. Кайзерлинг опасался, что масса английских и голландских морских офицеров, матросов и кораблестроителей

Польши: он решил, как уже говорилось, провести коронацию Станислава и заключить мир с Речью Посполитой.

Ему удалось достичь обеих целей. Но они стали снова, как и выборы нового короля, чисто формальным успехом шведов, ибо не изменили ни внутреннего, ни внешнего положения Польши Станислава.⁸² И анализ Варшавского мирного договора 28 ноября 1705 г.,⁸³ отчасти проведенный нами в начале этой главы, представляет собой интерес лишь как отражение основных направлений внешней политики Швеции, о которых мы говорим. Однако до осуществления широкой экспансионистской программы трактата необходимо было «всего лишь» устранить северных союзников. Именно эта сторона дальнейшей деятельности стала предметом горячих дискуссий в варшавской ставке Карла XII. Не отказываясь от шведской помощи, Станислав старался купить ее подешевле, стремясь, в частности, облегчить контрибуции. С этой целью он настаивал на сокращении шведского воинского контингента до 10 тыс. человек, считая такое количество достаточным. Против этого протестовали шведы, требуя квартиры и снабжение для втрое большего числа солдат, и настояли на своем. Как и следовало ожидать, Варшавский договор узаконил контрибуционные грабежи шведов и закрепил подчиненное положение Польши в планах Карла XII.

Таким образом, и 1705 г. не принес на центральном театре войны и в политическом положении стран-участниц значительных изменений. Произошли некоторые неважные по большому счету перегруппировки политических и военно-стратегических установок, неизбежные при подготовке значительных решений. В свете кампании будущего 1706 г. главной переменной такого рода стала, по

вольется в до сих пор довольно безобидный русский флот и тот станет угрозой для близких и дальних соседей (*Backman S. Från Rawicz till Fraustadt: Studier i den Stora nordiska krigets diplomati, 1704—1706.* Lund, 1940, s. 75). В еще большей мере могла Россия рассчитывать на пополнение полевой армии — вопрос здесь решали возможности найма, которых у России было больше, чем у Швеции.

⁸² Польский историк Я. Ковалик отмечает, что коронация содействовала прежде всего «глубокому расколу между польскими политическими партиями, что повлекло за собой взаимную борьбу их, превратившую Польшу в театр военных действий, и втянуло ее в войну с Россией» (*Kowalik J. Stanislaw Leszczyński i Sverige.* — КФА, 1973, s. 121).

⁸³ Подробнее о мирных переговорах см.: *Grauers S. Arvid Bernhard Horn, 1664—1713.* Göteborg, 1920, s. 103—123.

нашему мнению, демонстрация возросшей военной мощи России — ведь весной 1705 г. впервые обнаружилась ее готовность встретиться с Карлом XII в Польше. И, хотя это решение было отчасти вынужденным, Петр I едва не осуществил его, что не могло не произвести впечатления и на Швецию, и на остальные державы.

Сам уход Петра из удобной для него во всех отношениях Прибалтики показал, с другой стороны, насколько слабой может быть надежда на армию Августа, пусть даже ни разу наголову не разбитую шведами. Таким образом, равичское стояние не только проявило, но и ускорило глубокие изменения в соотношении сил.⁸⁴ Именно поэтому зима 1705/06 г. стала водоразделом в ходе войны, введением в ее решающую фазу.

Первые признаки надвигавшихся событий были заметны уже в конце 1705 г. Осенью Петр I решил устроить главное войско на зимние квартиры впервые на чужой территории, в Литве. Для этого были избраны г. Гродно и окрестности. Сюда прибыл Август II, и Петр уехал в декабре в Москву, оставив на него армию, поскольку кампания, как он полагал, была окончена. Концентрация русских войск (25 тыс. у Гродно и 12 тыс. — авангард Меншикова у Тыкоцина) была частью вышеупомянутого плана о создании линии Полоцк—Гродно, отсекающей Карла XII от Прибалтики, от Левенгаупта.

Некоторые авторы утверждают, что эта концентрация имела целью противодействие совершенно иным планам Карла XII, чем соединение с Левенгауптом (которые «царь, — по словам Е. В. Тарле, — понял весьма хорошо, хотя... ему еще не были известны все изречения Карла XII» и т. д.), а именно походу шведов на Москву. Очевидно, это не совсем так. Петр не мог проникнуть в подобный план («принудив к союзу поляков, идти спокойно прямой дорогой на Могилев—Смоленск—Мо-

⁸⁴ Согласно анализу прусского «первого советника тайных дел» Г. Р. Ильгена в октябре 1705 г., мощь Швеции в упадке, а царя растет. «Все прошлые войны показывают, между тем, что русские шведов в конечном счете всегда умягчат (*mürbe machen*)» (*Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik*, Т. 4, Abt. 1, S. 183). Сам же Карл охарактеризовал свою армию в сугубо деловом письме своим дипломатам в Пруссии И. Русенхансу и А. Лейонштедту как «сильнейшую, чем когда бы то ни было раньше» (цит. по: *Uddgren H. E. Karl XII's fälttågsplaner...*, s. 94).

жайск—Москву»⁸⁵) по той немаловажной причине, что его у Карла ни на кампанию 1705, ни на следующий год не было. Как свидетельствует официальная переписка короля, он планировал лишь «переход через Вислу, возможно, немного дальше отойти (*kanskje gå något lïjtet längre bårt*). Т. е. совсем я не уйду и полки генерала не оставлю».⁸⁶ А в 1706 г., в феврале командующий артиллерией литовской группировки М. Гранатенъельм шлет в Ригу полковнику Л. Дуглису список орудий, которые нужно готовить «к тому времени, когда операции повернутся к России»,⁸⁷ т. е. речь шла не о срочной их отправке в армию, тем более что часть пушек Дуглис еще должен был затребовать из Стокгольма. Это и имело место весной 1708 г., когда план похода на Россию был выработан.

Интересная гипотеза о плане похода на Москву в 1705 г. неприемлема еще по двум причинам — как не подтвержденная документально, да и в основе своей несколько фантастичная. Не мог же Карл XII планировать поход со своими 19 тыс. солдат, из которых треть по меньшей мере не дошла бы (в условиях зимнего похода, растянутых коммуникаций и отсутствия тылового обеспечения) до русской столицы. Мы не говорим уже о риске сражений с русской армией, превосходившей шведскую в 1705 г. вятеро и имевшей все преимущества обороны.⁸⁸

Данное замечание принципиально важно, поскольку снимает с русского командования и дипломатии упрек в ошибке, которой они не совершали. Напротив, имеются все основания утверждать, что представители России за рубежом поставляли в целом доброкачественную информацию, из которой правительство делало верные выводы. И в Гродно о неожиданном походе Карла было сообщено заблаговременно.⁸⁹

⁸⁵ *Tarle E. B.* Северная война... с. 94.

⁸⁶ *Die eigenhändige Briefe König Karl XII's.* Berlin, 1894, S. 573.

⁸⁷ Цит. по: *Uddgren H. E.* Karl XII's fälttågsplaner... с. 127.

⁸⁸ Показательно, что французский посол в Швеции полковник Ж. Боннак и гродненский-то поход Карла характеризовал как безумно рискованный и предпринятый в азарте (*Backman S. Från Rawicz till Fraustadt*, s. 388).

⁸⁹ В данном случае Петр знал о походе за 18 суток (!) до выступления шведов (ПБП, т. 3, с. 1059); Меншиков мог готовиться к встрече врага, вести по этому поводу переписку с Москвой, где был царь, собирать военные советы и т. д.

Совершенно другой вопрос — мог ли кто-либо предположить, что, выступив 28 декабря из Варшавы, шведы очутятся под Гродно через 14 дней. Это был один из тех походов Карла XII, которые и современные историки называют «фантастическими»: ⁹⁰ его армия прошла за две недели по малонаселенной местности, ночуя в снегу, в свирепый мороз путь в 360 верст. При этом некоторые из рек были форсированы с боями.⁹¹

Однако Петр и па этот раз сумел избежать битвы с Карлом, проявив при этом незаурядное стратегическое чутье, и увести 25-тысячное войско за Неман в конце марта 1706 г. (12 тыс. Меншикова остались). Началось отступление и из почти полностью занятой русскими войсками Курляндии; после того как были взорваны стены Митау и Бауска, шведам были оставлены и эти города; русская армия шла на Брест и далее — на Ковель. Карл предпринял форсированный марш, но догнать ее не сумел и вернулся к лету в Польшу.

Решению Петра I в немалой мере содействовало известие о разгроме в феврале месяце у г. Фрауштадта войска Августа II, отправившегося за помощью.⁹² Это поражение союзных войск имело большее значение для Карла XII, чем даже отступление русских из Литвы и Курляндии, а в масштабе всей Северной войны — большее, чем Травенталь. Ибо в Травентале Карл XII вывел из строя основное наступательное оружие одного из союзников — датский военный флот, но уничтожить его не успел и поэтому всю войну опасался удара в спину. Во Фрауштадте же было уничтожено основное оружие второго из союзников — Саксонии. Август превратился по сути в короля без армии, по крайней мере на несколько ближай-

⁹⁰ *Uddgren H. E. Karl XII's fälttågsplaner...*, s. 128—129.

⁹¹ *Соловьев С. М.* История России, кн. 8, с. 139.

⁹² Фрауштадт — одна из наиболее блестящих побед в шведской истории. 10 тыс. шведов под командованием К. Г. Реншильда наголову разбили 18-тысячное войско противника. Предварительно узнав о подобном соотношении сил, северные союзники были настолько уверены в победе, что русское командование поначалу ничем не могло объяснить поражение, кроме измены. Обманулись и саксонцы, заранее хлопотавшие перед пруссаками о невпуске в Пруссию масс шведских беглецов, которые вскоре должны хлынуть с поля битвы, спасаясь от победителей — саксонских солдат (*Шлоссер Ф.* История XVIII в., т. 1, с. 107).

ших лет. Еще более веским было политическое значение этой битвы.

Уже было упомянуто о том, что с удалением армии Карла XII на восток менялось к нему отношение Дании, которую Петр I до сих пор полагал членом Северного союза и с которой поддерживал весьма оживленные дипломатические отношения. Датский представитель находился и при дворе Августа и даже вел зимой 1705/06 г. переговоры о возобновлении антишведского сотрудничества вопреки Травентальскому договору. Дания осмелела настолько, что осенью 1705 г. открыто вступила в политический конфликт, связанный с так называемым делом об эвтинском наследстве,⁹³ не боясь навлечь на себя гнев Швеции.

После того как герцог Гольштейн-Готторпский ввел войска на территорию епископства (чем нарушил Травентальский договор и развязал, таким образом, руки Дании), Петр I и Август II попытались вовлечь Фредерика IV в войну. Однако И. Р. Паткуль и Я. Г. Флеминг в переговорах с Т. Б. Йессеном успеха добиться не могли. Фредерик не хотел столь круто менять политический курс в одиночку; он соглашался на это лишь после того, как в Северный союз вступит Пруссия.

Но примерно таким же было настроение и в Берлине, хотя для подготовки соответствующего шага здесь было сделано больше. В октябре 1705 г. Пруссия обратилась к Высокому союзу за консультацией о целесообразности ее дальнейшего нейтралитета в Северной войне. Не дождавшись ответа, Фридрих I предпринял решительные меры к увеличению боеспособности армии — из 5 тыс. пруссаков, находившихся на службе у голландцев, он отзывает половину, а из империи — еще 12 тыс. Подобные шаги были вызваны не только активностью северных союзников, но и тем, что, по мнению Фридриха, Карл и Станислав поставили перед собой в Польше настолько трудновыполнимую задачу, что они неизбежно рано или поздно снова обратятся к нему за поддержкой.⁹⁴ То, что Карл не уйдет из Польши, не добившись своего или не истощив казну полностью, было понятно всем, кто следил

⁹³ Датский принц Карл и Кристиан-Август Гольштейн-Готторпский соперничали в наследовании Любек-Эвтинского епископства после смерти бездетного князя-епископа Августа-Фридриха.

⁹⁴ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen...*, S. 174.

за его политикой, поэтому рассуждения Фридриха были вполне логичны. Как и то, что, чем позже Карл обратится к нему за помощью, тем дороже придется ему платить, учитывая начавшиеся переговоры Пруссии с северными союзниками.

Была и другая причина, по которой Пруссия шла на сближение. К осени 1705 г. политикам ее стало, наконец, ясно, что и Пруссия и Швеция питают надежды на получение одних и тех же территорий в Северной Германии и поэтому будущности у прусско-шведских связей быть не может, пока не будет решена проблема Западной Пруссии и Курляндии. Значит, считал Г. Р. Ильген, в создавшемся положении выигрыши Швеции будут проигрышами Пруссии и наоборот.⁹⁵ Это было видно из опыта первых лет войны, и прусско-шведский договор 1703 г. ничего в этом смысле изменить не смог.

По отношению же к России Пруссия могла питать недоверие лишь по поводу Курляндии, не бывшей столь жестко необходимой, как «коридор», эта гарантия безопасности Восточной Пруссии, крайне уязвимой именно из-за своей оторванности. Поэтому, прервав шедшие осенью 1705 г. переговоры со шведами, она внимательно рассматривает русские предложения, хотя и планирует ввести из чистой предосторожности в Восточную Пруссию 20—30-тысячное войско. Со своей стороны Петр I делал Фридриху I предложения тем более настойчиво, что его недавняя попытка в очередной раз заключить мир с Карлом XII провалилась.⁹⁶ Однако старания Паткуля до поры до времени увенчаться успехом не могли (судя по некоторым данным, из-за низкой оценки Фридрихом экономического и внешнеполитического положения России⁹⁷). Не помогла и попытка впутать Пруссию в дело об эвтинском наследстве, чтобы на основе конфликта создать русско-датско-пруссский союз.⁹⁸

⁹⁵ Ibid., S. 175.

⁹⁶ Собственно, попытки эти были в первые годы войны почти перманентными, однако в 1705 г. хорошо информированный о ходе их английский посол в Москве Ч. Витворт писал, что царь в данный момент настойчив в этих своих попытках «как никогда» (*Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1, S. 282*).

⁹⁷ *Пуляга А.* Вопрос о прусском союзе..., с. 693—694.

⁹⁸ *Stille A.* Studier öfver Danmarks politik..., s. 66—67; *Backman S.* Från Rawicz till Fraustadt, s. 293—295.

Паткуль не мог добиться успеха в Берлине, и тогда на свет появилась наделавшая немало шума в Европе так называемая «Выдержка из письма Головина Паткулю», бывшая, по некоторым догадкам,⁹⁹ делом рук самого Паткуля, последней его мистификацией. Документ был составлен в угрожающем для Пруссии тоне, в нем упоминалось об отказе Петра I выполнять свое обещание о невхождении в Восточную Пруссию (под тем предлогом, что шведы через нее однажды прошли, а Петру нужно будет идти на защиту Западной Пруссии) и т. п. «Выдержка» была в ноябре 1705 г. передана берлинскому кабинету русским посланником А. Литом,¹⁰⁰ где произвела эффект взорвавшейся бомбы.¹⁰¹

Лишь с большим трудом удалось петровским дипломатам успокоить перепуганного Фридриха I,¹⁰² уже предупредившего русскую сторону о том, что он вынужден прибегнуть к помощи высоких союзников, Карла XII и т. д. Петр уверил Кайзерлинга, что у него планов на вход в Восточную Пруссию нет и тут же выслал Паткулю новую инструкцию, в которой не только ни словом не упоминалось о необходимости пройти через Восточную Пруссию для обороны от шведов Западной, но и эта последняя обещалась Пруссии, если ей это «потребно будет», в уплату за согласие Фридриха выступить против Карла «угрожением воинским».¹⁰³ Проект соответствующего договора был вполне приемлем для Пруссии, однако Паткуль, ведший переговоры, невероятно их запутал, пытаясь в ходе диалога удалить своих врагов от дрезденского двора и уладить другие проблемы личного свойства. Эта последняя дипломатическая миссия Паткуля кончилась трагически, он сам был арестован Августом, после чего на свободу ему выйти было не суждено.¹⁰⁴

⁹⁹ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen...*, S. 179.

¹⁰⁰ Частично «Выдержка» из письма от 7 ноября 1705 г. опубликована (*Herlitz N. Patkuls sista diplomatiska fälttåg.* — KFA, 1921, s. 135).

¹⁰¹ Между прочим, она неожиданно помогла Пруссии, оправдав отзыв ее войск от высоких союзников для укрепления восточных границ.

¹⁰² И. Р. Паткуль заявил пруссакам, что письмо написано Ф. А. Головиным в нетрезвом виде, а Петр ничего о нем не знает и границ Восточной Пруссии нарушать не собирается.

¹⁰³ ПБП, т. 3, с. 535—537.

¹⁰⁴ Немалую роль в аресте Паткуля сыграли происки его врагов — саксонских советников Августа. Но и сам король был

Поэтому русско-прусский договор заключен не был. Арест Паткуля сказался и на ходе русско-саксонско-датских переговоров. Датская армия стояла в Эвтине с января (она вторглась туда, когда стало известно, что Карл XII выступил в Гродно). Однако по различным объективным причинам (нахождение Августа II в Гродно, большое расстояние до русской армии) Дания не ощутила поддержки союзников этому своему решительному шагу. Т. Б. Йессен пытался добиться обещания военной помощи у дрезденского правительства, но министры ничего не могли сделать в отсутствие Августа, а когда стало известно, что на востоке русская армия отступает от вдвое меньшей шведской, отказ саксонцев стал вполне определенным.¹⁰⁵ Вместо военных советов с союзниками Дания была вынуждена вступить в тягостный диалог с Гаагой — морские державы предложили в эвтинском конфликте свое посредничество и игнорировать его было нельзя. Подстегиваемые угрозой Гольштейн-Готторпа забрать свои войска из их службы, Англия и Нидерланды отказывали и в поддержке датских притязаний на епископство. Копенгаген стремился заручиться поддержкой Петра и Августа, но Йессен не мог выполнить ни этого указания, ни добиться освобождения Паткуля, на содействие которого Фредерик IV надеялся.¹⁰⁶

В начале января 1706 г. Г. Грунд, а в феврале Т. Б. Йессен получили указ короля добиваться от России субсидий на вооружение датского флота, однако и здесь их постигла неудача — Петр соглашался лишь на помощь войсками, денег же «за великими своими расходами» пока не обещал.¹⁰⁷ Когда же переговоры подошли, казалось, к благополучному окончанию, произошли события, повернувшие активную датскую политику вспять.

Датчане возлагали большие надежды не только на помощь Петра I, но и на победу саксонцев над корпусом К. Г. Реншильда: в ней, как было сказано, союзники были полностью уверены и планировали летнюю кампанию так,

раздражен попытками Паткуля столкнуть Пруссию и Саксонию в своих интересах. Уже в ноябре 1705 г. саксонцами против него было выдвинуто обвинение в 12 пунктах, каждый из которых был обоснован, но, естественно, недостаточно для нарушения экстерриториальности российского посла.

¹⁰⁵ *Stille A. Studier öfver Danmarks politik. . .*, s. 73.

¹⁰⁶ *Frederik IV — Grund*, 29 dec. 1705. — *RATKUA, Rusland, C.*

¹⁰⁷ *ПБП. СПб., 1900, т. 4, с. 87—88.*

словно Реншильда уже и нет.¹⁰⁸ Однако Фрауштадт изменил всю ситуацию, и в Копенгагене мгновенно произошло «большое при дворе изменение»: Фредерик IV дал приказ войскам, уже сражавшимся с гольштейнской и ганноверской армиями, немедленно вернуться в казармы. А в марте Дания подписала мир — она уступила епископство; Г. Грунд же получил указание «письменные и устные переговоры о совместных действиях Дании и России прекратить».¹⁰⁹ Попытки А. П. Измайлова исправить положение были тщетны; новые предложения Петра предоставить помощь не только людьми, но и флотскими материалами¹¹⁰ также осталась втуне.

События, связанные с Эвтином, не только в очередной раз показали жесткую зависимость датской политики от требований морских держав. Вооруженное выступление против Гольштейн-Готторпа, пожалуй впервые после начала войны, свидетельствовало о том, что в позиции Карла XII, бывшего для большинства европейских держав символом мощи и непобедимости, появились первые, пока еще малозаметные трещины. Так оно по существу и было. И дело не в том, что за годы войны армии союзников окрепли настолько, что могли представлять собой реальную опасность для Карла XII — до сих пор этот великий воин не знал поражений. Не столь заметное, как результаты сражений, но в войне играющее не меньшую роль экономическое положение Швеции, очутившейся в полной внешнеторговой изоляции, вызывало серьезную тревогу Государственного совета.¹¹¹ И наоборот, слабые места северных союзников¹¹² стали исправляться, сглаживаться. Процесс этот шел незаметно, до первых его результатов — русских побед 1708 г. — оставалось еще более двух лет напряженных трудов на полях сражений и

¹⁰⁸ Frederik IV — Grund, 17 nov. 1705. — RATKUA, Rusland, C.

¹⁰⁹ Frederik IV — Grund, 20 marts 1706. — Ibid.

¹¹⁰ Grund — Frederik IV, 24 marts 1706. — Ibid., A-II.

¹¹¹ История Швеции. М., 1974, с. 252, 256—258. Интернированный посол А. Я. Хилков постоянно писал об экономических затруднениях Швеции, усугубленных наплывом массы беженцев из Прибалтики (А. Хилков — Ф. Головину, 16 февр. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 96, оп. 1703, ед. хр. 1, л. 8; А. Хилков — Ф. Головину, 5 сент. 1704 г. — Там же, оп. 1704, ед. хр. 1, л. 16).

¹¹² Пассивность Дании, отсутствие командиров (у России — в начальный период войны, у Дании — и позднее), способных противостоять шведским генералам при прочих равных условиях, а иногда и с превосходящими силами.

за столами дипломатических переговоров, трудов, укрепивших антишведский фронт. Время, как и ранее, работало на Северный союз.

Другой вопрос — как этому необратимому процессу содействовал каждый из союзников. Мы видели, что самым сильным, последовательным и энергичным из них был Петр I; датский двор в большей части рассмотренного периода характеризовался крайне косной, малоактивной (но в то же время чувствительной ко влиянию массы мелких привходящих факторов) политикой. Что же касается третьего союзника, то уже к 1706 г. «Петр, сильно выросший в беде, разошелся слишком далеко с Августом, сильно понизившимся в беде».¹¹³ Но с большей четкостью черты, характерные для саксонской политики, выступили в событиях, связанных с Альтранштедтским миром.

Альтранштедтский мир

Арест И. Р. Паткуля означал, помимо прочего, и решительный отход Августа II от Петра I, несмотря на формально продолжавшиеся сотрудничество и переписку, в которой мы найдем немало заверений в дружбе и преданности.¹¹⁴ Сам этот акт, скрыть который было невозможно, стал причиной перехода сторонников Августа к Станиславу; наибольшим число перебежчиков стало в период после гродненской погони шведов за русской армией.¹¹⁵

Этот марш закончился для шведов среди болот Припяти, где Карл XII остановился на распутье — дальнейшее преследование русских было бессмысленным, и нужно было избрать один из двух, по меньшей мере, путей. Первый вел на Москву, и если он и был возможен, то лишь теперь, когда после победы у Фрауштадта Станислава можно было оставить в Польше, не опасаясь его свержения. Внутреннее же положение России было, напротив, чрезвычайно сложным из-за крестьянских и казацких волнений, заставивших Петра перебросить значительную часть армии на юг. С другой стороны, именно эта передислокация войск противника в украинские степи

¹¹³ Соловьев С. М. История России..., кн. 8, с. 605.

¹¹⁴ ПБП, т. 4, с. 3—5, 14—15 и др.

¹¹⁵ Haintz O. König Karl XII..., Bd 1, S. 141—142.

должна была напомнить Карлу неоднократные рейды Августа по территории Польши, где изловить его или хотя бы принудить к битве не было никакой возможности. А без разгрома русской армии на юге, конечно, было рискованно идти на север еще и потому, что Петр на Украине, безусловно, окреп бы, да и наметившаяся была поддержка казачества стала бы невозможной после наведения там порядка.

Второй путь вел в Саксонию, где ожидал своей участи Август, противник разгромленный, но неопасный лишь временно, ибо он уже стал копить силы. Саксонский поход дал бы России дополнительный и весьма немалый срок для совершенствования своих войск и экономики, но разделить и без того относительно небольшую свою армию Карл не мог, и летом 1706 г., несмотря на несогласие с ним ближайших советников, он повернул на запад. 22 августа шведы пересекли силезскую границу, а 27 вступили в Саксонию, где, не встречая сопротивления, продвинулись до Лейпцига и Дрездена, также без боя сдавшихся. Саксонская армия ушла в Тюрингию, Август сбежал еще раньше.

Единственной силой, которая могла остановить Карла XII в его броске на запад, был Высокий союз. Но казалось, что альянс этот, официально созданный для борьбы за интересы империи, о них забыл. Против нарушителя границ нейтральной имперской земли Силезии, оккупировавшего затем и вторую имперскую территорию, не было принято никаких действенных санкций.¹¹⁶ Морские державы были слишком заняты войной с Францией, в этом отношении время своего марша Карл выбрал удачно, так как именно в июле—августе союзники подготовили и завершили туринскую операцию — второй по значению после Хехштедта и Рамильи разгром французской армии.

То, что в основе подобного невмешательства лежала именно эта, а не иная причина, показывает вся дальнейшая политика молодого императора Иосифа I (Леопольд I умер в апреле 1705 г.), деятеля более энергичного и смелого, чем его предшественник. Иосиф решительно стал

¹¹⁶ Чисто формальный протест Нидерландов в августе результата не принес и более не повторялся (Реляция А. Матвеева, 6 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 36«а», л. 7).

па защиту империи от шведской экспансии,¹¹⁷ оказавшись единственным из западноевропейских монархов, не остановившимся в 1706—1707 гг. перед прямой конфронтацией с Карлом, именно в этот период стоявшим в зените своей славы и могущества.

Второй силой, которая могла помочь Саксонии, была соседняя Пруссия. Предчувствуя неизбежность вторжения Карла XII, Август II обратился за помощью сразу же после Фрауштадта. Фридрих I отнесся к нему с пониманием; его контрпредложения касались в основном мира в Польше, куда, он считал, следует запретить вход и шведам и русским.¹¹⁸

Давать такое обещание Август медлил, шведы же предлагали между тем в Берлине не только Эльбинг и Толькемит, но и прусский «коридор» — всего лишь за обещание поддержки Станиславу. Естественно, здесь было о чем подумать, и к вторжению шведов в Саксонию договор с Августом готов не был, а потом отпал и смысл его.

Наконец, оставалась возможность выступления Дании, флот которой к этому времени далеко превосходил шведский. Но морские державы не могли одобрить такой шаг, ибо полагали, что столь явный перевес сил противника толкнет Карла XII к Франции.¹¹⁹ Таким образом, в этом смысле расчет Карла оказался безупречным, и с датской стороны опасность ему не грозила.

Вторжение шведов в Саксонию вызвало в Европе невиданный ажиотаж — у высоких союзников не было сомнения, что Карл так осмелел в результате тайного сговора с Францией; говорили, что следующей имперской территорией, которую он оккупирует, будет Богемия и т. д. Растерянность союзников в первые недели после вторжения проявлялась, между прочим, в том, что они принялись обвинять во всех грехах даже не его, а по-

¹¹⁷ Österrrike och det Stora nordiska kriget före Karl XII's infall i Sachsen, 1700—1706. — HTs, 1909, årg. 28, s. 328.

¹¹⁸ Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, T. 4, Abt. 1, S. 188—189.

¹¹⁹ Hainz O. König Karl XII..., Bd 1, S. 149. Во Франции известие о вторжении «благоприятно было, ис того желая, чтобы в царстве большее дел нападением шведовым возмущение вновь прибыло и унгарским бунтовщикам лучшую еще надежду подало», «отчего Франция не только отдохнет, но и случай найдет шведу вспомогать» (Реляция А. Матвеева, 6 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 36 «а», л. 5 об.; А. Матвеев — Ф. Годовину, 13 сент. 1706 г. — Там же, ед. хр. 41, л. 8—8 об.).

чему-то Пруссию, которая, как упоминалось, могла противиться шагу Карла, но пальцем не пошевелила, а союзники на это надеялись. Голландские купцы, чрезвычайно раздраженные многомиллионными убытками от отмены Лейпцигской ярмарки, заявляли, что именно Пруссия, «допустившая» интервенцию Саксонии, во всем виновата и должна поэтому шведов оттуда «вывести».¹²⁰

Малореальное это требование Пруссией всерьез не рассматривалось в силу его необоснованности, тем более что после входа в имперские земли силы Карла XII стали быстро расти. Широкий наем саксонских и силезских солдат и высасывание средств из казны Августа II пока не были начаты; усиление это было чисто политическим. Как и полвека назад, стоило шведам-протестантам войти в империю, как к ним стали стекаться единоверцы, недовольные конфессиональными, экономическими и иными притеснениями католика-цесаря и свято верившие в предания о шведах — верных солдатах протестантской церкви, несших с Севера знамя освобождения от ига «всесветной блудницы». Шведская пропаганда умело эти настроения раздувала и использовала. Карл заявил протест против притеснений цесарем протестантских Баварии и Кельна (хотя они были вызваны прежде всего профранцузской позицией этих земель), а также Силезии и Пфальца. Саксонцы и силезцы все смелее поднимали протест против цесаря и собственной католической, проавстрийски настроенной администрации.

В такой внешне- и внутривполитической обстановке в Саксонии и был заключен 13 сентября 1706 г. мирный договор между Августом и Карлом, получивший название Альтранштедтского (по имени замка в миле к западу от Лейпцига, где трактат был подписан). Представители Августа камер-президент А. А. Имхоф и тайный советник Г. Э. Пфлингстен согласились от его имени на отказ от польской короны. При этом Август признал Станислава королем Польши и Литвы (чем разорвал польско-саксонскую личную унию), согласился выдать всех пленных, перебежчиков, И. Р. Паткуля, предоставить шведскому войску полное обеспечение и зимние квартиры в Саксонии, освободить братьев Собесских, передать в плен шведам все русские вспомогательные войска, находившиеся

¹²⁰ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, T. 4, Abt. 1, S. 194.*

в Саксонии. Договор должен был содержаться в тайне, пока Август не вернется домой из Польши, но ратификация могла свершиться не позднее, чем через 6 недель.¹²¹

Альтранштедтский сепаратный мир был по своей значимости не менее крупным событием, чем интервенция в Саксонии: морскими державами он был воспринят еще более отрицательно,¹²² как и цесарем, хотя последний и имел основания полагать, что «тем от нападения, чаемого от шведа, аустрийский дом будет впредь безопасен».¹²³ Дипломатия России, по которой договор ударил сильнее всего,¹²⁴ лишив ее последнего (не считая сандомирян) союзника, не преминула усилить отрицательное впечатление мира на высоких союзников,¹²⁵ в чем вполне достигла успеха.

Беспрекословное принятие Августом II всех шведских условий — настолько грубая политическая ошибка, что она, несмотря на отчаянное положение этого короля и его известную слабость, все же кажется невероятной и до сих пор является во многом загадочной для историков. Действительно, безоговорочное, немедленное и полное подчинение чрезвычайно жестким условиям мира, пред-

¹²¹ *Kretzschmar H.* Die Friedensschluss von Altranstädt 1706/7. — *UdPK*, S. 175—176; *Соловьев С. М.* История России..., т. 8, с. 148.

¹²² Мальборо, по словам А. А. Матвеева, при известии о мире «стал многой час вне себя», а президент Нидерландов Вельдер говорил «с ужасом, что тот договор сколочен не без общего единомыслия» Пруссии и Ганновера со Швецией. Матвеев утверждал далее, что и пенсинарий «зело тем гатким договором недоволен» (А. Матвеев — Петру I, 11 нояб. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 39—40, 45). Впрочем, подозрения в содействии, павшие на прусский двор, были несправедливы — он и сам «почал в великом смущении быти» (там же, л. 43).

¹²³ А. Матвеев — Петру I, 11 нояб. 1706 г., л. 43.

¹²⁴ Чувства, охватившие русских дипломатов, ярко выразил А. А. Матвеев, отозвавшийся об Альтранштедтском мире как о «гнусном и скаредном, всему свету поносном договоре», и об Августе: «никакому плуту хуже того зделать нельзя, ниже пример из истории находится из многих веков, подобен скверной особе сей, ниже достойной света», свершившей «от всего свету себе неизгладимой вечно порок гнусного дела» (А. Матвеев — Петру I, 11, 15 нояб. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 43 об., 77 об.).

¹²⁵ А. А. Матвеев неоднократно указывал направленность договора в пользу Франции, поскольку он явился делом рук враждебной Высокому союзу группировки, во главе которой стоял А. А. Имхоф — «внутренней француз и швед» (А. Матвеев — Петру I, 4 янв. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 4 об.).

ложенным шведами, лишь тогда имело бы смысл и цель, если бы им был куплен отказ от оккупации Саксонии со всеми ее тяготами, которые были не менее губительны для страны, чем возобновление войны (см. ниже).

Прежде всего, никто не был в силах принудить Августа к немедленному заключению мира — терять ему после шведского вторжения было нечего, между тем как, затянув переговоры, он мог бы приобрести многое. Ведь чем дольше Карл стоял в Саксонии до подписания договора (т. е. незаконно, в качестве нарушителя границ империи), тем настойчивее становились протесты морских держав.¹²⁶

Настаивала на соглашении о выводе оккупационных войск и Пруссия, предлагавшая для этого свое посредничество.¹²⁷ Еще более масштабные предложения делала северным союзникам Австрия, соглашавшаяся на союз с Россией и передачу последней «одной части войска своего... на шведа».¹²⁸ Наконец, во время переговоров в Альтранштедте Август и сам обладал значительной мощью, стоя во главе соединенной группировки саксонско-польско-русских войск, базировавшихся в Польше.

Мир же не только ослабил его политический вес¹²⁹ — прямая опасность дальнейшего пребывания его в расположении союзных войск стала столь велика, что он был вынужден скрывать сам факт договора и даже участвовать в битве под Калишем, окончившейся поражением союзников.¹³⁰ Август добровольно поставил себя вне союзов — ни одна европейская политическая система не была обязана и не стремилась оказать ему какую-либо

¹²⁶ ПБП т. 4, с. 1106, 1158. Причиной этому было как вмешательство шведов в германские дела (*Kretzschmar H. Die Friedensschluss von Altranstädt...*, S. 170), так и возраставшие надежды на скорое окончание войны за Испанское наследство («здесь уже о мире думают всемерно», — писал А. А. Матвеев из Парижа (А. Матвеев — Ф. Головину, 13 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 41, л. 7 об.)).

¹²⁷ *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 151.

¹²⁸ ПБП, т. 4, с. 1158.

¹²⁹ Вот образец послеальтранштедтского фольклора — эту песенку распевала на известный мотив вся Европа:

Polen — weg, Sachsen — weg,
August — er liegt im Dreck.
Oh, du lieber Augustin, alles ist hin!

¹³⁰ *Тарле Е. В. Северная война...*, с. 118.

поддержку после того, как он собственноручно легализовал нахождение шведов в Саксонии. Отныне он мог опираться только на своего партнера по Альтранштедту, но на помощь Карла, несмотря на довольно близкое родство (их матери были родными сестрами), пока рассчитывать не приходилось.

Подобными или схожими рассуждениями, вполне возможно, руководствовались современники Августа, отказываясь верить в факт заключения этого мира: «всяк удивляется... но тому нечают быть правде», — писал, например, в сентябре Лит из Берлина.¹³¹ Но вот разнеслись вести о бегстве Августа из союзной армии и выдачи им Паткуля — и в Альтранштедтский договор пришлось поверить.

Анализ значения мира для международного положения того периода показывает, что он, с одной стороны, явился подтверждением и фиксацией уже достигнутых результатов шведской внешней политики и хода всей Северной войны в целом. С другой стороны, он обуславливал дальнейшее обострение ранее существовавших противоречий между Швецией и бывшими членами Северного союза, между Швецией и Высоким союзом и, что было несколько неожиданным, между морскими державами и Австрией.

Отношение морских держав к Августу II после заключения им мира осталось все же сочувственным. Так, по просьбе его¹³² они отказали Карлу XII в гарантии трактата, цель которого была в создании системы, аналогичной травентальской, но предназначенной для защиты интересов Карла в Восточной Европе. И самые энергичные и заманчивые представления шведов не смогли перевесить их опасений перед возможными петровскими репрессиями в московской торговле¹³³ по отношению к стране, которая осмелится гарантировать договор, враждебный

¹³¹ ПБП, т. 4, с. 1105, 1106.

¹³² В своем письме от 26 февраля 1707 г. он просил высоких союзников помочь «испражнению» Саксонии от шведов из-за «несносных поборов» (Перевод письма Августа II см.: ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, с. 326).

¹³³ А. А. Матвеев писал, что гарантия Нидерландами не будет дана «для собственного своего интересу и великой торговли, которую... имеют в государстве Вашем» — об этом послу официально заявил амстердамский депутат Генерального собрания (А. Матвеев — Петру I, 14 февр. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 142—143).

России. И русская дипломатия умело использовала момент торгово-политической конкуренции, время от времени появлявшийся на поверхности столь гладких и согласных отношений внешнеполитического сотрудничества морских держав.¹³⁴ И в дальнейшем, когда сложная тактика Августа, решившего нейтрализовать договор не прямым разрывом со Швецией, но неисполнением его пунктов (по выражению Матвеева, «ища прорехи, отлесть раковым ползаньем»),¹³⁵ обрела четкие формы, то морские державы нисколько ему в проведении ее не препятствовали.¹³⁶ Более того, они были заинтересованы в разрыве Альтраншtedтского договора как нарушившего известный баланс сил в Северной войне, а стремление к восстановлению такого равновесия было для них важнее даже мира на Севере,¹³⁷ временно установившегося со входом шведов в Саксонию. Твердость позиции Англии и Нидерландов в вопросе о гарантиях показала, что правительства этих стран учли опыт Травенталя и исправили его несовершенства в годы действия Альтраншtedтского договора. Что же касается политики Карла, то она за 7 лет войны существенных изменений не претерпела, что и сказалось на достигнутых в области дипломатии результатах к началу реализации его важнейшего решения — похода на Восток. Уйдя от союзников в Саксонию, встречаясь с Карлом XII и подписывая все, что тот предлагал, Август II, как ни парадоксально это звучит, пытался сохранить возможность возвратиться в Северный союз. Однако попытки были двойственны и несли на себе отпечатки всей натуры Августа, человека слабого и жестокого. Так, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре, он приказал подвергнуть бессрочному заключению обоих своих министров, посланных на переговоры в Альтраншtedт,¹³⁸

¹³⁴ Само решение об отказе гарантирования возникло не без влияния ряда русских мемориалов Нидерландам, дипломатического нажима (А. Матвеев — Петру I, 14 февр. 1707 г., л. 143).

¹³⁵ А. Матвеев — Петру I, 15 нояб. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 76 об.

¹³⁶ *Danielson J. R. Zur Geschichte der sächsischen Politik, 1706—1709. Helsingfors, 1878, S. 49—50.*

¹³⁷ «Хотя мир сей союзникам небезполезен, однако же они нерады видеть превозхождение в крае северном сил шведовых, равномерье везде крепко храня между принцов и статов Европских» (А. Матвеев — Петру I, 15 нояб. 1706 г., л. 78).

¹³⁸ А. А. Имхоф пробыл за решеткой до 1714 г., Г. Э. Пффингстен — до самой смерти (1733 г.).

как якобы нарушивших его инструкции в составлении трактата (позже, заметим, им ратифицированного).

Более серьезной попыткой сохранить свое реноме в глазах Петра I было решение о выводе русских войск из Саксонии вопреки желаниям Карла в Австрию. И когда последний потребовал их возврата для передачи ему в плен, Август мог со спокойным сердцем ответить, что теперь это — дело цесаря.¹³⁹ Но Иосиф I также не желал сохранять у себя русских и переправил их дальше к Петру. Этим дружественным России поступком он, впрочем, не нарушил общей линии политики своих союзников, в целом нейтральной в данный период как к Петру, так и к Августу.

В частности же, естественно, в такой позиции были возможны и отклонения. Когда летом 1706 г. Петр I и Август II обратились к Дании за помощью против готовившейся шведами интервенции (с просьбой направить к Дрездену вспомогательное войско), а Фредерик IV оправдывал свой отказ опасением англо-голландских санкций, то подобный предлог истине не соответствовал. К этому времени по причине нового обострения хода кампании с Францией (сближения с которой Августа или Карла морские державы опасались) им было выгодно, чтобы участники Северной войны истощали друг друга, но, как было сказано, по возможности «равномерно». Именно поэтому они не могли препятствовать укреплению обороны Саксонии датскими войсками. Более того, голландский посланник довел до сведения Т. Б. Йессена, что в Гааге разрабатывается план нового антишведского альянса, в котором было уготовано место и для Дании. И совершенно по иной причине, а именно из боязни вызвать неудовольствие Карла XII, шедшего на запад, Фредерик запретил Йессену подписывать подготовленную морскими державами совместную ноту протеста против вступления шведов в Саксонию.¹⁴⁰

Подобный же рескрипт был отправлен Г. Грунду. В нем Фредерик не давал своей пассивности никаких объяснений, кроме того, что, «как ему кажется», Август откажется от датских и русских войск, если они даже и

¹³⁹ *Kretzschmar H. Die Friedenschluss von Altranstädt...*, S. 170.

¹⁴⁰ *Stille A. Studier öfver Danmarks politik...*, s. 80—81.

будут ему предложены.¹⁴¹ Посол передал этот отказ русскому правительству, присовокупив, что его стране в данный момент целесообразнее укреплять собственные границы и готовить войска к войне со Швецией.¹⁴² Так была отклонена очередная попытка союзников добиться помощи от Дании. На этот раз в пользу оказания ее говорило все — и субсидии, твердо обещанные царем, и значение победы у Калиша, и даже недвусмысленная поддержка морских держав. Единственным фактором, который мог противодействовать активизации политики Дании, было опасное приближение к ней Карла, и он перевесил все противоположные.

Это не значит, естественно, что Дания была заинтересована в интервенции Саксонии; Фредерик уверял Петра, что его дипломаты даже пытались сорвать альтраншtedтские переговоры.¹⁴³ Хотя, с другой стороны, сближение с Россией в аналогичных целях имело определенные границы.

Оказавшись после примирения Августа с Карлом в полном одиночестве, но крайне нуждаясь в союзнике (хотя бы чисто номинальном, но способном поддержать Россию если не военной силой, то в области дипломатии), Петр прилагал осенью—зимой 1706 г. массу усилий для координации политических акций обеих стран.¹⁴⁴

Русско-датской дипломатии не удалось, как известно, предотвратить Альтраншtedтский договор.¹⁴⁵ Очевидно, сказалось и отсутствие после ареста И. Р. Паткуля при саксонском дворе русских представителей, и то, что Дания свернула в угоду Карлу XII свою дипломатическую

¹⁴¹ Frederik IV — Grund, 16 aug. 1706. — RATKUA, Rusland, C.

¹⁴² Grund — Frederik IV, 13 sept. 1706. — Ibid., B.

¹⁴³ Frederik IV — Grund, 20 nov. 1706. — Ibid., C.

¹⁴⁴ Предлагаемое за подобную помощь вознаграждение достигает в этот период максимума — Петр обещал передать в наследственное владение принцу Карлу (брату Фредерика) Ингерманландию с Нарвой и Дерптом (правда, без устья Невы), женить его на одной из русских принцесс и т. д. (Grund — Frederik IV, 4 dec. 1706. — RATKUA, Rusland, B). См. также: ПБП, т. 4, с. 424, 416б.

¹⁴⁵ Более того, когда Август уже после ратификации мира обратился к России, Дании и некоторым другим державам с просьбой о содействии смягчению жестких требований договора, то в первое время ни от кого помощи не получил. Наиболее общей была, видимо, причина отказа, выдвинутая О. Хайнтцем — Августа никто «более всерьез не воспринимал» (*Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 158).

деятельность в этот период и даже прислала в Альтранштедт подробное объяснение причин передвижений войск в Ютландии (которого у нее никто не просил),¹⁴⁶ а также поспешно прервала и без того незначительную балтийскую торговлю с Россией.¹⁴⁷ Судя по этим мерам, Фредерик подозревал, что Карл двинется из Саксонии дальше на запад, в Данию — иного объяснения предложить невозможно.

Между тем шведская интервенция была связана с целями, достижение которых было возможно лишь при нахождении армии Карла XII именно в Саксонии. Шведский король намеревался не только лишить Августа II прав на польскую корону или «откормить» свою армию и усилить ее саксонскими новобранцами, но и сознательно обессилить, обескровить Саксонию, отняв у нее экономическую возможность удара в спину шведам во время их московского похода,¹⁴⁸ съев все, что возможно, ибо урожай 1706 г. был рекордным и оставлять его в целости было нельзя, добавляет О. Хайнц.¹⁴⁹ Составленная таким мастером выколачивания контрибуций, как М. Стенбок, «калькуляция» в 240 тыс. рейхсталеров в месяц, достаточных для содержания армии, показалась Карлу заниженной, и он увеличил сумму до 625 тыс.¹⁵⁰ Кроме денежных выплат шведы получали в Саксонии фураж, обновляли материальную часть (от походных телег до артиллерийского парка), набирали солдат — всего 4.5 тыс. человек. В итоге Саксония менее чем за год интервенции выплатила только контрибуций на 5.3 млн., а с учетом затрат на провиант и фураж — 15 млн. рейхсталеров.¹⁵¹ В целом оккупация обошлась Саксонии не менее чем в 35 млн. рейхсталеров¹⁵² (перед интервенцией Карл тре-

¹⁴⁶ *Stille A. Studier öfver Danmarks politik...*, s. 85—86.

¹⁴⁷ *Bidrag til den Store nordiske krigs historie. København, 1903, bd 2, s. 20.*

¹⁴⁸ *Noorden C. Europäische Geschichte, Bd 2, S. 540.*

¹⁴⁹ *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 175. Впрочем, С. Грауэрс эту гипотезу критикует, утверждая, что длительная стоянка в Саксонии была вызвана исключительно необходимостями снабжения; контрибуции же не превышали размера нормального содержания армии (*Grauers S. Den karolinska fälthärrens underhåll 1704—1707.* — КФА, 1969, s. 147—148).

¹⁵⁰ *Grauers S. Den karolinska fälthärrens underhåll...*, s. 128.

¹⁵¹ *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 175.

¹⁵² *Stenius S. Sachsen och Preussen i den nordiska krisen 1709.* — КФА, 1949, s. 53.

бовал всего 2 млн. отступных).¹⁵³ Ущерб, нанесенный шведами, был столь велик, что разорилось множество крестьянских хозяйств, по Саксонии прокатилась настоящая волна самоубийств.¹⁵⁴

Тяжкий удар нанес Альтранштедтский договор и по экономике Польши. Статья 15 о временной оккупации страны предоставляла законное основание неограниченных контрибуций. Поскольку же территорию Польши никто на контрибуционные дистрикты не делил, то нередко случалось, что с одного и того же палатината взимали контрибуции и шведы, и саксонцы, и русские. Кроме того, если в Саксонии поддерживалась довольно строгая дисциплина (жалобы поступали только на поляков, входивших в состав армии), то фактическое безвластие в Польше порождало массу злоупотреблений, так что командующий шведским корпусом Е. Д. Крассау писал о «тотальном разорении Польши»¹⁵⁵ и был недалек от истины.

Высокие союзники пытались удалить Карла XII из Саксонии до ее разорения, соблазняя его обещанием гарантировать Альтранштедтский договор, но тщетно. Крайне нуждавшийся перед походом¹⁵⁶ в такой гарантии, шведский король считал всестороннее обеспечение армии, очевидно, более важной задачей и остался в стране до тех пор, пока не опустошил ее. Однако оккупация играла и политически положительную для него роль. Значение воинского присутствия в центре Германии, очевидно, стало ему ясным еще в 1705 г., в пору равичского стояния, хотя Равич далеко уступал интервенции Саксонии в масштабе и длительности такого влияния. Теперь (учитывая занятость ряда держав в войне за Испанское наследство) с победоносной армией Карла не могла равняться ни одна армия Европы, и силы шведского войска крепили на тучных хлебах Саксонии с каждым днем.

¹⁵³ Реляция А. Матвеева, 13 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 4, л. 7 об.

¹⁵⁴ Шлоссер Ф. История XVIII в., т. 1, с. 111—115.

¹⁵⁵ «La Pologne sera ruiné tout entièrement» (цит. по: *Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt...*, s. 47, 49).

¹⁵⁶ Зимой 1707 г. планов Карла на летнюю кампанию не знал еще никто, однако были предположения, что «одна горячность апрельского солнца понудит его или выхолст вон из кожи своей, или больший яд оторгнуть на Польшу или ее союзников», т. е. возобновить рейды в Польше (А. Матвеев — Петру I, 28 февр. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 260—260 об.).

До известной степени верны слова О. Хайнтца: «казалось, Карл держит в руке судьбу континента».¹⁵⁷ Привлечь эту силу на свою сторону — ради достижения такой цели любая держава была готова на многое. И в шведскую ставку стали прибывать иностранные дипломаты, имевшие схожие инструкции.

Первыми в Альтрапштедт прибыли французы Виллар и Безенваль с предложением о военном сотрудничестве.¹⁵⁸ Крайне обеспокоенный их миссией, в Саксонию тут же выехал Дж. Ч. Мальборо с целью не только противодействовать французам, но и наладить со Швецией прочный контакт, обещая ей за согласие на взаимопомощь место посредника в близившемся мире на Западе («было обещано и полное дипломатическое взаимодействие, включая обмен секретной информацией и пр.»).¹⁵⁹ От этих предложений Карл XII уклонился, как и двумя месяцами ранее — от призыва обновить трактат о дружбе 1703 г. В ответ Мальборо снова отказался признать Станислава, но дела этим не исправил.

Усиление Швеции у морских держав энтузиазма не вызвало и из-за связей с Россией. Наиболее твердую позицию в этом вопросе занимали Нидерланды, и уже не первый год. Опыт торговли с русскими балтийскими портами при относительной скромности ее масштабов оказался благоприятным, а перспектива послевоенной шведско-русской торговой конкуренции была голландским купцам предпочтительнее, нежели шведская монополия, позволявшая диктовать свои цены.¹⁶⁰ Таким образом, утверждения о том, что морские державы в Северной войне держали сторону Карла XII, будучи незаинтересованными в допуске русских к торговле на Балтике,¹⁶¹ нуждаются в некотором уточнении. Мы подчеркиваем снова, что дружескими отношения морских держав (в особенности Англии) в этот период к России не были. Но, согласно инструкциям Дж. Робинсона, которые Мальборо получил перед отъездом на материк, он должен был оказывать всяческое уважение Петру I и его

¹⁵⁷ *Haintz O. König Karl XII. . .*, Bd 1, S. 162.

¹⁵⁸ *Carlson F. F. Sveriges historia. . .*, d. 6, s. 45—50.

¹⁵⁹ *Hildebrand K. G. England och Sverige 1707: Några bidrag.* — KFA, 1937, s. 184.

¹⁶⁰ *Hatton R. Charles XII. . .*, p. 663.

¹⁶¹ *Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир*, с. 30; *Тарле Е. В. Северная война. . .*, с. 125.

представителям, в вопросе же о русских войсках (отданных Августом II цесарю) держать сторону царя.¹⁶² И герцог буквально исполнял подобное указание,¹⁶³ а ведь это нечто большее, чем нейтральное отношение. Другое дело, что заключить русско-англо-нидерландский союз А. А. Матвееву не удалось, хотя он для этого и ездил в Англию.¹⁶⁴ Поездка Мальборо было более результативной — он убедился в отсутствии у Карла XII плана связать себя союзом с Францией и спокойно вернулся в Англию, после чего Матвеев получил отказ, означающий нежелание англичан что-либо менять в сложившейся не худшим для них образом ситуации. Тем более что Карл XII твердо обещал помочь войсками Англии, как только с Петром I будет покончено,¹⁶⁵ а такое обещание при всей проблематичности его исполнения значило немало. Таким образом, Англия намеревалась ждать разрешения одного из двух главных европейских конфликтов, до которого — в этом также уверился Мальборо — ждать осталось недолго.

Швеция и Австрия в 1705—1707 гг.

Не терпело отлагательств другое осложнение в политике Высокого союза — обострившийся шведско-австрийский конфликт. Первые признаки недовольства шведов чрезмерной, по их мнению, симпатией венского двора к Августу II проявились еще в предальтранштетдтский период.¹⁶⁶ И в тогдашних шведско-саксонских перегово-

¹⁶² *Hildebrand K. G. England och Sverige 1707, s. 189—190.*

¹⁶³ А. Матвеев — Г. Головкину, 28 февр. 10, 14, 28 апр. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 345, 445 об., 448, 479, 535.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, с. 57—63.*

¹⁶⁵ *Hatton R. Charles XII... , p. 663.*

¹⁶⁶ Иосиф I ценил Августа II не только как последнего из крупнейших имперских властителей (кроме Пруссии, перманентно недружественной Австрии), не присоединившихся к Франции. Немало значили и престиж саксонского двора в Европе, и реальная помощь курфюрста войсками Высокому союзу, и его традиционно дружеское (в противовес Пруссии) отношение к цесарю, которое польский автор определяет как «династическую солидарность» (*Kretzschmar H. Die Friedensschluss von Altranstädt... , S. 168).*

рах представитель империи богемский канцлер И. Г. Вратислав стоял на стороне Августа, протестуя против нарушения имперской границы, каким был поход войск Карла XII через Силезию.¹⁶⁷ Все эти случаи конфронтации были, несомненно, выражением более общих и глубоких разногласий между Австрией и Швецией. В этот период с новой силой вспыхивают старые подозрения о действиях Карла в пользу Франции¹⁶⁸ — об авансах, делаемых французской стороной, имелись неопровержимые свидетельства. Эти опасения усердно раздувались русской, саксонской и датской дипломатией.¹⁶⁹

Прелюдией к жестокому столкновению имперских и шведских интересов стало упоминавшееся уже дело о перепуске русских солдат через Австрию в Россию (начало 1707 г.). Это решение (принятое вопреки рекомендациям морских держав) было вызвано нежеланием Иосифа I портить отношения с Петром I (который мог в таком случае легко протянуть через Карпаты руку помощи Ракоци).¹⁷⁰ После перепуска русских вмешательство шведов во внутренние дела имперской земли Силезии стало совсем откровенным, что и послужило сигналом к вспышке шведско-имперского конфликта.

Немало содействовавший росту напряженности силезский вопрос имел давнюю историю. О нарушении цесарями в послевестфальский период ряда важнейших прав протестантов (причем не только вероисповедальных, но и социально-экономических¹⁷¹) было Карлу XII, конечно,

¹⁶⁷ *Kretzschmar H.* Die Friedensschluss von Altranstädt... S. 169.

¹⁶⁸ Весьма точно о сути подобных действий выразился французский дипломат Ж. К. Балюз: Карл «действует в интересах Франции, когда он бьет саксонского электора — сторонника цесаря и царя» (*Борщак I.* Шведчина і французька дипломатія. — Науковий збірник за рік 1928, Львів, 1928, с. 77. (Всеукраїнська Академія наук. Іст. секція; Т. 28).

¹⁶⁹ *Rosen J.* Den svenska utrikespolitens historia. Bd 2, d. 1. 1697—1721. Stockholm, 1952, s. 107.

¹⁷⁰ К февралю 1707 г. Ракоци так усилился в Венгрии, что объявил цесаря низложенным, а уже в апреле Петр послал к нему Д. Корбе для переговоров (ИВП. СПб., 1907, т. 5, с. 591—595).

¹⁷¹ По словам А. А. Матвеева, они «неописанными какими тяготы и налоги озоблены от цесаря и есть есклавами или рабами, ничего не имеют своего... все, что имеют в руках, то с них забирают на цесаря, от чего они давно помышляли освободиться, так же как унгарцы» (А. Матвеев — Ф. Головину, сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 41, л. 6 об.).

известно. Неясно, подействовал ли на него соблазн найти в центре империи готовую поддержать его массу единоверцев и единомышленников, крайне недовольных поползновениями цесаря гегемонистского толка, или мысль об экспансии за счет империи была у него раньше,¹⁷² но черты шведского плана возмущения имперских подданных стали явны уже в 1706 г. Тогда А. А. Матвеев предупреждал, что, освободя силезцев от притеснений, «он найдет их сердца себе верными, где они в свои привилегии поворотят... и на цесаря встанут; вóйска он, швед, там найдет... сколько хочет и их будет защитником и, возмутья их, на цесаря новой бунт зачнет... и прирастать начнет так же возмущение народное... как и в Унгарии».¹⁷³

Отсюда следует, что дело о солдатах было только предлогом для ряда провокаций, нацеленных на раздувание конфликта. Вначале шведы ввели на территорию Силезии четыре полка и оставили их там, затем отозвали своих представителей из Вены и стали готовиться к реальной оккупации Силезии и Богемии, накапливая на границе Богемии «многое число войск».¹⁷⁴ Оказать сопротивление Швеции вооруженными силами цесарь не мог — они были

¹⁷² Нам не представляется убедительным объяснение О. Хайнтца экспансионистских планов Карла стремлением последнего «привлечь Габсбургов на сторону шведов и тем изолировать их от антишведских сил» (*Haintz O. König Karl XII. . .*, Bd 1, S. 166). Летом 1706 г. австро-русские отношения хотя и не были явно враждебными, но и теплотой тоже не отличались, точнее назвать их «настороженными». О том, что Петр поддерживает Ракоци и даже стремится посадить его на польский трон, с весны было общеизвестно, таким образом до австро-русского сотрудничества было весьма далеко. И если кроме чисто территориально-экспансионистских целей у Карла и были политические мотивы, то гораздо более вероятными нам кажутся те из них, что серьезно беспокоили членов Высокого союза, опасавшихся, что Карл, «видя безнаследственную линию дому австрийскому», готовит Августу корону Богемии, рассчитывая потом посадить его на престол в Вене (А. Матвеев — Петру I, 13 дек. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 163—164). Бесспорно, столь слабая личность, как Август, был бы весьма полезен Швеции, став главой Австрии («которой они, шведы, искони внутренние недрузья»), тем более что такой цесарь был бы «из причту лютеранского, который был за лицо только короны польской католик, но ныне весьма будет опять лютером» (там же, л. 163 об.).

¹⁷³ А. Матвеев — Ф. Головину, 13 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 41, л. 6 об., 8 об.

¹⁷⁴ А. Матвеев — Петру I, 13 дек. 1706 г., л. 162 об.

заняты на двух фронтах, французском и венгерском, а политическая поддержка союзников и нейтральных держав была намного слабее именно в период конфликта со шведами.

Пруссия, судя по сделанному ею в январе признанию Станислава, входила вслед за Саксонией в фарватер шведской внешней политики. Дипломат Фридриха I М. Л. Принцен даже вел переговоры о шведско-пруско-ганноверском альянсе трех евангелических держав, направленном против главенствующего положения Габсбургов в Европе, уже был готов и проект договора.¹⁷⁵ Включение в этот союз наследника английской короны ганноверского курфюрста Георга автоматически исключало морские державы из числа стран, способных выступить на защиту империи от планировавшейся экспансии.¹⁷⁶ Дж. Ч. Мальборо, например, на просьбы цесаря примирить его с Карлом XII советовал идти с агрессором на компромисс. Но и компромиссного выхода не мог найти в переговорах со шведами И. Г. Вратислав, малоспособный преемник Ф. Л. Цинцендорфа в иностранной коллегии, — богемский канцлер просто отказывался иметь дело с Карлом, этим, по его словам, «диким человеком, чтобы не сказать худшего о помазаннике божьем».¹⁷⁷ Ему мешал и посланник Гогенцоллера Принцен, дела у которого шли хорошо — был почти готов трактат о так называемом «вечном мире» 6 августа 1707 г.,¹⁷⁸ обеспечивший Швеции если не прикрытие, то нейтралитет одной из самых сильных германских держав во время восточного похода. «Вечный мир» был направлен и против Вены. Это был очередной всплеск застарелой скрытой ревности и вражды Австрии и Пруссии, начавшейся еще при Великом курфюрсте, много вредившей впоследствии складывавшейся германской нации и ставшей в 1860-х гг. проблемой всей дальнейшей судьбы немецкого народа...

Таким образом, помощь к цесарю, все глубже запутывавшемуся в конфликте с Карлом XII, могла прийти лишь с Востока — Петр I предложил ему свои войска

¹⁷⁵ Haintz O. König Karl XII. . . , Bd 1, S. 167.

¹⁷⁶ Еще один конфликт усугубил нелады в лагере Высокого союза — по поводу участия Пьемонтского дома в итальянском походе, на котором цесарь настаивал, а морские державы находили его ненужным и даже вредным в войне с Францией.

¹⁷⁷ Kretschmar H. Die Friedensschluss von Altranstädt. . . , S. 172.

¹⁷⁸ Nordberg G. A. Leben Karl des Zwölften. . . , T. 1, S. 785—786.

и в конце июня 1707 г. направил в Вену для развития дальнейших связей посла И.-Г. Урбиха.¹⁷⁹ Но непостижимым образом Иосиф I от русской помощи уклонился, судя по всему, не считая Петра достаточно сильным (или надежным) союзником — другого объяснения предложить пока не представляется возможным.¹⁸⁰

Политика цесаря была особенно безрассудной ввиду усиления позиции Карла XII в ходе развития силезского конфликта, когда евангелисты Европы узнали, что шведы на стороне их законных прав. Наконец, уступив давлению со всех сторон и опасаясь взрыва среди народов империи, а главное стремясь избежать оккупации, которая вряд ли была бы мягче саксонской¹⁸¹ и предотвратить которую он был не в состоянии,¹⁸² цесарь сдался и в июле 1707 г. подписал трактат, в котором, уступая унижительному вмешательству шведов во внутренние имперские дела, подтверждал равноправие своих подданных-протестантов с католиками и разрешал Карлу сбор контрибуций и наем солдат в Силезии.

Шведско-австрийский договор 22 июля имел своим следствием прежде всего дальнейший рост напряжения между Австрией и морскими державами. Шведско-имперский конфликт задержал, по мнению Гааги, войска Карла XII в Саксонии на протяжении кампании 1707 г. Тем самым неуступчивость Австрии объективно шла на пользу Франции — присутствие шведов в империи беспокоило германских князей, также опасавшихся вмешательства в свои внутренние дела Карла, поэтому они

¹⁷⁹ ПБП, т. 5, с. 206, 339, 340.

¹⁸⁰ Очевидно, сыграли свою роль и упоминавшиеся связи Петра с Ракоци, которые использовались шведской пропагандой — о них немало писалось в ненавистных А. А. Матвееву «смрадных папшквильях, изbleванных по всему свету на нас от шведов» (А. Матвеев — Г. Головкину, 11 апр. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 474 об.).

¹⁸¹ Карл был готов оккупировать территории цесаря «так долгое время... дондеже к желанию его удовольствие не учинится» (Г. Гюйссен — Г. Головкину, 23 июля 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 256 об.).

¹⁸² В августе опасность вторжения возросла настолько, что венцы готовились к эвакуации; паника не обошла и дипломатический корпус — после инцидента с Паткулем мало кто верил в уважение Карлом статуса экстерриториальности. Так, Г. Гюйссен писал из Вены: «я вяще швецкого аресту боюся, нежелл самой смерти!» (Г. Гюйссен — П. Шафирову, 10 авг. 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 293 об.).

стремились вернуть войска домой. Не без влияния этого фактора французам удалось оправиться от тяжелых поражений 1706 г., а в 1707 г. К.-Л. Виллар смог, не встретив помехи со стороны империи, форсировать Рейн и войти в Швабию. Раздраженный пассивностью Иосифа, Мальборо отказался от активных действий на нидерландском театре; союзники потерпели поражение и на Пиренейском полуострове.¹⁸³

Напротив, для положения Карла XII его договор с Иосифом I был весьма благоприятен. Прежде всего, это было самое яркое подтверждение могущества короля шведов — перед ним склонился не курфюрст или король, а сам цесарь, глава крупнейшего из государственных образований Европы. Рост авторитета и престижа в глазах протестантов также имел политическое значение — в войне с православным царем и конфликте с католиком-цесарем евангелические круги могли оказать самую бескорыстную поддержку защитнику их прав, уже поставившего на колени ренегата Августа. Реноме покровителя угнетенных — религиозной и политической оппозиции — было в дальнейшем весьма выгодно Карлу в создании своего рода «пятых колонн»¹⁸⁴ в таких странах, как Польша, Австрия, Саксония, Пруссия и даже Англия. Ведь после Полтавы, когда у Карла окончательно разладились отношения с лондонским кабинетом, он стал поддерживать Стюартов. И когда шведский министр с целью создания в Англии парламентской группировки, способной бороться с антишведскими настроениями правительства, обрабатывал общественное мнение, то распространял листки, в которых упор делался именно на опасность контрреформации в Европе¹⁸⁵. — вот когда пригодилась громкая и трагическая слава Карла XII, внука Карла X Густава, опоры реформации, преданного единоверцами в Англии и на континенте!

Шведско-австрийский договор отразился и на шедших без видимого успеха с весны 1707 г. русско-венгерских переговорах о дружбе и взаимопомощи. Ф. Ракоци мед-

¹⁸³ Шлоссер Ф. История XVIII в., т. 1, с. 65.

¹⁸⁴ О существовании тайных сторонников Швеции и в имперских странах Матвеев предупреджал уже в 1706 г. — «великая вырастает шведова в цесарстве сила» (А. Матвеев — Петру I, 13 дек. 1706 г., л. 164 об.).

¹⁸⁵ Rosen J. Den svenska utrikespolitikens historia..., bd 2, d. 1, s. 108—109.

лил с подписанием союзного договора, поскольку этому решительно противилась Франция;¹⁸⁶ Петр I не без оснований надеялся на разрастание шведско-австрийского конфликта, поэтому ослаблять потенциального врага Карла XII было не в его интересах. Договор Карла с царем перечеркнул эту надежду и показал Ракоци, что реальная русская помощь предпочтительнее поддержки далекой Франции в ситуации, когда Австрия могла возобновить борьбу с венгерским движением. Поэтому уже через полтора месяца переговоры завершились подписанием русскими и венгерскими министрами (ратифицирован Петром и Ракоци он был позднее) договора 4 сентября 1707 г.,¹⁸⁷ согласно которому Россия обязалась поддерживать кандидатуру Ракоци на польский престол, а тот — попытаться при помощи Франции и Баварии заключить русско-шведский мир.

Итоги дипломатических усилий России по предотвращению шведского вторжения в 1705—1707 гг.

Подводя итоги политическому развитию в Европе в период 1703—1707 гг., нужно заметить, что крупнейшим событием его был Альтранштедтский договор. Он явился и первым серьезным поражением русской дипломатии в период 1706—1707 гг., когда ее основной задачей было предотвращение похода шведов на Восток.¹⁸⁸ Летом 1707 г. провалилась и третья попытка Петра I поставить заслон шведскому вторжению дипломатическими методами — Карл XII в очередной раз отказался от примирения ценой уступки ему обширных и важных в торгово-политическом и стратегическом отношении областей.¹⁸⁹

¹⁸⁶ *Штернберг Я. И.* Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 76; *Kiss G. Franz Rákóczi, Peter der Grosse und die polnische Thron (im 1707).* — *JfGO. N. F.*, 1965, Bd 13, S. 352.

¹⁸⁷ ПБП. СПб., 1912, т. 6, с. 73—78, 333—334; ПСЗ, т. 4, с. 385—387.

¹⁸⁸ Второй неудачей сравнимого масштаба следует считать упоминавшееся нами посольство А. А. Матвеева в Англию.

¹⁸⁹ История этих попыток и их бесплодный исход весьма тщательно исследованы (*Wittram R. Peter I*, Bd 1, S. 282; *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 159—160, 164, 211—212; *Тарле Е. В.* Северная война..., с. 122—124, 141, и др.).

Тем не менее, уже готовясь к вооруженной обороне государства, составляя в Жолкеве и уточняя в Дубне план такой обороны,¹⁹⁰ Петр не оставлял надежды достичь своей цели дипломатическими методами. Понимая, какое важное значение приобретет для шведов Польша, лишь только они войдут в Россию, и какую значительную роль сыграет признание или непризнание Станислава крупнейшими державами, он оказывал в этом плане нажим на такие страны, как Англия, Австрия, Пруссия, Франция, а также Ватикан. Забегая несколько вперед, скажем, что все они рано или поздно Станислава признали, т. е. неудача ждала русскую дипломатию и здесь, но анализ истории этих попыток выявляет причины невозможности укрепить русское влияние в Польше до похода Карла — а ведь именно к этому стремился Петр с довоенных лет, еще когда сажал на трон Августа II.

Об опасности признания Станислава великими державами А. А. Матвеев предупреждал еще до Альтранштедта, в письме 6 сентября 1706 г., справедливо указывая, что если после изгнания Августа шведы поставят «по своему желанию все и воле», то именно из признания Станислава Европой «нам бедство всемерное угрожаетца, и от иных народов будет безславие».¹⁹¹

Цитируемое письмо интересно тем, что петровский дипломат предлагает в нем следующий выход: если Август не сможет удержаться на престоле Польши, то «честнее (т. е. полезнее для сохранения престижа, — В. В.) по совету короля прусского, обще случаяся с ним, третью персону, принца Александра Сабезжского утвердить... согласно... Августа короля, будто по его уступке». В результате, продолжает Матвеев, Август сохранит титул короля и в своей Саксонии, а А. Собесский будет благодарен и предан Петру, а не, скажем, Франции. Проведя этот маневр, Петр «в свободном останется исправлении войны с шведом, спихнув Лещинского, и дело умыслов от шведа... во всякое посрамление приведет», да и разорительные субсидии Августу можно будет не платить. Задача эта облегчится тем, что за ее решение рьяно возьмется прусский король (у которого Матвеев, кстати, заимствовал некоторые идеи своего сочинения). Король

¹⁹⁰ Тельпуховский Б. С. Северная война..., с. 58—59.

¹⁹¹ А. Матвеев — А. Меншикову, 6 сент. 1706 г. — ЛОИИ, ф. 83, к. 6, ед. хр. 36«а», л. 8 об.—9.

Дании также будет рад законным путем посредничества в этом деле насолить своему врагу Карлу, как и цесарь, у которого, кроме того, появится надежда первым вовлечь нового польского короля в военный союз с империей.¹⁹²

Таким образом, в записке Матвеева содержался набросок плана четвертой, последней по времени, попытки решить основную задачу русской политики в предполтавский период.

Вряд ли может возникнуть сомнение в том, прислушивался ли Петр к советам одного из самых выдающихся своих дипломатов-профессионалов. Вопрос может стоять по-иному: годились ли ему эти советы? Ведь следуя им буквально, царь оказался бы один на один с опасным врагом (поддержку войска Собесского в расчет можно было не брать), к встрече с которым в поле он в 1707 г. отнюдь не стремился. Поэтому из советов Матвеева было извлечено их рациональное зерно, а именно мнение о бесплодности и убыточности гальванизации союза с Августом и, главное, о необходимости немедленно делать ставку в Польше на кого-либо иного. Практическое же их осуществление приняло мало схожий с содержанием записки вид — приглашая на польский престол обоих (!) братьев Собесских, Петр почти одновременно предлагает его Евгению Савойскому (в марте) и Ф. Ракоци (в апреле).¹⁹³ А немного погодя русская дипломатия выпускает на арену политической борьбы еще двух кандидатов: М. Вишневецкого и А. Сенявского.¹⁹⁴

Так Петр I пытался исправить слабое место проекта Матвеева — необходимость в скором будущем сразиться с Карлом XII в одиночку. В случае же осуществления замысла Петра огонь политических конфронтаций и вооруженных столкновений вокруг борьбы за престол Пястов, который в результате многих усилий Карла и его польских приспешников почти угас, должен был вспыхнуть в Польше снова и неизвестно на какое время отодвинуть поход шведов на Россию.¹⁹⁵

¹⁹² Там же, л. 9—10 об.

¹⁹³ ПБП, т. 5, с. 275—278, 135—144, 591; Kiss G. Franz Rákóczi..., S. 354; Hassinger E. Brandenburg-Preussen..., S. 206—207.

¹⁹⁴ Геровский Ю. А. Польша и победа под Полтавой, с. 21.

¹⁹⁵ План этот готовился втайне. В беседах с иностранными дипломатами Петр заверял их, что признает в Польше любого короля (который продержится там без посторонней помощи), т. е. готов предоставить выбор самим полякам. Любопытно, что

В осуществлении этого плана были заинтересованы многие (практически против могли быть только шведы и сторонники Станислава), его реальность была поэтому вполне очевидной. И провалился он по совершенно уже неожиданной причине — все до одного претенденты, намеченные Петром к исполнению главных ролей в борьбе за престол, отказались от тернового венца ставленников царя в Польше: против них были не только варшавяне, но и сандомиряне, раздраженные вмешательством извне. Очевидно, такой оборот вверх руководителя русской политики в некоторую растерянность,¹⁹⁶ ибо чем еще можно объяснить совершенно нелепый и неосуществимый план его о коронации в Польше царевича Алексея или А. Д. Меншикова!¹⁹⁷ Нечего и говорить, что эти планы не имели ни малейшей перспективы найти поддержку среди политических сил Европы и провалились еще быстрее.

Именно теперь (а не раньше, как полагают¹⁹⁸) Петр мог окончательно убедиться в том, что «дипломатические средства не действуют» и приходится брать «войну на одни русские плечи».¹⁹⁹

Таким образом, одна за другой не удалась все четыре предпринятые русской дипломатией попытки создать положение, при котором вторжение Карла XII в Россию было бы невозможным. Серию поражений русской дипломатии вряд ли можно назвать случайной. Во-первых,

эти слова его нередко сочувственно цитируются как доказательство самоустранения царя от польских дел и даже именуется «замечательным высказыванием» и «рациональным решением» (*Тарле Е. В.* Северная война... , с. 127); некоторые авторы утверждают, что Петр вообще «не навязывал Речи Посполитой своего кандидата на трон» (*Каминский А.* Первые годы польско-русского союза... , с. 220; *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой, с. 19), несмотря на то что вся политика Петра в Польше была направлена именно к выдвижению того или иного кандидата на трон или же поддержке своего ставленника.

¹⁹⁶ Письма Петра из Варшавы летом 1707 г. как нельзя лучше отражают эту растерянность: «Дела ныне в Европе так в комфузию пришли, как облака по штормам в мешанин бывают, и которым ветром прогнаны и носимы будут, то время покажет» (ПБП, т. 6, с. 18).

¹⁹⁷ *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой, с. 21.

¹⁹⁸ *Клокман Ю. Р.* Северная война 1700—1721 гг. — В кн.: Страницы боевого прошлого. М., 1968, с. 85.

¹⁹⁹ *Соловьев С. М.* История России... , кн. 8, с. 169.

здесь сказалось недоверие, доходящее до враждебности,²⁰⁰ ряда держав к России как партнеру в политической игре.

Во-вторых, проявилась относительная слабость русского дипломатического аппарата, располагавшего, кроме А. А. Матвеева, Ф. А. Головина и П. А. Толстого, едва ли более чем тремя-четырьмя опытными специалистами. Не была и налажена система личных знакомств и деловых связей в больших и малых столицах Европы, что в дипломатической практике XVIII в. было весьма важным обстоятельством. Конфуз, в который попал тот же Матвеев в Англии в 1708 г., да еще не по своей вине, был совершенно немислим для Мальборо, например, который чувствовал себя как дома во всех европейских городах и странах. И даже чисто техническая сторона русского дипломатического аппарата неоднократно критиковалась самими дипломатами. Упомянем лишь о жалобах Матвеева на Посольский приказ, где важнейшие секреты находятся «у таких непотребных людей, от кого они выскакивают»,²⁰¹ и поэтому «не могут у нас утаиться».²⁰² Крайне неудовлетворительными были русские буквенные шифры — в эпоху, когда повсеместно уже вошли в употребление более трудные для дешифровки словарные. Поэтому шведы с легкостью читали, например, переписку А. Я. Хилкова, которому В. Л. Долгорукий и А. А. Матвеев сообщали подробности своих дипломатических ходов.²⁰³ Собственно, никто из исследователей петровской эпохи не пытался доказать превосходство находившейся в указанный период в стадии становления молодой русской дипломатии над западной. И если русская армия опасалась кадровой, хорошо обученной шведской армии (пока не возникали особо благоприятные для русских или неблагоприятные для шведов условия), то в столь же трудном положении находились и русские дипломаты; неудивительно, что у них бывали и неудачи.

Наконец, в-третьих, откровенное стремление Петра I любой ценой избежать столкновения с Карлом XII не

²⁰⁰ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984, с. 191.

²⁰¹ А. Матвеев — П. Шафирову, 15 нояб. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 99.

²⁰² А. Матвеев — Г. Головкину, 28 марта 1707 г. — Там же, оп. 1707, ед. хр. 2, л. 189.

²⁰³ Riksarkivet. Moskovitica. Kanslikollegiets Arkiv. Inkomna skrifvelser från translatörer. Ser. E IV 19, s. 78—100.

могло содействовать росту престижа ни русской армии, ни ее командования, а это отражалось и на дипломатических успехах России, и даже успехи в Прибалтике до 1708 г. исправить положения не могли.

Исходя из приведенных выше выводов об основных результатах русской внешнеполитической активности, мы вправе усомниться в справедливости безоговорочного утверждения, содержащегося в заключении интересной и глубокой работы Т. К. Крыловой, посвященной дипломатии Петра I: успехом русской дипломатии было то, что она сумела задержать Карла XII на 5 лет (т. е. в 1702—1707 гг.) в Польше.²⁰⁴ У нас есть все основания утверждать обратное: Карл находился в Польше (и Саксонии) до тех пор, пока ему это было нужно, и уйти его отсюда не могли заставить даже великие державы, несмотря на соединенные усилия лучших дипломатов Европы. Когда же он понял, что может идти на Россию, то попытки его остановить, действительно предпринятые Петром, провалились одна за другой (по ряду причин, основная из которых — неподкрепленность петровских дипломатических акций весомыми военными успехами).

Что же касается общего политического положения в Европе накануне русского похода Карла, то дипломатические поражения Петра I и его союзников не всегда можно было рассматривать как победы или успех Карла XII. То, что шведы должны были идти на Восток, не имея гарантии Альтранштедтского мира со стороны всех великих держав, этот договор обесценивало. Ситуация 1707 г. поразительно напоминала положение в первый год войны — действовал Травентальский договор; Польша и Россия находились в политической изоляции; отправляясь на Восток, Карл опасался, и не без оснований, удара в спину. Так же как в 1700 г., Пруссия стояла вне военных союзов. И все в совокупности договоры, заключенные Карлом (и его марионеткой Станиславом), не стоили той бумаги, на которой были записаны, — положение нового короля покоилось, как и раньше, на шведских штыках. И чем дальше от Саксонии, Польши и Дании уходили полки Карла, тем слабее становились путы навязанных шведами договоров, с тем большей надеждой смотрели их политики на Восток, где должна была решиться судьба Восточной, Северной и Центральной Европы.

²⁰⁴ Крылова Т. К. Внешняя политика Петра I (1700—1714) : Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1948, с. 938.

Глава пятая

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОХОДА КАРЛА XII В РОССИЮ. ПОДГОТОВКА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СЕВЕРНОГО СОЮЗА (1707—1709 гг.)

Дипломатия Петра I, Августа II и Фридриха I накануне и в начальной стадии вторжения шведов в Россию

В последние два предполтавских года международное положение России в целом оставалось прежним. Партнеры по Северному союзу все так же избегали оказывать Петру I не только явную, но и скрытую поддержку какого бы то ни было рода.

Политика Копенгагена по отношению к России сохраняла ту же двойственность, что характеризовала ее начиная с переговоров о заключении Травентальского мира в 1700 г. С одной стороны, послы Фредерика IV при европейских дворах избегали афишировать сочувственное отношение к бывшим союзникам. Более того, политические интересы датчан были в целом прямо противоположны основной задаче внешней политики Москвы: если Петр I, как говорилось выше, прилагал в 1707 г. усилия, чтобы удержать полевую армию Швеции в Польше или Саксонии, то король Дании был заинтересован в удалении войска Карла XII как можно дальше от своих границ, причем не на север (например, в Прибалтику), а на восток, в Россию. С другой стороны, близившееся столкновение шведской и русской армий вызывало у него опасения возможного политического сближения, способного привести к сепаратному русско-шведскому миру, к которому, как он полагал, мог в случае поражения или его угрозы прибегнуть царь в качестве последнего выхода. В таком случае было бы естествен-

ным ожидать, что покончивший с «восточной проблемой» Карл XII предпримет подобные же меры и по отношению к наследственному врагу на Западе, к Дании.

Именно поэтому, нуждаясь в оперативной информации о событиях на Востоке, король Дании восстанавливает прекратившееся еще в 1705 г. (в связи со смертью П. Гейнса) постоянное дипломатическое представительство в России. Прибывший в июне 1707 г. в ставку Петра I в Люблине новый датский посол Г. Грунд был снабжен инструкцией неотлучно следовать за царем и непрерывно зондировать почву относительно возможности русско-шведских сепаратных переговоров.¹ Встретившись с Петром, Грунд располагал лишь слухами о подобной активности русского двора; тем не менее он сделал соответствующий запрос, на что получил ответ о фальшивости подобной информации — до сих пор, заявил Петр, к нему никто с предложением мира не обращался. Однако царь добавил, что если бы Фредерик IV выступил с инициативой посредничества в мирных переговорах, то он был бы такому исходу войны весьма рад.² На сообщение Грунда, как и следовало ожидать, никакой реакции Копенгагена не последовало.

В начале августа 1707 г., когда Петр I окончательно уверился в намерении Карла XII идти на Россию, он передал Фредерику IV просьбу о сосредоточении у гольштейнской границы датских войск,³ надеясь, что эта демонстрация угрозы союзнику Карла (а может быть, и оставшимся в Померании шведским войскам) сможет задержать армию неприятеля на срок, необходимый для подготовки обороны русских рубежей.

Неизвестно, мог ли подобный маневр датской армии серьезно обеспокоить Карла — Фредерик отказался исполнить эту просьбу царя,⁴ хотя подобная демонстрация, да еще проведенная внутри датских границ, не грозила ему никакими потерями. Почти одновременно с этим отказом Петр получил еще одно свидетельство «искренности» новых политических инициатив Копенгагена — русский посол И.-Г. Урбих прислал царю из Вены список ценных

¹ Frederik IV — Grund, 20 apr. 1707. — RATKUA, Rusland, С.

² Grund — Frederik IV, 26 juni 1707. — Ibid., В.

³ Grund — Frederik IV, [7] aug. 1707. — Ibid.

⁴ Frederik IV — Grund, [7] aug. 1707. — Ibid., С.

подарков, сделанных недавно Фредериком IV королю Швеции.⁵

Казалось бы, после подобных, недвусмысленно характеризующих позицию Фредерика действий уровень русско-датских отношений должен был опуститься еще ниже. Однако некоторые перемены в отношении к Дании морских держав неожиданно послужили к укреплению контактов северных союзников. Следует заметить, что новая военно-политическая позиция, которую в 1707 г. заняли два основных участника Северной войны, не могла не повлиять на отношение к ним едва ли не всех европейских держав. Но лондонский кабинет, пожалуй лучше всех осведомленный (благодаря деятельности Ч. Витворта) о событиях на Востоке, первым проявляет серьезное беспокойство относительно своих видов на будущее в московской торговле.⁶ Продолжение политики поддержки Швеции, пусть даже пассивной, могло в ситуации возросшей угрозы для России толкнуть Петра к крайним мерам (например, эмбарго на все флотские материалы для высоких союзников). Именно поэтому на состоявшейся весной в Гааге англо-голландской конференции (по вопросу об испрашиваемой Карлом XII гарантии Альтранштедтского договора) было принято решение в этой его просьбе отказать.⁷

Подобный шаг, означавший дальнейшее ухудшение отношений морских держав к Швеции, исключением не был. Пропагандистские листки Карла, восхвалявшие его победы над отдельными «партиями» русских войск, сдерживавшими продвижение шведов на восток, оказали на сей раз обратное действие. Подтвержденные реляциями Витворта о спешном укреплении Москвы, они убедили западных политиков в том, что Петр стоит перед неминуемым поражением, а капитуляция его — вопрос времени. И те всерьез начинают опасаться будущего возвышения Швеции, всего, что связано с дальнейшим ростом ее мощи. Это делает Карла слишком влиятельным, по-

⁵ Grund — Frederik IV, 19 aug., 1707. — Ibid.

⁶ Имеются данные, что уже в начале XVII в. англичан серьезно тревожило состояние не только вывоза из России сырья, но и русского рынка сбыта продукции британских шерстяных мануфактур, емкость которого в случае вторжения в Россию неприятеля уменьшится (ДЧВ. СПб., 1884, т. 39, с. 119).

⁷ *Hildebrand K. G. England och Sverige 1707: Några bidrag.* — KFA, 1937, s. 180—181.

лагали они.⁸ Неудивительно, что такие опасения питали Голландия и Пруссия (и даже предлагали способы борьбы со шведом).⁹ Схожие настроения, как мы видим, царили в Англии, по мнению некоторых историков, склонной в эти годы «всеми мерами вредить России, поддерживать и подстрекать ее врагов».¹⁰

Имелись сведения и о намерениях морских держав не только развязать руки северным союзникам, но и содействовать удару Дании в спину армии Карла. Так, князь Г. Ф. Долгорукий, находившийся летом при царской ставке и имевший доступ к поступающей от русских и иностранных корреспондентов в Европе информации, писал своему племяннику Василию Лукичу о столь важных переменах в положении Фредерика IV, что и у России, наконец, появляются «дела при том дворе»: «прежде дацкого короля удерживали от войны галанцы и англичаня», теперь же морские державы «сами желают, чтоб дацкой король с шведом зачел».¹¹

Вскоре В. Л. Долгорукий был отправлен послом в Данию вместо стольника А. П. Измайлова. Замена этого дипломата старомосковской школы, не знавшего иностранных языков, молодым, способным, образованным чиновником, который «мог без толмача сам говорить с королем и министры для секрету»,¹² конечно, случайной не была; как и полагали в Москве, не только «секреты», но и «дела при том дворе» вскоре появились.

Согласно инструкции от 4 сентября 1707 г., новый посол должен был склонять Фредерика IV к поддержке России в ее войне со Швецией, обещая взамен обширную помощь флотскими материалами и войсками. В случае же

⁸ *Hildebrand K. G. Ekonomiska syften i Sveriges expansionspolitik.* — KFA, 1949, s. 39.

⁹ В 1708 г., когда Карл в Старишах окончательно решил вопрос о походе на Украину, некие ведущие политики Нидерландов (их имен А. А. Матвеев, понятно, доверить бумаге не мог) предложили русским оптимальный план кампании, тут же ставший известным Петру: «с шведами в генеральную баталию отнюдь не входить и, какими хитростями будет возможно, уклоняться от того, малыми партиями... неприятеля обеспокоивать, чем больше он в своих проходах обетпшает в силе войск» (А. Матвеев — Г. Головкину, 3 сент. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1708, ед. хр. 3, л. 19 об.).

¹⁰ *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958, с. 133.

¹¹ ПБП. СПб., 1914, т. 6, с. 328.

¹² Там же, с. 329.

отказа Дании в такой помощи впервые со дня основания Северного союза посол России получал право применить угрозу: Петр оставлял за собой право снять с себя все обязательства по союзному трактату (пункт 5 инструкции).¹³ Размер помощи уточнялся в «Удовольственных пунктах», присланных В. Л. Долгорукому несколько позже с майором С. Ностицем. Петр обещал в случае согласия Фредерика помочь ему: прислать матросов на корабли, а весной 1708 г. вторгнуться в Швецию со стороны Финляндии с 20 тыс. солдат, очистить путь на Стокгольм и датчанам «сильнейшую свободу учинить против неприятеля в его государстве действовать».¹⁴

Число вспомогательных войск определялось в 8 тыс., их предполагалось отправить в Данию на русском же транспорте. Далее царь обещал, если Карл XII примет решение нанести массированный удар по нарушившей мир Дании, увеличить корпус вторжения в Швецию до размеров армии (60 тыс.), что, естественно, не позволит шведам разгромить союзника России.¹⁵

После предъявления русским послом столь выгодных «Удовольственных пунктов» копенгагенское правительство не могло найти причин для прямого отказа — ведь ссылка на сдерживающую политику Англии и Голландии была теперь снята с повестки дня. Поэтому Фредерик IV, не смея прервать переговоры (и, очевидно, не видя смысла в выдвигании дополнительных требований, поскольку не было уверенности, что Петр I их не удовлетворит), избрал тактику затягивания русско-датского диалога. Но эта причина малоуспешности своей миссии стала ясна В. Л. Долгорукому лишь к концу 1707 г. Он пишет в Москву, что датчане тянут время до того, как будет «знатное, какое действо между царским величеством и королем Швеции учинено».¹⁶ И все же, когда все возможности бесконечных проволочек были исчерпаны (а главным образом не дождавшись «знатного действия» русской армии), на конференции 19 февраля 1708 г. Фредерик IV все предложения В. Л. Долгорукого отверг.¹⁷

¹³ Там же, с. 331.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 434—437.

¹⁶ Черный статейный список бытности в Дании князя Василья Долгорукова. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 14, л. 7.

¹⁷ В. Долгорукий — Г. Головкину, 21 февр. 1708 г. — Там же, ед. хр. 15, л. 7.

Уяснив себе бесперспективность дальнейших переговоров, русский посол прервал их до более подходящего момента.

С Саксонией—Польшей союзные отношения России в послеальтранштедтский период восстанавливались также благодаря инициативе петровского правительства. Август II не торопился предъявлять права на польскую корону по той же причине, что Фредерик IV — возобновлять сотрудничество в рамках Северного союза: он ждал, пока Карл XII углубится в Россию и увязнет там. Его страна представляла собой после ухода шведов весьма своеобразную картину. Саксония была разграблена дотла, экономика подорвана, в деревнях царил голод, однако правитель этой бедной страны не желал ни на йоту поступиться своими дорогостоящими привычками. Возобновились бесконечные празднества при дворе, все с тем же размахом строились прекрасные дворцы и замки, приглашались лучшие художники, курфюршеское собрание полотен пополнялось работами старых и современных мастеров. Именно в эпоху Августа II была заложена основа культурного величия Саксонии, сохранившего свое значение гораздо дальше, чем курфюршество политическую независимость. Август оставался все тем же оптимистом и во внешней политике. Неизвестно, на что надеясь, на пороге больших перемен он сразу после Альтранштедта передал высоким союзникам 5 тыс. солдат в качестве вспомогательного войска, через год — еще 12 тыс. Взамен он выдвинул претензии на Неаполь и Испанские Нидерланды и упорно настаивал на своих правах в качестве потомка Фридриха II! Притом, как выяснилось, надежд вернуть себе и польскую корону он также не оставил.

Над осуществлением всех трех планов курфюрст работал с одинаковым азартом и дерзостью, несмотря на резкую нехватку денежного (да и политического тоже) капитала, несмотря на растущую оппозицию самых различных сословий, избираемых им, в самой Саксонии.¹⁸

¹⁸ Росло недовольство не только разоренных курфюрстом-мом трудových слоев населения — подняло голову бедневшее дворянство; протестантское духовенство с церковных амвонов также обличало ренегата, продавшего веру своей страны (страны Лютера!) за право называться королем католической Польши (*Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik, 1712—1715. Lund, 1918, s. 53*).

Между тем с течением времени шансы его на польскую корону уменьшались. В областях Польши, контролируемых армией Станислава, усиливалось движение, направленное против бывших северных союзников,¹⁹ обострялся кризис даже в отношениях между Россией и сандомирскими, ранее бывшими основной (после русских войск) реальной поддержкой Августа в Польше.²⁰ В целом картина размещения в Польше про- и антиавгустовских сил в период 1707—1709 гг. складывалась весьма запутанная. Ни у варшавских, ни у сандомирских конфедератов не было единоначалия; магнаты, поддерживаемые их шляхетской клиентурой, нередко выступали друг против друга по чисто личным мотивам, но, выдавая такие конфликты за политические, пытались (и небезуспешно) привлекать на свою сторону военную силу России, короля Станислава, шведов Е. Д. Крассау. При этом сандомирские держались своей позиции верности Августу только благодаря русской поддержке. И сам король-саксонек не мог не понимать, что эта опора для него и его патрона-царя существует до тех лишь пор, пока есть надежда на победу союзников над шведами и на соответствующие выгоды, из такой победы вытекающие. В случае же поражения русских сандомирские безусловно примкнули к сильнейшей партии, т. е. к тому же Станиславу, не дожидаясь возвращения шведов в Польшу.²¹

Сам Август II, несмотря на завязавшиеся в Альтранштедте личные «дружеские» отношения с Карлом XII, естественно в таком случае не мог рассчитывать на обладание даже частью некогда принадлежавшего ему королевства. Поэтому, будучи совершенно искренне заинтересован в победе русских, он Петра I поддерживал²² и

¹⁹ Артамонов В. А. Русско-польский союз в кампании 1708—1709 гг. — СС, 1972, № 4, с. 45—46.

²⁰ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая в годы конфликта с Османской империей 1709/10—1714 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 12.

²¹ После поражения русских войск у Головчина Петр I согласился на признание сандомирскими Лещинского своим королем — лишь бы Речь Посполитая не выступала на стороне шведов (Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая..., с. 12).

²² Поразительно, что Август не делал при этом абсолютно ничего для восстановления, хотя бы частичного, собственных воинских сил. Это было тем более легкомысленно, что он, планируя вернуться в Польшу, готовился к нарушению Альтранштедтского договора и мог опасаться скорого и беспощадного возмездия

пытался по мере сил препятствовать слишком уж массовому переходу поляков к варшавским конфедератам,²³ который усиливался в отдельные моменты.²⁴ С другой стороны, он вел переговоры с антифранцузской коалицией, стараясь заручиться поддержкой Высокого союза в своих попытках вернуть корону, а также гарантией вмешательства союзников в случае, если Карл XII захочет его за такую политику наказать и вторично ворвется в Саксонию.

Попытки Петра, хорошо отдававшего себе отчет в опасности ставших ему известными контактов Станислава с Турцией и Крымом, создать для них преграду с помощью коронной армии не удалось. Столь же бесперспективными были поездки его посланников с целью привлечь это малодисциплинированное, но многочисленное войско к активным боевым действиям против шведов — летом 1708 г. армия ушла далеко за Львов и почти год оставалась там в полном бездействии. Впрочем, позднее Петр был доволен и этой по сути нейтральной позицией коронного гетмана А. Сенявского, особенно в период наибольшей для России опасности в 1708—1709 гг., — хорошо было и то, что гетман не переходил на сторону Станислава, а угрозы такие раздавались (в связи с требованиями от русских полностью уплатить субсидии, обусловленные Нарвским договором).

Что же касается стремления Петра активизировать деятельность Августа II, придав последнему необходимую опору в Польше путем вторичного возведения на трон, то здесь русские дипломаты действовали как непосредственно в Польше и Саксонии, так и в Гааге — ведь с удалением театра Северной войны на восток и без того немалое влияние морских держав на политические события в этом регионе возросло еще больше. Август, со своей стороны, не строил иллюзий на военную или экономическую помощь антифранцузского блока — ему было достаточно и нейтрального отношения к нему как нару-

хотя бы силами мощного 10-тысячного корпуса Краассау, стоявшего в непосредственной близости от Саксонии.

²³ *Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik. . .*, s. 55.

²⁴ В основном это случалось после крупных побед шведской армии, но это же явление наблюдалось и после бегства в Силезию и Моравию вождей сандомирян примаса С. Шембека, коронного подканцлера Я. Шембека и кувявского епископа К. Шанявского (начало 1708 г.).

шителю Альтранштедтского мирного договора. Саксонские дипломаты В. А. Герсдорф, П. Р. Ланьяско и А. К. Вакербарт начинают активные переговоры с представителями правительств Англии и Нидерландов, которые продлились до 1709 г. Основное противодействие миссии саксонцев оказывал Дж. Ч. Мальборо, проявлявший в эти годы немалую склонность к Швеции.

С другой стороны, задача русской и саксонской дипломатии заметно облегчалась все более явственно намечавшимися разногласиями между Ганновером (всячески поощрявшим прошведски настроенных английских политиков) и Нидерландами (опасавшимися со стороны ганноверского курфюрста — наследника английской короны — конкуренции в своих политических отношениях с Англией).²⁵ Но не было единства и между северными союзниками. Видя готовность русских дипломатов помогать ему во всех переговорах ради восстановления антишведского альянса, Август не спешил пользоваться русской помощью. Причиной здесь была как очевидная бесплодность ведшихся уже который месяц русско-саксонских переговоров о реставрации Северного союза, так и неверие саксонского курфюрста в возможности русской дипломатии, не имевшей, как было сказано, опоры в виде побед русского оружия и именно во второй половине 1708 г. ослабившей свою активность.²⁶ Главная же причина, судя по всему, коренилась в полной переориентировке внешней политики Саксонии с Северного на Высокий союз, как более перспективный. Реальность помощи России, уже начавшей предлагать польскую корону и иным, кроме Августа, кандидатам стала зыбкой, от чего уровень русско-саксонских отношений опустился как никогда низко.²⁷ Не веря, естественно, в возможность

²⁵ Раздоры между союзниками дошли до такой степени, что некоторые неудачи в шведской политике Ганновера, начавшиеся зимой 1708/09 г., были встречены Нидерландами «не без многого удовольствия» (А. Матвеев — Г. Головкину, 26 нояб. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1708, ед. хр. 3, л. 240).

²⁶ Временная пассивность эта была обоюдною — ничего не делал в Москве голландский посланник, а морские державы недоумевали, почему из Москвы по-прежнему не шлют в европейские дворы (где не было русских представителей) полномочных дипломатов, которые должны работать над массой актуальных проблем (А. Матвеев — Г. Головкину, 24 сент. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1708, ед. хр. 3, л. 76—76 об.).

²⁷ Ланьяско публично поздравлял в Гааге шведского посла с успехами Карла, в частности с присоединением к его армии

самостоятельного развития событий в Польше в его пользу,²⁸ бывший король приходит к выводу, что лишь Высокий союз с его многочисленными войсками может помочь ему вернуть трон. Не надеясь на собственные силы, он ставит на западную карту все, отдав союзникам в октябре 1708 г. с трудом собранное и экипированное в разоренной стране 12-тысячное войско.²⁹

Морские державы по достоинству оценили этот жест, и уже в начале 1709 г. Ланьяско получил в Гааге обещание высоких союзников не вмешиваться в политику Августа II даже в случае нарушения им Альтранштедтского договора. Однако, как пронизательно заметил в своем письме посол, подобное невмешательство будет иметь место лишь в случае поражения шведов, если же в шведско-саксонском конфликте победит Карл XII, то высокие союзники безусловно обрушат на Августа всю мощь своих санкций.³⁰

А. А. Матвееву остались неизвестными доводы, которые применил в своей игре с высокими союзниками Август (курфюрст весной 1709 г. лично прибыл в Гаагу), он мог лишь догадываться об их содержании, поскольку саксонские министры избегали даже встречаться со своим русским коллегой.³¹ Однако на ведущихся дипломатами Саксонии одновременно переговорах с Ганновером они выступили более откровенно. Здесь советник Августа II Зеебах уверил курфюрста Георга, что его принцепал буквально принуждается Петром I к вторжению в Польшу;

мазепинцев (А. Матвеев — Г. Головкину, 26 мая 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 254 об.).

²⁸ Сандомиряне не только «склонялись перед Станиславом», казалось, что он «вот-вот... увлечет их за собой на завоевание Украины» (*Артамонов В. А. Русско-польский союз...*, с. 5); впрочем, Августа это уже мало волновало. Узнавая о перипетиях борьбы в Польше между различными группировками, выступавшими за и против него, он повторял: «Прекрасно, пусть эти собаки перегрызутся между собой!» (цит. по: *Konopszynski W. Karl XII och Polen.* — КФА, 1924, s. 100).

²⁹ А. Матвеев — Г. Головкину, 22 окт. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1708, ед. хр. 3, л. 121.

³⁰ *Danielson J. R. Zur Geschichte der sächsischen Politik, 1706—1709.* Helsingfors, 1878, S. 84.

³¹ Показателен в этом смысле поступок самого Августа, который, находясь в Гааге и встречаясь с ганноверским министром, русского посла видеть не пожелал, «отгордился» (А. Матвеев — Г. Головкину, 26 мая 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 154 об.).

сам же он питает мрачные предчувствия относительно исхода Северной войны: кто бы в ней ни победил, шведы или русские, равновесие на Севере будет нарушено и победитель начнет притеснять более слабые державы, расположенные на Востоке и у Балтики. Поэтому он предлагает заблаговременно создать союз Саксонии, Дании, Ганновера и Пруссии, чтобы объединенными силами принудить победителя подписать договор на приемлемых для всех заинтересованных сторон условиях. Возможно, победившая держава окажется в силах отвергнуть навязываемое ей участие в подписании мирного трактата, но и в этом случае проектируемый четверной союз соединенными усилиями своих дипломатов всегда сможет натравить Швецию на Россию или Россию на Швецию, в зависимости от того, кто окажется побежденным.³²

Весьма похожую программу излагал другой саксонский политик, но уже в Пруссии. Я. Г. Флеминг предлагал Фридриху I войти в многосторонний союз с той же целью. Но если Ганновер вступить в него не торопился, то король изъявил, напротив, полную готовность и даже предложил свой план дележа добычи, ожидаемой от выполнения программы будущего союза, — по сути это был план раздела Польши!³³

Для заинтересованных сторон (и не только для них) план раздела был полной неожиданностью уже по причине скромной доли, которую он предполагал к отдаче Карлу XII. В тот период шведско-пруссские отношения в целом определялись договором, заключенным в 1707 г. и имевшем весьма ценные для Карла и Станислава стороны (что, впрочем, было естественно — ведь заключался он между «автором» и одним из добровольных гарантов Альтранштедта). Согласно договору 1707 г., Фридрих I должен был «в случае необходимости» помогать Станиславу вооруженной силой. Швеции же договор был выгоден тем, что, пока он сохранял свою силу, Карл мог не

³² Danielson J. R. Zur Geschichte der sächsischen Politik... S. 87.

³³ Варшаву с прилегающими областями планировалось отдать Августу II, Лифляндию — Станиславу, Польскую Пруссию и Эрмеланд, а также опеку над Курляндией передать Фридриху I. Россия должна была вернуть от шведов устье Невы с Ингерманландией, Дания — Сконе, а Ганновер получить Верден (*Lundberg E. De diplomatiska förbindelser mellan Sverige och Preussen från Poltavaslaget till fredsbröttet 1715. Lund, 1893, s. 4).*

опасаться за Померанию; кроме того, позиция Пруссии, к которой Фредерик IV всегда относился с величайшим вниманием, удерживала и Данию от соблазна принять настойчиво выдвигавшиеся русскими предложения.³⁴ Пруссия при всей ослабленности ее вооруженных сил была до сих пор для Карла потенциальной опорой против вмешательства в шведскую политику в странах Центральной и Восточной Европы великих держав Запада. И чем надежнее были дружественные отношения между Пруссией и Швецией, тем увереннее мог Карл идти на восток, не беспокоясь за свои тылы.

Но к 1709 г. в этой старой дружбе уже появились трещины. Причин тому было немало: успехи России на поле боя, отказ шведов поддержать Фридриха I в его откровенно антиавстрийской и антиганноверской политике,³⁵ все то же удаление Карла XII на восток — эти события чрезвычайно волновали прусский кабинет и впечатлительного монарха. Но основная причина перелома в политике Пруссии крылась в западнопрусской проблеме. Давно мечтавшая присвоить клин между Бранденбургом и Восточной Пруссией, Фридрих I планировал постепенно овладеть Курляндией (чей герцог был его племянником и ничего не имел против задуманного королем династического брака и возвращения на родину — ведь с момента оккупации Курляндии шведами в 1701 г. он был вынужден эмигрировать). В свое время Фридрих I рассчитывал, что, сблизившись со Швецией, он станет ближе и к осуществлению перечисленных задач, но жестоко ошибся. И Западная Пруссия, и Курляндия были необходимы Карлу в качестве операционных баз в польской войне; он не считал возможным освободить не только эти территории, но и Эльбинг, на который Пруссия имела совсем уж неоспоримые права. Кроме того, дав при входе в Польшу торжественное обещание полностью сохранить за Речью Посполитой всю принадлежавшую ей территорию, Карл XII не мог его нарушить, не рискуя лишиться поддержки массы поляков — его приверженцев или сторонников Станислава.

³⁴ *Herlitz N. Den polska frågan 1708—1709.* — KFA, 1914, s. 165.

³⁵ Карл XII ценил испытанную временем дружбу с Ганновером за то, что курфюршество активно поддерживало его антирусскую политику в течение почти всего периода Северной войны. Особенно ценной была помощь, которую ганноверцы постоянно оказывали его дипломатам в Гааге.

Для того чтобы Фридриху I до конца стала ясна перспективность союза со Швецией, потребовалось некоторое время. Тем не менее уже летом 1708 г. прусский посол в Польше втайне от Карла XII вел переговоры с сандомирянами, а также сторонниками Станислава. Он подчеркивал как перед одними, так и другими страсть к завоеваниям, владевшую Карлом, указывая в то же время на стремление Фридриха защитить от шведов польскую свободу; и время такого выступления на защиту прав Речи Посполитой не за горами — близится конец войны за Испанское наследство, а с ним и возвращение на родину прусских полков. Прошло полгода, и к примасу Шембеку снова прибыл посланник из Берлина, на сей раз он отговаривал поляков от участия в войне против России, предлагая взамен шведского прусское покровительство.³⁶

Осенью 1708 г., когда армия Петра I была на подходе к Курляндии, у Фридриха появилась новая надежда на помощь русских в присоединении герцогства к Пруссии³⁷ и план вторично использовать русские войска для того, чтобы выбить шведский гарнизон из Эльбинга и передать город пруссакам. Король пытался осуществить его весной 1709 г., но эта задача была невыполнима — за мощными стенами укрылось 15 тыс. шведов.³⁸

Ведя переговоры с целью создания антишведского по сути союза, Фридрих I оставался верен себе — он никогда не мог до конца отдаться одной доктрине, и, поддерживаемый столь несмелыми политиками, как его советники Г. Р. Ильген и К. Г. Маршалк, он начинает летом 1708 г. осторожно склонять к союзу Швецию. Целью такого альянса было обезопасить себя на случай победы Карла XII в России, а также заручиться поддержкой сильного соседа в ширившейся конфронтации с Австрией, старым конкурентом рвавшей к лидерству в германских землях Пруссии.³⁹ Союз со Швецией планировалось обрядить в религиозные одежды — это должен был быть блок трех (считая и ганноверского курфюрста, также включенного в переговоры) протестантских монархов,

³⁶ *Herlitz N. Den polska frågan...*, s. 168.

³⁷ *Konopszynski W. Karl XII och Polen*, s. 101.

³⁸ *Ibid.*, s. 168; ПБП. М., 1951, т. 8, вып. 2, с. 513.

³⁹ К моменту переговоров со Швецией Берлин отозвал послов из Австрии, а Вена — из Пруссии.

выступающих в защиту своих единоверцев от конфессиональной экспансии католиков — Бурбонов и Габсбургов.⁴⁰

Шведы быстро согласились на ведение переговоров о союзе, за ним потянулся и Станислав, ибо такой договор намного упрочил бы его положение. Он был готов отдать Пруссии за это Эльбинг — ведь его враг Август II соглашался на уступку еще более обширных территорий.⁴¹ По сути это также был бы раздел Польши, и переговоры зашли в тупик именно по этой причине — Карл XII держался, как было сказано, данной им при вступлении в Польшу гарантии сохранности польских земель, да и Фридрих I не мог оперативно переориентировать свою политику с западного на восточное направление (было нелегко забрать из службы у Высокого союза необходимые для использования в другом месте войска). Такому шагу мешало и неожиданное ослабление позиции Пруссии не только в европейской политике в целом, но и в глазах Высокого союза в частности.

После того как Гогенцоллер в апреле 1707 г. гарантировал Альтранштедтский договор, дипломаты многих стран безуспешно пытались найти смысл такому странному для осторожного Фридриха I поступку: ведь не получив за это от шведов ничего (даже обещаний какой-либо помощи), он оттолкнул от себя северных союзников.⁴² Теперь же тайна, казалось, была раскрыта. Выяснилось, что смысл «протестантского союза»⁴³ в том, чтобы, собрав воедино силы, добиться пересмотра имперской конституции, по положениям которой корона цесаря могла даваться лишь католикам. Согласно плану протестантов, отныне цесарями должны были становиться попеременно католики и лютеране, причем первым на очереди стоял не кто иной, как Фридрих I.⁴⁴

⁴⁰ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Leipzig, 1867, T. 4, Abt. 1, S. 206—207.*

⁴¹ *Günter A. Sachsen und die Gefahr einer schwedischen Invasion im Jahre 1706. Pegau, 1903, S. 5.*

⁴² *Murray J. J. George I, the Baltic and the whig split of 1717: A study in diplomacy and propaganda. London, 1969, p. 210.*

⁴³ На пути к нему уже делались реальные шаги — 16 августа 1707 г. между Пруссией и Ганновером был заключен оборонительный договор (*Loewe V. Preussens Staatsverträge aus der Regierungs-Zeit Königs Friedrich-Wilhelms I. — Preussische Staats-Archiv, 1913, Bd 87, S. 87—89.*)

⁴⁴ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, T. 4, Abt. 1, S. 207.*

О панике, охватившей цесаря,⁴⁵ быстро узнали его союзники и сделали в Гааге соответственное внушение прусскому послу. Получив реляцию из Нидерландов, Фридрих I совсем упал духом и добровольно убрал из текста прусско-шведского трактата все антигабсбургские пункты⁴⁶ (против которых Карл XII, кажется, не возражал), отчего договор принял в окончательной форме вид, целиком приемлемый для шведов и бесполезный для пруссаков.

Впрочем, совершенно безрезультатным его не назовешь. Именно осознав ставшую особенно явной невыгодность прусско-шведского соглашения, берлинские политики окончательно уяснили себе бесцельность дальнейшей поддержки Карла XII, в случае победы которого они ничего не выигрывали. Поэтому они принимают решение сосредоточиться на осуществлении своих антишведских планов.⁴⁷

Все перечисленные выше происки Фридриха I пока ощутимого вреда Карлу XII не принесли. Осуществление же прусского плана раздела польских и шведских территорий по сути явилось бы осуществлением задач, которые ставили себе северные союзники, начиная войну со Швецией.

Уже поэтому план Фридриха I казался вполне реальным — к его исполнению могли приступить сразу пять стран, которым он был безусловно выгоден, и единственная, которой он мог бы повредить, — Швеция — оставалась в явном меньшинстве. Причем это не было пустым

⁴⁵ Соединенное войско в случае, если бы в него вошли армии только Пруссии, Ганновера и Швеции, а также вассалов этих монархов, могло достигнуть 150—200 тыс. солдат, что намного превзошло бы царскую армию, даже учитывая полки, снятые с фронтов войны за Испанское наследство (что было совсем уж вероятно).

⁴⁶ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713. München, 1953, S. 212.*

⁴⁷ Впрочем, это не мешало Фридриху I вести тайную игру за спиной Петра I. В ЦГАДА хранится «Записка тайных условий прусского двора с голштейн-готторпским князем в рассуждении Шведской Померании» (ЦГАДА, ф. 74, оп. 1709, ед. хр. 6, л. 1—3); согласно этому договору, Пруссия обязалась предоставить в распоряжение герцога 40 тыс. солдат для войны последнего против Дании. За это герцог гарантировал Фридриху передачу ему Шведией города Штеттина в вечное пользование («en propriete perpetuelle»), а также требуемую Пруссией часть Померании, Эльбинг и Польскую Пруссию (пункты 1—3).

теоретизированием; не только Фридрих, но и дипломаты иных стран знали, какие усилия к восстановлению Северного союза прилагает Петр I, как в нем заинтересованы и Дания, и Саксония, и обескровленная шведской оккупацией Польша. Тем не менее путь к созданию нового, расширенного по сравнению с прежним составом и значительно окрепшего антишведского блока был весьма непрост и долог. Но указал этот путь не прусский король, а Петр, причем на ход событий основное влияние оказывала не дипломатическая деятельность царя, а его успехи на поле боя.

Мы видели, как серьезно отнеслись некоторые европейские державы к решению Карла XII направить основной удар своей армии на Россию. Некоторые государства меняют политику по отношению к России, другие — к Швеции. Даже Гольштейн-Готторп (хотя по несколько иным мотивам) с начала похода Карла начинает выходить из-под влияния Швеции.⁴⁸ Не столь неожиданной была попытка Франции помешать вторжению шведов в Россию⁴⁹ с тем, чтобы снова столкнуть Карла с Австрией.⁵⁰ Еще более решительно выступала Саксония, она с начала 1708 г. стала инициатором привлечения в антишведский лагерь и цесаря; просаксонская партия в Польше вновь зовет Августа II на престол.⁵¹

Эти и иные добрые вести, доходившие до Петра I, не могли не ободрить царя в его сложном положении. Очевидно, поэтому в последние перед крупными битвами со шведами месяцы чрезвычайно активной становится деятельность русских дипломатов. Они стучат во все двери Европы в поисках помощи от опасного врага, обещая за нее деньги, любые экономические и политические уступки и привилегии.⁵² В Англию выезжает А. А. Матвеев, на

⁴⁸ *Grauers S. Politiska relationerna mellan A. B. Horn och G. H. von Görtz åren 1707—1709.* — KFA, 1963, s. 162.

⁴⁹ *Vassileff M. Russland und Frankreich von den Thronbesitzung Peters des Grossen bis zum Vertrag von Amsterdam.* Gotha, 1902, S. 37—38.

⁵⁰ А. А. Матвеев писал накануне шведского похода, что есть реальная опасность военного нажима Карла на Австрию, так как Карл «при собрании столь многочисленного числа войск может что хочет учинить к превеликой ползе Франции» (А. Матвеев — Петру I, 13 дек. 1706 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1706, ед. хр. 4, л. 164 об.).

⁵¹ *Bidrag til den Store nordiske krigs historie.* København, 1903, bd 2, s. 24.

⁵² *Тарле Е. В. Северная война...*, с. 137.

встречу с Мальборо отправляется П. П. Шафиров, имея инструкцию предлагать Швеции ради мира всю Прибалтику, включая Нарву, за исключением лишь Ингерманландии.⁵³ В Дании возобновляет переговоры об обновлении Северного союза В. Л. Долгорукий, в Люблин к правительству Речи Посполитой с такой же целью спешит Е. И. Украинцев, а в Берлин — А. П. Измайлов; в Ватикан за помощью папы в польских делах выезжает Б. И. Куракин.⁵⁴

Но лишь миссия последнего отчасти увенчалась успехом — активно помогать России Климент XI не хотел, но обещал и далее не признавать Станислава. Матвеев, тщетно добивавшийся в Гааге и Лондоне приема России в Высокий союз, смог лишь воспрепятствовать готовящемуся признанию Станислава, да и то он был склонен относить это на счет некоторых неудач высоких союзников во Фландрии и у Лилля.⁵⁵ Украинцев сидел в Польше до лета, но твердого обещания поддержки от панов, выжидавших, каким будет исход битвы в России, не добился. Затем он отправился в Венгрию с тем, чтобы, примилив Ракоци с цесарем, содействовать отправке действовавших против венгров датских и саксонских войск на родину, но умер в августе, так ничего и не сделал.⁵⁶ Совершенно бесплодными оказались и переговоры с Мальборо.⁵⁷ Измайлов же повел свою линию в Берлине столь негибко и резко, что прусское правительство немедленно попросило царя его отозвать; провал миссии не смог предотвратить и более опытный дипломат А. Лит.⁵⁸ Провалилась попытка привлечь к посредничеству в готовящихся русско-шведских переговорах Францию.⁵⁹ Переговоры в Копенгагене также пока плодов не принесли, а датский посол в России Г. Грунд, очевидно, придерживался своей старой инструкции, т. е. бездействовал.⁶⁰

⁵³ Ее примерный текст см.: ПБП. СПб., 1907, т. 5, с. 60—61.

⁵⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 8, с. 152—153, 169.

⁵⁵ А. Матвеев — Г. Головкину, 28 авг. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1708, ед. хр. 3, л. 10 об.

⁵⁶ Штернберг Я. И. Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 82—83.

⁵⁷ Тарле Е. В. Северная война. . ., с. 122—124.

⁵⁸ Hassinger E. Brandenburg-Preussen. . ., S. 212.

⁵⁹ Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. — ИЗ, 1940, т. 7, с. 146.

⁶⁰ Датскому послу в Москве Г. Грунду была выслана инструкция никаких предложений совместной борьбы против шведов

Таким образом, полоса неудач русской дипломатии продолжалась и после начала похода Карла XII. Но они оказались гораздо менее пагубными для внешнеполитического положения России в предполтавский период, чем можно было ожидать. Ибо дипломатия противника также допустила в эти месяцы ряд тяжелых просчетов. Основное внимание шведы уделяли тогда Пруссии, единственной державе, имевшей возможность прикрыть тылы их удалявшейся на восток армии в случае, если союзники Петра I в будущем захотят ударить ей в спину (Польша Станислава, нуждавшегося и в 1708 г. в поддержке, на эту роль не годилась). Новый, фактический, а не формальный союз с Гогенцоллером ради подобной задачи был бы для Карла в высшей степени желателен, даже учитывая возможные территориальные уступки. Посол Швеции в Берлине приберегал этот козырь на черный день, пытаясь добиться вооруженной помощи Пруссии безвозмездно. Такая политика, возможно, и привела бы к успеху, но лишь в случае, если бы Фридрих I не был в 1709 г. целиком поглощен своими планами нового сближения с Саксонией и Россией.

Начавшиеся было прусско-саксонские переговоры окончились неудачно: Фридрих I, участвовавший в них непосредственно, совершил грубую тактическую ошибку, сообщив саксонцам свою конечную цель (округление территории Пруссии за счет Польши), после чего все старания Г. Р. Ильгена исправить последствия болтовни своего суверена оказались тщетными. Август II, положение которого в Речи Посполитой было более чем шатким теперь, когда планы Пруссии стали общеизвестны, не мог присоединиться к ней при всем желании. Более того, у него имелись и свои причины не доверять Гогенцоллеру — он заподозрил его в двойной (в пользу Карла XII) игре.⁶¹

Таким образом, ни один из трех бывших союзников Петра I, несмотря на конъюнктуры, менявшиеся в ходе русско-шведской кампании на Востоке в пользу Северного союза, не смог в конечном счете проявить достаточно активности и целеустремленности, чтобы создать

не принимать; посол «должен сам понимать, что у короля сейчас нет никакой возможности их удовлетворить» (Frederik IV — Grund, 1 aug. 1707. — RATKUA, Rusland, C).

⁶¹ Lundberg E. De diplomatiska förbindelser..., s. 5.

в предполтавский период политический блок, годный для использования его ко взаимной пользе. Не имея подобной возможности ведения активной политики с опорой друг на друга, эти три сравнительно небольшие страны, естественно, не могли и рассчитывать добиться каких-либо положительных результатов в своей восточной политике, опираясь лишь на собственные, весьма ограниченные силы.

Влияние политических концепций Карла XII на стратегию похода

Итак, шведское войско в количестве около 33 тыс. солдат⁶² должно было выступить на Россию. Какие цели преследовал Карл XII в своем новом походе? По этому поводу до сих пор единого мнения не выработано. Их множество: от утверждения, что король в 1707 г. заложил основы своей послеполтавской турецко-крымской («бендерской») политики до тезиса о полном отсутствии у него твердого плана даже на ближайший месяц — он «меняет их один за другим».⁶³ Причина появления большого количества взаимоисключающих гипотез объясняется отчасти чрезвычайной скудностью источников — после ухода шведов из Польши число писем из королевской ставки в Швецию резко сократилось, а полевая канцелярия Карла, как известно, исчезла в боях на Украине. «Тщетно искать в истории войн большой поход, чей точный план остался бы менее известным, а цели — более противоречивыми, чем шведский поход 1708—1709 гг.», — говорит шведский историк,⁶⁴ и с ним можно согласиться.

Тем не менее имеются отдельные бесспорные данные, по которым основные повороты шведской военной и дипломатической стратегии в целом удается восстановить.

⁶² Waller S. M. Den svenska huvudarméns styrka år 1707. — КФА, 1957, s. 91—93; Мышлаевский А. З. Северная война 1708 г. от реки Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901, с. 1. Цифра эта неоднократно выверена; впрочем, некоторые авторы «увеличивают» ее до 54 тыс. (Епифанов П. П. Россия в Северной войне. — ВИ, 1971, № 7, с. 119).

⁶³ Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1, S. 288.

⁶⁴ Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924, d. 2, s. 463.

Вначале армия во главе с королем направлялась на Смоленск—Можайск—Москву. На левом ее фланге, из Литвы, выступил А. Л. Левенгаупт, а Г. Любекер при поддержке флота готовился к захвату Ингерманландии с Петербургом. После окончательного же подавления антишведской оппозиции в Польше оттуда на Украину должен был двинуться корпус генерал-майора Е. Д. Крассау (около 10 тыс. солдат) и 16-тысячная армия Станислава.⁶⁵ Кроме того, уже велись переговоры с запорожцами, турками и крымскими татарами (см. ниже) — они должны были образовать южную часть гигантской дуги (от Финляндии до Кубани), которой планировалось охватить Россию.

Таким образом, готовилась грандиозная, невиданная даже по чисто географическим масштабам кампания, в успешном проведении которой, по мнению О. Хайнтца, «ничего нереального не было».⁶⁶ Такое утверждение внешне правдоподобно, но лишь по отношению к начальной стадии похода. Действительно, едва Карл XII двинулся на восток, русские войска стали откатываться к своим границам, более того, началось укрепление не только пограничных крепостей, но и глубоких тылов (Можайска, Киева, Москвы, Сергиевского посада и многих других городов). В работах участвовала огромная армия рабочих — лишь на московские палисады ежедневно выходило до 20 тыс. человек.⁶⁷

Отступая, русское войско действовало по плану, выработанному генеральным военным советом в Жолкве в январе 1707 г.: «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет, а в Польше на переправах и партиями, также оголожением провианта и фуража томить неприятеля».⁶⁸ Таким образом, Петр I исходил из намерения оттянуть решающую битву на возможно более поздний срок, а также ослабить неприятеля, удалившегося от баз снабжения и районов рекрутирования пополнения.

⁶⁵ *Grauers S.* Svensk och polsk krigsmakt i sina indbördes relationer under det Stora nordiska kriget. — KFA, 1976, s. 53.

⁶⁶ *Haintz O.* König Karl XII von Schweden. Berlin, 1958, Bd 1, S. 198.

⁶⁷ *Тарле Е. В.* Северная война..., с. 11.

⁶⁸ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770, ч. 1, с. 157.

Выше упоминалась попытка Петра I заключить мир со Швецией при французском посредничестве. Переговоры велись через посланника Людовика XIV в Стокгольме Ж. В. Безенваля и вождя венгерского освободительного движения Ф. Ракоци.⁶⁹ Не заинтересованный в походе Карла XII Версаль решил испробовать в своей игре русскую карту, имея, кроме того, надежду столкнуться с цесарем и Петра. Царь предлагал французам свою армию (после заключения мира), но не это нужно было Людовику, он такие предложения отклонил,⁷⁰ считая более ценными шведских солдат.⁷¹ Ради их использования против врага, располагавшего отличными чужеземными полками, Париж предлагал Карлу XII возможность возвыситься до доминирующего в Центральной и Северной Европе положения, чтобы совместно с ним контролировать общеевропейскую политику,⁷² но Карл от такого «заманчивого» предложения отказался — к немалому раздражению французских дипломатов. Вряд ли подобный шаг можно объяснить часто упоминаемым в литературе вопросом отвращением Карла к дипломатической игре,⁷³ привычке все проблемы решать единственно с позиции силы. Такая политика была основана скорее на упрямом стремлении Карла сохранить полную свободу действий и инициативы на Востоке, что, считал он, является важнейшим условием борьбы с основным противником.

Но, отказавшись заключить шведско-французский и шведско-пруско-польский договоры, Карл XII лишил себя возможности создать довольно прочную политическую комбинацию, во-первых, а во-вторых, буквально

⁶⁹ ПБП. СПб., 1907, т. 5, с. 60, 420—424; *Vassileff M. Russland und Frankreich...*, S. 36.

⁷⁰ *Крылова Т. К. Франко-русские отношения...*, с. 146.

⁷¹ Когда министру иностранных дел Ж.-Б. де Торей сообщили, что мощь русской армии возросла до 80 тыс. солдат, тот ответил, что это — 80 тыс. «трусов» («poltrons»), которых обратит в бегство и 8 тыс. шведов (*Vassileff M. Russland und Frankreich...*, S. 39). Разговор шел, естественно, до Полтавы.

⁷² *Kretzschmar H. Die Friedensschlüss von Altranstädt 1706/7.* — UdPK, S. 175.

⁷³ *Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 48. Современники согласно утверждают, что при настойчивых попытках втянуть его в переговоры Карл XII порой срывался до прямой грубости. Такие данные приводят и русские дипломаты: «от шведа такой людкости и приятного поведения не оказано» и т. д. (А. Матвеев — Ф. Головину, 15 янв. 1703 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1703, ед. хр. 4, л. 38).

прижать Петра I к столу переговоров, где и продиктовать ему свои условия мира — об этом ему твердили французы. Он снова — в который раз — предпочел сразиться с противником в одиночку. Что это было — «высокомерное легкомыслие»,⁷⁴ «авантюризм»,⁷⁵ «недостаток здорового авантюризма», который должен был толкнуть его к Франции, а не в Россию,⁷⁶ просто «упрямство»⁷⁷ и т. д.? Перечень подобных объяснений русского похода личными качествами Карла легко продолжить. Некоторые серьезные авторы, напротив, отказываются вынести свое суждение по этому поводу ввиду чрезвычайной сложности вопроса. Его неразрешимость, полагают они, в полном умолчании Карла о своих мыслях, планах, целях накануне и в ходе вторжения в Россию.⁷⁸

Как и в определении плана похода Карла XII, нам представляется, что подобная точка зрения слишком пессимистична. Имеются свидетельства соратников Карла и иностранных дипломатов, которые могут помочь исследователю не только воссоздать атмосферу, настроения, царившие в шведской ставке в начале похода, но и определить итоги «непонятной политики» короля.

Обращает на себя внимание следующий факт: еще во время конфликта с Австрией шведская сторона заявила имперскому послу Ф. Л. Цинцендорфу, что русские солдаты, оказавшиеся на территории Австрии, должны быть переданы шведам в плен потому, что они, «участвуя в войнах империи, научатся немецкой дисциплине и искусству боя; уцелевшие вернуться домой и обучат все московское ополчение, как в офицерской школе, немецкому искусству воевать, поэтому не сегодня, так завтра оно (русское войско, — В. В.) станет, таким образом, гораздо опаснее для своих соседей».⁷⁹ Очевидно, эта высказанная

⁷⁴ *Тарле Е. В.* Северная война..., с. 340.

⁷⁵ *Näf W.* Die Epochen der neueren Geschichte, Staat und Staatgemeinschaft vom Ausgang der Mittelalter bis zum Gegenwart. Aarau, 1945, Bd 1, S. 340; *Шлоссер Ф.* История XVIII в. СПб., 1868, т. 1, с. 18.

⁷⁶ *Lisk J.* The struggle for supremacy in the Baltic, 1600—1725. London, 1967, p. 144.

⁷⁷ *Hjärne H.* Karl XII, omstörtningen i Östeuropa, 1697—1703. Stockholm, 1902, s. 14.

⁷⁸ *Carlsson S., Rosen J.* Svensk historia. Bd. 1. Stockholm, 1969, s. 533; *Kretzschmar H.* Die Friedensschluss von Altranstädt..., S. 168.

⁷⁹ *Haintz O.* König Karl XII..., Bd 1, S. 212.

шведами столь четко и определенно причина конфликта была для Карла XII достаточно серьезной⁸⁰ — она едва не привела к войне Швеции с Австрией и ее союзниками (что, понятно, никак не входило в планы Карла). Дополнительным свидетельством того, что поход на Россию всегда был существенной их частью (если не самой существенной), являются факты засылки шведских агентов на Украину (с целью подготовки к будущему вторжению) с первой половины 1702 (!) г.⁸¹

Еще одно замечание, сделанное Цинцендорфом и ганноверским министром Б. Обергом в 1707 г. в результате общения со шведскими дипломатами: «Поскольку он (т. е. Карл XII, — В. В.) Москве не верит, то, как бы ни был для короля Швеции заманчив мир с этим потентатом (т. е. Петром I, — В. В.), он на это не пойдет, пока все опасные как в гражданском, так и в военном отношении методы этого государства и его соседей не переменятся коренным образом и вместе с тем пока корона шведская не создаст себе путем насильственного ослабления его державы реальной безопасности».⁸²

Посол А. Я. Хилков пишет из Швеции несколько ранее домой, что Карл XII с 30-тысячной армией готов «сойтиться силно с полками государевыми, или ему вовсе пропасть или наитить (т. е. победить, — В. В.)».⁸³ О той же бескомпромиссности Карла по отношению к России сообщал в 1707 г. и Г. Гюйссен, буквально по крохам, но крайне добросовестно собиравший сведения о Карле XII и его помощниках. Он пишет, что король с царем «не хочет никакого картелю учинить... и миру с ним не заключит, дондеже Москва в такое состояние не будет при-

⁸⁰ Мысль эта оригинальной не была — она буквально носилась в воздухе, схожее мнение имели австрийцы, и не только они: «Соседних князей особливой интерес в том состоит, чтобы всеми мерами помешать, чтобы его (т. е. Петра I, — В. В.) флот и войско временем в лучший порядок не пришли». Именно поэтому высокие союзники не брали в службу русские вспомогательные войска: «Московских бы денег здесь заняли, а не московское войско» (Г. Гюйссен — А. Меншикову, 19 марта 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 25).

⁸¹ А. Матвеев — Петру I, 5 июня 1702 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1702, ед. хр. 2, л. 461 об.

⁸² Zinzendorff — Kaiser, jan. 1707. — Riksarkivet, Schirrenska Samlingen.

⁸³ А. Хилков — Ф. Головину, 18 мая 1705 г. — ЦГАДА, ф. 96, оп. 1705, ед. хр. 1, л. 23.

ведена, что впредь никогда шведом вреду не сможет учинить». ⁸⁴

Еще через год, когда цесарь предложил шведам свое посредничество для достижения мира с русскими, тайный советник Карла К. Пипер заявил, что даже возврата к довоенному положению (т. е. с полной отдачей Петром I всех отвоеванных земель и иными «сатисфакциями») для безопасности Швеции в будущем недостаточно — ведь нападение может повториться, и единственным выходом может быть разгром столь явно усилившейся «благодаря иноземной дисциплине» московской армии. Поэтому «не может быть ни выгодней, ни верней мира, чем заключенный в самой Москве». ⁸⁵

Вернемся ко второму сообщению Цинцендорфа, точнее, к примечательным словам: «опасные как в гражданском, так и в военном отношении методы». Нам неизвестно в точности, что именно имели в виду шведы, ⁸⁶ но это и не столь важно. Важен для историка дипломатии сам подход Карла к проблеме заключения мира: основываясь на фактах нарушения (с его точки зрения) царем ряда им же данных гарантий, король делал вывод о невозможности любых компромиссных решений, основанных на договорах с Россией до победы над ней. ⁸⁷ Отсюда, очевидно, следовал вывод — безопасность Швеции в будущем немыслима без разгрома русской армии, замены царя (предположительно Я. Собесским), возможно, раздела страны на мелкие государства, зависимые от Швеции, и возврата боярской аристократии бывшего

⁸⁴ Г. Гюйссен — П. Шафирову, 19 июня 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 218 об.

⁸⁵ Haintz O. König Karl XII., Bd 1, S. 212.

⁸⁶ Карл XII еще в 1706 г. полагал, что в случае приближения шведов к русской столице там вспыхнет восстание недовольных реформами, ибо «он певную на Москве имеет факцию к бунтам склопную» (перевод письма Августа II к майору Арпштедту от 8 февраля 1706 г. см.: ЛОИИ, ф. 83, оп. 1, к. 5, № 56, л. 3). См. также: Соловьев С. М. История России..., кн. 8, с. 122, 176.

⁸⁷ Г. Гюйссен сообщал из Вены: шведские министры, пребывавшие в Австрии, заявили, что, основываясь именно на этом своем выводе, Карл XII полагает и себя свободным от соблюдения по отношению к царю норм международного права («оттого... против Москвы не содержит никакого праву народов») (Г. Гюйссен — П. Шафирову, 19 июня 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 218).

влияния.⁸⁸ Лишь таким путем, полагал шведский король, проблема будет исчерпана — будет достигнуто новое длительное ослабление восточного соседа, ставшего опаснейшим врагом.

Относительно подобного фантастического плана может возникнуть естественный вопрос — каким было в шведском расчёте соотношение между стремлением: а) защитить права Швеции в будущем; б) добиться торгово-экономических выгод в настоящем (об этом говорилось выше) и в) сохранить (опираясь на привычную политику силы) статус политического великодержавия? Введенный к настоящему моменту в научный оборот круг источников (а также имеющиеся исследования) не позволяют, к сожалению, ответить на этот чрезвычайно сложный вопрос с полной уверенностью. Очевидно, с целью избежать ошибки, в которую впало немало историков-петроведов⁸⁹ и о которой писал еще в 1940 г. М. М. Богословский,⁹⁰ следует предоставить решение этой интересной проблемы историкам будущего. Во всяком случае с уверенностью мы можем пока говорить лишь о том, что задача «покорения России» стала для шведов после обуздания Августа II основной. И дальнейшие их действия могут такой вывод подтвердить — с 1707 г. у Карла XII нет иного противника, кроме главной армии Петра, в стремлении уничтожить ее он забывает даже задачу отвоевания Прибалтики.⁹¹

⁸⁸ *Aberg A. I karolinernas spår.* Stockholm, 1959, s. 20. Другим, советским, ученым справедливо замечено, что подобную «непримиримую позицию шведского короля современники легко понимали и считали совершенно естественной» (*Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого.* М., 1984, с. 211).

⁸⁹ *Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований.* М., 1985, с. 26.

⁹⁰ «О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов — их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений — их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала» (*Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии.* М., 1940, т. 1, с. 10).

⁹¹ В некоторых трудах тот факт, что успехи русских в Прибалтике «до странности мало влияли на шведского короля», объясняется тем, что шведы «просто очень мало знали о том, что

Неоднократно и вполне справедливо в литературе высказывались замечания о плохой политической подготовке восточного похода. Но не исключено, что дело здесь не в непомерной самоуверенности Карла XII,⁹² а в том, что для решения задачи, в огромной трудности которой король не мог не отдавать себе отчета, союзники вроде Фридриха I не годились — они могли принести больше вреда, чем пользы⁹³ (как известно, все победы Карл одержал в одиночку; с союзниками ему на поле боя ни разу не повезло). Скорее, тут играл роль субъективный фактор личности правителей; например, хана Девлет-Гирея II, в последовательности которого шведы не сомневались, они буквально осаждали предложениями союза на любых условиях. А политическая система, оптимальная в сложившихся обстоятельствах, Карлом все же была создана. Он проверил, как мы видели, все альтернативные варианты выхода из «польского тупика» и не нашел ничего лучшего, чем поддержка прошведски ориентированного Станислава, при котором Польша становилась буферным государством между враждебной ему Саксонией и уходившим на восток войском. Другое дело, что система эта имела уязвимые стороны, но, повторяем, лучшее решение и без того затянувшегося вопроса в создавшемся положении вряд ли было возможно.

Скорее всего, именно эти минусы в подготовке похода (из которых основным было отсутствие союзников) явились причиной столь медленного продвижения шведской армии в глубь России в 1707—1708 гг.⁹⁴ Но имелись и

творится там» (Тарле Е. В. Северная война..., с. 140). Вряд ли это было так после нескольких волн эстляндских беженцев, нахлынувших на Аландские острова и в Стокгольмский лен (*Drejjer S. Åland under Stora Nordiska kriget. Marienhamn, 1970, s. 51—83*).

⁹² «Мания величия все более и более овладевала этим человеком» (Тарле Е. В. Северная война..., с. 145).

⁹³ Впрочем, Карл поверил в возможность союза с Пруссией, он стремился к такому союзу, но, разочаровавшись в Гогенцоллере (переговоры показали, как мало тот может сделать для восточного похода), был вынужден их прекратить (*Hatton R. Charles XII and the Great Northern War. — NCMH, p. 659*).

⁹⁴ Тому, что планировался «быстрый» (Тарле Е. В. Северная война..., с. 144) поход, пока доказательств не обнаружено. Медлительность же вряд ли была вызвана обороной русских войск: осенью 1707 г. они без сопротивления уступили всю Вислинскую линию, А. Д. Меншиков готовил встречу у переправы через Нареву, но Карл пошел южнее, через леса Мазурских болот и

менее общие причины: продовольственно-фуражная проблема (начавшая обостряться уже весной 1708 г.),⁹⁵ необходимость на ходу организовывать тыловое обеспечение и пополнение личного состава. Однако они были второстепенными, так как Карл пока владел инициативой,⁹⁶ русские ему неприятностей не причиняли.⁹⁷

Первая серьезная попытка задержать шведов была сделана лишь 3 июля у Головчина, узлового пункта дорог на Староселье, Шклов и Могилев, миновать который шведы не могли. Но русские войска были разбиты, а Карл XII занял через 4 дня Могилев и переправу через Днепр (снова не встретив сопротивления), что сде-

в январе появился у Гонязда, где переправился через р. Бобер у его впадения в верхнюю Нареву. Еще через 5 дней шведы броском овладели ключевым гродненским мостом через Неман. Так план Петра сдерживающей (некоторые авторы ошибочно называют ее «активной», см.: *Клокман Ю. Р.* Северная война 1700—1721 гг. — В кн.: Страницы боевого прошлого. М., 1968, с. 86) обороны был нейтрализован простыми, но действенными обходными маневрами, позволявшими огромной армии шведов проходить по незнакомой лесистой и болотистой местности до 300 верст в месяц почти без потерь.

⁹⁵ Приведем пример такой задержки: с середины марта по середину июня Карл стоит в Радошковичах. Лишь «откопав и съев весь припрятанный от шведов хлеб, армия двинулась дальше» (*Тарле Е. В.* Северная война... , с. 147). Так объясняется причина этой «просто необъяснимой медлительности» (там же). Между тем причина здесь была несколько иной: ее знал петровский генерал Л. Н. Аларт, еще 6 марта точно предсказавший сроки этой стоянки: «Понеже реки вскрываются, то насилу чаять, чтобы неприятель свой поход далее продолжать мог, но токмо травы ожидать; и тогда свое намерение исполнять будет, и едва ли до *середины июня* (курсив наш, — *В. В.*) поход учинит» (цит. по: *Мышлаевский А. З.* Северная война 1708 г. ... , Прил. 4, с. 6).

⁹⁶ «Подчиняя свои действия порывистой воле Карла XII, царь должен был заблаговременно сообразить свои распоряжения так, чтобы в какую сторону король ни двинулся... [русские войска] могли бы стать на угрожаемых путях» (цит. по: *Мышлаевский А. З.* Северная война 1708 г. ... , Прил. 4, с. 17). Советские историки утверждают, что это была не тактическая, но стратегическая инициатива (*Бескровный Л. Г.* Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 42).

⁹⁷ В середине июня 1708 г. Карл форсировал Березину не у Борисова, Чашников или Уллы, занятых Петром, а южнее, у Сажежинской Березы, где его никто не ждал. С той же легкостью шведская армия перешла Друть 10 верстами севернее занятых русским отрядом Бельничей (*Бескровный Л. Г.* Стратегия и тактика русской армии... , с. 71, 83).

лало совершенно бесполезными созданные южные оборонительные линии: после переправы через Днепр оттуда, а также из укреплений у Орши, Копыса и Шклова пришлось срочно выводить войска.

Головчинскую битву обычно расценивают как всего лишь тактическую победу Карла XII, поскольку он не смог развить успех в стратегических целях похода.⁹⁸ Анализ подобной точки зрения затруднен, пока цели эти не выявлены историками. Что же касается поворота шведской армии в сентябре 1708 г. на Украину, то советские историки недвусмысленно расценивают это решение как логически обоснованное⁹⁹ и «стратегически безупречное».¹⁰⁰ Тот факт, что путь на Москву для уже начавшей слабеть (из-за отрыва от баз снабжения) шведской армии был закрыт сильными русскими заслонами и — что важнее — обширной областью буквально выжженной земли,¹⁰¹ говорит в пользу решения Карла отказаться от первоначального решения идти на Смоленск. Поход же на Украину мог повысить боеспособность армии как в количественном отношении, так и в смысле снабжения, положение с которым после битвы у деревни Лесной становится катастрофическим.

Более сложно ответить на вопрос, было ли это решение столь же обоснованным политически. Поскольку в 1709 г. произошли крупные перемены как в политике ряда стран Восточной Европы, так и во внутреннем положении юга России и Украины, ответ на данный вопрос требует специального анализа.

Европейская политика России в 1709 г.

Попытки Петра I восстановить Северный союз не прекращались и в год Полтавской битвы. Но трудности, с которыми встречались русские дипломаты на Западе,

⁹⁸ *Тарле Е. В.* Северная война..., с. 164—165. Петр I придерживался на этот счет несколько иного мнения. Он исключил головчинский бой из «Книги Марсовой», отдав ей тем самым место, что до того занимали лишь нарвский разгром 1700 г. и тяжелое поражение при Мур-мызе 1705 г. (они также в «Книге Марсовой» не упомянуты).

⁹⁹ *Клокман Ю. Р.* Северная война..., с. 91.

¹⁰⁰ *Епифанов П. П.* Россия в Северной войне, с. 121. Впрочем, некоторые авторы именно это решение квалифицируют как «авантюристичное» (История Швеции. М., 1974, с. 272).

¹⁰¹ *Кафенгауз Б. Б.* Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М.; Л., 1944, с. 33.

приняли в 1709 г. несколько иной характер, чем ранее. Прежде всего, вызывала недоумение политика бывших союзников Петра — Фредерика IV и Августа II. Если ранее первый из них, ожидая с нетерпением решения судьбы двух великих армий на Востоке, проявлял пассивность в дипломатических контактах с русскими, причина эта была ясна, как было очевидно и то, что король Дании держится настороже и выгодного момента не упустит, хотя бы для того, чтобы в случае победы России, обогнав иных конкурентов, первым присоединиться к Петру и воспользоваться плодами его благодарности при заключении мира. И вот теперь, ранней весной 1709 г., когда вся Европа, буквально затаив дыхание, ожидала результата близившейся развязки, Фредерик IV оказался, пожалуй, единственным из монархов, кого она совершенно не интересовала. Удалившись еще осенью 1708 г. в Венецию, откуда оперативная связь с Копенгагеном была невозможна как из-за расстояния, так и из-за охвативших континент двух войн, король фактически самоустранился от участия в европейской политике: в Венецию его привлекли не внешнеполитические интересы своей страны, а знаменитый карнавал!¹⁰² Наслаждаясь удовольствиями, которые богатая республика радушно предоставляла северному монарху, он не то что отказывался принимать здесь какие-либо решения, которых ждало от него копенгагенское правительство, но даже не допускал к себе иностранных дипломатов, в том числе и прибывшего специально для встречи с ним в Венецию русского посла И.-Г. Урбиха.

В отличие от своего короля оставшиеся в Дании ведущие политики этой страны К. Сехестед и О. Краббе по достоинству оценили политическое значение русских побед. Поэтому они возобновили переговоры с В. Л. Долгоруким, тем более что русский посол предлагал датчанам достойный эквивалент за их помощь в войне — 10 тыс. пехоты и крупную денежную субсидию.¹⁰³ Об

¹⁰² *Возгрин В. Е.* Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. — *ИЗ*, 1974, т. 93, с. 311. Отсутствие у Фредерика какого-либо серьезного дела на юге неоднократно подтверждалось донесениями В. Л. Долгорукого: «Король дацкой обретаецца в Венеции в непрестанных забавах» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 15 янв. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 41 об.).

¹⁰³ В. Долгорукий — А. Меншикову, 14 дек. 1708 г. — ЛОИИ, ф. 83, оп. 1, к. 10, д. 211, л. 1—3 об. Позднее Г. Головкин поднял

этом было сообщено в Венецию, но король повторял свой старый, утративший правдоподобие еще в 1708 г. довод об опасении санкций морских держав!

Мы не можем охарактеризовать подобные убеждения Фредерика IV как вызванные политической слепотой. Он должен был помнить, что еще в прошлом году Высокий союз предоставил ему свободу участия в Северной войне; что же касается 1709 г., то морские державы своей позиции не изменили, напротив, они неоднократно обнаруживают заинтересованность в поражении Карла XII,¹⁰⁴ причем известно об этом было и западным, и русским дипломатам.¹⁰⁵

Если подобная позиция морских держав и в 1709 г. была вызвана опасением помощи усилившейся в результате победы Швеции королю Франции,¹⁰⁶ то ход мыслей третьего из высоких союзников, цесаря, был несколько иным. Конечно, он так же, как Англия и Нидерланды, сохранял заинтересованность в разгроме Франции, но именно по отношению к возникшей в 1709 г. ситуации на Востоке у него на первое место становятся куда более естественные интересы безопасности Австрии от соседней Турции. Победа Карла XII над Россией, полагал цесарь, неминуемо ослабила бы постоянное давление, которое эта крепнувшая держава оказывала на Турцию и Крым. Чего же можно было ожидать от политиков дружественного Франции Стамбула (и во многом солидаризовавшегося

ежегодную сумму субсидий от 100 до 300 тыс. ефимков, не считая флотских материалов (ПБП, т. 8, с. 649—650).

¹⁰⁴ Мальборо заявил об этом и в начале 1709 г. (*Крылова Т. К.* Внешняя политика Петра I (1700—1714): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1948, с. 130—131). Более того, едва ли не впервые с начала Северной войны дипломаты морских держав в Стамбуле поддерживают петровского посла П. А. Толстого, прилагая все усилия, чтобы предотвратить удар на Россию с юга (см. ниже), задуманный как помощь шведской армии (там же, с. 146). Лорд С. Г. Годолфин указывал на необходимость подобной переориентации морских держав еще в 1707 г., т. е. до начала похода Карла XII на Восток (*Anderson M. S.* Russia under Peter the Great and the changed relations of East and West. — NCMH, p. 734).

¹⁰⁵ *Jensen B.* Dansk-russiske relationer. — HJS. N. R., 1970, bd 8, s. 449.

¹⁰⁶ При этом, полагали высокие союзники, к нему наверняка присоединятся многие колеблющиеся (от украинских казаков до конфедератов Сандомира; может быть, на такой шаг решатся и некоторые немецкие князья), и Карл двинется на помощь Людовику XIV «еще более могучим» (*Stenius S.* Peter den Store och den tyska neutraliteten åren 1709—1710. — KFA; 1972, s. 106).

с ним Бахчисарая)? В случае если Турция и Крым попытаются после возможного ослабления России вторгнуться в Австрию, то усилившаяся Швеция не станет помогать цесарю по причине как охлаждения в шведско-австрийских отношениях, наступившего накануне восточного похода Карла XII, так и благодаря традиционным шведско-французским связям.¹⁰⁷

Как видно, хотя и по весьма различным причинам, но все три высоких союзника имели в 1709 г. по поводу исхода Северной войны единую точку зрения — им была выгодна победа в ней Петра I; поэтому бессмысленность ссылки Фредерика IV на имевшую якобы место их заинтересованность в противоположном результате столкновения русских и шведов очевидна.

Упомянутый выше приезд в Венецию чрезвычайного посла И.-Г. Урбиха должен был, по мысли Петра, содействовать оживлению прекратившихся русско-датских союзных переговоров; тем более что ближайшие помощники короля К. Ревентлов, Й. Х. Лепте и Д. Вибе также находились в Италии. Но и для русского посла Фредерик IV исключения не сделал. Ссылаясь на свое ишкогнито, король петровского посла не принял. Не видя иного выхода, Урбих передал советникам мемориал,¹⁰⁸ в котором доводил до сведения датчан, что русская армия значительно превосходит шведскую, сильно ослабшую за суровую зиму 1708/09 г., что русские и без датской помощи в состоянии справиться со шведами, но участвовать в этой борьбе с общим врагом Дании необходимо ради ее собственной выгоды — ведь близится мир со Швецией, плоды которого в таком случае достанутся и ей. Выступление же Фредерика весьма облегчается тем, что основная армия Карла XII связана восточным фронтом, Россия готова Дании помочь деньгами, людьми и флотскими материалами, заодно выступит Саксония, с которой есть уже договоренность. Высоких союзников не стоит опасаться — цесарь и Голландия на стороне Северного союза, Англия и Ганновер вмешиваться не будут, а Пруссия, как обычно, примкнет к побеждающей стороне.¹⁰⁹ Если

¹⁰⁷ *Wittram R. Peter I, Bd 1, S. 285—286.*

¹⁰⁸ Urbich — Frederik IV, 28 jan. 1709. — RATKUA, Rusland, A-II.

¹⁰⁹ «...der Hoff zu Berlin... ohnedem gewohnt ist, sich dahin zu lencken, wo das Glück undt die stärckeste Partey sich finden» (Urbich — Frederik IV, 28 jan. 1709). О готовности Пруссии под-

Англия все же попытается помочь Швеции, препятствуя Дании вернуться в союз, то царь разорвет русско-английские торговые отношения со всеми вытекающими из того последствиями.¹¹⁰ Взамен Петр обещал Дании в случае победы содействовать передаче ей Сконе и герцогства Гольштейн-Готторпского.

Фредерик IV никакого ответа не дал, отчего русский посол был вынужден обратиться к графу Ревентлову с просьбой уговорить короля уехать из Венеции до наступления весны, ибо кампанию нужно начинать как можно раньше, пока Карл XII в России не получил подкрепления.¹¹¹ Затем, не дожидаясь ответа, Урбих шлет новый мемориал, в котором развивает и усиливает основные пункты первого.¹¹²

Реакция короля на третий мемориал была довольно неожиданной. «Резолюцией» от 1 февраля 1709 г.¹¹³ он односторонним актом прерывал переговоры с русским послом под предлогом, что они внесут сумятицу в уже идущие полным ходом союзные переговоры в Москве и Копенгагене. Как и прежние отговорки, эта последняя не имела под собой почвы — переговоры в Копенгагене давно уже застыли на мертвой точке, а отправка в Москву нового датского посла Ю. Юля затянулась надолго.¹¹⁴

Урбих четырежды встречался с министрами Фредерика IV, но, получив новые условия, на которых Дания

держат антишведскую лигу Фредерику сообщил прибывший в Венецию в январе 1709 г. для помощи Урбиху в «общем деле» министр Фридриха Э. К. Мантойфель (А. Лит — В. Долгорукому, янв. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 74, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 3 об.).

¹¹⁰ «... und wann Es (England, — В. В.) ja Ihre Czaarische M:t noch mehr irritiren wollte, konnte selbiges seyn gantzes comercium mit Moskau verlieren» (Urbich — Frederik IV, 28 jan. 1709). Здесь Урбих, судя по всему, превысил переданные ему условия Петра — ни до, ни после 1709 г. царь подобных инструкций своим дипломатам не давал.

¹¹¹ Memoire pour le Comte de Reventlau, udateret, ca. 20—29 mart 1709. — RATKUA, Rusland, A-II.

¹¹² Allerunterhänigste memorial, 1 febr. 1709. — Ibid.

¹¹³ Königl. Resolution auf das von dem Muskowitische Geh. Rath undt Plenipotentiarj von Urbich mitgegebenes Memorial. — Ibid.

¹¹⁴ Оставшиеся в Копенгагене министры сообщили В. Л. Долгорукому еще в декабре 1708 г., что до возвращения короля в Данию не могут дать Ю. Юлю полномочий — это не в их власти (En conférence avec son Excellence Mr. l'Ambassadeur de Moscovie le Prince de Dolgoroukij, 22 dec. 1708. — RATKUA, Rusland, A-II).

соглашалась вступить в союз (сумма субсидий достигала фантастического размера — 3 млн. ригсдалеров), понял всю безнадежность своей миссии и, выразив Ревентлову свое негодование по поводу отношения короля к русскому посольству, выехал из Венеции в Вену.

Переговоры Урбиха и Фредерика IV были сорваны датской стороной. Произошло это из-за непонимания королем всей важности момента. Ведь именно в первой половине 1709 г. Дания очутилась в той редкой ситуации, о которой только могут мечтать малые страны. От решения Фредерика зависело не простое усиление антишведского фронта — лишь согласия Дании на предложение Петра I ожидал Август II, чтобы также выступить против Швеции. А Россия, остро нуждавшаяся в силах, которые могли хотя бы беспокоить шведов с тыла, без сомнения по достоинству оценила бы такой шаг датского короля.

Но Фредерик не понял; очевидно, что подобные выгоднейшие ситуации редко повторяются, он не использовал ее ни в малейшей степени, предпочтя все ту же бесплодную тактику выжидания, как будто не было русских побед, а армия Карла XII все еще обладала ключевыми позициями в европейской политике.

Ненамного продвинулись за зимние месяцы и переговоры, которые вел в столице Дании В. Л. Долгорукий. Внешне основным камнем преткновения на пути к союзу был вопрос о размере русских денежных субсидий датчанам. Король не соглашался на названную еще осенью 1708 г. русским послом сумму (300 тыс. ригсдалеров единовременно и по 100 тыс. ежегодно до конца войны),¹¹⁵ и хотя позже Фредерик и сбавил свои требования (по сравнению со сделанными в Венеции) соответственно до 2 млн. 400 тыс. ригсдалеров в год,¹¹⁶ на подобные требования русская сторона согласиться не могла. Позже Петр довел величину русских субсидий до 500 тыс. в год,¹¹⁷ однако новую сумму посол датскому двору так и не объ-

¹¹⁵ Поездка Фредерика IV в Венецию обошлась казне в 200 тыс. ригсдалеров; конечно, русская сумма могла показаться королю мизерной, Россия же могла собрать подобную субсидию в звонкой монете с большим трудом (ПБП. М., 1952, т. 9, вып. 2, с. 836—839).

¹¹⁶ В. Долгорукий — Г. Головкину, 8 февр. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 45 об.

¹¹⁷ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 837.

явил,¹¹⁸ поскольку Г. И. Головкин запретил это делать до тех пор, пока не будет заключен договор с Августом II.¹¹⁹

Тайные советники Сехестед и Краббе, которые вели переговоры с В. Л. Долгоруким, вполне уяснили себе (судя по их письмам к королю в Венецию, а потом в Потсдам), что Россия в сложившейся ситуации на подобное увеличение субсидий не пойдет, и уговаривали короля дать согласие на союз, хотя Краббе, политик, наиболее склонный к России,¹²⁰ и не очень надеялся достичь чего-либо заочно. Проблема осложнялась некоторыми личными качествами человека, взявшего в свои руки управление внешней политикой Дании, в частности, он совершенно не был способен, подобно Петру I или Карлу XII, самостоятельно принимать важные решения. Для этого Фредерику IV были необходимы предварительные совещания с министрами, иногда довольно длительные. При нем же в Венеции находились именно те члены Тайного совета, что были против возвращения Дании в Северный союз¹²¹ и которые умело использовали слабости короля¹²² в своих целях.

В. Л. Долгорукий сообщал Петру о результатах переговоров с датской стороной и о ее требованиях. Составив точное представление о позиции датского правительства, Петр выработал уже к концу февраля «Пункты, на которых основании постановлять трактат»,¹²³ где согла-

¹¹⁸ В. Долгорукий — Г. Головкину, 9 авг. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 75.

¹¹⁹ Письмо это Долгорукий получил лишь 29 мая (Г. Головкин — В. Долгорукому, 18 февр. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 7—7 об.).

¹²⁰ Долгорукий характеризовал Краббе как «главного неприятеля шведов и, конечно, доброжелателя к стороне его царского величества» (цит. по: *Возгрин В. Е.* Заключение русско-датского союзного договора..., с. 314).

¹²¹ О. Краббе упорно предостерегал В. Л. Долгорукого, что И. Х. Ленте и Д. Вибе «короля от того (т. е. от участия в войне на стороне Петра I, — В. В.) отвращают» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 8 февр. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 47 об.).

¹²² В другой доверительной беседе Краббе говорил Долгорукому, что Фредерик «не гораздо к таким делам смел, не то, что отец его; ежели от кого услышит разсудки, через которые его сторону отвращают от войны, скоряя слушает, неж тех, которые навращают» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 8 февр. 1709, л. 48 об.).

¹²³ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 651—653.

шался увеличить число русских вспомогательных войск на 200 тыс. и, кроме того, «действия свои против шведских земель, Лифляндии и Финляндии продолжать» (пункт 3). Долгорукий подал «Пункты» датчанам, но отослать королю в Венецию не успел — Фредерик выехал в мае 1709 г. в Пруссию.

Датчане провели подготовку к встрече трех монархов — Фредерика IV, Фридриха I и Августа II — с целью найти приемлемое для всех решение проблемы общей политической платформы, совместной политики по отношению к России и Швеции. Датская и саксонская стороны заявили в Потсдаме, где велись переговоры, что союзная система должна строиться на основе оборонительных договоров; следующей фазой должно быть включение в нее и России и превращение союза в наступательный. Однако Фридрих I, а точнее, его советник Р. Г. Ильген оказал сопротивление проведению такого плана, не желая явно демонстрировать Швеции свою враждебность. Тем не менее упорная работа датских и саксонских дипломатов¹²⁴ (активность которых поддерживалась на высоком уровне такими посланцами Петра, как В. Л. Долгорукий, Лит, Брукенталь, Пфлуг и др.)¹²⁵ принесла свои плоды: в июле появляются первые признаки нового сближения Пруссии с Россией.¹²⁶ Затем, когда всеобщим достоянием стал план стоявшего в Польше со своим корпусом Крассау идти в Померанию (с целью усилить гарнизоны шведских крепостей), Фридрих I заявил, что, поскольку такой переход невозможен без нарушения прусской границы, он будет рассматривать его как вооруженное вторжение и поступит соответственно.

Ведших переговоры саксонца Я. Г. Флеминга и датчанина К. Ревентлова сдвиги в позиции берлинского двора могли только радовать, но вскоре переговоры зашли в тупик по причинам принципиального характера. Планируемая Пруссией передача ей части польской территории, как и прежде, не могла быть одобрена саксонцами, а датский посол отклонил предложение Ильгена

¹²⁴ Летом 1709 г., когда шли переговоры в Потсдаме, в Дании и Саксонии уже много было сделано для военного выступления против шведов, были собраны довольно крупные экспедиционные войска, казалось, и Август II и Фредерик IV свой выбор, наконец, сделали (ПБП, т. 9, вып. 2, с. 801—802).

¹²⁵ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 711, 799.

¹²⁶ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen...*, S. 227.

о крейсировании датского флота с целью перерезать коммуникации между собственно Швецией и померанскими крепостями (оказалось, что датский флот стоит с гнилым такелажем и парусами), встретили отказ и просьбы Фридриха I включить в текст договора статьи о поддержке Саксонией и Данией его территориальных и династических притязаний, причем весьма спорных.¹²⁷ Наконец, Пруссия оказалась более осторожной и в вопросе привлечения к союзу России — Фридрих просил отсрочки для размышлений. Повод для затягивания переговоров был слишком прозрачным — пруссак не желал рисковать, тогда и Август II с Фредериком IV сдались, они согласились заключить союз (15 июля 1709 г.) типично оборонительного характера, как и предлагал Ильген. Никто из них не обязался выступить против шведов, но, ожидая санкций Карла XII против любого из них, лишь готовиться к войне. В том, что подобные санкции последуют, сомнений не было: Пруссия обязалась не пропускать Е. Д. Крассау, если тот направится в Померанию или Гольштейн-Готторп и далее в Данию. Более того, шведскому послу А. Лейонштедту стал известен и план новых союзников использовать старые связи Фридриха I с морскими державами и Ганновером и добиться гарантии их выступления против шведов, если Карл XII первым нарушит мир в Германии.¹²⁸ План этот был тем более опасен шведам, что общеизвестным являлось стремление высоких союзников оберегать от возникновения военных действий имперские территории.

Что же касается наступательной борьбы со Швецией, то она была отложена по крайней мере до окончания войны за Испанское наследство — как Фредерик IV, так и Август II прямо заявили, что целью Потсдамского договора не является нарушение интересов высоких союзников отзывом их вспомогательных войск.¹²⁹ Судя по всему, для обоих монархов пока важнее были события на Западе, чем на Востоке. Еще более заметным было это направление среди окружения Фридриха I. Проявляя полное равнодушие к гибели массы прусских солдат (что

¹²⁷ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, T. 4. Abt. 1, S. 212.*

¹²⁸ *Leyonstedt — Rådet, 18, 24, 31 juli 1709, = Riksarkivet, Borussica.*

¹²⁹ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen. . . , S. 227.*

поражало даже иностранных дипломатов¹³⁰) на Западе, где Пруссия не имела определенной политической важной цели, они прилагали все усилия своей дипломатии на Востоке, но отказывались при этом поддержать ее более или менее ощутимыми военно-политическими акциями. Короче, в предполтавские месяцы Гогенцоллер, по словам И. Г. Дройзена, вернулся к своей обычной практике, ведя на Западе войну без политики, а на Востоке — политику без армии.

Тем не менее политические метания Фридриха I, как и его союзников по Потсдамскому договору, принесли свои плоды России, внимательно следившей и поддерживавшей союзные переговоры. Уже упоминалось о том, что армия Карла XII весьма ослабела зимой 1708/09 г.; теперь, нуждаясь в подкреплении, Карл XII рассчитывал перебросить на Украину войско Крассау и смыкавшихся с ним сторонников Станислава. Еще весной 1709 г. в Польшу с соответствующим указом направился секретарь короля О. Клинковштрем.¹³¹ Однако исполнен указ не был, так как именно в эти месяцы произошли вышеуказанные события, в результате которых резко обострилась опасность выступления Фридриха I, Августа II и Фредерика IV. Поэтому теперь шведы меняют свое решение¹³² — Крассау и Станислав остаются в Польше, а Карл XII со своим поредевшим войском — один на один с грозным врагом.¹³³ Впрочем, полагать, что трое союзников уже весной 1709 г. целенаправленно стремились помочь России, знали, к какому результату эта их поли-

¹³⁰ Сообщая о летних боях 1709 г., А. А. Матвеев писал, что «войска английские везде блюли себя от урону... ганноверские трупы (т. е. войска, — В. В.) явно отказали и не хотели в баталию вступать», но «голанская пехота полегла почти вся», а «больше всех после стацких трупов великую утрату дакия, саксонския и прусския понесли» (А. Матвеев — Г. Головкину, 9 сент. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1709, од. хр. 3, л. 507).

¹³¹ *Konopszynski W.* Karl XII edh Polen, s. 101.

¹³² Большую роль сыграли и сдерживающие шведов Е. Д. Крассау действия войска А. Сенявского, поддержанного посланным в Польшу Петром корпусом генерала Г. Гольца (*Gierowski J., Kaminski A.* The eclipse of Poland. — NСМН, р. 703).

¹³³ То, что на помощь, которую он ожидал с марта 1709 г., можно не рассчитывать, Карл XII уяснил себе, естественно, лишь после подписания Потсдамского договора, т. е. слишком поздно, в середине лета 1709 г., когда до Полтавы оставались считанные недели (*Herlitz N.* Den polska frågan..., s. 171; *Haintz O.* König Karl XII..., Bd 1, S. 264).

тика приведет, было бы преувеличением. Внешнеполитические задачи Дании, Саксонии и Пруссии оставались, как ни странно, прежними; перемены же в направлении дипломатической деятельности этих стран были вызваны и определялись не возросшей актуальностью решения восточных проблем, но просто открывшимися к тому возможностями: не только удалились шведы, но и, как полагали многие, близился конец войны за Испанское наследство,¹³⁴ снимавший с повестки дня наем войск. Поэтому высокие союзники и могли позволить себе не вмешиваться в потсдамские переговоры, предусматривавшие использование армий не на западной войне, а в собственных целях.

Договор имел и безусловно выгодные Высокому союзу стороны, например предложение умиротворения Германии. Именно поэтому в начале лета Мальборо дал твердую гарантию невмешательства в северные дела, в частности в политику Августа II, готовившегося нарушить Альтранштедтский договор;¹³⁵ через месяц это обещание «гораздо доброхотно» подкрепил ратспенсионарий.¹³⁶ Более того, в Гааге и Лондоне снова вспыхивает опасение, что в случае победы Карл XII начнет раздавать на новозавоеванных территориях земли — полякам, Пруссии и др., чем привлечет на свою сторону множество союзников и непомерно от этого окрепнет. В том, что усиление будет не на пользу высоким союзникам, сомнений не было — угроза поддержки Швецией при первой же возможности слабевшей Франции сохранила свою актуальность и в 1709 г.¹³⁷ Поэтому вполне справедливы выводы

¹³⁴ Франция, крайне ослабленная длительной войной гугенотов, голодом, эпидемиями, была заинтересована в скорейшем мире и уже шла на уступки в мирных переговорах с высокими союзниками: весной 1709 г. в Гаагу прибыл министр Людовика XIV Ж.-Б. де Торси для личного в них участия. В торговых, финансовых и промышленных кругах Англии и Нидерландов стремление к миру было также весьма велико (*Veenendaal A. The War of the spanish succession in Europe.* — NСМН, р. 436—437).

¹³⁵ А. Матвеев — Г. Головкину, 26 мая 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 152.

¹³⁶ А. Матвеев — Г. Головкину, 1 июля 1709 г. — Там же, л. 471 об.

¹³⁷ Голландский посланник в Дании заверял русского посла, что Нидерландам «непротивно было бы, ежели король дацкой в войну вступит против короля швецкого... [ибо] колигаты опасаютца, чтоб король швецкой, уволяя себя от сей войны, не вступил в французскую сторону» (В. Долгорукий — Г. Голов-

некоторых авторов о том, что в годы русского похода Карла морские державы не только сохранили дипломатический нейтралитет, но и активно желали шведам поражения от войск Петра I.¹³⁸

Поэтому они не препятствовали ни начавшемуся летом 1709 г. вторжению Августа II со своим войском в Польшу, ни перебросу (для подкрепления позиции последнего) нескольких русских полков на Волынь.¹³⁹ Столь же мало стал ощущать дипломатическое давление высоких союзников и Фридрих I, терпеливо ожидавший выполнения данных ему Петром обещаний помочь в территориальных притязаниях Пруссии после победы над шведами.

Поскольку отношения между Петром I и высокими союзниками в 1707—1709 гг. менялись к лучшему, было бы естественным предположить обратный процесс в политической активности их врага — Франции — по отношению к России. Так оно и было; против русских интересов действовали французские послы в Речи Посполитой (маркиз Ж. Бонак)¹⁴⁰ и в Турции (барон Ш. Ферриоль). Особенно опасен был последний. Будучи самым влиятельным членом дипломатического корпуса в Стамбуле,¹⁴¹ он постоянно толкал Турцию на вооруженное выступление против России, и то, что французам пока не удавалось поссорить султана с северным соседом, можно от-

кину, 12 февр. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 15 об.).

¹³⁸ *Stenius S. Peter den Store...*, s. 106. Ср.: *Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого*, с. 240.

¹³⁹ Эта акция в совокупности с одновременными дипломатическими маневрами русских дипломатов в Польше (см.: *Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая...*, с. 12) содействовала обострению отношений между Станиславом и начавшим было сближаться с ним А. Сенявским.

¹⁴⁰ Ж. Бонак препятствовал среди прочего походу Станислава на помощь Карлу XII в 1709 г., отчего О. Хайнтц сделал неверный вывод об антишведской политике французского двора (*Haintz O. König Karl XII...*, Bd 1, S. 264, Bem. 4). На самом деле Бонак заботился о накаливании в Польше преданных Станиславу сил с тем, чтобы, «згодивши Речь Посполитую с Станиславом, принудить царское величество в трактат с шведом, а потом шведа до партии французской совокупить, понеже француз зело ослабевает противу коллигатов» (ПБП, т. 9, вып. 2, с. 562—563).

¹⁴¹ Турки почтительно именовали Ферриоля «вице-султаном» (Турция накануне и после Полтавской битвы. М., 1977, с. 4).

нести к заслуге лишь целенаправленно действовавших при его дворе послов России, Англии и Нидерландов — П. А. Толстого, Р. Саттона и Я. Кольера.¹⁴²

Политика России и Швеции по отношению к Запорожью, Турции и Крыму

Деятельность антифранцузской группы дипломатов значительно усложнилась в 1708 г., когда Крымом снова стал править хан Девлет-Гирей II. Это был весьма опытный политик, стремившийся к достижению Крымом независимости и от Турции и от России.¹⁴³ Он опирался в своей политике на шведов, поляков и запорожцев, с которыми поддерживал тесные связи все семь лет своего недолгого, но весьма яркого правления.

Еще весной 1708 г. Гирей тепло принял посланца Карла XII, присланного в Бахчисарай с предложением военного союза. После этого хан стал готовиться к походу на север. Дипломатическая подготовка этого похода сводилась к активной антирусской агитации в Стамбуле, укреплению связей со Станиславом и запорожцами в лице их кошевого атамана, известного К. Гордиенко. Мотивы, которые могли сблизить шведов и поляков с крымскими татарами на почве вражды с Россией, понятны. Более сложные пути, которыми шли И. С. Мазепа и его сторонники к прямой консолидации с вторгшимся на территорию Украины Карлом XII, требуют особого рассмотрения.

Запорожцы были в начале XVIII в. не менее турок и татар обеспокоены новыми русскими крепостями и военными городками на юге; в особенности их раздражал Каменный затон, воздвигнутый у самой Запорожской Сечи. Еще в 1703 г. гетман Мазепа, тогда бывший ярым врагом Сечи и послушным проводником украинской политики Петра I, писал в Москву: «Не так страшны они,

¹⁴² Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 153—154; Тарле Е. В. Северная война..., с. 105, 113.

¹⁴³ Стамбул лишал ханов самостоятельности в их внешней и внутренней политике: планы же России шли дальше — она еще в предвоенные годы требовала от Турции передать ей Крым (Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940, т. 1, с. 207).

запорожцы. . . и пересылки с ними хана крымского, как то дело рассудить надобно, что чуть не вся Украина запорожским духом дышит».¹⁴⁴ Вряд ли это было преувеличением. Не вполне соответствует документальным данным и утверждение, что движение запорожцев во главе с К. Гордиенко в 1708 г. было вызвано «изменнической политикой старшины», а «основная масса запорожского казачества была против разрыва с Россией»,¹⁴⁵ — Гордиенко выступал в поддержку народного восстания К. Булавина, этого же требовали от своих атаманов и остальные сечевики на раде 13 мая 1708 г., причем «главную роль в этих волнениях играла запорожская голытьба»,¹⁴⁶ а старшина лишь была вынуждена подчиниться, если не хотела переизбрания.

Кроме классовых истоков этой борьбы за казачью вольности против «торжества порядков московской государственности»¹⁴⁷ имелись и чисто политические, связанные с русско-польскими переговорами о возможной уступке Польше Правобережной Украины.¹⁴⁸ В том же 1708 г. Г. И. Головкин писал Петру I, что если уступить требованиям сандомирян и отдать им хотя бы Белую Церковь, то поднимутся все правобережные казацкие полки.¹⁴⁹

Дворянско-буржуазная и украинская националистическая историография (подвергнутая в свое время заслуженно острой критике)¹⁵⁰ подчеркивала национальный характер народного движения против петровских нововведений на Украине, замалчивая ее классовые истоки.

¹⁴⁴ Цит. по: *Львов Л.* Отношения между Запорожьем и Крымом. Одесса, 1895, с. 21.

¹⁴⁵ *Глаголева А. П.* Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 139.

¹⁴⁶ *Романовский В. А.* Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII—начале XVIII в. — Там же, с. 303.

¹⁴⁷ *Тарле Е. В.* Северная война. . . , с. 333.

¹⁴⁸ Секретным план раздела не был — украинцы знали, что Петр «по прошению примасову и великого гетмана. . . ту часть Украины им (Польше, — *В. В.*) паки возвратить обещал. . . и Белую Церковь отдать объявил» (Г. Головкин — генерал-майору Г. Гольцу, 8 мая 1708 г. — ЛОИИ, ф. 83, оп. 1, к. 8, № 7, л. 2).

¹⁴⁹ ПБП, т. 8, вып. 2, с. 710.

¹⁵⁰ *Королюк В. Д.* Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1958, т. 8, с. 82; *Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709. М., 1958, с. 6—7, 11 и др.

Ряд советских ученых (в основном довоенных) игнорировал национально-освободительные тенденции в борьбе против планов царского правительства (естественно, далекого интересам основной массы украинского населения) раздела Украины и лишения украинцев старых свобод.¹⁵¹

Лишь в последнее время выработан подлинно исторический, диалектический подход к этой проблеме — был сделан вывод о сложном, многоплановом и неоднозначном ее характере. Так, выявление давних связей мятежного гетмана П. Дорошенко со Степаном Разиным позволило найти корни «тех же самых тенденций к единению эксплуатируемых классов Украины и России», что можно обнаружить и в начале XVIII в., и позже: «связи движения под руководством К. Булавина с классовой борьбой на Украине поддерживались постоянно... в свою очередь Запорожье было тесно связано с Левобережной и Правобережной Украиной».¹⁵² «Запорожская Сечь являлась центром антифеодальной борьбы, усилившейся в начале XVIII в.»¹⁵³ Традиции этой борьбы были столь же давни, как и попытки царского правительства добиться поддержки поляков ценою уступки им отдельных территорий. Так, еще в 1668 г. правительство предлагало Речи Посполитой помочь ему войсками против украинских повстанцев, обещая полякам за это признать их права на Молдавию, Валахию, Венгрию и т. д. И армия Речи Посполитой, приглашенная царем, воевала против П. Дорошенко, «содействовала подавлению восстания».

Теперь история повторялась — Петр приглашал на Украину поляков среди прочего и для подавления движения запорожцев и украинских крестьян Правобережья. Таким образом, в политике царя отчетливо проявилась «классовая солидарность польского и русского дворянства».¹⁵⁴ Гордиенко, понимавшему обреченность движения без поддержки извне, ничего не стоило убедить раду в целесообразности союза с татарами — и хану было сообщено, что Запорожская Сечь согласна вместе «Москву

¹⁵¹ *Шугой В. Е.* Борьба народных масс..., с. 394; *Крылова Т. К.* Франко-русские отношения..., с. 143 и др.

¹⁵² *Санин Г. А.* Влияние классовой борьбы в России конца XVII—начала XVIII в. на политику Русского государства. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 372—373.

¹⁵³ История Украинской ССР. Киев, 1983, т. 3, с. 373.

¹⁵⁴ Там же, с. 375—377.

воевать». ¹⁵⁵ Это решение рады позже подтвердил и новый кошевой П. Сорочинский, прибывший в Бахчисарай для конкретных переговоров. Более того, запорожцы обратились к Крыму с просьбой принять их в подданство, и остановка была лишь за разрешением Стамбула. ¹⁵⁶

К началу 1709 г. Девлет-Гирей II мог уверенно обещать Карлу XII помощь уже собранным войском. ¹⁵⁷ Опираясь на поддержку Запорожской Сечи, хан осмелился декларировать открытое неповиновение Турции и даже противодействие политике Стамбула — к тому времени его сюзерен султан Ахмед III занял целиком нейтральную по отношению к русско-шведской войне позицию. И если шведы выбрали в восточном походе путь, шедший через Украину, то лишь в надежде укрепиться за счет Крыма, а никак не Турции. ¹⁵⁸

В марте 1709 г. К. Пипер шлет Девлет-Гирею письмо, где сообщает, что Запорожская Сечь заодно со шведами, и спрашивает о видах и сроках помощи из Крыма. ¹⁵⁹ В целом же шведы были в такой помощи уверены: «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходят на Москву. Теперь они пойдут туда с нами!», ¹⁶⁰ — такие письма шли с Украины в Стокгольм весной 1709 г. Уверенность шведов в помощи крымских татар вскоре стала еще тверже — султан согласился смотреть на выступление хана сквозь пальцы, а в начале мая в Стамбуле началась погрузка пушек и боеприпасов на турецкие корабли — Турция отправляла их на всякий случай к московским границам. ¹⁶¹ Казалось, ничего не могло помешать

¹⁵⁵ *Шутой В.-Е.* Позиция Турции в годы Северной войны 1700—1709 гг. — В кн.: *Полтавская победа.* М., 1959, с. 124.

¹⁵⁶ *Статейный список посла П. Толстого.* — ЦГАДА, ф. 89, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 126 об.

¹⁵⁷ В это войско входили и бежавшие в Крым булавицы под началом известного И. Некрасова (И. Толстой — П. Толстому, 12 мая 1709. — ЦГАДА, ф. 89, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 369 об.). Оно насчитывало 40 тыс. всадников — в точном соответствии с предложением Запорожской Сечи, полученным в Бахчисарае еще осенью 1708 г. (*Борщак І.* Шведчина і французька дипломатія. — Науковий збірник за рік 1928, Львів, 1928, с. 81. (Всеукраїнська Академія наук. Іст. секція: Т. 28)).

¹⁵⁸ Ср.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения..., с. 55.

¹⁵⁹ *Nordberg G. A.* Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Küpfern. Hamburg, 1746, T. 2, S. 130.

¹⁶⁰ *Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark, 1702—1709.* Stockholm, 1913, s. 165.

¹⁶¹ *Статейный список посла П. Толстого,* л. 138.

осуществлению плана двойного удара по войску Петра I, задуманного шведским королем и крымским ханом. Тем не менее он был сорван.

В марте—мае 1709 г. Петр предпринимает поездку в Воронеж и Азов. В историографии Северной войны поездка эта удовлетворительного объяснения не получила. Одни авторы считают, что царь поехал «инспектировать крепости»,¹⁶² другие — заменить ветхие корабли азовского флота годными,¹⁶³ третьи — готовить флот, который был бы способен «заставить Турцию воздержаться от враждебного выступления против России»,¹⁶⁴ и т. д.

Проанализируем военно-политическое положение России в момент отъезда Петра. Главные силы шведов впервые с начала войны сблизилась с главными силами русских — уже в апреле Карл XII стоял у палисадов Полтавы. С неизбежностью близился момент битвы, которая должна была если не решить исход войны, то резко склонить чашу весов в одну или другую сторону. Разгоралось восстание запорожцев и поддерживаемое ими булавинское. В Польше для помощи Карлу собирал войско Станислав — его ждали со дня на день. Шли активные шведско-крымско-турецкие переговоры о выступлении Девлет-Гирея против России — об этом также знал Петр.

Таким образом, обстановка была крайне угрожающей. Тем не менее царь покидает войско и отправляется в дальний путь то ли для инспектирования крепостей, то ли для оказания давления на Стамбул. Зададим себе вопрос: а мог ли он такое давление оказать? Мог ли он послать флот к Босфору и начать войну с Турцией, имея за спиной Карла XII и Крым, буквально равный с цепи и сдерживаемый той же Турцией? Очевидно, двух ответов быть не может, такой ход нельзя назвать даже рискованным — он был бы самоубийственным. Этот вы-

¹⁶² *Wittram R. Peter I, Bd 1, S. 306.*

¹⁶³ *Шурай В. Е. Позиция Турции в годы Северной войны...*, с. 137.

¹⁶⁴ *Тарле Е. В. Северная война...*, с. 365. См. также: *Бескровный Л. Г. Стратегия и тактика русской армии...*, с. 44; *Голицынов И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1795, т. 15, с. 258—264.* Наиболее верное, на наш взгляд, объяснение поездки царя дает А. П. Глаголева в статье «Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением», но и она упускает ряд аспектов в русско-шведско-татарском конфликте 1709 г. по причине отсутствия у нее возможности использования важных документов о шведско-татарских связях (см. ниже).

вод подтверждается и дальнейшими действиями царя. Вооружив в Воронеже два корабля (а не флот), он привел их к Азову якобы для того, чтобы сменить 10 кораблей, нуждавшихся в ремонте. В Азове царь встречается с Кападжи-пашой, турком, о котором посланник Карла XII О. Клинковстрем писал из Крыма как о неофициальном представителе султана при бахчисарайском дворе.¹⁶⁵ Что же предпринимает Петр в ходе этой встречи? Может быть, демонстрирует турку мощь азовского «флота», состоявшего из двух годных и десяти негодных кораблей?¹⁶⁶ Нет, он сжигает флот на глазах Кападжи и его янычарской свиты. Мало того, он передает турку крупную денежную сумму, а также отпускает с ним большую группу пленных мусульман.¹⁶⁷ Станный поступок, труднее всего объяснить сожжение флота — известно, как ценил царь каждую галеру, каждую шняву.

Однако, судя по некоторым данным, царь поступил расчетливо и в конечном счете верно. Опасаясь попасть в клещи между армиями Карла XII и Девлет-Гирея, он должен был обезвредить одного из противников. Сражения с Карлом Петр избегал 9 лет, не торопил он события и сейчас. Обезвредить хана силой царь также не мог — татарское войско, хотя и уступало по вооружению и выгучке регулярной армии Петра, но численно было примерно равным русскому и обладало преимуществом лучшей маневренности и тылового обеспечения.

Оставался второй выход — подкупить кого-либо из противников, чтобы тот добровольно вышел из игры. По отношению к Карлу XII у петровских дипломатов такой мысли, судя по всему, даже не возникало — они сразу послали гонца к хану. Однако царь недооценил целеустремленности Гирея. Как пишет в своем журнале хронист Карла XII К. Адлерфельт, «хан такое отклонил и решил идти на все с королем Швеции».¹⁶⁸ Если Гирей отказался торговать интересами своей страны, то в со-

¹⁶⁵ Klinkovström — Müllern, 17 aug. 1709. — Riksarkivet, *Tatarica*, Otto Wilhelm Klinkowströms bref, 1709.

¹⁶⁶ Петр «провел внушительную военно-морскую демонстрацию на Азовском море, добившись от турецкого правительства заверения о невмешательстве» (История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 339).

¹⁶⁷ Шутой В. Е. Позиция Турции в годы Северной войны..., с. 137; Г. Головкин — П. Толстому, 18 янв. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 89, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 110.

¹⁶⁸ Adlerfelt C. Karl XII's krigsföretag. Stockholm, 1919, s. 402.

вершеном ином качестве проявили себя турки. Был куплен Кападжи-паша в Азове и с такой же легкостью — великий везирь Чорлулу Али-паша в Стамбуле.¹⁶⁹ И султан тут же шлет в Бахчисарай категорический запрет выступления войска хана против России и принятия им Запорожья в подданство.¹⁷⁰ Более чем вероятно, что султан (вообще хорошо осведомленный обо всем, что происходило в приграничных областях) склонился к своему решению лишь узнав, что на союзников Девлет-Гирея, запорожцев, можно не рассчитывать. «Длительное время царское правительство ожидало повода, чтобы избавиться от Запорожской Сечи», теперь такой повод дала война, и в мае 1709 г. «царизм осуществил свое давнее намерение — уничтожить этот очаг антифеодальной борьбы народных масс».¹⁷¹ Военная сила Запорожской Сечи была ликвидирована.

Легко себе представить реакцию Девлет-Гирея на отказ турок выступить — ведь перечеркивалась редчайшая возможность обезопасить себя с севера. Хан просит помощи у сераскира Бендер, единственного из турок, бывшего его политическим единомышленником. Письмо Девлет-Гирея пришло в Бендеры одновременно с другим — от Карла XII, также просившего о поддержке влиятельного бея. Сераскир вошел в контакт со Стамбулом, и вскоре великий везирь сообщил ему, что султан одобрит выступление татар, но лишь в том случае, если Карл и Девлет-Гирей заключат с Турцией договор, согласно которому мир с Россией они не подпишут, пока в трактат не войдет пункт об ограничении дальнейшего продвижения русских на юг. Весть об ответе Турции пришла к хану, когда он уже вывел конницу за Перекоп. Татары остановились, ожидая решения вопроса о договоре. Сомнений в согласии Карла XII подписать договор с турками у них не было — курьер сераскира разминулся в пути со шведом, торопившим турок с ответом на просьбу короля. Сераскир выслал условия договора,¹⁷² но ответа

¹⁶⁹ Шутой В. Е. Позиция Турции в годы Северной войны... с. 135. Всего в Стамбул было отправлено 5,5 тыс. золотых и на 10 тыс. соболей (Секретная дача годовая туркам. — ЦГАДА, ф. 89, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 62).

¹⁷⁰ Статейный список посла П. Толстого, л. 138.

¹⁷¹ История Украинской ССР, т. 3, с. 376.

¹⁷² Письмо сераскира пришло к Карлу 29 июня (н. ст.) (*Nils-son S. A. De svensk-tyrkiske förbindelserna före Poltava. — Scandia, 1953/4, bd 22, h. 2, s. 146*).

из шведской ставки ему дожидаться не было суждено — Полтавская битва разом все переменяла.

Примечательно, что бежавший после разгрома в Очаков Карл XII уже 11 июля шлет своего постоянного представителя О. Клинковштрема в Бахчисарай, не без оснований полагая, что хан в беде его не оставит — ведь Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, интересы которого целиком совпадали со шведскими и который никогда не торговался с королем, а предлагал свою помощь на любых условиях. Карл не ошибся — хан остался на тех же позициях и после Полтавы (в противоположность Стамбулу, сразу прервавшему переговоры о союзе с королем без армии). В августе 1709 г. Девлет-Гирей предлагал (снова в обход Турции!) все свое войско, 40 тыс. человек, чтобы помочь королю пробиться в Померанию, где стояла крупная группа шведских войск.¹⁷³ Прежним остается отношение хана и к России, перед которой после Полтавы начинают заигрывать иные державы. Он отказался от любых переговоров с петровскими дипломатами, когда те в августе прибыли в Бахчисарай для укрепления мира; им, по выражению Клинковштрема, «тут же заткнули рот и отослали назад».¹⁷⁴

Как известно, в дальнейшем «южная» карта шведского короля оказалась битой — ему не смогли (или не захотели) помочь ни татары, ни турки.¹⁷⁵ Напротив, политика ряда держав Западной Европы изменилась в пользу Швеции. Впрочем, истоки этих перемен были заметны и в предполтавский период Северной войны.

Международное положение накануне Полтавы

После побед, одержанных высокими союзниками над Францией (Хехштедт, Турин, Рамильи, Уденар), у политиков морских держав и иных государств возникают опасения, что Австрия, в случае если Франция потерпит

¹⁷³ Klinkovström — Müllern, 17 aug. 1709.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Турция накануне и после Полтавской битвы, с. 12—28; Возгрин В. Е. 1) Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI—XVIII вв. в архиве ЛОИИ. — ВИД, 1978, т. 9, с. 327—334; 2) Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1985, вып. 29, с. 74—77; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения..., с. 62—72.

окончательное поражение, станет великой державой де-факто и, опираясь на огромный конгломерат имперских князей, к ней таким образом привлеченных,¹⁷⁶ может покорить всю Европу.¹⁷⁷ Поэтому если ранее главнокомандующий Высокого союза и самый последовательный противник Бурбонов Мальборо подвергался нападкам за малую результативность борьбы с Францией,¹⁷⁸ то теперь, в 1709 г.; Лондон ставит «всяческие рогатки» его попыткам «нанести Франции решающий удар».¹⁷⁹ В то же время Высокий союз предлагал Франции неприемлемые условия мира (вплоть до свержения признанного в Испании короля Луи-Филиппа, внука Людовика XIV).¹⁸⁰ В этих тяжелых условиях у Версаля оставалась лишь надежда привлечь кого-либо из монархов, участвовавших в Северной войне, на свою сторону. Теперь французская дипломатия делала ставку и на Петра I, и на Карла XII.¹⁸¹ Однако сближение России с врагом Франции в предполтавский период шло успешнее, более того, царь уже был настолько уверен в предпочтении Петром австрийских интересов французским, что добивался предварительного решения о включении Петра в число гаран-

¹⁷⁶ Члены империи также испытывали немалый страх и перед Австрией, и перед опасностью в случае объединения под протекторатом какой-либо иной сильной державы попасть под контроль последней. Когда, например, в 1709 г. появился план подобного союза Передних округов империи с Нидерландами, то канцлер Богемии граф И. Г. Вратислав писал Ф. Л. Цинцендорфу: «Пока мы свободны, то можем одаривать, кого захотим, а империя обеспечивает сохранность наших территорий. Но если под предлогом достижения большей безопасности мы поставим имперских князей в зависимость от Голландии, то нам или придется действовать по ее указке, или подвергнуть империю опасности лишения наследственных территорий и австрийского наследования престола. Таким образом, речь идет прежде всего о риске и лишь во вторую очередь — о пользе» (цит. по: *Vog I. Das Reichsmerkantilismus. Stuttgart, 1959, S. 37*).

¹⁷⁷ *Прустер Е.* Краткая история Австрии. М., 1958, с. 240.

¹⁷⁸ *Нижифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, с. 65.

¹⁷⁹ *Прустер Е.* Краткая история Австрии, с. 240.

¹⁸⁰ *Stenius S.* Peter den Store.., s. 107.

¹⁸¹ В планах Версаля 1709 г. относительно России было и стремление к экономическим выгодам — он намеревался занять место англичан и голландцев в торговле с Россией через балтийские гавани, добытые у Швеции (В. Долгорукий — Г. Головкину, 25 окт. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 116 об.).

тов будущего мира с Францией.¹⁸² Очевидно, французы понимали, что подобные отношения оставляют им минимум надежд на поддержку России и поэтому активизировали в 1708—1709 гг. контакты со Швецией.¹⁸³

Франко-шведское сближение, а также уверенность в скором окончании Северной войны¹⁸⁴ торопили высоких союзников с установлением более тесных и деловых контактов с противниками Швеции. Сперва начались переговоры с Августом II — об условиях, на которых Высокий союз признает его права на польский престол,¹⁸⁵ затем Нидерланды и Англия вновь дают понять Дании, что не возражают против ее вступления в войну, и даже говорят о необходимости мешать переговорам о мире между Россией и Швецией, если такие начнутся.¹⁸⁶

Подобное «разрешение» великих держав сблизиться с Россией принесло свои плоды — Потсдамский договор был самым ранним из них, но далеко не последним. Пока ни один из трех участников этого оборонительного союза не заключил подобного же трактата с Петром I, а лишь после включения в антишведский блок России он мог обрести мощь, достаточную для реальной, большой политики. Это понимали и саксонцы, и пруссаки, и датчане, однако никто из них не брал на себя смелость первым вступить в союз с русскими, и, хотя переговоры вели все трое, ни у одного из потсдамских союзников они до Полтавы до конца доведены не были.

Дальше всех в своих переговорах с Россией зашли в предполтавский период датчане. Еще в начале июля 1709 г. датским правительством был составлен проект договора с Россией, подготовленный в «компромиссном», т. е. приемлемом и для Дании и для России виде. Пре-

¹⁸² А. Матвеев — Г. Головкину, 8 окт. 1708 г. — ЦГАДА, ф. 50. оп. 1708, ед. хр. 3, л. 98.

¹⁸³ Показательна «оговорка» в письме французского дипломата Безенвала от 10 декабря 1708 г.: «Мазепа присоединился к *нашему* (курсив наш, — В. В.) делу» (цит. по: Борщак I. Шведчина і французька дипломатія, с. 82).

¹⁸⁴ В период между Лесной и Полтавой европейские политики не без оснований полагали, что, «потеряв такой корпус (т. е. Левенгаупта, — В. В.), король шведской вскоре будет искать миру, которой со всякими упреждениями его царское величество учинить может» (ПВП, т. 8, вып. 2, с. 754).

¹⁸⁵ ПВП, т. 8, вып. 2, с. 586.

¹⁸⁶ ПВП, т. 6, с. 433; *Stille A. Danmarks politik gent emot Sverige 1707—1709. Lund, 1898, s. 23. (LUA; Bd 34, N 3).*

лиминарные статьи договора были высланы на апробацию Петру, причем, как писал русский посол, король не сомневался, что царь, «усмотрев такую склонность королевскую», на все пункты проекта согласится.¹⁸⁷ Впрочем, никакого «компромисса» в новом тексте заметно не было, там по-прежнему фигурировали «великие субсидии» — обстоятельство, объяснить которое было нелегко. Тем не менее объяснение нашлось: дело было в том, что все усилия В. Л. Долгорукого свести сумму субсидий к минимуму пошли прахом из-за сделанного в Вене И.-Г. Урбихом заявления, где он, не согласовав своих действий с Г. И. Головкиным, обещал датскому представителю сумму, вдвое большую, чем объявленная в Копенгагене.¹⁸⁸

Узнав об этой причине упорства датчан, Долгорукий принимает одно из самых выдающихся на протяжении своей долгой дипломатической карьеры решений. 3 июля 1709 г., не дожидаясь возвращения из России курьера с царской резолюцией, он на свой страх и риск заявляет датским министрам, что их «компромиссный проект» нереален, русская сторона на него пойти не может. Более того, продолжил посол, узнав об отказе Фредерика IV довольствоваться предложенной ему помощью, Петр оставил надежду на помощь Дании в близившейся развязке войны и предпочел набрать новые полки, на что и употребил «число денег, обещанных королевскому величеству».¹⁸⁹ Поэтому царь якобы решил сократить предложенную сумму до 100 тыс. ефимков в год; обещание помочь военными материалами остается в силе.

Через полмесяца Долгорукому было сделано предложение о субсидиях в 600 тыс. плюс поставки материалов, но он теперь твердо стоял на своем, хотя это было самое выгодное предложение из всех, ранее датчанами выдвинутых. Неизвестно, на чем основывался в своей позиции посол, скорее всего это была столь необходимая дипло-

¹⁸⁷ В. Долгорукий — Г. Головкину, 2 июля 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 62 об.

¹⁸⁸ И. Х. Ленте в письме В. Л. Долгорукому от 21 июня 1700 г. указывал, что И.-Г. Урбих письменно обещал субсидию в 600 тыс. ефимков (ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 63). По получении этого письма посол в Копенгагене предложил Урбиху немедленно от своего обещания отказаться, ибо таких субсидий «дать невозможно» (там же).

¹⁸⁹ В. Долгорукий — Г. Головкину, 9 июля 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 63 об.—64.

мату интуиция — ведь оправдавшая его «упрямство» информация пришла в Копенгаген только через два дня (это была весть о Полтаве).

Как видно из примера русско-датских переговоров, бывшие союзники России и непосредственно перед Полтавой руководствовались почти исключительно соображениями узкопрагматического характера, избегая риска даже тогда, когда этого требовали ясные политические перспективы, сводя отношения с Петром к мелочным торгам, а фактически затягивая решение о восстановлении Северного союза до решающей битвы на Востоке.

От подобной позиции резко отличалась политическая концепция Петра I — прежде всего своей активностью. Она была и более эластичной — примером тому дипломатические акции в Польше, где были испробованы один за другим (а иногда и одновременно) несколько вариантов решения важной проблемы престолонаследия; при этом использовался весь известный набор дипломатических средств. И ряд неудач, постигших посланцев Петра здесь (и в других странах), объяснялся несовершенством дипломатического аппарата России, успехами шведов, чрезвычайной трудностью поставленных царем задач и другими, субъективными причинами,¹⁹⁰ а не тем, что Петр ошибся в определении наиболее эффективных решений, способных облегчить положение России.

Не удалось решить и основную в петровской политике задачу — заключение мира со Швецией и выхода из тяжелой войны. Как замечает К. Цернак, Петр дошел в стремлении решить ее до порога своих возможностей.¹⁹¹ Очевидно, это утверждение близко к истине — стоит вспомнить хотя бы русско-венгерский договор 1707 г., ведь Петр согласился помогать Ракоци войсками, деньгами, оружием, порохом, а также поддерживать его в конфликте с империей, признавая за князем права на Венгрию, Польшу и т. д. Взамен Ракоци должен был «всего лишь» согласиться на его избрание и, что для нас важнее, привлечь Францию и Баварию к склонению Карла XII к миру. Учитывая, что России в ее тогдашнем

¹⁹⁰ Вряд ли является совпадением, что сложнейшие задачи успешно решались русской дипломатией именно там, где посланцами были такие профессионалы, как П. А. Толстой и А. А. Матвеев, — в Стамбуле и Гааге.

¹⁹¹ *Zernack K. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht.* — In: *Handbuch Geschichte Russlands.* Stuttgart, 1983, Bd 2, Lfg 4, S. 269.

положении было крайне нелегко решиться на столь весомую помощь князю (кого царь еще недавно называл «бунтовщиком» и кого обещал помочь цесарю уничтожить¹⁹²), мы можем сделать вывод о по крайней мере серьезности мирных предложений Петра.¹⁹³

Между тем политическая позиция России в предполтавский период укреплялась, а шведская слабела. Но объясняется это, на наш взгляд, не столько благодаря доброй репутации, которую Петр I приобрел мирными предложениями,¹⁹⁴ сколько более масштабными политическими и иными факторами. Одним из них стало (в свете последних событий на театре войны за Испанское наследство) новое значение Северной войны — значение «восточного барьера», впервые после войны Священной лиги с Турцией приковавшего к себе военные и политические силы потенциальных врагов Франции, что было ей теперь крайне необходимо и крайне вредило Карлу в глазах ее противников. Поэтому Франция мешала налаживанию русско-шведских переговоров при посредстве Ракоци; империя препятствовала контактам Карла XII с султаном; морские державы заявили о своем невмешательстве в подготовку Дании и Саксонии к нападению на шведов; их дипломаты не препятствовали аналогичным шагам Пруссии, отчасти Речи Посполитой.

Карл XII не мог не почувствовать, как усугубляется его дипломатическая и стратегическая изоляция. Тем не менее он продолжал претворение своей политической концепции в жизнь. Именно поэтому некоторые пока незаметные политические и стратегические факторы и получили возможность развиться и стать решающими не только в поражении шведов, но и в политическом подъеме России в послеполтавский период.

¹⁹² ПБП, т. 5, с. 569; *Haintz O. König Karl XII. ...*, Bd 1, S. 164.

¹⁹³ Впрочем, заслуживает внимания и гипотеза (к сожалению, не подтвержденная конкретным материалом), согласно которой мирные переговоры были для Петра самоцелью: он шел на огромные жертвы (выше упомянута лишь часть их) только ради собственного реноме сторонника мира в глазах европейских политиков, будучи априори уверен, что мира таким образом достичь абсолютно невозможно (*Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого*, с. 212—213).

¹⁹⁴ Очевидно, она значила меньше, чем буквально «толквашая» европейские державы к союзу с Карлом XII «застарелая традиционная ненависть к Москве» (*Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого*, с. 233).

Глава шестая

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ (1709—1710 гг.)

Значение Полтавы для стран Высокого союза

Историки политики XVIII в., согласные в целом с тем, что «Полтавская победа совершила переворот в политических отношениях стран Восточной и Северной Европы»,¹ до сих пор не выработали столь же единого взгляда на «русскую политику» великих держав — участниц войны за Испанское наследство, единой оценки этого «переворота». Содержание его было настолько многопланово и неоднозначно, что ученые, ставившие во главу угла своего анализа различные аспекты этого события, получили и совершенно неодинаковые результаты: от вывода насчет резкого «похолодания» между Россией и державами Высокого союза, а также между Францией, Турцией и другими государствами² до прямо ему противоположного —

¹ *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая в годы конфликта с Османской империей 1709/10—1714 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 15.

² *Тарле Е. В.* Северная война и шведское пагубство на Россию. М., 1958, с. 458—462; Турция накануне и после Полтавской битвы. М., 1977, с. 20—21; *Ключевский В.* Курс русской истории. М.; Пгр., 1923, ч. 4, с. 71; *Vassileff M.* Russland und Frankreich von den Thronbesitzung Peters des Grossen bis zum Vertrag von Amsterdam. Gotha, 1902, S. 43—44; *Grauers S.* Politiska relationerna mellan A. B. Horn och G. H. von Görtz åren 1707—1709. — KFA, 1963, s. 56; *Штернберг Я. И.* Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 92, и др.

о «дружеских инициативах», направленных на сближение с Москвой.³

Совершенно очевидно, что сделать оценку политических результатов победы 1709 г. лишь на основе военных и дипломатических успехов и поражений России и ее союзников невозможно — она будет односторонней и неполной: несмотря на всемирно-историческое значение Полтавы, победа России далеко не целиком определяла те перемены, что произошли в европейской политике одновременно с кульминацией похода шведов. Вторым не менее сильным фактором в метаморфозе внешнеполитических доктрин западных держав было ослабление Франции в войне за Испанское наследство, с одной стороны, и пессимизм относительно видов на окончание войны в обозримые сроки — с другой. Ничего не изменила и битва при Мальплаке, эта пиррова победа высоких союзников, ни на шаг не продвинувшая события к миру.

В неустойчивом равновесии, к которому пришли осенью 1709 г. воюющие стороны, как для одной, так и для другой снова стала желательной некая весомая величина, брошенная на «свою» чашу весов. Именно борьба за эти «величины», а иными словами, за державы Восточной и Северной Европы, резко активизировавшаяся в послеполтавский период, и была вторым (после Полтавы) моментом, определявшим в рассматриваемый период политику всех стран — участниц войны за Испанское наследство, хотя наибольшее влияние на восточные дела оказывала Англия.

В указанный период виги, поддержанные финансистами Сити и крупными земельными магнатами и по-прежнему уверенные в том, что лишь война с Францией превратила Англию в великую державу, бескомпромиссно стремились сломить старинного врага Британии и ее основного конкурента в колониальном разделе мира, в борьбе за владычество на морях. Причем, поскольку в отличие от состояния союзной Голландии силы Англии не были основательно подточены войной, виги считали,

³ *Кафенгауз В. В.* Полтавская победа и русско-французские отношения. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 150; *Тельпуховский В. С.* Северная война. М., 1946, с. 141; *Крылова Т. К.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. — ИЗ, 1940, т. 7, с. 147; *Никифоров Л. А.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 23, 26.

что имеются все возможности продолжать борьбу до полного выполнения их боевой программы («No Peace Without Spain!»). Что же касается внешней политики Англии, то и здесь ее правительство было уверено куда больше, чем, к примеру, Россия, в поддержке своих союзников: Нидерланды, измученные бесконечными войнами с Францией, были по-прежнему заинтересованы в обещанном им правительством вигов «барьере», т. е. цепи крепостей вдоль границы с южным соседом; также и цесарь все еще ожидал от победы Высокого союза раздела огромной Испанской империи между ним и его сыном.⁴

Таким образом, восточная политика Высокого союза определялась в Лондоне, хотя и не полностью. При этом интересы финансовых и государственно-политических кругов Англии в их стремлении создать оптимальные условия для развития торговли и укрепления военного и торгового флотов в целом совпадали. Поэтому последние события на Востоке чувствительно затронули как могущественные купеческие дома и промышленные компании, так и правительство в связи с угрозой нарушения так называемого северного баланса.

Доктрина баланса (т. е. равновесия сил, позволяющего сохранить мирные отношения между рядом держав) была в начале XVIII в. хотя и сравнительно новой,⁵ но весьма популярной и признанной среди политиков Европы, регулярно проводивших ее в жизнь.⁶ Самой горячей сторонницей ее была Англия, потому что для этой морской державы стремление к сохранению баланса было обосновано не только требованиями официальной пропаганды,⁷ но и реальными выгодами. Ведь, как говорилось, именно из Балтики и ниоткуда больше мог идти в необ-

⁴ *Stenius S. Peter den Store och den tyska neutraliteten åren 1709—1710.* — KFA, 1972, s. 107—108.

⁵ Она впервые выступила на западноевропейской дипломатической арене лишь на англо-французских переговорах 1698—1700 гг. о разделе Испанского наследства.

⁶ *Grazia A. de, Stevenson T. H. World politics.* New York, 1968, p. 15; *Hildebrand K. Geschichte oder «Gesellschaftsgeschichte»?* — HZ, 1976, Bd 223, S. 348.

⁷ Еще Вильгельм III связывал борьбу своей политики за баланс с сохранением «свободной Европы», а нарушение его со стороны Франции, естественно, с рабством («the slavery of all Europe») (*Lossky A. International relations in Europe.* — NCMH, p. 157—158).

ходимых количествах русский, курляндский, скандинавский, прусский лес и иные флотские материалы. И Англия шла ради сохранения баланса на любые крупные, дорогостоящие и опасные акции, препятствуя, например, восстановлению единоличного владения Данией Зундским проливом (Травенталь, 1700 г.) или чрезмерному усилению Швеции (1704 г.).⁸ Теперь же, после Полтавы, Лондон сделал вывод, что такой угрозой северному балансу стала держава Петра I. Так, Стаффорд писал из Гааги в эти месяцы: «Естественно, Англия никогда не потерпит, чтобы шведская корона обессилила и рухнула. Английское влияние должно восстановить прежний баланс между северными державами».⁹

Британские политики, несмотря на постоянное и пристальное внимание к личности и планам Петра,¹⁰ не смогли оценить той приверженности русского царя идее северного баланса, что было ясно его современникам¹¹ и что подтверждается исследованиями русских, советских¹² и наиболее объективных английских¹³ историков.

Петр I стремился установить равновесие сил на Западе и Востоке, среди прочего, путем достижения взаимопонимания между морскими державами и Россией. Более того, он совершенно не был заинтересован в упадке Шве-

⁸ Доктрина баланса не была секретом английской политики, о руководстве ею ряда ведущих политиков дипломаты Европы могли судить хотя бы из громогласных заявлений английского посланника в Нидерландах Дж. Стэнхоупа (*Крылова Т. К. Внешняя политика Петра I (1700—1714)*: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1948, с. 913).

⁹ Цит. по: *Lisk J. The struggle for supremacy in the Baltic, 1600—1725.* London, 1967, p. 22—23.

¹⁰ *Крылова Т. К. Внешняя политика Петра I...*, с. 54.

¹¹ Весьма характерен в этом смысле секретный наказ Петра отправлявшемуся для переговоров с Георгом I Б. И. Куракину — упомянута задача ослабления, а никак не ликвидации Швеции как суверенного государства (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1881, кн. 2, с. 24).

¹² Впрочем, некоторые авторы занимали более осторожную позицию, утверждая, что «невозможно сейчас с полной достоверностью разрешить вопрос о том, каковы были замыслы Петра после Полтавы — ограничивал ли он свою задачу утверждением России в Восточной Прибалтике, или уже видел себя в недалеком будущем владельцем Карлскроны и Киля» (*Крылова Т. К. Полтавская победа и русская дипломатия.* — В кн.: *Петр Великий.* М.; Л., 1947, с. 124).

¹³ *Lossky A, International relations...*, p. 158,

ции, в которой видел естественный противовес своей временной союзнице Дании, державе, которая, судя по ее постоянным инициативам и предложениям, во-первых, не оставляла мысли при удобном случае овладеть Зундом, а во-вторых, откровенно опасалась выхода России в Балтийское море.¹⁴ Сейчас трудно установить, было ли это неумением или нежеланием понять движущие мотивы балтийской политики Петра, но как бы то ни было, Англия, а за ней и ряд других держав восприняли Полтавскую победу именно как угрозу северному балансу и взяли на вооружение сохранившую свою активность на протяжении многих десятилетий политику «возврата» России в ее допетровские географические границы и политические рамки.

Уже 1 августа 1709 г., как только весть о Полтаве дошла до Нидерландов, английский посол в Гааге Ч. Таунсхенд начал агитацию против России среди министров, присланных союзными с морскими державами государствами, а также депутатов нидерландских провинций,¹⁵ причем А. А. Матвеев в своем письме прямо указывал, что именно английский министр¹⁶ явился инициа-

¹⁴ Датский посол в Австрии неоднократно предупреждал Г. Гюйссена, что многие копенгагенские политики «боятца, чтобы не получили какого беспокойства, когда его царское величество пристани на Восточном море держать будет» (Г. Гюйссен — А. Меншикову, 19 марта 1707 г. — ЦГАДА, ф. 32, оп. 1707, ед. хр. 4, л. 25 об.).

¹⁵ «...внушал... какое чаецца впредь последование и препоны многия и тяжкия из великих нынешних проходов оружия е. ц. в-ва. Особливо ж изъяснял, что е. ц. в-во по победе над шведом твердым учинится обладателем Балтийского моря и пожелает Риги и Ревеля и, когда получит те, не преминет еще поступати вдаль, к самому предосуждению и к опасению морских держав. Дацкой, Август и прусской короли... конечно, случатца с е. ц. в-вом... и сия лига единомышленная будет причиной великой при сем генеральной союзников войск остановки» (А. Матвеев — Г. Головкину, 5 авг. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 220 об.).

¹⁶ Ч. Таунсхенд был сторонником более жесткой политики как по отношению к Франции, так и к странам, влиявшим (или способным повлиять) на решение проблемы северного баланса. При этом его влияние распространилось и на внешнюю политику Нидерландов, так как начиная с мая 1709 г. он становится руководителем «северной политики» Великого союза вместо А. Гейнсууса; со вступлением Таунсхенда в должность посла от участия в дипломатической деятельности отходит и Дж. Ч. Мальборо.

гором негативных для России перемен в голландской политике, вдохновителем нового курса.¹⁷

Понятно, что Полтавская победа стала источником не только уважения к возросшей силе Петра I, но и опасений у ряда западных политиков. Англичане первыми стали предупреждать нейтральные (а еще настойчивее зависимые от Лондона) державы о необходимости сопротивления русскому царю, якобы готовящему захватнический поход на европейские территории. Более того, в своей антирусской направленности английская дипломатия смыкается со шведской. Посол Карла XII в Гааге выступает с заявлениями, почти дословно повторяющими таунсендовские, а чтобы заручиться поддержкой и Голландии (о ее более сдержанной позиции см. ниже), швед затрагивает самое больное место «морских торгующих держав» — проблему нарушения Россией северного баланса.¹⁸ Ход этот был сам по себе безошибочным, но он оказался особо действенным еще потому, что в тех же выражениях обрисовывал планы Петра и Ч. Витворт в своих письмах из Москвы.¹⁹

Дипломатия морских держав в стремлении сохранить баланс не ограничивалась упомянутыми, явно враждебными России «силовыми приемами». В ход пускались и более тонкие средства — от стараний лишить Россию помощи ее союзников (см. ниже), до предложения России войти в Высокий союз. При этом Петру I обещали те самые гарантии, которых он тщетно добивался несколько лет («о удержании завоеванных от неприятеля мест»),²⁰ но царь после Полтавы не торопился связать себя подоб-

¹⁷ «... из чего великие сумнительства и предусмотрения в секретех стацких почали чинитца, особливо ж от тех членов, которые аглинскую сторону держат» (А. Матвеев — Г. Головкину, 5 авг. 1709 г., л. 221).

¹⁸ «Неприятельский министр по получении новостей оных, ему злостастных, где может всячески у сильных членов сей республики... предусмотрения и оберегателства им коварно внушает», а именно, что Нидерландам пора «гораздо великое подозрение о всесилной державе е. ц. в-ва и из того последующих себе и иным потенциям предосудительных прогрессов иметь. Особенно же, что его царское величество по изкоренении шведов из Балтийского моря сильным державцом может впредь учинитца и вдаль себя от времени до времени распространить» (А. Матвеев — Г. Головкину, 29 июля 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 243 об.).

¹⁹ ДЧВ. СПб., 1886, т. 50, с. 30.

²⁰ ПВИ. М., 1956, т. 10, с. 520.

ным договором, способным помешать осуществлению его новых политических планов в Европе.

Более сложной была реакция на Полтаву Австрии. Вена не могла не испытывать благодарности к Петру, избавившему ее от угрозы шведского вторжения, которое, как сообщали с 1707 г. многочисленные источники, запланировано Карлом XII и будет осуществлено немедленно после победы над Россией.²¹ Но у цесаря были и более весомые мотивы к сближению с царем. До сих пор Австрия вкладывала слишком много сил в войну с Францией по сравнению с ее союзниками. На заседаниях кабинета министров отмечалось, что при таком положении цесарь все чаще вынужден брать на себя сохранение устойчивости международного положения в Европе на себя. Следовательно, стране необходимо устанавливать новые международные связи, ориентировать свою политику по-новому.²² Самой плодотворной из таких связей могла стать австро-русская, ведь цесарю по-прежнему доставляли сильнейшее беспокойство и Ф. Ракоци, и опасность турецкого вторжения,²³ а Россия подходила к роли союзника в решении обеих проблем лучше, чем морские державы (хотя бы по ее географическому положению). Поэтому уже в августе 1709 г. было принято решение о направлении к Петру I посла с заданием установить дружественные связи и решить несколько конкретных вопросов, в том числе о совместном с цесарем восстановлении мира на севере Германии.²⁴ В дальнейшем в планы венского кабинета вошел проект (правда, весьма приблизительный) союзов с Россией — оборонительного против Турции и наступательного против Швеции.²⁵ Были предприняты и некоторые реальные шаги с целью продемонстрировать Петру расположение к нему цесаря. Так, было решено, в случае если Карл XII направится из Турции в Польшу через территорию империи, выдать Петру сопровождающих короля Мазепу и запорожских казаков.²⁶

²¹ *Syveton G.* Louis XIV et Charles XII : Au camp d'Altranstädt. 1707, Paris, 1900, p. 156.

²² *Arneht A.* Prinz Eugen von Savoyen. Wien, 1858, Bd 2, S. 111—112.

²³ *Флоровский А. В.* От Полтавы до Прута: Из истории русско-австрийских отношений 1709—1711 гг. Прага, 1971, p. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ *Arneht A.* Prinz Eugen von Savoyen, Bd 2, S. 111—112.

²⁶ ПБП. М., 1952, т. 9, вып. 2, с. 1310—1311.

Однако долго следовать избранному курсу венское правительство не смогло. Очевидно, и здесь сыграла известную роль английская точка зрения, которую неоднократно высказывал лорд С. Г. Годолфин: основной вред от участия России и Польши в Северной войне тот, что, не беспокоя султана, они увеличивают опасность нападения последнего на Австрию и Венецию.²⁷ Уже в начале 1700 г. Вена, во-первых, предпринимает меры к тому, чтобы вновь разжечь русско-турецкую войну, а во-вторых, делает попытки сближения с Карлом XII.²⁸ Подтвержденный в январе сроком на 30 лет русско-турецкий мир также не мог в дальнейшем не беспокоить империю, чьи послы более всего тревожились нормальными отношениями между Стамбулом и Москвой.²⁹ Эти и иные факторы содействовали тому, что уже в начале 1710 г. «русская» политика Австрии становится единой с линией остальных членов Высокого союза.

Ганновер и Северный союз в 1709 г.

Некоторые отклонения от основного курса политики Высокого союза в послеполтавские месяцы произошли под влиянием инициатив не только цесаря, но и курфюрста Ганновера Георга-Людвига (с 1714 г. английский король Георг I). Традиционно заинтересованный в поддержке Стокгольма (в противовес соседним Пруссии и Дании) и связанный к началу войны со Швецией союзными отношениями, Ганновер поменял за последние 9 лет свою политическую ориентацию на противоположную.

Первый толчок к этой метаморфозе дали сами шведы, вступив с курфюршеством в острый конфликт относительно некоторых спорных территорий в Северной Германии. Поэтому уже летом 1700 г. Дания, искавшая союзников в дипломатической борьбе со Швецией, сделала первый шаг к примирению с Ганновером (она одной из первых признала за Георгом право на курфюршеское достоинство и поддержала его в династическом споре отно-

²⁷ *Anderson M. S. Russia under Peter the Great and the changed relations of East and West. — NCMH, p. 734.*

²⁸ *Штернберг Я. И. Русско-венгерские отношения периода Полтавской победы. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 97.*

²⁹ Турция накануне и после Полтавской битвы, с. 54.

сительнo владения некоторыми территориями Вольфенбюттеля).³⁰ В свою очередь Георг выступил с протестом против шведской политики силы в год Травенталя и первым предложил Дании установить с ней постоянную дипломатическую связь.³¹

В дальнейшем неоднократные предложения Швеции возобновить союзные отношения³² (по истечении их договорного срока) Ганновером отвергались — он более не нуждался в шведской поддержке, поскольку, во-первых, значительно усилился за счет приращенных территорий,³³ а во-вторых, курфюрст стал с 1701 г. английским престолонаследником и мог теперь рассчитывать на гораздо более действенную поддержку морских держав (уже в 1707 г. он был назначен главнокомандующим рейнскими армиями цесаря и имперских князей со всеми вытекающими политическими последствиями). В дальнейшем Георг откровенно принимает в территориальных спорах Швеции с континентальными державами сторону последних, что еще более охладило отношения между ним и Карлом XII.³⁴

Таким образом, курфюрст ведет все более самостоятельную (по сравнению с концом XVII в.), сильную и инициативную политику, имея для этого прочную основу. Как наследник английской короны он, с одной стороны, нередко оказывал влияние на политику морских держав, с другой — его дипломаты-немцы вели собственно ганноверскую политическую линию (естественно, соприкасающуюся с внутриимперскими, германскими интересами), стремясь нажить политический капитал, поэтому Георг часто забывал о колониальном разделе мира, развитии морского флота, необходимости развития морской торговли и прочих, казалось бы, актуальных для английского престолонаследника проблемах.

Политики Ганновера видели гарантию независимости страны в единстве и мощи Австрии, взаимной поддержке ее членов — отсюда их сопротивление экспансионизму

³⁰ *Havemann W. Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg. Göttingen, 1857, Bd 3, S. 359.*

³¹ *Højer A. König Friedrich des Viertes Glorwürdigstes Leben. Tønder, 1829, Bd 1, S. 50.*

³² *Schartau S. Förhållandet mellan Sverige och Gannover, 1709—1715. Lund, 1905, s. 9.*

³³ В 1705 г. Георг унаследовал от брата и Целле.

³⁴ *Schartau S. Förhållandet mellan Sverige... , s. 12.*

Пруссии и поддержка цесаря в войне с Бурбонами. Эту линию поддерживал и Г. В. Лейбниц, философ и ученый, не менее известный современникам и как политик.³⁵ Завязав непосредственные контакты с И.-Г. Урбихом еще до Полтавы, он в 1709 г. склонился к предложению посла о союзе курфюрста с царем. Такой союз казался Лейбницу заманчивым как средство отколоть от России сближавшуюся с ней Пруссию; не исключалось, что подобный альянс мог стать ступенью на пути включения России в Высокий союз, что послужило бы также на пользу империи.³⁶

В сентябре 1709 г. Лейбницу удалось склонить на свою сторону премьера Ганновера А. Бернсторффа. Затем, опираясь на письма Урбиха (доказывавшего, что царь сближается с Фридрихом I как с более активным, чем Георг, партнером³⁷), Лейбниц прилагает весь свой немалый талант, чтобы убедить в пользе союза с Россией и курфюрста. В октябре 1709 г. тот изъявляет желание вступить в переговоры,³⁸ и Петр I шлет к нему молодого многообещающего дипломата князя Б. И. Куракина.

Посол имел наказ добиваться от Георга согласия на оборонительный союз против Швеции — задача трудная, и поэтому Куракин мог обещать курфюрсту передачу ему (после победы) соседних шведских провинций — Бремена и Вердена. Обещание это в устах участника Полтавской битвы звучало особенно убедительно: он склонил на свою сторону Бернсторффа, имевшего огромное влияние на Георга во всем, что касалось имперских дел, и оборонительный русско-ганноверский союз был 23 июня 1710 г. заключен³⁹ (что дало, в частности, повод английскому историку Дж. Ф. Ченсу заметить, что Георг променял

³⁵ *Schilfert G.* Deutschland, 1648—1789. Berlin, 1959, S. 110.

³⁶ *Guerrier W.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter der Grosse. St. Petersburg; Leipzig, 1873, S. 63, 73—74, 85.

³⁷ *Ibid.*, S. 89.

³⁸ Очевидно, сыграли здесь свою роль и инициативы союзной России Дании, которую в свою очередь подталкивали к сближению с Ганновером дипломаты Англии и Нидерландов (*Schartau S.* Förhållandet mellan Sverige., s. 16), и главным образом прямая рекомендация на этот счет цесаря, знавшего о сближении России с его конкурентом — прусским королем — и стремившегося использовать Георга для наблюдения и при нужде внесения раскола в складывавшийся союз (*Stenius S.* Sachsen och Preussen i den nordiska krisen 1709. — KFA, 1949, s. 121).

³⁹ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1320.

дружбу со Швецией на союз с ее врагами еще в бытность свою наследником короны Англии⁴⁰).

Естественно, Петр I прекрасно понимал, где источник вспыхнувшей «симпатии» Ганновера к России,⁴¹ и знал ей цену. Тем не менее выбирать ему было не из чего, а такие отношения были весьма ценны для западноевропейской политики Северного союза в целом (Георг сблизился и с Августом II)⁴² — они содействовали смягчению политики Высокого союза к антишведской группировке. Так, например, морские державы, которые были единственной силой, способной помешать датскому десанту в собственно Швецию, не только не стали на пути датчан, но и отказали Стокгольму в просьбе предоставить для защиты Сконе эскадру. Причем сделано это было под прямым влиянием Ганновера, которому Фредерик IV взамен обещал не вводить войск в Гольштейн-Готторп, не нарушать мира в империи и т. д.⁴³

Подобная «оттепель» в отношениях Ганновера и северных союзников продлилась недолго, полгода—год, но ее вполне хватило на срок, необходимый для восстановления антишведского союза и его первых боевых акций.⁴⁴ Русские политики понимали, что чрезмерно большим он не будет — в любой момент он мог закончиться вместе с окончанием войны за Испанское наследство, поэтому

⁴⁰ *Chance J. F. Enhland and Shweden in the time of William III and Anna.* — ENR, 1901, vol. 16, p. 676.

⁴¹ «Здесьшний двор видим к себе весьма склонна», — писал Б. И. Куракин; ведь Георг еще в 1709 г. выступил с инициативой вооруженного выступления, если Крассау попытается вторгнуться в Данию («обещают престоергать и того не допустить») (Б. Куракин — В. Долгорукому, 25 нояб. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 47, оп. 1709, ед. хр. 1, л. 1). Еще важнее были попытки (вскоре увенчавшиеся успехом) Георга склонить к «гварантии в неподвижности корва шведского» и морские державы (Б. Куракин — В. Долгорукому, 13 дек. 1709 г. — Там же, л. 10). Аналогичное заверение направил Георг и в Данию (Георг — Фредерику IV, 16 окт. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 428 об.).

⁴² Георг обещал Саксонии, как союзнице России, и Дании помощь во всех «счастливых и бесчастливых событиях», имея в виду ее основного врага — Карла XII (Георг — Августу II, дек. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 1, л. 11).

⁴³ *Schartau S. Förhållandet mellan Sverige...*, S. 22—23.

⁴⁴ Впрочем, по большому счету сближение Георга с союзниками привело в 1715 г. к весьма значительному событию — он присоединился к их борьбе со Швецией!

реставрация Северного союза велась ими оперативно и дружно, хотя действовали они при нескольких европейских дворах одновременно.

Проблемы выбора политики Пруссии. Мариенвердер

Берлин стал первой европейской столицей, куда с Украины 27 июля донеслась весть о великой победе. Официальных сообщений еще не было, поэтому пруссаки поверили этому слуху, лишь когда узнали, что шведские войска в Польше концентрируются вокруг корпуса Крассау и готовятся к какому-то маршу.⁴⁵ Первое известие было дополнено вскоре еще одним слухом — о том, что под Полтавой в шведских бумагах, попавших в руки русских, была найдена письменная договоренность Карла XII со Станиславом «разбить в случае победы над Петром I и прусского короля, а затем изгнать последнего из его страны».⁴⁶ Слух был ложным, но это выяснилось позже, а пока, кем бы он ни был пущен (утверждали — самими русскими⁴⁷), свое дело он сделал: Берлин тут же активизирует переговоры с Августом II, обещая саксонцу содействовать его возвращению в Польшу и борьбе со Станиславом, но за ту же плату Пруссия должна получить Западную Пруссию и желательную Курляндию, а также Эльбинг.⁴⁸ Начатые по инициативе Берлина переговоры с Саксонией были едва ли не единственной политической акцией, на которую осмелился Фридрих I,⁴⁹ и Полтава не могла избавить его от страха перед Карлом XII,⁵⁰ особенно в первые после разгрома шведов ме-

⁴⁵ *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik.* Leipzig, 1867, T. 4, Abt. 1, S. 214.

⁴⁶ *Lundberg E. De diplomatiska förbindelser mellan Sverige och Preussen från Poltavaslaget till fredsbröttet 1715.* Lund, 1893, S. 7.

⁴⁷ *Ibid.*

⁴⁸ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713.* München, 1953, S. 228.

⁴⁹ Правда, небольшой отряд пруссаков двинулся в конце июля 1709 г. к Эльбингу, чтобы прекратить для начала его сообщение с внешним миром; на блокаду самой крепости король не решился (*Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik, 1712—1715.* Lund, 1918, s. 92).

⁵⁰ Опасения даже минимального риска в прусско-шведских отношениях доходили до смешного. Так, король предпочел не

сяцы, когда еще неясен был размер катастрофы на Ворскле, как и дальнейшие планы шведского короля.⁵¹ Но события настоятельно требовали окончательного выбора между Швецией и Россией. Показательно, что по сравнению с этой дилеммой на второй план отошли даже прусско-английские отношения, и, кажется, в утрате своего влияния в Пруссии виноваты были сами англичане. В один из приездов Дж. Ч. Мальборо Фридрих I просил его содействия в овладении польской Пруссией, что было необходимо для усиления его королевства — естественного противовеса Австрии, не могшей не нарушить баланс в Европе после победы над Францией. Герцог в целом согласился с королем, но просил отложить решение восточнопрусской проблемы до заключения всеобщего мира. Таким образом, реальной надежды на помощь морских держав практически не было.⁵²

Но вот русские войска входят в Люблин, в Польшу прибывает царь, сенаторы, собравшиеся в Торунь, приветствуют его как «спасителя польской свободы и восстановителя законного короля» (который также прибывает в Торунь; его соперник бежит к Курассау). Поэтому у Фридриха I появляется мысль добыть часть польской территории раньше наступления мира, обратившись к реальной власти в Польше.⁵³

Обстоятельства тому благоприятствовали — Петр I по личной инициативе предложил еще в июле 1709 г. Фрид-

явиться на торжества, устроенные в Берлине русским послом А. Литом в честь Полтавской победы (Leyonstedt — Rådet, 13 sept. 1709. — Riksarkivet, Borussia).

⁵¹ Не исключено, что именно эти опасения заставили Фридриха летом 1709 г. настаивать на возвращении всех прусских войск из службы у Высокого союза. Был даже составлен соответствующий договор (*Legrelle A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. Gand, 1892, vol. 4, p. 532*); до его ратификации дело не дошло, но он сыграл бесспорно свою роль в наступившем в 1709 г. заметном охлаждении между Пруссией и морскими державами (см. ниже).

⁵² О новых политических осложнениях с Голландией летом—осенью 1709 г. см.: *Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik. . . , s. 110.*

⁵³ Можно даже назвать точную дату переориентировки прусской политики с «саксонского» на «русское» направление — 10 сентября 1709 г. прусский посол в Дрездене К. Г. Маршалк получает рескрипт прекратить переговоры с Августом и вместо этого готовиться к поездке к Петру (*Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik. . . , s. 99*).

риху встретиться с ним «для общих интересов». ⁵⁴ О смысле этих интересов знал прусский посол в Москве Г. И. Кайзерлинг, встречавшийся с Петром сразу после Полтавы, ⁵⁵ — речь могла идти о союзе и совместных действиях против Швеции. Взамен Петр, которому, как писал Кайзерлинг после встречи с царем в Киеве, чужда «политика безграничной (*uferlose*) экспансии» и который «хочет лишь сохранить доступ к Балтийскому морю», мог содействовать передаче Пруссии лишь того, что когда-то шведы отобрали у Бранденбурга, т. е. шведской Померании и Эльбинга с округом. ⁵⁶ Эти назревшие проблемы царь хотел обсудить с Фридрихом с глазу на глаз; над организацией встречи работали прусские дипломаты и А. Лит. ⁵⁷

Встреча состоялась в Мариенвердере лишь в октябре 1709 г., и виноваты в такой задержке были сами пруссаки. Вначале король последовал совету своего посла «хвататься за русские предложения обеими руками», как за гораздо более выгодные, чем те, что делались пруссакам цесарем или морскими державами. И, судя по его высказываниям, Фридрих действительно считал, что настал тот редкий момент, который «никогда более для его страны не повторится», ⁵⁸ и собирался согласиться на все предложения Петра, готового, наконец, передать королю почти все, к чему он так долго стремился.

Однако карточный домик, возведенный было Фридрихом I, вскоре развалился. Вначале в Берлин пришла просьба Крассау и Станислава позволить им, пройдя через территорию Пруссии, вернуться к себе, в Померанию. Узнав об этом, датчане, опасавшиеся, что потом Крассау пойдет в Ютландию, предложили Пруссии, как члену Потсдамского договора, поступать согласно уже принятому решению (рассматривать подобное вторжение шведов в Пруссию как враждебное), но как мог решиться на такой шаг король без армии? Август II, также опираясь на договор 15 июля 1709 г., требовал помощи (если не войсками, так деньгами), взамен соглашаясь поддер-

⁵⁴ ПБП, т. 9, вып. 1, с. 319—320.

⁵⁵ Там же, с. 1053.

⁵⁶ *Hassinger E. Brandenburg-Preussen...*, S. 229—230.

⁵⁷ А. Лит — В. Долгорукому, 15 сент. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 74, оп. 1709, ед. хр. 2, л. 62.

⁵⁸ Цит. по: *Hassinger E. Brandenburg-Preussen...*, S. 230.

жать претензии пруссаков на Померанию. И на эту просьбу Фридрих I ответил отказом.⁵⁹

К обоюдному разочарованию привела Фридриха I и Петра I их встреча в Мариенвердере 16 октября. Петр, уже привлечший Данию и Саксонию к союзу с Россией (см. ниже), смотрел в будущее гораздо увереннее, чем летом, когда он сразу после Полтавы (очевидно, еще не осознав, как резко изменится его внешнеполитическое положение в результате победы) давал в Киеве предварительное согласие на предложения Кайзерлинга. Затягивание начала переговоров сыграло против самих пруссаков — теперь Петр отказывался содействовать передаче Пруссии Эльбинга, тем более давать королю возможность овладения стратегически важной Курляндией⁶⁰ и вообще связывать себя накануне заключительных, как полагал царь, битв со шведами какими-либо обязательствами. Более того, Петр не мог увидеть в предложениях Пруссии возможности привлечь ее к вооруженной борьбе — об этом говорят сохранившиеся от встречи источники,⁶¹ а о такой необходимости свидетельствовала полная бездеятельность Фридриха I в течение трех с половиной месяцев, прошедших со дня заключения Потсдамского договора.

В результате переговоров в Мариенвердере Петр приступил 22 октября 1709 г. к Потсдамскому оборонитель-

⁵⁹ Здесь, очевидно, сыграла определенную роль весть о том, что Карл XII не погиб и даже собирался вскоре явиться в Померанию (*Herlitz N. Den polska frågan 1708—1709.* — KFA, 1914, s. 175). Такие новости, естественно, получили при берлинском дворе большой резонанс (*Murray J. J. George I, the Baltic and the whig split of 1717: A study in diplomacy and propaganda.* London, 1969, p. 227). В результате Фридрих отправил в глубочайшей тайне посланника к Крассау, предлагая тому идти вместо Пруссии в Курляндию или даже Лифляндию. Как бы сговорившись с ним, точно такой же шаг предпринимает и Август II; но если сепаратные переговоры со шведами саксонцев оставались пока тайной, то агент Августа в Гамбурге Г. Леман сумел перехватить ряд шведских писем о предложении Фридриха I, а его король не упустил, естественно, случая довести их содержание до царя и Фредерика IV (*Bonnesen S. Peter den Store.* Stockholm, 1925, s. 85—95).

⁶⁰ Столь же невыгодным было бы осуществление плана Фридриха I на передачу ему Западной Пруссии — так Польша утратила бы доступ к Балтике, чего Петр не мог допустить по отношению к стране, уже в 1709 г. вошедшей в сферу интересов России.

⁶¹ *Danielson J. R. Zur Geschichte der sächsischen Politik, 1706—1709.* Helsingfors, 1878, S. 82; *Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik, T. 4, Abt. 1, S. 339—340.*

ному договору — уже этот блок мог рассматриваться как некоторый прогресс в восстановлении Северного союза,⁶² тем более что Фридрих I торжественно обязался не пропускать Крассау, если тот пожелает вернуться в Польшу.⁶³ Взамен Петр обещал отдать Фридриху Эльбинг, когда наступят мирные переговоры. Трудно сказать, было ли это обещание вполне искренним — вскоре, когда союзники должны были идти к Эльбингу для его осады, Петр всячески настаивал на том, чтобы первым блокировал крепость Август II, и, лишь получив соответствующее известие от Флеминга, снабдил пруссаков всем необходимым для марша.⁶⁴ Как видно, положительные в целом результаты русско-прусской встречи были все же гораздо скромнее тех, на которые рассчитывали Петр I и Фридрих I, приступая к ее подготовке всего за 3—4 месяца до заключения договора.⁶⁵

Новый поворот политики Августа II. Торуньский трактат

Гораздо более решительным и активным, чем прусский король, проявил себя в послеполютавские месяцы Август II. Отдавая себе отчет в том, что морские державы и после поражения шведов будут ограничивать его деятельность все из-за того же пенарушения мира в империи,⁶⁶ Август II сделал в августе 1709 г. попытку еще раз добиться от них помощи, хотя бы ценой ухудшения отношений между Петром I и морскими державами.

⁶² Иногда ошибочно утверждается, что Мариенвердерский договор Петр I заключил с Фридрихом-Вильгельмом, занявшим, как известно, трон лишь в 1713 г. (*Тарле Е. В. Северная война...*, с. 465).

⁶³ *Lundberg E. De diplomatiska förbindelser...*, s. 11.

⁶⁴ *Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik...*, s. 132—133.

⁶⁵ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами / Сост. Ф. Р. Мартенс. СПб., 1880, т. 5, с. 63—71.

⁶⁶ Еще в январе 1709 г. заседавший в Гааге «триумвират» Высочайшего союза (Евгений Савойский, Мальборо и Гейнсиус) недвусмысленно дал понять П. Р. Ланьяско, что они не остановятся перед применением силы, если Август II попытается вернуться в Польшу — это увеличило бы риск военного конфликта в империи (*Danielson J. R. Zur Geschichte der sächsischen Politik...*, S. 83—84).

Саксонец Г. Леман, прибыв в Ганновер, сообщил камер-президенту Ф. В. Герцу о планах Петра разгромить шведскую армию, а затем вытеснить шведов из их германских провинций. Этому сообщению ни Георг, ни политики морских держав не поверили: по чистой случайности у Лемана не оказалось посольских полномочий.⁶⁷ Через месяц о том же с А. Бернсторффом говорил второй посланец Августа — С. Ностиц — и с тем же успехом.

Возникает вопрос, почему Август II не обратился сразу же после Полтавской битвы к Петру? Очевидно, до него доходили вести о сильном недоверии, которое испытывал к нему бывший союзник; невзирая на то что после Альтранштедта прошло около 3 лет, царь в первые недели после Полтавы предпочитал иные кандидатуры на польский престол.⁶⁸ Схожей позиции придерживался и А. Сенявский, протестовавший против возвращения беглого короля (он считал, что сможет умиротворить Польшу с помощью своего войска и русских вспомогательных отрядов).⁶⁹

Между тем в Дрездене собиралось все больше сандомирян, уверенных в том, что после поражения шведов для Августа настало время вернуть утраченные позиции. Почувствовав в лице этой вольницы некоторую поддержку и собрав свое войско (около 11 тыс.), саксонский курфюрст перешел в конце августа польскую границу.

К этому времени царь уже принял решение, на многие годы определившее судьбу Польши, — отдать корону Августу, наиболее зависимому от него претенденту; соответствующий манифест к польскому народу был готов уже 7 сентября 1709 г.⁷⁰ После его опубликования началась подготовка к договорному оформлению новых отношений, сложившихся между Петром I и Августом II.

Саксонец, естественно, знал об этом и также готовился: подозревая, что Петр собирается сделать Пруссии территориальные уступки за ее поддержку, он предпринимает меры для ее неучастия в переговорах и даже в возможном отвоевании шведских владений в Германии;

⁶⁷ *Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik...*, s. 118—119.

⁶⁸ *Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая...*, с. 16.

⁶⁹ *Геровский Ю. А. Польша и победа под Полтавой. — В кн.: Полтавская победа. М., 1959, с. 65.*

⁷⁰ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 361—364, 1216—1217,

В крайнем случае он предполагал ввести в антишведскую лигу и Ганновер в качестве противовеса Пруссии.⁷¹

Переговоры в Торунь завершились русско-саксонским трактатом 10 октября 1709 г.⁷² об оборонительном и наступательном антишведском союзе, согласно которому Август II должен был, введя в Польшу все свое войско, бороться за полное освобождение Речи Посполитой от шведов. Обе стороны обязались привлечь к новому союзу королей Дании и Пруссии, а также Речь Посполитую (статьи 16 и 17); в момент торуньских переговоров польская республика была вне союзов, так как заключенный А. Литом 16 июля 1709 г. в Дрездене наступательный и оборонительный русско-польский союзный договор⁷³ Петром ратифицирован не был.

Россия сняла с себя Торуньским договором ряд обязательств (важнейшими из которых была выплата Августу II субсидий и закрепление его династии на польском троне), однако Петр обещал отдать союзнику Лифляндию.

Известно, что обещание это исполнено не было — по Ништадтскому миру Лифляндия отошла к России. Согласно весьма фундаментальным исследованиям, еще в 1715 г. вопрос о судьбе Лифляндии «не ставился еще с такой определенностью», как год спустя, когда требование о ее включении в состав России вошло в русскую программу мира.⁷⁴ Другими словами, создается впечатление о возникновении у Петра мысли относительно пересмотра этого условия Торуньского договора лишь накануне мирных переговоров со шведами 6 лет спустя. Между тем, судя по некоторым данным, в Торунь (как и в Мариенвердере, в вопросе относительно судьбы Эльбинга) политика Петра была весьма непростой.

Есть сведения касательно якобы имевших место еще в 1709 г. высказываний царя вроде того, что он намерен «завоевать Лифляндию, чтобы соединить ее с Россией, а не затем, чтобы уступить ее... польской республике».⁷⁵ Подобные сведения, приводимые, как правило,

⁷¹ *Bonnesen S. Studier öfver August II's utrikespolitik...*, s. 108.

⁷² Текст см.: ПБП, т. 9, вып. 1, с. 400—407.

⁷³ Текст см.: ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1278—1284.

⁷⁴ *Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны.* М., 1959, с. 83.

⁷⁵ *Тарле Е. В. Северная война...*, с. 464.

с указанием весьма недостоверных источников⁷⁶ (или вообще без них, как в предпоследнем примере), неоднократно подвергались сомнению.⁷⁷

Некоторую ясность в этот вопрос, возможно, внесет история малоисследованной миссии шведского кабинетсекретаря Ю. Цедеръельма и генерала Ю. А. Майерфельта, первый из которых был пленен под Полтавой, а второй явился к Петру в качестве парламентаря Карла XII. Петр вручил им в июле 1709 г. свои предложения о мире, с которыми они отправились в Турцию, где к тому времени уже находился Карл.⁷⁸ Одним из условий, выдвинутых Петром, и была передача Лифляндии России,⁷⁹ а никак не Речи Посполитой; не исключено, что план этот появился у царя еще раньше.

Главное значение Торуньского договора заключалось, по словам польского историка Ю. А. Геровского, в том, что «царь, используя решающую роль русской армии... постарался крепче привязать к себе как Августа, так и Речь Посполитую», а также поставить «политику Августа в зависимость от политики России».⁸⁰ Дальнейшие события показали, что задача эта в целом была решена в 1709 г., в первую послеполтавскую осень. Там же, в Торуни, был заключен и польско-русский оборонительный трактат (к которому приступили затем прусский и датский короли), направленный, естественно, против Швеции.⁸¹

⁷⁶ *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Amsterdam, 1818, bd 3, bl. 218—219.

⁷⁷ См., например: *Danielson J. R.* Zur Geschichte der sächsischen Politik..., S. 106, Bem. 3.

⁷⁸ Сведения о том, что шведские посланцы Петра I отправились в Стокгольм для переговоров насчет обмена пленными (ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1178, 1355), ошибочны. Они встретились с Карлом XII через несколько дней, а уже 1 августа 1709 г. был готов письменный отказ короля от мирных предложений Петра (*Bidrag til den Store nordiske krigs historie. København, 1899, bd 1, s. 305; Villius H.* Karl XII's ryska fälttåg. Lund, 1951, s. 151—152, 221—222).

⁷⁹ Текст мирных предложений см.: *Голиков И. И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1795, т. 16, с. 71. Подробнее об истории отправки Цедеръельма и Майерфельта см.: *Tengberg E.* Meierfeldts mission efter Poltava. — HTS, 1952, årg. 16, s. 27 et sq.; *Nordberg G. A.* Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden, mit Münzen und Küpfern. Hamburg, 1746, T. 2, S. 163—164.

⁸⁰ *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой, с. 69.

⁸¹ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1276.

Вступление Дании в войну. Восстановление Северного союза

Более сложным было возвращение в Северный союз Дании. Сразу же после Полтавы Фредерик IV было сообщено из Лондона, что «английская королева зело упорно сторону швецкую держит и говорит, что она до разорения и до упатку короля швецкого допустить не может».⁸² Как и прежде, без согласия морских держав Дания вступить в войну отказывалась, опасаясь повторения Травенталя. Англия и Нидерланды об этом знали и подобные опасения по мере сил подогревали,⁸³ не останавливаясь перед неприкрытой демонстрацией своей военной мощи.⁸⁴ Однако непрерывная, упорная работа В. Л. Долгорукого в Копенгагене и А. А. Матвеева в Гааге свои плоды принесла, хотя и не сразу.⁸⁵

Официальное решение Тайного совета Фредерика IV о вступлении Дании в войну в сентябре—октябре было принято уже в конце июля 1709 г.: планировалось высадить в Сконе до 10 тыс. войск и одновременно развернуть действия вдоль норвежской границы; для защиты столицы от обстрела флотом морских держав готовилась эскадра кораблей.⁸⁶ Но, широко ведя подготовку к вы-

⁸² В. Долгорукий — Г. Головкину, 30 июля 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 71.

⁸³ The correspondence 1701—1711 of John Churchill, first duke of Marlborough and Antonie Heinsius, grand pensionary of Holland. Haag, 1951, p. 463, 468.

⁸⁴ В июле 1709 г. к Копенгагену подошло восемь английских кораблей (якобы для пополнения запасов провизии). Протест, заявленный датчанами, «чтоб тот адмирал перестал такое самовольство чинить в их порте», ни к чему не привел — эскадра стояла, пока не получила из Лондона приказ Адмиралтейства возвращаться (В. Долгорукий — Г. Головкину, 9 июля 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 17, л. 65 об.).

⁸⁵ Долгорукий доказывал, что свои угрозы Англия «ныне действием исполнить не может» по причине войны с Францией, да и в случае окончания ее «англичане не скоро тако поступят, чтоб им в парламент подать на себя класть и разорение несть для короля швецкого» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 9 июля 1709 г., л. 71). В целом оценка посла соответствовала действительности. Когда шведский посол Палмквист в августе 1709 г. потребовал от Нидерландов более активных действий, способных остановить Данию, явно шедшую к разрыву со Швецией, ратспенсионарий какие-либо конкретные обещания дать отказался (*Stenius S. Sachsen och Preussen...*, s. 112).

⁸⁶ В. Долгорукий — Г. Головкину, 30 июля 1709 г., л. 71.

ступлению против Швеции, король не торопился заключать соответствующий договор с Россией. Причина была старая — он ждал увеличения русских субсидий.⁸⁷

Между тем 12 августа в Копенгаген прибыл курьер А. П. Веселовский с письмом В. Л. Долгорукому и грамотой о Полтаве Фредерику. В письме канцлер Г. И. Головкин предписывал послу ввиду победы субсидии датчанам более не обещать, «а домогатца, чтоб король заключил новый союз», поскольку это будет только в датских интересах.⁸⁸

Русский посол объявил королю смысл новых инструкций, это был жестокий удар по чаяниям Фредерика IV,⁸⁹ но отступить было поздно — Дания уже заключила договор с Саксонией и Пруссией, чем серьезно скомпрометировала себя перед Швецией (где уже знали о содержании этих трактатов) и слишком далеко зашла в политической, да и технической подготовке к войне. Основной же причиной невозможности отступления теперь была уверенность в близком русско-шведском мире — об этом постоянно твердил Долгорукий; о том же (и также не имея оснований) писал из Москвы датский посол Г. Грунд, называя даже лицо, намеченное для посредничества в переговорах — пленного под Полтавой графа К. Пипера.⁹⁰

Когда королю стало ясно, что путем переговоров с Долгоруким денег ему не добиться, он, давно уже подзревая посла в самовольном преуменьшении суммы субсидий,⁹¹ послал в Россию, в обход Долгорукого, своего посла К. Рантцау. Тот прибыл в Торунь в день подписания русско-саксонского договора (10 октября). Чувствовавший себя победителем в сложной политической игре с двумя опытными партнерами, царь не стал терять времени на посланца третьего, а отослал его домой, почти

⁸⁷ Отказ приступить к переговорам датчане мотивировали ожиданием курьера из России с подлинными известиями о Полтаве (En conférence avec Mr. le Ambassadeur de Moscovie, 31 juil. 1709. — RATKUA, Rusland, A-II).

⁸⁸ Цит. по: *Возгрин В. Е.* Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. — ИЗ, 1974, т. 93, с. 318.

⁸⁹ По словам посла, король, «выслушав то, смутным себя показал» (цит. по: *Возгрин В. Е.* Заключение русско-датского союзного договора. . ., с. 326).

⁹⁰ Grund — Frederik IV, 17 juli 1709. — RATKUA, Rusland, B.

⁹¹ «Министры вменили, будто отказываю без указа, хотя ввести их в войну бес того и тем показать свою службу [царю]» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 16 авг. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1709, ед. хр. 15, л. 78).

дословно повторив формулировку Фредерика на переговорах в Венеции: все переговоры должны вестись в Копенгагене, через его посла. Впрочем, аналогия венецианских и торуньских переговоров была не совсем полной.

Фредерик IV, прогоняя от себя русского посла, стремился выторговать максимальные субсидии, закрывая глаза на все другие грани союза с Россией. В ходе же торуньских переговоров Петр I мог и должен был пойти на такой шаг, будучи не только оскорблен унижительным приемом, оказанным Фредериком в Венеции послу великого государя, но и понимая, что холодный прием К. Рантцау увеличит шансы Долгорукого на скорейшее заключение договора с Данией.

Последнее стоявшее на пути к союзному трактату условие датчане выдвинули 16 сентября: нужно объявить англичанам и голландцам «от стороны... [царя], чтобы они в деле государей, сущих в союзе... не мешались», иначе царь объявит «пресечение с ними торгов». ⁹² Предложение это Долгорукий отверг. ⁹³

Ход переговоров затруднялся и посланниками морских держав, которые в октябре 1709 г. развернули в Копенгагене кампанию, направленную против возврата Дании в Северный союз. Датский посол И. Росенкранц, получив инструкцию склонить ратспенсионария к невмешательству в датские дела, ничего не достиг и покинул Нидерланды, сопровождаемый угрозами немедленного вмешательства в вооруженный конфликт, если он возникнет между Данией и Швецией. ⁹⁴

Более того, прусский посланник сообщил Долгорукому, что в середине октября английский и голландский послы в Дании должны получить инструкции, санкционирующие применение ими открытой угрозы ультимативного характера. ⁹⁵ Русский посол, понимая, что такие указы, как и подозрения о намерении Крассау двинуться к границам Дании, «много здесь помешать могут», решил для быст-

⁹² ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1045. Эти же предложения содержались в проекте, привезенном К. Рантцау (*En conférence avec m. l'Ambassadeur de Moskovie, 27 sept. 1709.* — *RATKUA, Rusland, A-II*).

⁹³ *Responce de lo prince de Dolgorouki au protocole present le bie 28 sept. 1709.* — *RATKUA, Rusland, A-II*.

⁹⁴ В. Долгорукий — Г. Головкину, 20 сент. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 89.

⁹⁵ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1391.

роты пойти навстречу некоторым предложениям датчан.⁹⁶

Наконец, 11 октября оборонительный и наступательный договор с Данией был подписан. Трактат обязывал Данию напасть в том же 1709 г. на Швецию «как морем, так и сухим путем», если же «некоторые области» предпримут вооруженное вмешательство в дела Северного союза, то с ними (здесь явно имеются в виду морские державы) северные союзники оставляют за собой право поступать «как с общими неприятелями».⁹⁷

Итак, Копенгагенским договором основная цель переговоров была достигнута; в пользу России был решен и вопрос, более иных затруднявший переговоры, — о помощи Дании деньгами, войсками и материалами: «Не дал ни человека, ни шелега!», — с триумфом писал В. Л. Долгорукий в Москву. Другими словами, отныне датчане в вопросе субсидий могли надеяться только на добрую волю России.⁹⁸

Дипломатические результаты Полтавы: взгляд из Стокгольма и Бендер. Новый курс Гольштейн-Готторпа

В 1709—1710 гг. политика Швеции впервые утрачивает цельность, раздваивается — чем дальше, тем больше расходятся внешнеполитические линии короля и столь послушного ему ранее Государственного совета. Для того чтобы понять причины такого уникального положения, следует, очевидно, представить себе все различие обстановки, в которой находились полтавский беглец и стокгольмские чиновники. Благодаря Полтаве отношения между королем и его помощниками в корне меняются — ранее Карл XII игнорировал мнение совета, теперь ему тем же начинает отвечать руководитель совета А. Горн. Король рассматривал балтийскую проблему извне, с Вос-

⁹⁶ Возгрип В. Е. Заключение русско-датского союзного договора... с. 320.

⁹⁷ ПСЗ, т. 4, № 2237.

⁹⁸ О самостоятельности принятого русским дипломатом решения свидетельствует указание Петра заключать с Данией договор, если даже придется платить субсидии. Инструкция эта пришла в Данию уже после заключения Долгорукиным договора (ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1040—1041).

тока, и с его точки зрения положение непосредственно после битвы изменилось мало — он покинул разбитую армию, но остатки ее были довольно значительны (Левенгаупт вел в Крым свыше 12 тыс. человек — это было больше, чем пало под Полтавой).⁹⁹ Карл XII планировал продолжение борьбы за Польшу, соединив свое войско с корпусом Крассау и поляками Станислава, возможно, с поддержкой турок и татар. Поэтому еще с дороги в Бендеры он направляет посла М. Нейгебауэра в Стамбул, секретаря О. Клинковштрема в Бахчисарай, а в стокгольмскую Оборонную комиссию указ срочно вооружить и переправить в Померанию несколько полков пехоты.¹⁰⁰

Не изменила планов короля и весть о капитуляции Левенгаупта под Переволочной. Но если ранее туркам и татарам в них отводилась вспомогательная роль, то отныне связи с Крымом и Турцией приобретают чрезвычайно важное значение: таким путем Карл считал возможным восстановить утраченный фактор военной мощи, необходимый для продолжения войны с Россией и ее союзниками.

Иной представлялась ситуация из Стокгольма. Прежде всего, Государственный совет не мог выполнить указаний короля по причине крайнего истощения экономики и людских ресурсов страны, к тому же жестоко пострадавшей от неурожая 1708—1709 гг. и начавшейся чумы.¹⁰¹ Имелись причины и чисто морального плана — в Стокгольме могли лучше оценить размеры поражений в Прибалтике, их политическое и экономическое значение, и со временем моральный фактор становится все более весомым в выработке решений совета. Особенно ощутимой была утрата Выборга — ключевой крепости, оборонявшей финляндскую провинцию Швеции с востока.

Короче, если Карл XII себя побежденным не считал, то стокгольмские политики полагали войну проигранной и пытались спасти, что еще было возможно. Причем дело было даже не в том, где находились единомышленники — сменивший К. Пипера фон Х. Мюллерн, живший с Карлом в Турции, постоянно сообщал совету, что он ничего

⁹⁹ Haintz O. König Karl XII von Schweden. Berlin, 1958, Bd 1, S. 301.

¹⁰⁰ НН, 1864, bd 4, s. 155—156.

¹⁰¹ НН, 1866, bd 5, s. 1; Axelson G. Bidrag till kännedom om Sveriges tillstånd på Karl XII's tid. Visby, 1888, s. 35—36, 93.

общего с планами короля не имеет и поддерживает линию А. Горна.¹⁰²

Наконец, имелись внешнеполитические факторы, также говорившие в пользу кардинального пересмотра курса страны. Горн не верил в эффективность политической концепции Карла XII, надеявшегося уничтожить мощь Саксонии, Польши, России посредством внутривнутриполитического раскола, одновременно вновь разрушив союз этих держав.¹⁰³ Горн полагал далее, что корпус Крассау и без подкреплений из Швеции — источник беспокойства для высоких союзников, имевших основания опасаться новых конфликтов по его вине,¹⁰⁴ а именно обострений с морскими державами и стремился избежать в первую очередь Государственный совет. Интересно, что линия эта была избрана до Полтавы: когда инструкция с декларацией о сохранении мира в германских провинциях была направлена послу Й. Палмквисту, в Швеции еще не знали о поражении армии.¹⁰⁵ В дальнейшем идея декларации неоднократно подчеркивалась и уточнялась, пока морским державам не было по шведской инициативе заявлено, что Крассау не пойдет в Польшу; таким образом, совет дошел до прямого сопротивления Карлу, планировавшему польский поход.¹⁰⁶

Узнав о не санкционированных им инициативах Государственного совета, король указал от плана германского нейтралитета отказаться как от решительно не соответствовавшего интересам воюющей Швеции, но Горн не подчинился указу, ссылаясь на «плохую информированность» своего короля, так как знает тот, что отправка в Европу дополнительно 10 тыс. солдат приведет «к окончательному разорению страны», он «никогда бы этого не приказал».¹⁰⁷ Более того, совет готовит распоряжение об отзыве корпуса в Швецию «за ненадобностью» в случае подписания акта о нейтралитете, гарантированного высокими союзниками, ибо страна не имеет средств на содер-

¹⁰² *Tengberg E.* Från Poltava till Bender. Lund, 1953, s. 76—77.

¹⁰³ *Rosen J.* Den svenska utrikespolitikens historia. Bd 2, d. 1, 1697—1721. Stockholm, 1952, s. 120.

¹⁰⁴ *Chance J.* Georg I and the Northern War. London, 1909, p. 11.

¹⁰⁵ Kanslikollegium — Palmqvist, 28 aug. 1709. — Riksarkivet, Hollandica.

¹⁰⁶ *Hallencreutz H.* Om neutraliteten i Tyskland år 1710. Stockholm, 1866, s. 10.

¹⁰⁷ *Ahlström W.* Arvid Horn och Karl XII, 1710—1713. Lund, 1959, s. 10—11.

жание корпуса; велись переговоры и о передаче его антифранцузской коалиции.¹⁰⁸

Подобная политика не могла не встретить одобрения морских держав, горячо выступавших за нейтрализацию севера империи. Они вполне определенно высказывались и против новых походов шведов в Россию или Польшу, предлагая Стокгольму любую помощь в заключении мира; у шведов имелись известные надежды и на получение от богатых высоких союзников помощи в виде денег, необходимых крайне обнищавшей стране.¹⁰⁹

Как упоминалось, Крассау подчинялся приказам лишь из Бендер, поэтому морские державы при всем одобрении ими политики Государственного совета не могли оказать нужную Швеции поддержку, несмотря на то что стокгольмские дипломаты уверяли их, что король чуть ли не дутая фигура и т. п.¹¹⁰ Тем не менее диаметрально противоположная «бендерской» политическая линия совета Горна сыграла в 1709—1710 гг. положительную для страны роль, показав великим державам, что в Швеции есть силы, способные при благоприятных условиях направить внешнюю политику курсом нейтралитета, силы, стремящиеся к мирному разрешению балтийского вопроса, к сближению с Англией и Нидерландами и враждебные Франции.¹¹¹ И это сыграло определенно позитивную роль в дальнейшем. Одновременно высокие союзники окончательно убедились, что единственным противником нового курса Стокгольма был король, упрямо проводивший свою линию, созвучную интересам Франции (в Бендерах уже шла речь об образовании нового союза — Швеции, Турции и Франции¹¹²), и что надежды на сотрудничество со Швецией нет никакой, пока у власти стоит Карл XII.

Новый курс Стокгольма заметно отразился прежде всего на политике сателлита Швеции, сыгравшего столь замет-

¹⁰⁸ *Tengberg E. Från Poltava till Bender, s. 75.*

¹⁰⁹ *Ahlström W. Arvid Horn och Karl XII... , s. 12—13.*

¹¹⁰ Посол в Англии К. Гюлленборг уверял англичан, что Карл не способен причинить союзникам вред и, «хотя его мужественный и героический гений не позволяет ему склониться перед необходимостью, он придет к этому несомненно — по своему великодушию» (цит. по: *Ahlström W. Arvid Horn och Karl XII... , s. 15*).

¹¹¹ Горн демонстративно прервал в 1710 г. поставки зерна крайне нуждавшейся в них Франции (*Grauers S. Arvid Bernhard Horn : 1664—1713. Göteborg, 1920, bd 1, s. 194—195*).

¹¹² *Tengberg E. Från Poltava till Bender, s. 76.*

ную роль в истории Северной войны, Гольштейн-Готторпа. Фактический руководитель дипломатической службы герцогства барон Г. Х. Герц сменил на этом посту президента канцелярии М. Веддеркопа в 1707 г., как раз перед русским походом Карла XII. Несмотря на то что король стоял тогда на вершине славы, Герц повел чрезвычайно осторожную политику именно в отношении Швеции — ведь исход ее вторжения был еще в высшей степени неопределенным. Барон отдавал себе отчет в том, что если победит царь, то Швеция, хотя и ослабленная, сохранит свой государственный статус. Что же касается герцогства, то, лишившись основной своей опоры в вековой борьбе с Данией (стремившейся отнюдь не ослабить, но поглотить Гольштейн-Готторп, уничтожить его суверенность), оно исчезнет с политической карты Европы. Поэтому Герц меняет, учтя перемены в линии шведского совета, политику «кильватера Швеции» на более дальновидную — приспособления к конъюнктурам, обусловленным ходом двух войн.¹¹³

Подобная политика требовала мгновенной реакции, хладнокровия и дерзости — качеств, которыми Герц был щедро наделен и которые проявились уже в первый год его дипломатической деятельности. Так, весной 1707 г. он явился в ставку Карла XII просить его поддержки в запланированном сближении герцогства с Данией.¹¹⁴

Как только слухи о Полтаве подтвердились, для Герца не осталось сомнений, что Дания вскоре выступит против Швеции и он, не дожидаясь формального возвращения Фредерика IV в Северный союз, готовит для герцогства выход из массы проблем, которые неизбежно должны были возникнуть с началом военных действий Дании против Швеции.¹¹⁵

Первым делом Герц освободил себе руки, сфабриковав процесс над влиятельным сторонником Карла XII Вед-

¹¹³ *Grauers S. Politiska relationerna mellan A. B. Horn och G. H. von Görtz åren 1707—1709.* — KFA, 1963, s. 162.

¹¹⁴ *Bidrag til den Store nordiske krigs historie / Utg. at Generalstaben. København, 1903, bd 2, s. 20.* Самое удивительное, что Герцу удалось уговорить короля в полезности улучшения отношений с наследственным врагом Швеции; содействием Карла XII помешала лишь бескомпромиссная позиция К. Пипера, слишком ценившего стратегическое положение герцогства, чтобы лишиться возможности в любое время ударить в спину Дании.

¹¹⁵ Одна из серьезнейших — пропуск датских войск, если они направятся на материк для участия в разгроме Крассау.

деркопом и упрятав его в Теннингскую тюрьму.¹¹⁶ Затем он сблизился с А. Горном, причем настолько тесно, что, как утверждают некоторые исследователи, тот стал послушно исполнять указания барона, а стокгольмский совет превратился в «филиал готторпского правительства».¹¹⁷ Возможно, это и преувеличение, тем не менее оно весьма ярко характеризует степень сработанности, взаимовлияния дипломатий двух соседних стран в годы пребывания Карла XII в Турции:

Каким же образом использовал Герц достигнутые им поистине уникальные для дипломата микроскопического государства возможности? Самой значительной из его политических акций, очевидно, следует считать разработку им плана переориентировки на Россию. Существование без сильного покровителя было для Гольштейн-Готторпа немислимым как ранее, так и теперь; Полтава же показала наиболее прозорливым политикам Запада, что место доминировавшей ранее на Балтике Швеции отныне со всей фундаментальностью занимает Россия; именно к числу таких политиков принадлежал Герц.

Уже в 1709 г. он разработал план сближения с Петром I, подкрепленного матримониальными связями. План этот, ставший частью соглашений Гольштейн-Готторпа с Пруссией,¹¹⁸ предполагал женитьбу юного герцога на одной из великих княжон. Ближайшей целью такого брака было поставить Данию в ходе предстоящих переговоров с ней в не столь выгодное положение по сравнению с тем, что ей досталось в результате восстановления Северного союза и сближения с Россией. Лишь «отколов» ее от восточного союзника, Герц мог рассчитывать на уступки Фредерика IV в территориальных и государственно-правовых проблемах, давно бывших основной причиной раздоров между королями Дании и герцогами Гольштейн-Готторпа.

В отличие от инициатив, рассчитанных на побочный эффект, демонстративных по своей сути, программа Герца

¹¹⁶ *Almqvist H. Holstein-Gottorp, Sverige och den Nordiska ligan i den politiska krisen 1713—1714. Uppsala, 1918, s. XXXII—XXXIII.*

¹¹⁷ *Grauers S. Politiska relationerna... , s. 167.*

¹¹⁸ Речь идет о «Записке тайных условий прусского двора с голштейн-готторпским князем в рассуждении Шведской Померании» (ЦГАДА, ф. 74, оп. 1709, ед. хр. 6, л. 1—3) — документе, ранее, судя по литературе, ничьего внимания не привлечшем.

проводилась неуклонно в течение многих лет. В качестве главы посольства, отправлявшегося к Петру I, был назначен дипломат Х. Ф. Бассевич; в 1709 г. посольство по ряду причин не состоялось. В 1713 г. Герц снова направил Бассевича, и тот появляется в Петербурге, вступает в тесный контакт с А. Д. Меншиковым, затем Екатериной, ведет переговоры с царем и т. д.¹¹⁹

Таким образом, начало сближению рода гольштейн-готторпских герцогов и дома Романовых, этой многолетней династической и политической связи, сыгравшей заметную роль в истории внешней политики России не только XVIII, но и XIX в., было положено еще в 1709 г. бароном Герцом. Его политическая концепция была крайне близка идеям А. Горна, но, предвидя недолговечность политической самостоятельности Государственного совета, он обеспечил дипломатии герцогства запасной выход в виде контактов, а потом и сближения с Россией — выход, оказавшийся весьма плодотворным. Однако следует признать, что большую роль в проведении Гольштейн-Готторпом нового, ориентированного на нормализацию отношений с морскими державами, а потом с Россией, весьма неожиданного для европейской дипломатии курса сыграла поддержка, полученная Герцем — не менее неожиданно — со стороны Швеции, точнее, группы А. Горна. Эти государственные деятели, полностью осознав гибельность для Швеции политики, проводимой Карлом XII, стремились повернуть ее на 180°, целиком сменив внешнеполитическую ориентацию. Попытка эта провалилась, но назвать ее бесплодной нельзя — важнейшим из ее результатов стало решение крупной общеевропейской проблемы конца 1709—начала 1710 г., проблемы северного нейтралитета — одного из главных результатов поражения шведов на Украине.

«Конвенция о северном нейтралитете» 1710 г.

В литературе, посвященной истории заключения упомянутого международного соглашения, немало разногласий — начиная от вопроса о инициаторе переговоров

¹¹⁹ Подробнее см.: *Возгрин В. Е.* Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 г. — В кн.: Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974, ч. 2, с. 191—206.

о нейтралитете и кончая оценкой полезности конвенции той или иной воюющей державе.

Причем особенно нелегко ответить на первый вопрос: строго говоря, о необходимости мира в Северной Германии речь шла, как указывалось, с первых месяцев Северной войны, грозившей его нарушить. И все же в хоре «миролюбцев», не умолкавшем до 1709 г., можно выделить голоса, вносившие более конкретные предложения, имевшие отношение не вообще к опасности слияния двух войн (в одну, общеевропейскую), а непосредственно к послеполтавской ситуации, когда мир, которому никто не грозил в годы русского похода, вновь оказался в опасности — ведь в Польше оставались шведы, не сумевшие прийти на помощь Карлу XII под Полтаву, а также их сторонники — поляки. В случае, если бы они двинулись на север, почти неминуемым стало бы столкновение русских и союзных с ними армий, преследующих шведов, с неучаствующими в Северной войне державами, в частности с членами империи.

Поэтому уже в августе 1709 г. Россия, Пруссия, Саксония и Дания, т. е. страны, ведущие или готовящиеся к борьбе со Швецией, сделали заявление Высокому союзу о том, что они приняли решение не нарушать мира в Германии, но Высокий союз должен гарантировать безопасность их владений, расположенных в империи и вне ее.¹²⁰ Англия и Голландия встретили такую инициативу без энтузиазма.¹²¹ С одной стороны, они ее не отклонили, но с другой — стали затягивать переговоры:¹²² предложение было выгодное, но включало в себя ответственные обязательства, которыми морские державы крайне не хотели себя связывать.

Их позиция резко изменилась в октябре, когда основной угрозой миру в империи стал корпус Крассау. Это 16-тысячное соединение, включившее в себя все шведские войска, ранее стоявшие в Польше, продвинулось к тому времени в Померанию, где его ждали зимние

¹²⁰ *Stenius S. Sachsen och Preussen...*, s. 114.

¹²¹ Для политиков Высокого союза неудобство ситуации состояло в том, что из-за военных осложнений они могли осенью 1709 г. рассчитывать более на дипломатические, чем на военные средства в своей восточной политике; «они не были готовы решать задачи, поставленные им Полтавой, заставшей их врасплох» (*Stenius S. Peter den Store...*, s. 119).

¹²² *Bonnesen S. Peter den Store*, s. 114.

квартиры.¹²³ Отсюда Крассау мог выступить по меньшей мере в трех направлениях — на Данию, Саксонию или Польшу, и во всех трех случаях мир в империи был бы наверняка нарушен, так как в район конфликта двинулись бы, невзирая на имперские и иные границы, войска северных союзников — ведь не остановился же перед нарушением прусской границы в марше на Померанию Крассау! Но если бы шведы и остались на месте, опасность войны не уменьшалась: после того как в Польше Крассау ускользнул от А. Д. Меншикова, русское командование могло планировать марш в Померанию. Для сохранения мира имелось, таким образом, два выхода — переброска корпуса в собственно Швецию или его гарантированная нейтрализация. Первое исключалось недвусмысленными приказами Карла XII (планировавшего использование корпуса исключительно на материке),¹²⁴ нарушить которые не мог даже А. Горн, собиравшийся накануне датского десанта с запада и наступления русских с востока усилить оборону Швеции.¹²⁵ Инициатором проведения в жизнь второго решения выступил Петр I.

В послеполтавские месяцы Россия не была заинтересована в расщеплении своих воинских сил на нескольких направлениях. Учитывая, что сохранялся очаг опасности новой войны на юге, который дружно раздували Карл XII и Девлет-Гирей, что далеко еще не была решена проблема польского престолонаследия (и вообще будущего Польши), что участие Дании в войне предполагалось лишь при одновременном наступлении русских в Финляндии и т. д., Петр не стремился становиться инициатором нового опасного вооруженного столкновения.¹²⁶ Но

¹²³ *Grauers S. Svensk och polsk krigsmakt i sina indbördes relationer under den stora nordiska krigen.* — KFA, 1976, s. 60.

¹²⁴ *Tengberg E. Från Poltava till Bender,* s. 48.

¹²⁵ *Hallencreutz H. Om neutraliteten i Tyskland...*, s. 9.

¹²⁶ Собственно, документальные данные о том, что Петр планировал непременно уничтожение корпуса и в Померании, нет. Задачей царя было, скорее, освобождение от шведов Польши, неважно, каким путем — так в договоре с Августом эта альтернатива и звучит: «когда оной [корпус] с помощью божиею побит или из земли [польской] выгнан будет» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 401). В свою очередь Август просил Пруссию не препятствовать шведам в их проходе через ее земли на пути в Померанию (*Stenius S. Sachsen och Preussen...*, s. 115). Когда же это произошло, Петр и вовсе оставил мысли о походе на запад, «пока шведы нам к тому причины не подадут» (ПБП, т. 9, вып. 1, с. 441).

реальная угроза по отношению к двум другим членам союза существовала, более того, она увеличивалась, так как корпус стал расти — Крассау вербовал наемников. Петр как мог успокаивал Августа II и Фредерика IV, крайне опасавшихся шведского войска,¹²⁷ он даже включил в договор с Пруссией требование, чтобы король «неприятелю в их величеств земли (т. е. Саксонии и Дании, — В. В.) проходу не позволял»,¹²⁸ но помогало это мало, в частности, присутствие Крассау в Померании было одной из помех вступлению Дании в войну — датчане опасались, что в таком случае шведы немедленно вторгнутся в страну с юга.¹²⁹

Таким образом, создалось положение, когда основным фактором, тормозившим почти все военно-политические и дипломатические акции России в Западной Европе, стало присутствие в Померании шведского соединения, будущие действия которого не регламентировались никакими соглашениями или гарантиями (и не могли определяться даже Стокгольмом).

Царя не остановила враждебная реставрации Северного союза позиция, которую морские державы в очередной раз заняли в октябре — месяце, когда у Петра созрел план одной из самых удачных его дипломатических акций. Узнав, что морские державы снова, как в 1700 г., намерены помочь Швеции соединенной эскадрой¹³⁰ (а это было равнозначно провалу планировавшегося датского десанта на Сконе), он рискнул применить к Англии и Нидерландам откровенную угрозу, поскольку так или иначе выход их флота в море означал бы разрыв отношений с Данией и Россией.

Вначале Петр приступил к задаче, решение которой не терпело отлагательств, — 4 октября В. Л. Долгорукий заявил послам морских держав, что царь поддерживает Данию и рассматривает любое враждебное выступление против нее как направленное против России. Второе заявление делает в Гааге А. А. Матвеев, точно определив причину противодействия Англии и Нидерландов вступлению в войну Дании («чая, что может та война быть

¹²⁷ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1300, 1360, 1390, 1392.

¹²⁸ Там же, с. 1037.

¹²⁹ В. Долгорукий — Г. Головкину, 8 окт. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1709, ед. хр. 15, л. 104 об.

¹³⁰ В. Долгорукий — Г. Головкину, 5 окт. 1709 г. — Там же, л. 98 об.

и в провинциях... империи»), русская сторона предложила Высокому союзу от лица России, Польши, Саксонии, Дании и Пруссии широкую программу нейтралитета имперских территорий, включая Померанию. Предложения антишведской группировки были оформлены в виде деклараций 22 октября и 15 ноября 1709 г. (также врученных высоким союзникам), включавших в себя фактически прелиминарные условия трактата о нейтралитете,¹³¹ согласно которым высокие союзники должны были обязаться никоим образом не помогать шведам, не позволять Крассау вторгаться в имперские владения Дании и Саксонии, в Польшу, Гольштейн-Готторп и Ютландию, вербовать солдат, усиливаться за счет подкреплений из Швеции. Предлагалось запретить переброску корпуса куда бы то ни было, даже на родину (это повредило бы северным союзникам, уже начавшим вторжение в собственно Швецию). Если же, говорилось в декларациях, высокие союзники по-прежнему будут отказывать в гарантии нейтралитета, то «чтоб не подивили», когда Северный союз с Пруссией, стремясь уничтожить шведскую угрозу, нарушат мир в империи. Таким образом, в декларациях присутствовал элемент откровенной угрозы, они требовали от Высокого союза ряда обязательств.

В дальнейшем, чтобы придать этой угрозе большую реальность, Северный союз предупреждал, что в случае срыва переговоров он пойдет на крайние меры, ибо его вынуждает к этому опасность войны Турции против России и Польши¹³² (в тот момент это было преувеличением — П. А. Толстой лучше иных дипломатов в Стамбуле знал, что в сентябре 1709—июле 1710 г., т. е. в период переговоров, угроза войны уменьшилась до минимума).

Время нажима на высоких союзников было рассчитано правильно — незадолго до этого им стал известен факт многообещающих русско-французских переговоров,¹³³ и нужная реакция последовала немедленно: как писал А. А. Матвеев, «на мои домогательства о удержании... Красова господа Статы Генералные с чрезвычайным поспешением решение свое определили».¹³⁴ Гарантий

¹³¹ ПБП, т. 9, вып. 2, с. 1396.

¹³² *Stenius S. Peter den Store...*, s. 131.

¹³³ МРШН, 1724, vol. 1, p. 432—434; ЛЖС, 1845, vol. 4, p. 630.

¹³⁴ Цит. по: *Крылова Т. К. Полтавская победа...*, с. 155.

пока Высокий союз не выработал, но обещал усилиями своих дипломатов склонять шведов к нейтралитету.¹³⁵ Большой удачей было то, что Англия и Нидерланды не протестовали против включения в зону нейтралитета Ютландии, Гольштейн-Готторпа и Польши, не являвшихся членами империи, а также то, что еще до заключения формального трактата, не дожидаясь реакции шведов, заявили о намерении покарать любого агрессора, нарушившего мир в империи вооруженной силой, причем вместе с ними выступят Ганновер, Мюнстер, Вестфальский округ и страны Северного союза!¹³⁶

Официальное заявление об этом было сделано 13 декабря 1709 г., оно было составной частью обширного ответа морских держав на предложения северных союзников.¹³⁷ Собственно, этот ответ был альтернативным проектом будущего договора о нейтралитете. Его дипломатическое значение в том, что здесь впервые получил признание восстановленный вопреки Травентальскому и Альтранштедтскому трактатам альянс, чем был декларирован отказ Высокого союза в дальнейшем эти трактаты гарантировать.

Затем переговоры несколько приостановились, на сей раз из-за шведской стороны, требовавшей исключить из текста Шлезвиг и Ютландию:¹³⁸ она хотела, совершенно очевидно, сохранить право на военное вторжение с юга на территорию врага, не опасаясь санкций десятка европейских держав. В декабре—январе северные союзники требовали ускорить переговоры, так как атмосфера накалялась — Петр I уже два месяца не получал писем от Толстого из Стамбула, все настойчивее становились

¹³⁵ Архив князя Ф. А. Куракина, кн. 2, с. 252.

¹³⁶ Как сообщал датский посол в Англии, «королева за первым подвигом шведов примет меры с нами (т. е. с Северным союзом, — В. В.) противу их» (И. Росенкранц — А. Матвееву, 23 дек. 1709 г. — ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 411 об.). Пруссии неофициально было также предложено «принять меры с согласием принцов союзных в Севере, чтоб за время удержать бедственные свейские намерения в той стороне» (Г. Бойль — Е. Шпангейму, 2 дек. 1709 г. — Там же, л. 523 об.).

¹³⁷ Основной текст официального ответа: «Перевод с выписки решений их высокомоществ Статов Генеральных, каковые подал е. ц. в-ва послу господину Матвееву их стацкой агент Розенбом. В 13 декабря 1709 г.» (ЦГАДА, ф. 50, оп. 1709, ед. хр. 3, л. 401—402 об.).

¹³⁸ *Stenius S. Peter den Store...*, s. 126.

слухи о скором выступлении Турции; ¹³⁹ из Дании приходили неутешительные новости о провале наступления в Сконе, ¹⁴⁰ а высокие союзники ставили Фредерику IV условием подписания договора о нейтралитете Ютландии передачу дополнительно в их службу войска, равного предлагаемому им Стокгольмом корпусу Крассау ¹⁴¹ (что практически разоружило бы датского союзника Петра I).

Наконец, 13 января 1710 г. участники переговоров о нейтралитете собрались в Регенсбурге для окончательного уточнения текста договора, который и стал основой конвенции о северном нейтралитете, подписанной в Гааге 20 марта. Согласно этому документу, нейтральными объявлялись, кроме имперских территорий, Шлезвиг-Гольштейн, Ютландия и Польша, т. е. был принят вариант конвенции, на котором настаивали северные союзники. По их требованию Высокий союз, Пруссия, Ганновер и ряд немецких государств, входивших в зону «шведской опасности», обязались выставить в поле в случае нарушения нейтралитета свыше 20 тыс. солдат — контингент, командовать которым назначили Георга Ганноверского. ¹⁴² Договор подписали также Северный союз, стокгольмское правительство и Гольштейн-Готторп. Карл XII, несмотря на то что на него пытались воздействовать не только шведские, но и дружественные Швеции иностранные государственные деятели, присоединиться к конвенции отказался. ¹⁴³

Такова в общих чертах история заключения конвенции о нейтралитете. Невольно возникает вопрос о причинах столь необычной «податливости» высоких союзников в их северной политике, ведь договор, удовлетворяя

¹³⁹ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 68.

¹⁴⁰ Вторжение велось в целом непрофессионально. Достаточно сказать, что, уже находясь на подступах к Карлсхагену, датчане не знали, где зимует шведский флот! (В. Долгорукий — Г. Головкину, 24 янв. 1710 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 145).

¹⁴¹ В. Долгорукий — Г. Головкину, 7 февр. 1710 г. — ЦГАДА, ф. 53, оп. 1707, ед. хр. 15, л. 148. Выбор усложнялся тем, что в Стокгольме уже «положили на том, чтоб Красову вступить в Голштиндию, чтоб тем принудить короля датского к миру» (В. Долгорукий — Г. Головкину, 13 марта 1710 г. — Там же, л. 180 об.).

¹⁴² *Hallencreutz H. Om neutraliteten i Tyskland...*, s. 12; *Stenius S. Peter den Store...*, s. 130.

¹⁴³ *Tengberg E. Från Poltava till Bender*, s. 72—77.

одной из ее целей (мир в Германии), явно затрудняя достижение другой (поддержание баланса), будучи более благоприятным Северному союзу, чем Швеции.

Основная причина здесь, на наш взгляд, в том, что проект конвенции представлял собой модель излюбленной высокими союзниками в годы войны за Испанское наследство политической системы, позволявшей им добиться пужной цели, почти не затрачивая собственных сил. Конечно, баланс при этом явно нарушался в пользу инициаторов нейтралитета, но альтернативный выход — охрана мира в империи собственными силами — был отрезан войной с Францией, и Высокий союз предпочел решить первую задачу, более актуальную, чем поддержка равновесия на Востоке и Севере.

Вернемся к упомянутому спорному вопросу: кому был выгоден договор о северном нейтралитете? Чаще всего говорится, что переговоры о нейтралитете велись по инициативе западных держав, а сам он был благоприятен Швеции и вреден России.¹⁴⁴ Авторы же, признающие «некоторую» инициативу северных союзников в подготовке конвенции,¹⁴⁵ утверждают, что она представляла собой «результат враждебного объединения Европы в защиту Швеции и против России», ибо последнюю «удалось поставить в такое положение, когда она сама одобрила эту антирусскую комбинацию».¹⁴⁶

Ближе всех к истине подходит Т. К. Крылова, утверждая, что здесь для северных союзников были как выгодные, так и невыгодные стороны.¹⁴⁷ Однако автор относит к последним и распространение нейтралитета на Польшу и Ютландию, с чем трудно согласиться.¹⁴⁸ Нам

¹⁴⁴ *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, с. 80—81; *Кафенгауз Б. В.* Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М., 1944, с. 43—44.

¹⁴⁵ Собственно, сам факт приоритета России в указанных переговорах не был секретом уже для историков начала XIX в., работавших непосредственно по материалам гаагских встреч (*Scheltema J.* *Rusland en de Nederlanden*, bd 3, bl. 219).

¹⁴⁶ *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984, с. 254.

¹⁴⁷ *Крылова Т. К.* Полтавская победа. . ., с. 163.

¹⁴⁸ Это утверждение основано на том, что в Ютландии было локализовано основное войско, а в Померании — лишь вспомогательное; нейтрализация же Польши «ограничивала военные возможности северных союзников» (*Крылова Т. К.* Полтавская победа. . ., с. 159). Но основная армия Дании, действовавшая в Сконе, численно была равна корпусу Крассау (как сообщал

представляется, что для оценки выгодности конвенции следует исходить не из ее буквы, но из хода событий, ею вызванных (хотя и при беглом ознакомлении с договором, запрещающим шведам вторгаться на территории северных союзников, но не мешающим последним оккупацию Швеции, можно сделать вполне определенный вывод).

Для Петра I конвенция была выгодна уже потому, что через несколько месяцев после ее заключения (последней трактат подписала Дания 11 июля 1710 г.), когда Турция объявила войну, он был избавлен от необходимости сражаться с войском, которое Карл XII готовил для второго удара — с запада. Август II с саксонцами также беспрепятственно мог укреплять свою власть в не опасавшейся нового шведского вторжения Польше и даже оказывать помощь России. Дания, нуждавшаяся после сокрушительного поражения в Сконе в передышке, почувствовала себя в безопасности и стала готовиться к новым походам.

Но вот наступил мир на юге (июль 1711 г.), и у Петра появилась возможность дальнейших военных действий в Европе. Тем же летом русский и саксонский контингенты двинулись в Померанию, к Штеттину и Эльбину, на следующий год союзники осадили Штральзунд, потом Висмар и т. д. При этом Северный союз опирался на действительно имевший место факт неподписания Карлом XII конвенции о нейтралитете. Таким образом, истоки военных и дипломатических успехов стран Северного союза в Европе в 1710—1711 гг. были как в политической инициативе Петра I осенью 1709 г., так и в усугублении Карлом XII своей внешнеполитической изоляции в 1710 г., когда, отказавшись подписать конвенцию о нейтралитете, он противопоставил Швецию сразу десятку европейских стран, среди которых были и великие державы.

В. Л. Долгорукий, даже с обозом и лазаретами она насчитывала не более 17 тыс. (В. Долгорукий — Г. Головкину, 24 янв. 1710 г., л. 152)), кроме того, основная часть ее вернулась в Зеландию, а не Ютландию. «Ограничения» же в Польше закончились, как только этого пожелал Петр.

Полтавская победа и новая концепция российской внешней политики

Россия продолжала накапливать военно-политический и экономический потенциал, и, хотя до первых актов, свидетельствующих о международном признании ее в ранге великой державы, оставалось еще около 10 лет,¹⁴⁹ в послеполтавский период обращают на себя внимание русские политические инициативы, более свойственные великим державам, чем странам, серьезно ущемленным в своих международно-правовых интересах, борющимся за «место под солнцем». Ранее политические цели Петра I касались прежде всего неотложных, самых актуальных нужд страны, которую он вверг в чрезвычайно сложную внешне- и внутривосточную ситуацию: он удерживал партнеров по Северному союзу, которые стремились его покинуть, пытался передать свои войска в качестве вспомогательных для приобретения воинского опыта, торговался из-за субсидий, шел на все, чтобы отвести удары противника от своих войск, сталкивая с ним союзников, домогался, несмотря на унижительные отказы, принятия России в Высокий союз, вел не менее унижительные для царского достоинства переговоры с венгерскими «бунтовщиками» и т. д.

Теперь же такие задачи, как борьба за престиж, за признание России в качестве ценного союзника или просто достойного партнера по переговорам, как заимствование дипломатического и военного опыта, были в целом решены. Удачно завершились и дипломатические акции более конкретного плана — Северный союз был восстановлен и расширен, а конвенция о нейтралитете поставила преграду, на несколько лет разделившую Карла XII с его войском, фактически предоставив северным союзникам полную свободу действий на Балтике, в Швеции и Финляндии.

Естественно, качественные изменения произошли и в петровской дипломатии. Собственно, новые люди, способные решать дипломатические задачи не старой Москвы, а России нового времени, имелись на государственной

¹⁴⁹ Некрасов Г. А. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 381.

службе и раньше, но нужна была Полтава, чтобы их незаурядные данные развернулись в полном объеме. И успехи на этом поприще не заставили себя ждать — за два три послеполтавских месяца Россия из страны-одиночки, ведшей локальную войну с разрозненными отрядами прибалтийских шведов и всемерно пытавшейся отодвинуть час единоборства с армией Карла XII, становится лидером блока государств. При этом следует учесть, что противником российской дипломатии в этот период была изощренная и ловкая дипломатия Англии — пожалуй, одна из сильнейших (если не самая сильная) в Европе; и она была вынуждена оказать Петру I поддержку.

Дипломатические операции по восстановлению Северного союза были проведены с блеском. Сумев заключить договоры с Данией, Саксонией и Пруссией без обязательства выплаты им субсидий, но обещав каждой из этих стран лакомый кусок — Сконе, Эльбинг, Лифляндию, польскую Пруссию и т. д., Петр по сути условился расплатиться землями (заметим, не своими) лишь по окончании войны. Он не был заинтересован в исполнении ни одного из этих обещаний по двум причинам: во-первых, в его интересы не входило усиление союзников¹⁵⁰ — это толкнуло бы их на путь большей самостоятельности в политике, а во-вторых, расплатившись авансом, он лишился бы возможности оказывать постоянное политическое влияние на них. Теперь ситуация перевернулась на противоположную — союзники оказались втянутыми в войну за интересы России. Самым же поразительным в этом союзе было то, что участники его догадывались о роли, предназначенной им Россией,¹⁵¹ но протестов слышно не было; может быть, они все-таки надеялись «заработать» у Петра награду — тщетные мечты, учитывая, что царь искал лишь повода, чтобы отказаться от обещаний, ис-

¹⁵⁰ В этом — объяснение нежелания царя давать союзникам субсидии и, с другой стороны, буквально навязывания им своих вспомогательных войск под командой русских же командиров.

¹⁵¹ Август II неоднократно настаивал в 1710—1716 гг. на передаче ему Лифляндии немедленно, не дожидаясь мира; Фредерик IV требовал «хоть шерсти флок» — г. Висмар, не надеясь получить из рук Петра Сконе; Фридрих I признавался, что, передав свои войска Высокому союзу, отдал страну «на милость царя» (*Mehring F. Querschnitte durch die Preussische Geschichte. — Gesamm. Schr., Berlin, 1977, Bd 5, S. 486—487.*)

полнение которых принесло бы политический ущерб России.¹⁵²

Примечательно, что после Полтавы царь не удостаивает близлежащие страны присылкой туда своих лучших дипломатов; в Австрии, Польше, Саксонии, Пруссии работают чиновники квалифицированные, но не самые выдающиеся (А. Лит, И.-Г. Урбих, Г. Гюйссен, А. П. Измайлов и др.). Создается впечатление, что здесь Петр полагался не столько на дипломатию, сколько на возросшую военно-политическую мощь России. Напротив, в заморские Данию и Турцию, далекую Францию, в Англию и Голландию направлялись дипломаты высшего класса — В. Л. Долгорукий, П. А. Толстой, А. А. Матвеев, Б. И. Куракин.

Впрочем, возможно иное объяснение. В отличие от многих своих современников Петр, судя по объективным фактам, умел предвидеть внешние опасности, которые становились актуальными лишь через годы. Одна из них исходила от Турции. Можно соглашаться с утверждением, что хан «лучше, чем турки, видел единственный путь к спасению Турции, а именно в ослаблении России в будущем»,¹⁵³ но факт остается фактом — царь ожидал нападения турок буквально каждый год, невзирая на менявшийся уровень русско-турецких отношений. Очевидно, здесь имеет место недооценка цитированным шведским ученым турецких политиков — при всей их консервативности, отсталости и продажности они не могли не видеть того, что было очевидно Девлет-Гирею, а именно: продвижение России на юг лишь приостановлено войной со шведами и отсрочка туркам и их вассалам дана лишь до мира на Севере. Для доказательства правоты хана не нужно было дожидаться конца Северной войны — активная антитурецкая пропаганда, ведшаяся русскими агентами среди балканских христиан и

¹⁵² Вряд ли лишение Августа II обещанной ему Лифляндии можно объяснить тем, что король «плохо воевал», т. е. не заслужил награды. Для Петра на первом месте стояла полезность партнера в будущем, а не его заслуги. Так, в 1701 г., когда Август еще не успел «упасть» в глазах Петра, царь предлагал французскому послу М. Иерону помочь польской оппозиции сбросить неугодного Людовику XIV Августа II, если это поможет заключению русско-французского союза (*Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968, с. 23*).

¹⁵³ *Stenius S. Peter den Store...*, s. 111.

в дополтавский период, выдавала планы царя относительно еще одного моря, у которого он хотел стать «твердой ногой» — Черного. Важнейшие предпосылки для этой борьбы будущего были также созданы Полтавой. В отличие от многих крупных сражений Полтавская битва имела и колоссальное внутривосточное значение. Благодаря победе и сопутствовавшим ей акциям было полностью подавлено народное движение на Дону и Украине,¹⁵⁴ а Россия получила возможность распространять свою власть де-факто на этой огромной территории, отныне оперативной базе для войн за берега Черного моря.

После Полтавской победы в политике России становятся заметными некоторые черты, ранее если и проявлявшиеся, то лишь в форме тенденций. Начав войну за отвоение исконно русских земель и в ходе ее добившись явного превосходства над противником, Петр уже осенью 1710 г. претендует не только на Лифляндию, но и на Карельский перешеек и Выборгский лен.¹⁵⁵ Собственно, вполне возможно, что земли эти он собирался позже, на мирных переговорах «уступить», поскольку «у русского правительства не было планов каких-либо территориальных приобретений»,¹⁵⁶ но в дальнейшем он свое намерение меняет и проводит в жизнь иные планы, также отличающиеся от политических акций России XVII в. новизной.

Петр выдает свою племянницу Анну Иоанновну за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, а царевича Алексея женит на Шарлотте Вольфенбюттельской; несколько позже мекленбургскому герцогу Карлу-Леопольду достается еще одна царская племянница — Екатерина Ивановна. Серия династических браков лишь закрепила фактически установившееся влияние России на политику этих княжеств, хотя и не столь глубокое, как в Польше. Безусловно, Россия никогда еще с таким раз-

¹⁵⁴ История Украинской ССР. Киев, 1983, т. 3, с. 376. Немногие уцелевшие очаги восстаний еще тлели некоторое время, но и они были обречены — Петр пресек их связи между собой и зарубежными соседями (украинцев — с варшавянами, булавинцев — с Крымом).

¹⁵⁵ Последнее было объявлено воззванием, изданным массовым тиражом (Флоровский А. В. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы. — В кн.: Полтава. М., 1959, с. 395—362).

¹⁵⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. М.; Пг., 1923, ч. 4, с. 72.

махом и активностью не включалась в общеевропейскую дипломатическую игру, как в послепоплавский период.

Она имела для того основания. Последовательно, шаг за шагом занимая на Балтике место, ранее принадлежавшее Швеции,¹⁵⁷ Россия стремилась, применяя все известные в политике средства, во-первых, закреплять за собой новозавоеванные территории, а во-вторых, прочно «вростать» в европейскую политическую систему, чтобы иметь в будущем возможность использовать свое новое положение структурно органичной составной части так называемого «европейского концерта».¹⁵⁸ Для достижения этой цели как нельзя лучше подходили имперские государства. Не всегда сильные или богатые, постоянно искавшие поддержки извне, князья располагали разветвленной сетью политических связей, как правило подкрепленных тесными династическими узами.¹⁵⁹ Петр не мог не понимать, что, подписав мир с Францией и отозвав свои войска домой, эти государства усилятся и совместно вполне смогут занять позицию, враждебную России. Данное обстоятельство также говорило в пользу установления тесных связей хотя бы с некоторыми из них.

Такие связи, если они и не переходили в отношения полного подчинения политики небольших государств интересам России (Мекленбург) или даже в фактическое включение их позже в состав России (Курляндия), предоставляли царю ряд необходимых ему возможностей. Одной из целей его политики было приобретение статуса члена империи. Он мог добиться этого путем включения какой-либо из своих территорий, например Лифляндии, в империю¹⁶⁰ или через обмен той же Лифляндии на лю-

¹⁵⁷ «... обладание Прибалтикой обеспечило России господствующее положение на всем северо-востоке Европы» (*Некрасов Г. А. Международное признание российского великодержавия в XVIII в., с. 386*).

¹⁵⁸ Архиепископ Фенелон писал в 1708 г.: «Все члены этого великого сообщества обязаны друг другу всеобщим благом. Все, что изменяет или ослабляет общую систему Европы, слишком опасно и влечет за собой безмерное зло... Удали камень из свода — и рухнет все здание, ибо камни держатся в вышине, уравновешивая друг друга» (цит. по: *Bagger H. Ruslands allianserpolitik efter freden i Nystad. København, 1974, s. 11*).

¹⁵⁹ Герцог Курляндский был племянником прусского короля, что содействовало послепоплавскому сближению России и Пруссии; Шарлотта Вольфенбюттельская была сестрой жены цесаря.

¹⁶⁰ С такой просьбой Россия обратилась в 1710 г. к Регенбургскому рейхстагу, а также к цесарю (*Маркс К. Материалы к бро-*

бое имперское княжество (такой план имелся по отношению к Мекленбургу¹⁶¹). Понятно, что членство в империи не было для Петра вопросом формального престижа — после Полтавы он в этом не пуждался, но оно давало дополнительное международно-правовое основание к участию в политической жизни империи и — шире — Европы.

Второй причиной сближения с герцогствами, расположенными исключительно вдоль побережья Балтики, были торгово-политические интересы России, упрочение ее положения на море. Уже упоминалось о том, что Дания, контролировавшая Зунд, не собиралась делать скидки с пошлины для своего русского союзника. Т. е., даже имея свободный выход в море, Россия не ждала иных перспектив для своей послевоенной торговли, кроме неравноправной конкуренции со Швецией, от зундской пошлины избавленной. Поэтому помимо распространения своего влияния на цепь германских балтийских портов, освобождавшихся от шведского владычества, Петр планировал создание «индивидуального» выхода в Атлантику, минуя датско-шведские проливы.

Такую возможность предлагали ему после Полтавы сразу два герцога — гольштейн-готторпский и мекленбургский,¹⁶² оба заинтересованные в поддержке мощного союзника, первый — в борьбе с датским королем, второй — с собственным дворянством. Оба предложения были серьезно исследованы Петром, он вел по ним переговоры.

Основным препятствием для проведения балтийской политики России могло стать возобновление вмешательства морских держав, чего царь постоянно опасался. Для предотвращения таких акций он не мог, понятно, использовать военную силу; в его распоряжении было одно средство — попытаться наладить как можно более тесные, дружеские отношения с обоими государствами. Подобных инициатив России в предполтавский период было

шюре «Германия и Польша». — В кн.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1973, т. 14, с. 121, 123; *Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 2, S. 226—227).*

¹⁶¹ *Wittram R. Peter I, Bd 2, S. 230.*

¹⁶² Первый предлагал Петру рыть канал через территорию Гольштейна до Северного моря, второй — до Эльбы (*Возгрин В. Е. Датско-гольштинское соперничество... с. 193; Zernack K. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. — In: Handbuch der Geschichte Ruslands. Stuttgart, 1983, Bd 2, Lfg 4, S. 279).*

немало, все они наталкивались на недоброжелательство, нежелание идти на сближение, но не более. После же Полтавы царь, как свидетельствуют его современники,¹⁶³ начинает всерьез опасаться английской интервенции, причем не исключая одновременного вторжения с Балтики и Черного моря. Судя по деятельности английских послов в Стамбуле, такое выступление было вполне реальным, опасность его для России была чрезвычайно велика. К средствам противодействия ей, очевидно, можно отнести постоянный и Петром отнюдь не скрываемый дипломатический флирт с Францией, государством, не представлявшим для него и малой доли интереса по сравнению с морскими державами.

Англо-голландские отношения и после 1709 г. оставались весьма сложными и запутанными — внутривнутриполитическая и экономическая борьба влиятельных лондонских и гаагских кругов приводила к подчас весьма неожиданным расхождениям в принципиально единой внешней политике этих стран. К чести русских дипломатов нужно заметить, что если ранее, в начале войны, они тщетно пытались проникнуть в сплетения англо-голландских интриг, беспомощно жалуясь на «пронырства и subtilность» своих партнеров по переговорам, то к 1709 г. А. А. Матвеев и Б. И. Куракин не только в совершенстве освоились в сложностях этой пестрой политической жизни, но и, используя их в своих целях, добились выдающихся дипломатических успехов.

Конкретные и весомые политические акции Голландии в 1700—1709 гг. (протест против блокады шведским флотом Санкт-Петербурга, непризнание Лещинского королем Польши и признание таковым еще в августе 1709 г. Августа II и т. д.), шедшие вразрез с политикой Англии, не могли не укрепить симпатий руководителя русской дипломатии к Голландии, зарождение которых можем проследить еще в годы незабываемого Великого посольства. Дифференцированным было отношение Петра I даже к недружественным ему акциям Англии и Голландии. Петр понимал, к примеру, что если несогласие Англии со вступлением России в Высокий союз было вызвано откровенной враждебностью к развивающейся стране, т. е. опасением ее будущей конкуренции в торговом мо-

¹⁶³ *Wittram R. Peter I.: Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd 1, S. 351.*

рецаваньи, то Голландия присоединялась к Англии не из-за антагонизма к России (крупнейший в мире голландский торговый флот еще долгие годы мог не опасаться русской конкуренции), но из-за стремления сохранить такого ценного политического и торгового партнера для себя, исключить возможность его вхождения в сферу влияния более мощного и агрессивного конкурента — лидера Высокого союза Англии. Кстати, именно такая расстановка сил внутри Высокого союза, как и сравнительно большая склонность голландцев к мирному развитию отношений, их политика, основанная более на экономических связях, чем на военном превосходстве, также говорили в пользу сближения России с Голландией, а не с Англией, превосходство которой пока было слишком велико.

Тем не менее из каких бы побуждений не исходили политики Лондона и Гааги, назвать их акции в послеполтавский период дружественными России мы не можем. По отношению же к дипломатическим инициативам Петра они по-прежнему проявляли безразличие, тянули переговоры, так же стремились, по выражению государственного секретаря Англии Сент-Джона, «to play a dilatory game».¹⁶⁴ С другой стороны, эта пассивность (проявляющаяся по отношению не только к России) летом—осенью 1709 г., когда время работало на северных союзников, была совершенно однозначно благоприятна антишведскому лагерю. По отношению же к Карлу XII она была попросту губительной: являясь неременным условием усиления враждебного ему блока — а Швеция по-прежнему фактически стояла вне союзов и коалиций — подобная политика, вернее временное отсутствие ее, не оставляла шведам никакой надежды на чью-либо гарантированную военную или дипломатическую помощь.

Подводя итоги анализу послеполтавской внешней политики России, мы можем сделать вывод, во-первых, о резкой ее активизации, а во-вторых, о изменении ее направлений. Комплекс политических задач 1700—1709 гг. становится в почти полном своем объеме достоянием истории. На смену ему приходит новый, более масштабный и сложный как с военно-политической, так и с дипломатической точки зрения. Петр приступает к его решению с той же глубокой основательностью и энергией,

¹⁶⁴ British diplomatic instructions. London, 1922, vol. 1, p. XVI.

что были для него характерны и раньше, а возросшие трудности компенсирует умелым и гибким применением новых средств, таких как использование многосторонних политических соглашений, создаваемых Россией в своих целях, как широкое привлечение на свою сторону не участвовавших в Северной войне стран (в том числе и великих держав), как политическая изоляция противника.

Некоторые историки полагали, что причина действительно имевшей место незавершенности послеполтавской внешнеполитической программы Петра I коренилась в ее «разбросанности»,¹⁶⁵ недостаточной продуманности и обоснованности.¹⁶⁶ Действительно, диапазон политических интересов царя в этот период заметно расширяется. Однако более тщательный анализ указанных военных и дипломатических акций русской политики приводит к несколько иному выводу — об универсальном характере новой политической концепции, о возросших возможностях ее проведения в жизнь, о многоцелевом мышлении — качестве, ставшем характерным для русских политиков после Полтавы.¹⁶⁷ Бесспорно, не все из поставленных в 1709—1710 г. задач были решены, но произошло это не из-за их «авантюристичности»,¹⁶⁸ а по ряду объективных причин, одна из которых — ранняя смерть Петра при почти полном отсутствии продолжателей многих его начинаний.

¹⁶⁵ «...внимание его (Петра I, — В. В.) перекидывалось из стороны в сторону» (*Ключевский В. О. Курс русской истории...*, ч. 4, с. 71).

¹⁶⁶ *Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого.* СПб., 1905, с. 543, 546.

¹⁶⁷ Сам обладая этим качеством, Петр предлагал многоцелевые установки и своим дипломатам, как правило успешно с ними справлявшимся. См., например, инструкцию А. П. Волынскому в кн.: *Соловьев С. М. История России, с древнейших времен.* М., 1963, т. 9, с. 366.

¹⁶⁸ «Конечно, гораздо менее авантюристичным было то, что в 1723 г. держава, обладавшая сильнейшим на Балтике флотом, стремилась утвердиться на Мадагаскаре, чем то, что 20 годами ранее эта держава, еще не имевшая ни одного корабля, намерилась удержать устье Невы любой ценой» (*Baer K. E. Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geografischen Kenntnisse. — Beitr. zur Kenntnis des Russ. Reiches, 1872, Bd 16, S. 224*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу рассматриваемого периода участие России в международной политике Европы было крайне ограниченным. В сферу политических интересов московских царей входили лишь немногие соседние страны Восточной (Польша, Австрия, Крым) и Северной (Швеция, эпизодически — Дания) Европы. Остальные европейские страны интересовали русских политиков гораздо меньше. Столь же безразличным было и отношение западных стран к России — они ценили возможность взаимопомощи или дружбы с московским царством не выше, чем с каким-либо мелким и к тому же весьма удаленным княжеством. Поэтому если Россию и привлекали в политические союзы, то чрезвычайно редко, да и то, когда без нее никак нельзя было обойтись (например, в Священной лиге), причем Россия в таких союзах большим весом не пользовалась, о ее лидирующей позиции не могло быть и речи.

Положение меняется уже в ходе Великого посольства. Петр I планирует создание мощной антишведской лиги, в которую должны войти Курляндия, Пруссия, Польша, Саксония, Дания, возможно Англия и Нидерланды. Таким образом, региональная политика России сменяется общеевропейской, глобальной задолго до Полтавы. Другое дело, что полностью петровский план осуществлен не был — тройственный союз представлял собой лишь немногие звенья той цепи балтийских стран, которой царь намеревался сковать Швецию. Эта фрагментарность, неполнота альянса сказались в первые же военные месяцы, союзники понесли тяжелые поражения.

Несколько иначе обстояло дело с взаимной дипломатической поддержкой. В первые годы Северной войны

Петру удалось значительно расширить и усовершенствовать дипломатическую службу, доставшуюся ему в наследство. Первоначальные же неудачи русской дипломатии объяснялись несколькими причинами — отсутствием военных побед, безразличием, незаинтересованностью нейтральных стран в оказании помощи Петру (русскую армию, да и Россию вообще считали тогда большими, но слабыми), активностью и действенностью антирусской пропаганды и, наконец, даже слабым знакомством европейцев с Россией, что создавало благоприятную почву для измышлений и клеветы. Впрочем, и сами дипломаты Петра обладали в начале войны невысокой квалификацией, многим из них не хватало гибкости, опыта работы в Европе и т. д. Поэтому если и можно говорить об успехах русской дипломатической службы в этот период, то лишь имея в виду налаживание связей за рубежом, накопление опыта, подготовку квалифицированных кадров — замену старомосковским дьякам Посольского приказа.

Что же касается российской внешней политики целиком, то в 1697—1710 гг. она прошла путь от несомненно масштабных, но нередко неудачно спланированных и немело проводимых акций до блестящих побед полтавского периода. В 1709—1710 гг. Россия впервые превращается в равноправного партнера ряда малых и больших стран Европы, а ее политика окончательно становится политикой великой державы нового времени.

В результате уже к 1710 г. стране удалось достичь ряда целей, стоявших перед ней в начале правления Петра. Россия получила выход к морю и возможность оберегать его в будущем; была разрушена и вторая преграда, изолировавшая ее от участия в европейской политической и экономической жизни,¹ — Саксония—Польша и Пруссия попадают под влияние России, становятся проводниками ее интересов в будущем. Уничтожением военной силы своего главного врага на Балтийском море Петр заложил основу торговому мореплаванью и военно-морской мощи государства, более не опасавшегося шведской

¹ По мнению К. Маркса, Петру вполне удалось решить обе основные задачи, стоявшие перед Россией в начале XVII в.: прорвать «обе преграды, Швецию и Польшу, которые отделяли государство московитов от моря и от европейского континента» (Маркс К. Материалы к брошюре «Германия и Польша». — В кн.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1973, т. 14, с. 87—89).

политической и экономической конкуренции на море и на суше. Наконец, позиция России по отношению к великим державам обрела необходимую твердость и самостоятельность, основанную на реальной силе.

Выигрыши российской политики были почти все без исключения проигрышами Швеции. В результате усиления восточного соседа, а также ряда стратегических и дипломатических промахов Карла XII Швеция утратила одну за другой свои позиции в Северной Германии, Прибалтике и отчасти в Скандинавии. Соответственно ухудшилось и политическое положение страны — прежде всего потому, что рассчитывать на ее поддержку в дальнейшем вряд ли кому-либо приходилось, а ведь именно полезность северного королевства как союзника в войнах и основного поставщика стратегического сырья определяла ранее отношение к нему великих держав. Что же касается тех государств, которые в прошлом опасались Карла XII, то теперь угроза шведского вторжения для них если не исчезла, то стала гораздо менее реальной, отчего не могла не измениться и их политика. Поэтому Польша и Пруссия надолго занимают позицию в кильватере российской внешней политики. Этому способствовали не только возросшая мощь России, но и ряд договоров, которые Петр I заключил с Речью Посполитой, Августом II и Фридрихом I в наиболее для этого благоприятные моменты 1700—1710 гг. Переориентация на российского лидера особенно была заметна в отношении Пруссии, чьи политики весьма рано осознали весомость выгоды добрых отношений с восточным соседом, как, впрочем, и опасность вражды с ним.²

Третий союзник, Дания, при всей ее удаленности от России в 1710 г. в полной мере ощутила перемены в своем положении по сравнению с довоенным. И в ее внешнеполитической ориентации Россия отчасти занимает место, ранее принадлежавшее Швеции. Причем совпадение это было буквальным: если в XVII в. наслед-

² К. Маркс отмечал, что в первую половину Северной войны «... Россия, разгромив Швецию, стала уже грозной силой, и единственное чувство, которое господствовало по отношению к ней в Берлине, было чувство страха...»; раздел же бывших шведских владений «был первым лицедейством, когда Пруссия проявила себя на европейской сцене как приспешник России» (Маркс К. Материалы к брошюре «Германия и Польша», с. 181, 17).

ственный враг Дании гольштейн-готторпский герцог получал поддержку от Швеции, то теперь прочно завязываются российско-гольштейнские связи, которым в будущем было суждено стать средством воздействия на политику Копенгагена в интересах России. И, конечно, такое изменение в международном положении Дании значило гораздо больше, чем единственный положительный результат пассивной политики Фредерика IV в 1700—1710 гг. — сохранение в целости датских флота и армии.

Весьма сложным становится положение Австрии. Цесарь, прекрасно осведомленный о связях Петра с восставшими венграми и опасавшийся усиления русского влияния в своих окраинных восточных владениях, в дальнейшем росте мощи России заинтересован не был. Но в то же время военно-политические успехи России сдерживали реальную угрозу Австрии со стороны Турции. Поэтому политика Вены и после Полтавы сохраняет характерную для нее нестабильность, двойственность по отношению к восточному соседу.

Результаты первой половины Северной войны значительно изменили направление балтийской политики не участвовавших в ней великих морских держав. Если накануне войны они поддерживали искусственное равновесие сил на Балтике, считая, что для него более опасна даже Дания, чем Россия (в 1697 г. Вильгельм III обещал в случае войны нейтралитет Петру, но не датскому королю!), то теперь положение изменилось. Англия и Голландия принимают меры по недопущению дальнейшего усугубления неравенства между двумя сильнейшими балтийскими державами — Россией и Швецией, видя в этом основу естественного баланса сил в послевоенное время. Впрочем, чем дальше, тем заметнее здесь становится новый, торгово-политический фактор. Имея виды на послевоенную торговлю с новой великой державой, Англия и Голландия избегают проявлять к ней враждебность, по крайней мере открыто. Существовал и третий важный фактор в отношениях России и морских держав. Полтава не предвещала, как полагали современники, скорого мира. Разоружаться было рано — это понимали политики Петербурга, Лондона и Гааги. И столкновение двух сильнейших на континенте государств — России и Англии — было бы крайне опасным и невыгодным обоим. Поэтому, испытывая сильное взаимное недоверие, избегая нередко даже личных контактов (например, в странах, где име-

лись русские и английские представительства), дипломаты России и Англии объективно работали над общей задачей — сохранить уровень русско-английских отношений не ниже нейтрального.

Решение этой задачи было бы невысказанным без некоего негласного разграничения сфер влияния в Европе между двумя зонами — «русской» (Восточная, частично Центральная и Северная Европа) и «английской» (Западная и, также частично, Центральная и Северная Европа). Русские дипломаты избегали, как правило, вмешиваться в дела стран «английской» сферы, и наоборот. Таким путем удавалось избегать трений, ухудшавших отношения между Россией и Англией. Имевшие место исключения (например, деятельность английских резидентов при дворе Августа II, якобинские связи Петербурга в поддержку претендента и т. д.) лишь подтверждают такой вывод: будучи вне правил дипломатической игры, они относились к глубоко засекреченным областям русской и английской дипломатии.

Новое, равноправное по отношению ко всем без исключения державам Европы положение, которое было занято Россией в 1709—1710 гг., позволило Петру приступить к активному участию в решении крупных общеевропейских проблем эпохи. Одной из них оставался балтийский вопрос.

В послепоплавские месяцы наступила пора его новой трактовки. Единоличное господство на Балтике Швеции завершилось, а Петр получает весомые основания претендовать на позицию, которую ранее занимали шведские короли. Конечно, о господстве России над морем говорить было рано — противник был разгромлен далеко не до конца, а российский флот еще уступал и шведскому и датскому. Тем не менее в 1709—1710 гг. балтийский вопрос в принципе решился в пользу России; это с достаточной ясностью показал послепоплавский поворот в политике всех без исключения балтийских держав.

Другое дело, что результаты такого решения вопроса было необходимо оберегать и укреплять еще долгие годы, оставшиеся до формального международного признания нового положения страны. И в этом отношении перед политикой России в послепоплавский период возник ряд проблем более частного характера.

Первая из них касалась зундской пошрины, рудимента средневековья, невысказанного в новое время, в эпоху

свободного мореплавания. Для устранения этой помехи российской коммерции Петр изыскивал средства одновременно на нескольких направлениях.

Не менее сложной была проблема закрепления за Россией отвоеванных и новоприобретенных территорий; она решалась русской дипломатией в основном путем долгосрочных политических соглашений и развития экономических связей.

Третья проблема — усиление влияния в Курляндии, Мекленбурге, Гольштейн-Готторпе — стала на повестку дня еще в допольтавский период, но приступить к ее решению, также в основном дипломатическим путем, Петр смог лишь после 1709 г.

Проблема нейтрализации враждебной политики морских держав внешне казалась не самой острой. Тем не менее она требовала неослабного внимания российских дипломатов; она оказалась и самой «жизнеспособной», решение ее затянулось на долгие годы.

Наконец, важнейшей оставалась проблема окончательного вытеснения Швеции с ее прежних позиций на Балтике. И ее Петр решал одновременно на нескольких направлениях. Помимо военных действий царь по-прежнему проводил акции по политической изоляции противника и его экономической блокаде. Более того, уже в 1710 г. в сближении России с Гольштейн-Готторпом можно увидеть зерно плана, ставшего явным для Европы лишь несколько лет спустя: имеется в виду план царя подготовить к престолонаследию в Швеции своего ставленника (на эту роль выбрали герцога Карла-Фредерика, который был, как считали русские политики, способен повернуть в послевоенный период политику Швеции в русло дружбы с Россией).

Перечисленные проблемы были в целом решены в пользу России, хотя это и потребовало больше усилий и времени, чем мог предполагать Петр I. Полностью и бесповоротно балтийский вопрос был решен в 1721 г., с подписанием Ништадтского договора, закрепившего результаты победы России в одной из великих войн. Эта победа сделала Россию морской державой, обеспечив ее государственную независимость и богатые возможности экономического и культурного развития в будущем. Но основание долгожданному миру было заложено в самый тяжелый период Северной войны, 1700—1709 гг., трудами воинов и дипломатов Петра I.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
 ДЧВ — Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1711 г. СПб.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ИЗ — Исторические записки. М.
 ИС — История СССР. М.
 ПБП — Письма и бумаги императора Петра Великого
 ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830, т. 4, 5
 СА — Советские архивы. М.
 СС — Советское славяноведение. М.
 УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов. М.
 АСI — Archive ou correspondance inedite de la maison d'Orange-Nassau. Leyden, 1908, vol. 1—3.
 АUC — Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. Praha, 1971
 DNT — Danmark-Norges Traktater. København, 1949, bd 11
 EHR — English historical review. London
 НН — Historiska handlingar. Stockholm
 НJS — Historie. Jyske samlinger. Århus
 НТd — Historisk tidsskrift. København
 НТs — Historisk tidsskrift. Stockholm
 НZ — Historische Zeitschrift. München
 JfGO — Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. München
 KFA — Karolinska förbundets årsbok. Stockholm
 LJC — The letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712 / Publ. G. Murray. London
 LUA — Lunds Universitets Årsbok. Lund
 MPSH — Memoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle / Publ. G. Lamberty. Amsterdam
 NCMH — The new Cambridge modern history. Cambridge, 1970, vol. 6
 NCA — Negotiations de M. le Comte d'Avaux. Utrecht, 1882. (Werken van het Historisch Genootschap Utrecht. N. S.; Bd 34)
 QDGN — Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens
 RATKUA — Rigsarkivet, Tyske Kancellis Udenlandske Afdeling (København)
 УdPK — Um die polnische Krone. Berlin, 1962

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II Сильный, курфюрст Саксонии, король Польши 60, 61, 67, 69—71, 73, 75—78, 80, 82, 83, 86, 92—111, 113—116, 118, 121—136, 138—142, 145—149, 151, 154—167, 170, 171, 175, 177, 178, 182, 187—191, 194, 195, 197, 199, 205, 206, 210, 214—220, 230, 238, 244—252, 256, 264, 265, 267, 270—273, 277, 282, 284
 Август-Фридрих, князь-епископ Любек-Эвтинский 152
 Адлерфельт К. 226 (см. также Adlerfelt С.)
 Аларт Л. Н. 208
 Алексей Михайлович, царь 35, 223
 Алексей Петрович, сын Петра I 179, 274
 Аллемонде Ф. фон 84, 85
 Анна, королева Англии 126, 144, 253, 267
 Анна Иоанновна, племянница Петра I 274
 Анна София, мать Августа II 164
 Арнштедт 205
 Артамонов В. А. 8, 139, 188, 191, 220, 234, 250
 Ахмед III 224, 226, 227, 233, 241

 Бабушкина Г. К. 44
 Баггер Х. 15, 206 (см. также Bagger Н.)
 Балюз Ж. К. 171
 Барк С. 141, 142, 147 (см. также Bark S.)
 Бассевич Х. Ф. 262
 Безенваль Ж. В. 169, 202, 230
 Бернсторфф А. 243, 250
 Бескровный Л. Г. 208, 225
 Беспярых Ю. Б. 93
 Богословский М. М. 6, 66, 67, 79, 206, 221
 Бойль Г. 267
 Болеслав Храбрый 108
 Бонак Ж. 220 (см. также Вонас J.)
 Борщак И. 171, 224, 230
 Брандес Г. 10
 Брукенталь 216
 Булавин К. А. 222, 223
 Бурбоны, династия 195, 229

 Вакербарт А. К. 190
 Вартенберг И. К. 128
 Веддеркоп М. 260, 261
 Веселовский А. П. 254
 Веттины, династия 251
 Вибе Д. 212, 213, 215
 Виллар К. Л. 169, 175
 Вильгельм Оранский (Вильгельм III, король Англии) 32, 39, 45—49, 51, 68, 69, 77, 78, 81, 82, 84, 85, 88, 90, 92, 93, 236, 283 (см. также William III)
 Вильгельмина Амалия Брауншвейгская, супруга Иосифа I 275
 Витворт Ч. 153, 184, 239
 Вишневецкий М. 178
 Возгрин В. Е. 14, 15, 85, 210, 215, 228, 254, 256, 262, 276
 Возницын П. Б. 64, 65
 Волинский А. П. 279

- Вратислав И. Г. 171, 173, 229
Вреде Ф. 51
- Габсбурги, династия 31, 32, 92, 131, 140, 171—173, 195
- Гейер Э. 8
- Гейнс П. 13, 60, 61, 63, 64, 68, 70, 71, 85, 89, 90, 114, 115, 126, 129, 146 (см. также Heins P.)
- Гейнслус А. 15, 45, 46, 51, 77, 84, 89, 108, 138, 161, 219, 238, 249, 253, 255 (см. также Heinsius A.)
- Георг-Людвиг, курфюрст Ганноверский, затем Георг I, король Англии 127, 173, 190, 191, 194, 237, 241—244, 250, 268
- Геровский Ю. А. 122, 178, 179, 250, 252 (см. также Gierowski J.)
- Герсдорф В. А. 190
- Герц Г. Х. 52, 53, 109, 260—262
- Герц Ф. В. 250
- Гирей, династия 221
- Глаголева А. П. 7, 222, 225
- Гогенцоллерны, династия 120
- Годолфин С. Г. 73, 211, 241 (см. также Godolphin S. G.)
- Голиков И. И. 4, 225, 252
- Голлицын П. А. 131
- Головин Ф. А. 64, 65, 82, 89, 95, 114, 115, 123, 134, 135, 137, 141, 143, 154, 156, 159, 162, 171, 172, 180, 202, 204 (см. также Gollovin F.)
- Головкин Г. И. 66, 141, 170, 174, 180, 186, 190, 191, 198, 210, 214, 215, 218, 219, 222, 226, 229—231, 238, 239, 253—255, 265, 268, 270
- Гольц Г. 218, 222
- Гордиенко К. 221—223
- Горн А. 131, 140, 256, 258, 259, 261, 262, 264
- Горн Х., датский посол 13
- Горн Х., шведский генерал-майор 101, 102
- Гранатенфельд М. 150
- Грауэрс С. 167 (см. также Grauers S.)
- Грунд Г. 13, 155, 156, 165, 166, 183, 198, 254 (см. также Grund G.)
- Грюнвальд К. 97, 273
- Гульст Г. фан дер 111
- Густав Х Адольф 19, 23, 52, 62
- Гюйссен Г. 4, 69, 174, 204, 205, 238, 273
- Гисленборг К. 175, 259
- Гюлленшерна Ю. 36—38, 51
- Даво, герцог Ауэрштедтский 67, 69 (см. также D'Avaux)
- Дальберг Э. 63, 66
- Девлет-Гирей II 207, 221, 223—228, 273
- Дефо Д. 73
- Долгорукий В. Л. 135, 180, 185—187, 198, 210, 213—216, 219, 229, 231, 232, 244, 247, 253—256, 265, 268, 270, 273 (см. также Dolgorouki W. L.)
- Долгорукий Г. Ф. 185
- Дорошенко П. 223
- Дройзен И. Г. 218 (см. также Droyesen J. G.)
- Дуглис Л. 150
- Евгений Савойский 73, 178, 179, 249
- Екатерина Алексеевна, супруга Петра I 262
- Екатерина Ивановна, племянница Петра I 274
- Енифанов П. П. 200, 209
- Жискар Л. 94, 95
- Зеебах 191, 192
- Иаков III 40
- Иван IV 30
- Иерон М. 97, 100, 109, 273
- Измайлов А. П. 90, 97, 114, 156, 185, 198, 273
- Ильген Г. Р. 128, 149, 153, 194, 199, 216, 217
- Имхоф А. А. 160, 161, 164
- Иосиф I, цесарь 158, 160, 161, 165, 170—176, 178, 195—198, 202, 205, 211, 212, 218, 229, 233, 236, 240, 242, 243, 247, 283 (см. также Iosif I)

- Йенсен Б. 61, 62 (см. также Jensen В.)
Йерне Х. 9, 102 (см. также Hjärne Н.)
Йессен Т. Б. 51, 78, 82, 152, 155, 165
- Кайзерлинг Г. И. 126, 127, 129, 147, 154, 247, 248
Каминский А 122, 179 (см. также Kaminski А.)
Кападжи-паша 226, 227
Карл, принц датский 152, 166
Карл, цесаревич 236
Карл II, король Испании 95, 100
Карл II Стюарт 32, 34, 284
Карл X Густав 26—28, 32, 108, 175
Карл XI 29, 32, 35, 37, 39, 49, 51, 52
Карл XII 7—9, 11, 29, 37, 55—57, 59, 61, 67, 76—78, 82, 85—87, 92—96, 101—111, 116—119, 121—128, 130—140, 142—156, 158—160, 163—178, 180—197, 199—209, 211—213, 215, 217—221, 224—230, 232, 233, 239—242, 244—246, 248, 252, 253, 256—265, 268, 270—272, 278, 279, 282 (см. также Karl XII)
Карл-Евгений, герцог Вюртембургский 74
Карл-Леопольд, герцог Мекленбургский 274, 276
Карл-Фредерик, герцог Гольштейн-Готторпский 196, 261, 276, 285
Карлович Г. К. 71
Карлсон Ф. Ф. 102 (см. также Carlsson F. F.)
Кафенгауз Б. Б. 6, 119, 169, 209, 235, 269
Климент XI 123, 124, 134, 198
Клинковштрем О. 218, 226, 228, 257 (см. также Klinkovström О.)
Клокман Ю. Р. 118, 179, 208, 209
Клочевский В. О. 5, 234, 274, 279
Ковалик Я. 148 (см. также Kowalik J.)
Кольбер Ж.-Б. 45
- Кольер Я. 221
Конти Ф.-Л. 116, 131
Корбе Д. 171
Королюк В. Д. 7, 75, 89, 97, 127, 130, 133, 134, 138, 222
Краббе О. 210, 215
Крассау Е. Д. 168, 188, 189, 201, 216—218, 244—249, 255, 257—260, 263—266, 268, 269
Кристиан IV 52
Кристиан V 35, 37, 39, 41, 42, 49, 51, 60—64, 68, 76—79, 81, 215, 283 (см. также Christian V)
Кристиан-Август, герцог Гольштейн-Готторпский 152
Кристиан-Альбрехт, герцог Гольштейн-Готторпский 38, 39, 41, 42
Крунгйорт А. 101
Крылова Т. К. 6, 97, 181, 198, 202, 211, 223, 235, 237, 266, 269
Куракин Б. И. 198, 237, 243, 244, 267, 273, 277
Куракин Ф. А. 14, 237
- Ланьяско П. Р. 190, 191, 249
Левенгаупт А. Л. 141, 149, 201, 230, 257
Лейбниц Г. В. 243
Лейонштедт А. 149, 199, 217 (см. также Leyonstedt А.)
Леман Г. 248, 250
Ленин В. И. 16
Ленте Й. Х. 77, 212, 213, 215, 231 (см. также Lente J. H.)
Леопольд I 30, 31, 33, 34, 39—41, 100, 101, 112, 113, 124, 126, 128, 134, 140, 144, 158, 160
Лефорт Ф. 64, 65
Лещинский Р. 104, 105, 108
Лещинский С. (Станислав) 124, 132—136, 140, 142, 146, 148, 152, 157, 159, 160, 169, 173, 177, 181, 188, 189, 191—195, 198, 199, 201, 207, 208, 220, 221, 225, 245, 247, 257, 277
Лиленрот Н. 68, 92, 109, 127, 142
Лит А. 154, 163, 198, 213, 216, 246, 247, 251, 273

- Лосский А. 237 (см. также Lossky A.)
 Луи-Филипп 229
 Львов Л. 222
 Любекер Г. 201
 Любомирский И. 123, 129, 131, 142
 Людовик XIV 31, 34, 39, 40, 43, 45, 51, 52, 89, 92, 94, 95, 97, 101, 143, 202, 211, 218, 219, 273 (см. также Louis XIV)
 Лютер М. 187
- Мазепа И. С. 98, 131, 221, 230, 240
 Майерфельд Ю. А. 252
 Мальборо Дж. Ч. 15, 73, 144, 161, 169, 170, 173, 175, 180, 190, 198, 219, 229, 238, 246, 249 (см. также Marlborough J. C.)
 Мантойфель Э. К. 213
 Маркс К. 56, 87, 275, 276, 281, 282
 Мартенс Ф. Р. 14, 67, 249
 Маршалл К. Г. 194, 246
 Матвеев А. А. 73, 82, 83, 92—94, 96, 107—114, 119, 123—127, 134—137, 141, 143, 158, 159, 161—164, 168, 170—172, 174—178, 180, 185, 190, 191, 197, 198, 202, 204, 218, 219, 230, 232, 238, 239, 253, 265, 266, 273, 277
 Медигер В. 11 (см. также Mediger W.)
 Меншиков А. Д. 13, 135, 146, 149—151, 177, 179, 204, 207, 210, 238, 262, 264
 Милюков П. Н. 279
 Молчанов Н. Н. 8, 180, 206, 220, 233, 269
 Мунте А. 200 (см. также Munthe A.)
 Мышлаевский А. З. 200, 208
 Мюллерн Х. фон 257 (см. также Müllern H.)
- Нарышкин Л. К. 63, 65
 Нейгебауэр М. 257
 Некрасов Г. А. 271
- Некрасов И. 224, 275
 Никифоров Л. А. 7, 8, 170, 229, 235, 269
 Нирот К. 146
 Ностиц С. 186, 250
- Оберг Б. 204
 Огильви Г. Б. 146
 Огинский Г. А. 102
 Ольденбургги, старшая ветвь династии 261
 Ольденбургги, младшая ветвь династии 261, 262
 Оранские, династия 32, 127
 Орешкова С. Ф. 7, 8, 221, 224, 228, 268
- Павленко Н. И. 102
 Павлова-Сильванская М. П. 15
 Пайкуль О. А. 146
 Палмквист Й. 190, 239, 253, 258
 Паткуль И. Р. 15, 67, 71, 83, 115, 125, 128, 130, 136, 137, 145, 146, 152—155, 157, 160, 163, 166, 174 (см. также Patkul J. R.)
 Петр I 3—7, 11—14, 45, 47, 53—56, 61—63, 66, 68—71, 73, 75—80, 83, 85, 86, 89, 90, 92—98, 100, 101, 104, 108—115, 119, 121, 124—128, 130—132, 138, 141, 144—147, 149, 151—158, 161, 163—166, 168—186, 188, 189, 191, 194, 196—199, 201—206, 208—214, 216, 218, 220—223, 225, 226, 229—233, 237—240, 243, 246—252, 254—256, 260—262, 264, 265, 267, 268, 270—285 (см. также Peter)
 Пипер К. 109, 205, 224, 254, 257, 260
 Плессен К. С. 51, 76, 77, 81, 84 (см. также Plessen K. S.)
 Полиевктов М. П. 5
 Поршнев Б. Ф. 20, 74, 75
 Принцен М. Л. 97, 173
 Пристер Е. 229
 Путья А. Д. 67, 127, 153
 Пфальдская династия шведских королей 284
 Пфлингстен Г. Э. 160, 164
 Пфлуг Г. 216
 Пясты, династия 216

- Радзеевский М. 105, 108, 123,
124, 130, 131, 134, 142, 222
- Разин С. Т. 223
- Ракоци Ф. 109, 131, 134, 171,
172, 174—176, 178, 179, 192,
202, 232, 233, 240
- Рантцау К. 254, 255
- Ревентлов К. 47, 212—214, 216
(см. также Reventlov К.)
- Реншильд К. Г. 155, 156
- Репнин А. И. 145
- Робинсон Дж. 169
- Розенбом 267
- Розенбуш Б. фон 63
- Рок 84, 85
- Романовский В. А. 222
- Романовы, династия 262, 280
- Росенкранц И. 255, 267
- Русенханс И. 149
- Санин Г. А. 223
- Сапега И. 102
- Сапеги, род 104, 116, 123
- Саттон Р. 221, 277
- Селим-Гирей 44, 222
- Сент-Джон Болингброк Генри
278
- Сенявский А. 129, 131, 178, 179,
189, 218, 220, 222, 250
- Сехестед Г. 33, 214, 215
- Сехестед К. 210
- Смит А. 72
- Собесские, династия 123
- Собесский А. 108, 131, 132, 160,
177—179
- Собесский К. 131
- Собесский Якуб 104, 105, 108,
131, 160, 178, 179, 205
- Собесский Ян 44
- Соловьев С. М. 4, 5, 7, 66, 104,
118, 121, 151, 157, 161, 179,
198, 205, 279
- Сорочинский П. 224
- София-Хедвиг, датская прин-
цесса 58
- Станислав см. Лещинский С.
- Стаффорд У. Т. 237
- Стенбок М. 107, 167
- Стениус С. 273 (см. также Ste-
nius S.)
- Стилле А. 9 (см. также Stille A.)
- Стэнхоуп Дж. 237
- Стюарт К. 59, 101
- Стюарты, династия 175
- Схельтема И. 269
- Тарле Е. В. 118, 121, 149, 150,
162, 169, 176, 179, 185, 197,
198, 201, 203, 207—209, 221,
222, 225, 234, 249, 251
- Таунсенд Ч. 238, 239
- Тельпуховский Б. С. 118, 147,
177, 235
- Титов Ю. П. 77
- Толстой И. А. 224
- Толстой П. А. 180, 211, 221, 224,
226, 227, 232, 266, 267, 273
- Торси Ж.-Б. де 202, 219
- Украинцев Е. И. 198
- Уксеншерна Б. 38, 47, 51, 93,
94, 104, 121
- Ульрика-Элеонора, мать Карла
XII 163
- Ульрика-Элеонора, сестра
Карла XII 37
- Урбих И.-Г. 174, 183, 210, 212—
214, 231, 243, 255, 273
(см. также Urbich J.-G.)
- Устрялов Н. Г. 4, 66, 89, 98,
102—104, 137
- Фейгина С. А. 15, 251
- Фенелон Ф. С. 275
- Фердинанд, герцог Курлянд-
ский 97, 120
- Фериоль Ш. 220
- Филипп Анжуйский 34, 89
- Флеминг Я. Г. 105—107, 152,
192, 216, 249
- Флоден А. 146 (см. также Flo-
den A.)
- Флоровский А. В. 8, 240, 274
- Форстен Г. 23
- Фредерик IV, герцог Голь-
штейн-Готторпский 50, 57,
59, 81—83, 85, 93, 152, 283
- Фредерик IV, король Дании
60, 71, 76, 77, 81, 82, 85, 86,
88—91, 110, 111, 113—115,
152, 155, 156, 165—167, 182—
187, 193, 199, 210—219, 231,
238, 244, 248, 252—256, 260,
265, 267, 268, 271, 272, 276,
283 (см. также Frederik IV)
- Фридрих I, король Пруссии 67,
76, 126—128, 136—138, 142—
144, 152—154, 159, 173, 177,
182, 192—199, 207, 216—218,

- 238, 243, 245—249, 251, 265,
272, 275, 282
- Фридрих II, германский импе-
ратор (XI—XII вв.) 187
- Фридрих II, ландграф Гессен-
Кассельский 74
- Фридрих III, курфюрст Бран-
денбургский см. Фридрих I
- Фридрих-Вильгельм, герцог
Курляндский 193, 274, 275
- Фридрих-Вильгельм, прусский
кронпринц см. Фридрих-
Вильгельм I, король Пруссии
- Фридрих-Вильгельм I, король
Пруссии 127, 249
- Фридрих-Вильгельм I, кур-
фюрст Бранденбургский 30,
34, 45, 147, 173
- Хайнц О. 11, 59, 146, 166, 167,
169, 172, 201, 220 (см. также
Haintz O.)
- Халлендорф К. 9 (см. также
Hallendorff C.)
- Хассингер Е. 12 (см. также
Hassinger E.)
- Хедвиг-София, сестра Карла XII
58, 59
- Херлиц Н. 9 (см. также Нег-
litz N.)
- Хилков А. Я. 66, 141, 156, 180,
204
- Хмельницкий Б. 143
- Цедеръельм Ю. 252
- Чернак К. 232 (см. также Zer-
nack K.)
- Цинцендорф Ф. Л. 173, 203—205,
229 (см. также Zinzen-
dorff F. L.)
- Ченс Дж. Ф. 12, 243 (см. также
Chance J. F.)
- Чорлулу Али-паша 227
- Шанявский К. 189
- Шарлотта Вольфенбюттельская
274, 275
- Шаскольский И. П. 19
- Шафиров П. П. 3, 174, 180, 198,
205
- Шембек С. 189
- Шембек Я. 189, 194
- Шереметев Б. П. 102, 145
- Шиллер Ф. 74
- Ширендорф 107
- Шлоссер Ф. 118, 124, 151, 168,
175, 203
- Шметтау В. 138
- Шпангейм Е. 267
- Штеккен Г. К. 78 (см. также
Stecken G. K.)
- Штернберг Я. И. 7, 176, 198,
234, 241
- Шутой В. Е. 7, 222—227
- Щука С. 97
- Энгельс Ф. 56, 87, 276, 282
- Юль Й. 57, 68
- Юль Ю. 13, 213
- Юсуп-паша 227
- Яблоновский С. 104, 108
- Åberg A. 10, 206
- Adlerfelt C. 226 (см. также
Адлерфельт К.)
- Ahlström W. 10, 258, 259
- Almquist H. 261
- Anderson M. S. 211, 241
- Arneth A. 240
- Artéus G. 10
- Axelsson G. 257
- Bachmeister A. 114
- Backman S. 141—143, 148, 150,
153
- Baer K. E. 279
- Bagger H. 275 (см. также Баг-
гер X.)
- Bark S. 15, 141, 142, 147, 224
(см. также Барк С.)
- Bergrengrün A. 64, 66
- Bog I. 229
- Bonac J. 97 (см. также Бо-
нак Ж.)
- Bonnesen S. 9, 187, 189, 245,
246, 248—251, 263
- Bromley J. S. 74
- Brulin H. 84, 100, 104

- Carlson E. 14
 Carlson F. F. 140, 169 (см. также Карлсон Ф. Ф.)
 Carlsson S. 203
 Cavallie J. 93
 Chance J. F. 12, 244, 258 (см. также Ченс Дж. Ф.)
 Christian V 61, 64, 68, 70, 78 (см. также Кристиан V)
 Churchill W. S. 12
 Clark G. N. 51, 72
- Danielson J. R. 164, 191, 192, 248, 249, 252
 D'Avauх 67, 69 (см. также Даво)
 Dolgorouki W. L. 213, 254, 255 (см. также Долгорукий В. Л.)
 Drejer S. 207
 Droysen J. G. 76, 145, 149, 159, 160, 195, 217, 245, 248 (см. также Дройзен И. Г.)
- Fahlborg B. 31, 36
 Feldman J. 133
 Feuerreisen A. 67, 96
 Floden A. 107 (см. также Флоден А.)
 Forberger R. 83
 Frederik IV 71, 85, 89, 90, 114, 115, 155, 156, 166, 183, 184, 199, 212, 213, 254 (см. также Фредерик IV, король Дании)
 Fryxell A. 118
- Gierowski J. 105, 218 (см. также Геровский И.)
 Godolphin S. G. 15 (см. также Годолфин С. Г.)
 Gollowin F. 114 (см. также Голловин Ф. А.)
 Grauers S. 9, 10, 107, 118, 119, 133, 148, 167, 168, 197, 201, 234, 259—261, 264 (см. также Грауэрс С.)
 Grazia A. de 236
 Groth A. 126
 Grovestins S. de 49
 Grund G. 146, 155, 156, 166, 183, 184, 199, 254 (см. также Грунд Г.)
 Guerrier W. 243
 Günter A. 195
- Haintz O. 11, 59, 94, 104, 105, 109, 123—125, 130, 133, 145—147, 157, 159, 162, 166, 167, 169, 172, 173, 176, 201—203, 205, 218, 220, 233, 257 (см. также Хайнтц О.)
 Hallencreutz H. 258, 268
 Hallendorff C. 9 (см. также Халлендорф К.)
 Hassinger E. 12, 126, 128, 129, 137, 144, 154, 178, 196, 198, 216, 217, 245, 247 (см. также Хассингер Е.)
 Hatton R. 12, 108, 119, 121, 169, 170, 207
 Havemann W. 242
 Heins P. 60, 63, 64, 70, 71, 85, 89, 114, 115 (см. также Гейнс П.)
 Heinsius A. 15, 253 (см. также Гейнсиус А.)
 Hening-Thies B. 118
 Herlitz N. 9, 59, 95, 144, 154, 193, 194, 218, 248 (см. также Херлиц Н.)
 Hermelin O. 15, 141, 147, 224
 Hildebrand K. G. 120, 169, 170, 184, 185, 236
 Hill Ch. E. 57, 86
 Hjärne H. 9, 124, 128, 203 (см. также Йерне Х.)
 Højer A. 242
 Holm E. 76
- Iosif I 204 (см. также Иосиф I)
 Isberg A. 10, 66, 94, 100
- Jensen B. 11, 61, 62, 114, 115, 211 (см. также Йенсен Б.)
 Jonasson G. 82, 86, 92, 96, 102—105, 107, 108
 Jørgensen D. 47, 49
- Kaminski A. 105, 218 (см. также Каминьский А.)
 Karl XII 14, 150 (см. также Карл XII)
 Kiss G. 176, 178
 Klinkovström O. 226, 228 (см. также Клинковштрем О.)
 Koporszynski W. 77, 108, 118, 119, 124, 191, 194, 218
 Kowalik J. 148 (см. также Ковалик Я)

- Kretzschmar H. 161, 162, 165, 170, 171, 173, 202, 203
- Landberg G. 34, 36, 37, 39, 49, 51
Legrelle A. 246
Lente J. H. 60, 68 (см. также Ленте Й. X.)
Leyonstedt A. 217, 246 (см. также Лейонштедт А.)
Lisk J. 64, 203, 237
Loewe V. 128, 129, 144, 195
Lossky A. 46, 236, 237 (см. также Лосский А.)
Louis XIV 69, 77 (см. также Людовик XIV)
Lundberg E. 192, 199, 245, 249
- Marlborough J. C. 15, 253, 266 (см. также Мальборо Дж. Ч.)
Mediger W. 11 (см. также Медигер В.)
Mehring F. 272
Munthe A. 101, 104, 119, 200 (см. также Мунте А.)
Murray J. J. 195, 200
Müllern H. 226, 228 (см. также Мюллерн Х.)
- Näf W. 203
Nilsson S. A. 227
Noorden C. 144, 167
Nordberg G. A. 94, 123, 134, 173, 224, 252
- Olmer E. 57, 66, 68
Orange-Nassau d' 78, 81—84, 89, 90
- Palmqvist J. 258
Patkul J. R. 15, 68, 83, 125, 128 (см. также Паткуль И. Р.)
Peter 61, 213 (см. также Петр I)
Plejel H. 10
Plessen K. S. 60, 68 (см. также Плессен К. С.)
- Reventlov K. (Reventlau K.) 63, 68, 213 (см. также Ревентлов К.)
Rosen C. 96, 127
- Rosen J. 10, 24, 26, 33, 96, 101, 110, 111, 171, 175, 203, 258
- Schartau S. 242—244
Scheltema J. 252, 269
Schilfert G. 243
Sehested G. 68
Selnes K. 118
Sepp H. 125
Staszewski J. 100
Stecken G. K. 78 (см. также Штеккен Г. К.)
Stenius S. 10, 167, 211, 220, 229, 236, 243, 253, 263, 264, 266, 267, 273 (см. также Стениус С.)
Stevenson T. H. 236
Stille A. 9, 38, 136, 153, 155, 165, 167, 230 (см. также Стилле А.)
Svensson S. 67
Syveton G. 240
- Tengberg E. 10, 251, 258, 259, 264, 268
- Uddgren H. E. 146, 147, 149—151
Urbich J.-G. 212, 213 (см. также Урбих И.-Г.)
- Vassileff M. 197, 202, 234
Veenendaal A. 219
Villius H. 10, 252
Viner J. 72
- Wahrenberg C. F. 67
Waller S. M. 200
William III (Le Roy) 69, 77 (см. также Вильгельм III Оранский)
Wittram R. 11, 67, 69, 71, 99, 104, 153, 176, 200, 212, 225, 276, 277
- Zernack K. 20, 23, 44, 68, 83, 104, 232, 276 (см. также Цернак К.)
Zinzendorff F. L. 204 (см. также Цинцендорф Ф. Л.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава первая. Балтийский вопрос в системе междуна- родных отношений Европы XVII в.	17
Политическая доктрина Швеции до 60-х гг. XVII в.	17
Скандинавия и политика великих держав во второй половине XVII в.	29
Глава вторая. Дипломатическая предыстория Северной войны	55
Датско-шведские отношения в конце XVII в.	55
У истоков нового политического курса России (русско- датское сближение и цели Великого посольства 1697— 1698 гг.)	60
Заключение Северного союза. Накануне Северной войны	70
Глава третья. Начало Северной войны и европейская дипломатия (1700—1702 гг.)	81
Травентальский мир	81
Перенос военных действий на территорию Польши и европейская дипломатия	91
Глава четвертая. Международная обстановка в годы европейских походов Карла XII (1703—1707 гг.)	118
Политические и экономические предпосылки польских походов Карла XII	118
Военные и политические акции шведов в Польше в 1702—1704 гг.	123
Перегруппировка политических сил в Польше в 1704 г.	130
Северный и Высокий союзы в 1704—1705 гг.	136
Гродно и Фрауштадт. Влияние военных событий на политику стран Северного союза	145
Альтранштедтский мир	157
Швеция и Австрия в 1705—1707 гг.	170
Итоги дипломатических усилий России по предотвра- щению шведского вторжения в 1705—1707 гг.	176
	295

Глава пятая. Дипломатическая история похода Карла XII в Россию. Подготовка к восстановлению Северного союза (1707—1709 гг.)	182
Дипломатия Петра I, Августа II и Фридриха I накануне и в начальной стадии вторжения шведов в Россию	182
Влияние политических концепций Карла XII на стратегию похода	200
Европейская политика России в 1709 г.	209
Политика России и Швеции по отношению к Запорожью, Турции и Крыму	221
Международное положение накануне Полтавы	228
Глава шестая. Дипломатические последствия Полтавской победы (1709—1710 гг.)	234
Значение Полтавы для стран Высокого союза	234
Ганновер и Северный союз в 1709 г.	241
Проблемы выбора политики Пруссии. Мариенвердер	245
Новый поворот политики Августа II. Торуньский трактат	249
Вступление Дании в войну. Восстановление Северного союза	253
Дипломатические результаты Полтавы: взгляд из Стокгольма и Бендер. Новый курс Гольштейн-Готторпа «Конвенция о северном нейтралитете» 1710 г.	256
Полтавская победа и новая концепция российской внешней политики	271
Заключение	280
Список сокращений	286
Указатель имен	287

1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА”
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ